Демонология и дьявольские предания. Том 1

Монкюр Д. Конвей (1879)

DEMONOLOGY

AND

DEVIL-LORE

BY

MONCURE DANIEL CONWAY, M.A.

B. D. OF DIVINITY COLLEGE, HARVARD UNIVERSITY
MEMBER OF THE ANTHROPOLOGICAL INSTITUTE, LONDON

WITH NUMEROUS ILLUSTRATIONS

NEW YORK
HENRY HOLT AND COMPANY
1879

Предисловие.

Три монаха, как гласит легенда, спрятались возле колдовской субботней оргии, чтобы посчитать дьяволов; но главный из них, обнаружив монахов, сказал: «Преподобные братья, наша армия такова, что если бы все Альпы, их скалы и ледники были разделены между нами поровну, ни один из них не имел бы веса фунта». Это было в одном альпийском районе. Долина. Любой, кто хоть мельком увидел Вальпургиеву ночь в мире, раскрытую в «Мифологии и фольклоре», должен согласиться с тем, что этот учтивый дьявол не преувеличивал. Любая попытка составить каталог злых призраков, преследовавших человечество, была похожа на попытку сосчитать тени, отбрасываемые на землю восходящим солнцем. Это убеждение укреплялось в авторе этой работы на каждом этапе его изучения предмета.

В 1859 году я опубликовал в качестве одного из американских трактатов для Times брошюру, озаглавленную «Естественная история дьявола». Вероятно, главная ценность этого эссе была для меня самого, и это в том, что его подготовка открыла мне насколько интересным и важным был выбранный предмет. Последующие исследования в том же направлении, после того как я переехал жить в Европу, показали, насколько незначительным было мое представление о необъятности области, на которой было предпринято то раннее предприятие. В 1872 году, когда я готовил серию лекций для Королевского института демонологии, мне показалось, что лучшее, что я мог сделать, - это напечатать эти лекции с некоторыми примечаниями и дополнениями; но после того, как они были доставлены, у меня все еще оставалась неиспользованная большая часть материалов, собранных во многих странах, и призрачные существа, которых я вызвал, не позволяли мне отдыхать от моих трудов, пока я не разобрался с ними более тщательно.

Басня о попытке Тора допить небольшой источник и его неудаче из-за того, что он питался океаном, кажется, направлена на такие усилия, как мои. Но есть еще один аспект дела, который меня больше воодушевил. Эти фантомные хозяева, какими бы неуправляемыми ни были, при внимательном рассмотрении представляют сравнительно немного типов; они сливаются сотнями; будучи поначалу ошеломленным их множественностью, классификатор обнаруживает, что долго обходит кусты, чтобы создать новый сорт. Вокруг какой-то единственной формы - это может быть физиономия голода или болезни, похоти или жестокости - невежественное воображение разбило природу на бесчисленные кусочки, которые, как зеркала с различной поверхностью, отражают одно и то же в бесконечных размерах и искажениях; но они исчезнут, если исключить этот центральный факт.

Пытаясь как бы победить этих воображаемых монстров, они иногда роились и болтали вокруг меня в сумасшедшей комедии, искажающей их трагическое влияние на тех, кто верил в их реальность. Гаргульи ухмылялись, глядя на прекрасную архитектуру, карнизы сворачивались в змеи, сами слова говорящих выходили из своего обычного смысла в образы, привлекшие мое внимание. Мои сфинксы были заложены только после того, как, как я считал, были даны правильные решения их проблем; но благодаря этому психологическому опыту выяснилось, что, когда кто-то был положен таким образом, его или ее легион также исчезал. Такие фантазии давно перестали тревожить мои нервы,

потому что я обнаружил их нереальность; Теперь я осмеливаюсь поверить, что их мифологические формы перестают преследовать мои исследования, потому что я обнаружил их реальность.

Зачем убивать убитых? Такой вопрос может возникнуть у многих, кто увидит эту книгу. В шотландской песне говорится: «Дьявол мертв и похоронен в Кирколди»; в таком случае он не умер, пока не создал мир по своему образу. Мир природы покрыт неестественной религией, порождающей горечь вокруг простейших мыслей, препятствий на пути к науке, отчужденности, не более разумной, чем если бы они были результатом различных представлений о лунных фигурах, - все это происходит из завещанной дьяволом догмы о том, что определенные верования и неверия являются адского подстрекательства. Догмы, сформированные в ископаемой демонологии, составляют основу институтов, которые отвлекают богатство, обучение, предпринимательство на фиктивные цели. Поэтому не просто интеллектуальное любопытство заставляло меня работать над этой темой все эти годы, а растущее убеждение в том, что последствия таких суеверий все еще оказывают огромное влияние. Когда отец Делапорте недавно опубликовал свою книгу о дьяволе, его епископ написал: «Преподобный отец, если бы каждый занимался с дьяволом так же, как и вы, от этого выиграло бы Царство Божье». По правде говоря, это было с определенным согласием с мнением епископа, что я занялся работой, теперь предоставленной публике.

Оглавление

Часть III.

Глава I. Упадок Демонов.

Священное дерево Траванкор - Рост демонов в Индии и их упадок - Непальский иконоборчество - Нравственный человек и безнравственная природа - Физические и умственные миграции человека - «Боги в изгнании» Гейне - Гобан Саор - Мастер Смит - Греческая карикатура Богов - Плотник против Божества и Дьявола - Истребление волка-оборотня - Убежища демонов - Великаны, превращенные в маленьких людей - Божества и демоны, возвращающиеся в природу

Глава II. Обобщение демонов.

Наследие демонов своим завоевателям - Неописуемые - Преувеличения традиций - Саурианская теория драконов - Дракон, не являющийся примитивным в мифологии - Монстры египетской, иранской, ведической и еврейской мифологий - Дракон Тернера - Делла Белла - Обычный дракон

Глава III. Змей.

Красота Змеи - Эмерсон об идеальных формах - Мысли Мишле о голове змеи - Уникальные персонажи Змеи - Обезьяний ужас перед Змеями - Змей, защищенный суевериями - Беззащитность человека против его тонких сил - Картина Падения Человека Дюбуфа

Глава IV. Червь.

Африканский змей-драма в Америке - Завуалированный змей - Ковчег Завета - Жезл Аарона - Червь - Эпизод о Dii Involuti - Серапы - Бамбино в Риме - Змеи-превращения

Глава V. Апофис.

Натуралистическая теория Апофиса - Змей времени - Эпос о черве - Гадюка Мелита - Покорители времени - Нахаш-Бериах - Змей-шпион - Наступление на змей

Глава VI. Змей в Индии.

Канкато на—Ведические Змеи, которым не поклоняются—Ананта и Сеша—Исцеляющий Змей—Хранитель сокровищ—Теория мисс Бакленд—Примитивный рационализм—Плутократия Подземного мира—Дождь и молния—Вритра—История слова " Ахи'—Гадюка—Зохак—Тевтонский Лаокоон

Глава VII. Василиск.

***

Часть I. Демонолатрия.

Глава I. Дуализм. Происхождение деизма—Эволюция от далекого к близкому—Иллюстрации из колдовства—Первобытный пантеизм—Рассвет дуализма.

Колледж в штате Огайо взял своим девизом слова "Ориентируйся сам". Это важное наставление западной молодежи представляет собой одно из условий достижения истины в науке мифологии. Из-за пренебрежения им сияющие персонификации и метафоры Востока слишком часто мигрировали на Запад только для того, чтобы найти в нем Медузу, превращающую их в камень. Наш прозаический буквализм превращает их идеалы в идолов. Пришло время, когда мы должны скорее научиться видеть себя в них: из эпохи и цивилизации, где мы живем в привычном признании природных сил, мы можем перенестись в период и область, где ни один изощренный глаз не смотрит на природу. Солнце - это колесница, запряженная сияющими конями и управляемая сияющим божеством; звезды восходят и движутся по произволу или приказу; дерево - это беседка духа; фонтан бьет из урны наяды. В таких веселых костюмах законы природы устраивали свой карнавал, пока Наука не пробила час разоблачения. Костюмы и маски стали для нас материалом для изучения истории человеческого разума, но для того, чтобы познать их, мы должны перевести наши чувства обратно в ту фазу нашего собственного раннего существования, насколько это согласуется с нашей культурой.

Не слишком уступая солнечной мифологии, можно с достаточной ясностью сказать, что самая ранняя эмоция поклонения родилась из удивления, с которым человек смотрел на небо над собой. Великолепие утра и вечера, лазурный свод, расписанный фресками облаков или почерневший от бури, ночь, увенчанная созвездиями, - все это будило воображение, внушало благоговейный трепет, возбуждало восхищение и, наконец, обожание в существе, в те моменты времени, в которые его взор был поднят над землей. Среди восторженных ведических гимнов этим возвышенным существам мы встречаем острые вопросы о том, существуют ли такие боги, как говорят жрецы, и подозрение иногда бросается на жертвоприношения. Формы, населявшие небесные пространства, могли быть формами предков, царей и великих людей, но перед всеми формами был поэтический энтузиазм, который строил для них небесные обители; и грубые космогонии первобытной науки, вероятно, были подхвачены этим духом и освящены так же медленно, как сейчас научные обобщения.

Наши современные представления об эволюции могут предполагать обратное - что человеческое поклонение началось с низменных вещей и постепенно поднялось к высоким объектам; что от грубых веков, в которых поклонение было направлено на скот и камень, дерево и рептилию, человеческий ум постепенно поднимался к созерцанию и почитанию небесных величий. Но согласие этого взгляда с нашими представлениями об эволюции очевидно. Настоящий прогресс здесь, по-видимому, шел от далекого к близкому, от великого к малому. В самом деле, вероятно, неточно говорить о поклонении корню и камню, сорнякам и суслу, насекомым и рептилиям как о примитивном. Есть много свидетельств того, что ни одна раса не считала такие вещи священными по своей сути и не поклонялась им до тех пор, пока происхождение их святости не было утрачено; и даже теперь, спустя века после того, как их оракульский или символический характер был забыт, суеверия, сохранившиеся в связи с такими незначительными предметами, указывают на первоначальную связь с небесными явлениями. Ни одна религия не может

на первый взгляд показаться более далекой друг от друга, чем поклонение змее и славному солнцу; однако многие древние храмы покрыты символами, объединяющими солнце и змею, и нет формы более знакомой в Египте, чем солнечный змей, стоящий на хвосте, с лучами вокруг головы.

И это высокое родство обожаемой рептилии встречается не только в тех регионах, где она могла быть поднята этническими комбинациями как простое выживание дикого символа. Уильям Крафт, африканец, проживавший некоторое время в королевстве Дагомея, сообщил мне о следующем инциденте, свидетелем которого он там стал. Священные змеи содержатся в большом доме, который они иногда покидают, чтобы ползать по соседним землям. Однажды негр из какого-то далекого края встретил одно из этих животных и убил его. Узнав, что один из их богов убит, люди схватили чужеземца и, окружив его кругом из хвороста, подожгли. Бедняга прорвался сквозь огненный круг и побежал, преследуемый толпой, которая била его тяжелыми палками. Измученный огнем и ударами, он бросился в реку; но едва он вошел туда, как погоня прекратилась, и ему сказали, что, пройдя через огонь и воду, он очистился и может выйти оттуда в безопасности. Таким образом, даже в этом отдаленном и диком регионе поклонение змеям было связано с поклонением огню и поклонением реке, которые широко представлены как в арийской, так и в семитской символике. По сей день ортодоксальные израильтяне ставят рядом со своими умершими перед погребением зажженную свечу и таз с чистой водой. Они были связаны в раввинской мифологии с ангелами Михаилом (гением Воды) и Гавриилом (гением Огня); но они относятся как к феноменальной славе, так и к очищающим эффектам двух элементов, почитаемых африканцами в одном направлении и парсами в другом.

Не менее значительны факты, засвидетельствованные на процессах над ведьмами. Было показано, что для своих мнимых гаданий они использовали растения -руту и вербену, - хорошо известные в древних северных религиях и часто признаваемые примерами поклонения деревьям; но также оказалось, что вокруг котла был нарисован мнимый зодиакальный круг и что каждая используемая трава якобы получала свою силу от того, что была собрана в определенный час ночи или дня, в определенной четверти луны или из какого-то места, где солнце или луна светили на нее или не светили. Древнее поклонение планетам, действительно, все еще отражается в обычае деревенских травников, которые собирают свои травы в определенные фазы Луны или в определенные священные периоды года, которые более или менее соответствуют дохристианским праздникам.

Это лишь некоторые из многих признаков того, что мелкие и бессмысленные вещи, ставшие почти или совсем фетишами, поначалу вовсе не были таковыми, но были мистически связаны с небесными стихиями и великолепиями, подобно животным формам зодиака. В одном из самых ранних гимнов Ригведы говорится: "Эта земля принадлежит Варуне (οὐρανός), царю, и широкое небо, он содержится также в этой капле воды". Как небо отражалось в сияющем изгибе капли росы, так и в форме или цвете листа или цветка, превращении куколки или погребении и воскрешении яйца скарабея можно было обнаружить какой-то знак, заставляющий его отвечать на место типичного образа, который еще не мог быть нарисован или вырезан.

Необходимость выражения, конечно, действовала бы для того, чтобы вложить примитивные представления и интерпретации небесных явлений в те живописные образы, почерпнутые из земных предметов, из которых в основном состоят ранние языки. Во многих случаях, встречающихся в самых древних гимнах, обозначения возвышенных предметов так мало описывают их, что мы можем отнести их к периоду, предшествовавшему образованию того утонченного и сложного символизма, благодаря которому первобытные религии приобрели представление в определенных символах. Ведические сравнения различных цветов зари с лошадьми или дождевых облаков с коровами указывают на гораздо менее зрелое развитие мысли, чем тонкое наблюдение, подразумеваемое в связи раздвоенной молнии с раздвоенным змеиным языком и раздвоенной омелой или символизацией вселенной в концентрических складках луковицы. Именно наличие этих более мистических и сложных идей в религиях указывает на прогресс человеческого ума от большого и очевидного к более тонкому и оккультному, а также на рост высшего видения, которое может видеть малые вещи в их больших отношениях. Хотя возвеличивание в Ведах Варуны как царя небес, а также содержащееся в капле воды, содержится в одном стихе, мы вполне можем признать огромное расстояние во времени между двумя воплощенными там идеями. Первый представляет собой тот примитивный пантеизм, который является противоположностью невежества. Неклассифицированная внешняя вселенная - это отражение ума без формы и пустоты: в то время как все внутри - это еще неразличимое чудо, религиозным одеянием природы будет этот неопределенный пантеизм. Плод древа познания добра и зла еще не вкушен. В некоторых ранних гимнах Ригведы маруты, божества бури, восхваляются вместе с Индрой, солнцем; Яма, царь Смерти, почитается в равной степени с богиней Рассвета.

- Ни на небе, ни на земле нет твоего настоящего врага.

- Бури - твои союзники.

Таков высокий оптимизм предложений, встречающихся даже в священных книгах, которые в других местах скрывают зарю Дуализма, в конечном счете вытеснившего гармонию элементарных Сил. "Я создаю свет и создаю тьму, Я создаю добро и создаю зло". ‘Взгляни на Йездана, который заставляет тень падать". Но легко понять, что должно произойти, когда это счастливое семейство бога солнца, бога бури, бога огня и их бесчисленных равных божеств будет разделено раздором. Когда каждый из них будет связан с каким-либо земным объектом или фактом, он или она будет казаться другом или врагом, и их связь с источниками человеческих удовольствий и страданий будет отражаться в столкновениях и войнах на небесах. Мятежные облака превратятся в Титанов и Драконов. Обожаемые маруты будут уже не грозными героями с обнаженными мечами молний, марширующими как свита Индры, а огнедышащими чудовищами - Вритрами и Ахами, - а утренние и вечерние тени от верных сторожевых псов станут предательскими адскими псами, как Ортрос и Цербер. Яростные антагонизмы между животными и людьми и между племенами будут выражены в концепции борьбы между богами, которые, таким образом, будут классифицированы как добрые или злые божества.

Именно это и произошло. Первобытный пантеизм был разрушен: на его месте позднейшие эпохи видели вселенную ареной грандиозного конфликта между добрыми и злыми

Силами, которые по отдельности, в процессе времени, выстраивали все и вся, от мира до червя, под своими пылающими знаменами.

Глава II.

Генезис демонов.

Их добрые имена эвфемистичны—Их смешанный характер—Иллюстрации: Вельзевул, Локи—Демон-Зародыши—Знание добра и зла—Различие между Демоном и Дьяволом.

Первый пантеон каждой расы был построен из интеллектуальных спекуляций. В моральном смысле каждая форма в ней может быть описана как более или менее демоническая; и действительно, можно почти утверждать, что религия, рассматриваемая как служение сверхчеловеческим существам, начиналась с умилостивления демонов, хотя их можно было бы назвать богами. Человек обнаружил, что в земле добро приходит с трудом, в то время как повсюду растут колючки и сорняки. Злые силы, казалось, были самыми сильными. В самом лучшем божестве было что-то от демона. Солнце - самое благодетельное, но оно переносит солнечный удар вместе с солнечным лучом и увядает цветы, которые вызывает. Великолепие, мощь, величие, угроза, величие и гнев небес и стихий смешивались в этих олицетворениях и отражались в трепетном поклонении, воздаваемом им. Льстивые имена, данные этим силам их поклонниками, должны быть истолкованы теми дорогостоящими жертвоприношениями, которыми люди стремились умилостивить их. Никакая жертва изначально не была бы принесена чисто благожелательной силе. Фурий называли Эвменидами, "благонамеренными", и возникает искушение считать, что это имя сохраняет первобытный смысл санскритского оригинала Эриниес, а именно Саранью, что означает утренний свет, крадущийся по небу. Но описания Эриний греческими поэтами - особенно Эсхила, который изображает их черными, запертыми змеями, с глазами, из которых капает кровь, и называет их гончими,- показывают, что Саранью, как утренний свет и, таким образом, открыватель деяний тьмы, постепенно деградировал до олицетворения Проклятия. И все же, признавая имя Эвменида эвфемистическим, мы тем не менее можем восхищаться ростом того рационализма, который в конечном счете нашел в эпитете намек на душу добра в вещах зла и почти восстановил благодетельный смысл Саранью. ‘Я поселила в этом месте, - говорит Афина в "Эвменидах" Эсхила, - этих могущественных божеств, которых трудно умилостивить; они получили по жребию право распоряжаться всем, что касается людей. Но тот, кто не нашел их кроткими, не знает, откуда приходят беды жизни". Но прежде чем страшные Эринии гомеровской эпохи стали "почтенными богинями" (σεμναὶ θεαὶ) из афинской поговорки или Эвменидами, пронзившими своим пронзительным прозрением образ Горгоны, изображенной им самим, они прошли через все фазы человеческого ужаса. Съежившиеся поколения пытались успокоить безжалостных мстителей комплиментарными фразами. Поклонение змее, порожденное тем же страхом, точно так же подняло это животное в область, где поэты могли наделить его многими глубокими и прекрасными значениями. Но эти более отчетливо выраженные ужасные божества находятся в темной пограничной стране мифологии, из которой мы можем оглянуться

назад в те времена, когда страх, в котором рождается поклонение, еще не был разделен на элементы благоговения и восхищения, а небеса высших сил не были разделены на ряды благожелательных и злонамеренных существ.; и, с другой стороны, мы можем с нетерпением ожидать тех веков, когда моральное сознание человека начнет формировать различия между добром и злом, добром и злом, что превратит космогонию в религию и заставит каждое божество, созданное разумом, внести свой вклад в отражение физической и моральной борьбы человечества.

Рис. 1. Вельзевул (Кальмет).

Промежуточные процессы, посредством которых добро и зло были отделены и продвинуты к отдельной персонификации, не всегда могут быть прослежены, но указания на их работу в большинстве случаев достаточно ясны. Отношения, например, между Ваалом и Ваал-зевубом не могут быть подвергнуты сомнению. Один представляет Солнце в его славе как оживитель Природы и живописец ее красоты, другой-размножающую насекомых силу Солнца. Ваал-зебуб-бог-муха. Только в сравнительно недавний период божество филистимлян, к оракулу которого обращался Ахозия (2 Цар i), пострадало под

репутацией "Князя дьяволов", его имя было изменено простым каламбуром на Веельзевул (навозный бог). Не исключено, что нерешительность современной египетской матери беспокоить мух, садящихся на ее спящего ребенка, и святость, приписываемая различным насекомым, происходили из благоговения, испытываемого к нему. Название "Бог-муха" имеет параллель с благоговейным эпитетом ἀπόμυιος, применяемым к Зевсу,которому поклонялись в Елисе ,Миагрусу деусу римлян и Мииодам, упомянутым Плинием. Наша картина, вероятно, от защитного заклинания и, очевидно, от верующих в бога. Есть история о крестьянке во французской церкви, которую нашли стоящей на коленях перед мраморной группой, и священник предупредил ее, что она поклоняется не той фигуре, а именно Вельзевулу. ‘Ничего, - ответила она, - хорошо иметь друзей с обеих сторон. Эта история, хотя теперь только бен тровато, будет представлять действительное состояние ума многих вавилонян, призывающих защиту бога-Мухи от грозных роев его ядовитых подданных.

Не менее ясна иллюстрация, представленная скандинавской мифологией. В Эдде Сэмунда злонамеренный Локи говорит::—

Один! помнишь ли ты

Когда мы в первые дни

Смешали нашу кровь?

Они отделялись друг от друга очень медленно, ибо их разделение означало разрушение великой религии и распространение ее в новые формы; а религия требует относительно столько же времени, чтобы распадаться, сколько и расти, как мы, живущие под рушащейся религией, имеем все основания знать. Протап Чундер Мозумдар из Брахмо-Сомаджа, выступая в Лондоне, сказал: "В индийском пантеоне много миллионов божеств, и для дьявола не остается места". Он мог бы добавить, что эти божества распределили между собой всю работу, которую мог бы выполнить дьявол, если бы его допустили. Его замечание напомнило мне эддическую историю о том, как Локи вошел в собрание богов в залах Огира. Локи, которому суждено в более поздние времена отождествиться с сатаной, гневно принимается божествами, но он ходит вокруг и упоминает случаи из жизни каждого из них, которые показывают, что они немногим лучше его самого. Боги и богини, не в силах ответить, подтверждают критику циника теологическим способом, связывая его змеей вместо веревки.

Покойный Теодор Паркер, как говорят, ответил кальвинисту, который пытался обратить его: "Разница между нами проста: ваш бог—мой дьявол". Вряд ли можно сомневаться в том, что евреи, от которых кальвинист унаследовал свое божество, не имели в своей мифологии дьявола, потому что ревнивый и мстительный Иегова был вполне равен любому делу такого рода—как ожесточение сердца фараона, приносящее язвы на землю., или обмануть пророка, а затем уничтожить его за ложные пророчества. Такое же приспособительное отношение первобытных божеств ко всем природным явлениям объясняет отсутствие отчетливых представителей зла в самых первобытных религиях.

Самые ранние исключения из этой первобытной гармонии богов, подразумевающие моральный хаос в человеке, были достаточно пустяковыми: случайное чудовище кажется достойным упоминания только для того, чтобы показать доблесть бога, который убил его. Но таковы были демонические зародыши, рожденные из структурного действия человеческого разума, как только он начал формировать некоторую философию относительно вселенной, на которую он сначала смотрел с простым удивлением, и обреченные на эволюцию огромного значения, когда последует работа по морализации над ними.

Давайте встанем рядом с нашим варварским, но уже не диким предком в далеком прошлом. Мы наблюдали, как розовое утро перешло в пылающий полдень; затем солнце быстро исчезает, бушует буря, наступает внезапная ночь, освещенная только раздвоенной молнией, которая поражает дерево, дом, человека сердитым раскатом грома. С просвещенного возраста человек может смотреть на грозу, чернеющую небо, не как на врага солнца, а как на одно из ее собственных превосходных проявлений; но несколько тысяч лет назад, когда мы все жили в восточном варварстве, мы не могли себе представить, что светило, чьим делом было давать свет, могло быть участником своего собственного затемнения. Тогда мы с жалостью взирали на невежество наших предков, которые пели гимны штормовым драконам, надеясь польстить им и успокоить их; и мы пришли с непреодолимой логикой к тому дуализму, который долгое время разделял видимую и до сих пор разделяет моральную вселенную на два враждебных лагеря.

Это-материнское начало, из которого произошли демоны (в обычном смысле этого слова). Поначалу немногие, отличаясь от сонма божеств исключительной вредностью, умножались по мере роста человека в классификации его мира. Их принцип существования способен бесконечно расширяться, пока не охватит все царства тьмы, страха и боли. В именах демонов и в баснях о них борьба человека в его веках слабости с опасностью, нуждой и смертью описана полнее, чем в каких-либо надписях на камне. Дуализм-это вера, которую подтверждают все внешние проявления. Бок о бок пустыня и плодородная земля, солнце и мороз, печаль и радость, жизнь и смерть сплетают вокруг каждой жизни свои одеяния из ярких и мрачных нитей, и только Наука может обнаружить, как каждая из них бросает челнок другой. Враги друг другу они будут появляться в каждом царстве, которым не овладело знание. В "Апострофе к тигру" Уильяма Блейка есть припев, собранный из многих веков:—

Тигр! тигр! ярко горит

В ночных лесах;

Какая бессмертная рука или глаз

Обрамляла твоя страшная симметрия?

В каких далеких глубинах или небесах

Сжег этот огонь в твоих глазах?

На каких крыльях осмелился он устремиться?

Какая рука осмелилась схватить огонь?

Когда звезды бросили свои копья

И поливают небеса своими слезами,

Улыбался ли он своей работе, чтобы увидеть?

Разве тот, кто сотворил агнца, сотворил тебя?

На вопрос одного из самых благочестивых гениев, рожденных Англией, в Индии безмолвно отвечал змеепоклонник, стоявший на коленях и державший язык в руке; в Египте-Осирис, восседавший на шахматном троне.

Необходимо четко различать Демона и Дьявола, хотя для некоторых целей они должны упоминаться вместе. Мир был населен демонами в течение многих веков, прежде чем появилось какое-либо воплощение их духа в какой-либо центральной форме, а тем более какое-либо представление о Принципе Зла во Вселенной. У древних демонов не было моральных качеств, не больше, чем у тигра-людоеда. Когда Индра убивает Вритру, нет вспышки морального негодования, смешанного с криком победы, и лицо Аполлона безмятежно, когда его дротик пронзает Питона. Потребовалось гораздо более высокое развитие нравственного чувства, чтобы породить представление о дьяволе. Только самый яркий свет мог бросить на мир такую черную тень, как вера в чисто злокачественный дух. К такому понятию—любви ко злу ради него самого—в этой работе ограничивается слово Дьявол; Демон применяется к существам, вредность которых не беспричинна, но случайна для их собственного удовлетворения.

Божество и Демон-это слова, когда-то взаимозаменяемые, и последнее просто подверглось деградации из-за обычного использования его для обозначения менее благотворных сил и качеств, которые первоначально были заложены в каждом божестве, после того как они были отделены от них и отдельно персонифицированы. У каждого светлого бога была, так сказать, своя тень, и под влиянием дуализма эта тень обрела в народном воображении отчетливое существование и индивидуальность. После того как был установлен принцип, что то, что казалось благотворным, и то, что казалось обратным, должно быть приписано различным силам, очевидно, что эволюция демонов должна быть непрерывной, и их распространение должно быть соизмеримо с теми болезнями, наследниками которых является плоть.

Глава III. Деградация.

Деградация божеств—Указывается в именах—Легендах об их падении—Случайные признаки божественного происхождения демонов и бесов.

Атмосферные условия, подготовленные в человеческом разуме для производства демонов, конкретные формы или имена, которые они будут принимать, будут определяться различными обстоятельствами, этническими, климатическими, политическими или даже

случайными. Они, конечно, редко бывают случайными, но профессор Макс Мюллер в своих заметках к Ригведе обратил внимание на замечательный случай, когда образование внушительной мифологической фигуры такого рода определялось тем, что, по всей вероятности, было случайностью. В самых ранних ведических гимнах появляется имя Адити, как святой Матери многих богов, и трижды упоминается женское имя Дити. Но есть основания полагать, что Дити-это всего лишь рефлекс Адити, то есть а, изначально отброшенное лицензией чтеца. Более поздние чтецы, однако, рассматривая каждую букву в столь священной книге или даже пропуск буквы как имеющую вечное значение, Дити - эта обезглавленная Адити - эволюционировала в отдельное и могущественное существо, и, поскольку каждая ниша благости была занята ее богом или богиней, новая форма сразу же была низведена до недавно определенного царства зла, где она оставалась матерью врагов богов, Дайтьев. К несчастью, эта случайность последовала за древней тенденцией, согласно которой Фурии и Пороки с возмутительным постоянством описывались в женском роде.

Близкое сходство между этими двумя именами индуистской мифологии, по отдельности представляющими лучшее и худшее, может быть, таким образом, случайным и служит только для того, чтобы показать, как демонообразующая тенденция, после того как она началась, была в состоянии использовать даже самые тривиальные случаи в своих интересах. Но обычно имена демонов и для целых рас демонов сообщают гораздо больше, чем это; и ни в каком исследовании, кроме этого, перед нами нет необходимости помнить, что имена-это вещи. Филологические факты дают замечательное подтверждение уже сделанным утверждениям об изначальном тождестве демона и божества. Само слово "демон", как мы уже говорили, первоначально имело не злое, а доброе значение. Санскритское deva, ‘сияющий’, Zend daêva, соответствует греческому θεος, латинскому deus, англосаксонскому Tiw; и остается в "божестве", " двойке’ (вероятно; оно существует в арморикане, teuz, призрак), ‘devel’ (цыганское имя Бога) и персидском dīv, демон. Демон Сократа представляет собой олицетворение существа все еще хорошего, но, несомненно, находящегося на пути упадка от чистой божественности. Платон заявляет, что хорошие люди, когда они умирают, становятся "демонами", и он говорит, что "демоны являются репортерами и носителями между богами и людьми". Знакомое нам слово пугало, своего рода прозвище злого духа, происходит от славянского слова Бог—болото. Появившись здесь, на Западе, как пугало (валлийское bwg, гоблин), это слово bog начиналось, вероятно, как "Бага" клинописных надписей, имя Высшего Существа, или, возможно, индуистское "Бхага", Владыка Жизни. В ‘Епископской Библии "есть такой отрывок: ‘Не бойся никаких насекомых ночью", - слово было изменено на "ужас". Когда мы подходим к конкретным именам демонов, мы находим, что многие из них несут следы великолепия, от которого они пришли в упадок. "Шива", индуистский бог разрушения, имеет значение ("благоприятный"), производное от Сви, "процветать" - таким образом, в идеале связанное с Плутоном, "богатство" - и, действительно, в более поздние века, по-видимому, достигло наибольшего возвышения. В рассказе персидской поэмы Маснави Ариман упоминается вместе с Бахманом как огненный демон, к которому относятся магические демоны и джинны вообще; что, учитывая святость огня, является доказательством их высокого происхождения. Авиценна говорит, что гении-это эфирные животные. Люцифер –

светоносный - это падший ангел утренней звезды. Локи - ближайшая к злой силе скандинавская персонификация - это немецкий leucht, или свет. Азазель - слово, неточно переведенное в Библии как "козел отпущения", - по-видимому, первоначально был божеством, поскольку израильтяне первоначально должны были принести в жертву одного козла Иегове, а другого Азазелю, имя, которое, по-видимому, означает "силу Бога". Гесений и Эвальд считают Азазеля демоном, принадлежащим к домоисеевой религии, но вряд ли можно сомневаться в том, что четыре архидемона, упоминаемые раввинами-Самаэль, Азазель, Асаэль и Маккатиэль - являются олицетворениями стихий как энергий божества. Самаэль, по-видимому, означает "левая рука Бога"; Азазель - его сила; Асаэль - его воспроизводящая сила; и Маккатиэль - его карательная сила, но происхождение этих имен сомнительно..

Хотя Азазель теперь является одним из мусульманских имен дьявола, оно, по-видимому, почти связано с Аль-Уззой из Корана, одной из богинь, о которой существует значительное предание, что однажды, когда Мухаммед прочитал из Суры под названием "Звезда" вопрос: "Что вы думаете об Аллате, Аль-Уззе и Манахе, этой другой третьей богине?" - он сам добавил: "Это самые высокие и прекрасные девицы, на чье заступничество можно надеяться". внушение сатаны. Велиал это просто слово для обозначения безбожия; оно стало персонифицированным из-за непонимания фразы в Ветхом Завете переводчиками Септуагинты и, таким образом, перешло в христианское употребление, как во 2 Кор. Слово это не употребляется в Ветхом Завете как имя собственное, и позднейшее сотворение из него демона может быть отнесено к случайности.

Даже там, где имена демонов и дьяволов не несут таких следов их деградации из состояния божеств, есть склонность приписывать им характеристики или связанные с ними мифы, которые указывают в указанном направлении. Так обстоит дело с сатаной, о котором много будет сказано далее, чье еврейское имя означает противника, но который в Книге Иова появляется среди сынов Божьих. Имя, данное дьяволу в Коране – Иблис - почти наверняка является арабизированным diabolos; и хотя это греческое слово встречается в Пиндаре (5 век до н. э.), означая клеветника, басни в Коране, касающиеся Иблиса, описывают его как падшего ангела высшего ранга.

Одним из самых поразительных признаков падения демонов с небес является широко распространенная вера в то, что они хромают. М-р Тайлор указал на любопытное постоянство этой идеи в различных этнических линиях развития.Гефест был искалечен своим падением, когда Зевс сбросил его с Олимпа; и весьма странно,что в английской пародии на хромого Вулкана, изображенного в "Кузнеце Вэйланде" (Wayland the Smith), появляется намек на имя "Вала" (coverer), одно из обозначений дракона, уничтоженного Индрой. - В романе сэра Вальтера Скотта, - говорит мистер Дж. Кокс, "Вэйланд—просто самозванец, который пользуется народным суеверием, чтобы сохранить видимость таинственности о себе и своей работе, но характер, на который он претендует, принадлежит подлинной тевтонской легенде". Персидский демон Аешма - Асмодей из

Книги Товита-появляется с той же характеристикой хромоты в "Diable Boiteux" Le Sage. Дубина или раздвоенная нога христианского дьявола печально известна.

Даже рога, обычно приписываемые дьяволу, возможно, произошли от ореола, который указывает на славу его "первого сословия". Сатана изображен в различных реликвиях раннего искусства в ореоле, как на миниатюре десятого века (из Библии № 6, Биб. Рой.), данное М. Дидроном.Тот же автор показал, что Пан и сатиры, которые так много сделали для формирования нашего рогатого и копытного дьявола,первоначально получили свои рога из того же высокого источника, что и Моисей в старых Библиях и в великой статуе его в Риме Микеланджело.

Именно благодаря этой мифологической истории самые могущественные демоны были связаны в народном воображении со звездами, планетами - Кету в Индии, Сатурном и Меркурием - "Несчастьями", - кометами и другими небесными явлениями. Примеры этого так многочисленны, что невозможно остановиться на них здесь, где я могу только надеяться предложить несколько иллюстраций утверждаемых принципов.; и в данном случае это имеет меньшее значение для английского читателя из-за интересного тома, в котором эта тема была специально рассмотрена. Между прочим, астрологические демоны и дьяволы должны время от времени повторяться в процессе нашего исследования. Но, вероятно, некоторым из моих читателей будет известно, что страх перед кометами и метеоритными дождями все еще сохраняется во многих частях христианского мира и что страх перед несчастливыми звездами не исчез вместе с астрологами. Существует шотландская легенда, рассказанная Хью Миллером о мстительном метеоритном демоне. Капитан корабля, пришвартовавший свое судно возле Логова Мориала, развлекался, наблюдая за огнями разбросанных фермерских домов. После того как все остальные погасли, один огонек задержался на некоторое время. Когда и этот свет исчез, капитан увидел большой метеор, который с шипением двинулся к хижине. Завыла собака, закричала сова, но когда огненный шар почти достиг крыши, из хижины донесся крик петуха, и метеор снова поднялся. Трижды это повторилось, и метеор в третьем петушином крике поднялся среди звезд. На следующий день капитан вышел на берег, купил петуха и забрал его с собой. Вернувшись из путешествия, он поискал домик и не нашел ничего, кроме нескольких почерневших камней. Около шестидесяти лет назад неподалеку от этого места был найден человеческий скелет, сложенный пополам, как будто тело забилось в яму: это оживило легенду и, вероятно, добавило некоторые из тех черт, которые делают его подлинным кусочком мозаики в мифологии Астреи.

Легендарное "падение Люцифера" действительно означает процесс, подобный тому, который был замечен в случае с Саранью. Утренняя звезда, подобно утреннему свету, как разоблачитель деяний тьмы, становится мстителем и, благодаря эволюции, подстрекателем зла, которое она первоначально раскрыла и наказала. Можно также отметить, что, хотя мы унаследовали выражение "Демоны Тьмы", это было древнее раввинское верование, что демоны бродили во тьме не только потому, что это облегчало их нападения на человека, но и потому, что, будучи светящимися формами, они могли лучше узнавать друг друга на фоне тьмы.

Глава IV. Абготт.

Бывший бог—Божества, демонизированные завоеванием—Теологическая вражда—Иллюстрация из Авесты—Поклонение дьяволу арестованный деизм-Шейх Ади—Почему демоны были нарисованы уродливыми—Пережитки их красоты.

Феномены превращения божеств в демонов встречаются изучающему демонологию на каждом шагу. Мы должны будем рассмотреть много примеров, подобных тем, которые были упомянуты в предыдущей главе; но необходимо представить на этой стадии нашего исследования достаточное количество примеров, чтобы установить тот факт, что в каждой стране действовали силы, чтобы низвести первобытных богов до типов зла, в качестве предварительного рассмотрения природы этих сил.

Мы находим историю явлений, предполагаемых в немецком слове, обозначающем идола, Abgott - бывший бог. Затем у нас есть "язычник", "крестьянин" и "язычник" из пустоши, обозначающие тех, кто стоял на стороне своих старых богов после того, как другие перенесли свою веру в новую. Эти слова заставляют нас задуматься о влиянии на религиозные представления борьбы, происходившей между расами и нациями, а следовательно, и между их религиями. Следует иметь в виду, что к тому времени, когда какие-либо племена соберутся в единую нацию, одной из сильнейших сил ее единства будет ее жречество. Как только стало общим убеждением, что во вселенной существуют добрые и злые Силы, должен был возникнуть народный спрос на средства получения их благосклонности; и этот спрос никогда не упускал возможности получить предложение жрецов, претендующих на то, чтобы связывать или влиять на сверхъестественные существа. Эти священнослужители представляют собой самые сильные мотивы и страхи народа, и они постепенно проникли в великие институты, связанные с могущественными интересами. Каждое вторжение, столкновение или смешение рас, таким образом, приводило их соответствующие религии в соприкосновение и соперничество.; и поскольку не было известно ни одного священнослужителя, который мирно согласился бы на свое падение и деградацию своих собственных божеств, нам не нужно удивляться, что были постоянные войны за религиозное господство. Нередко мы слышим, как секты обвиняют друг друга в идолопоклонстве. В прежние времена для каждой религии было правилом обличать богов своего противника как дьяволов. Григорий Великий писал своему миссионеру в Британии, аббату Меллиту, второму епископу Кентерберийскому, что "в то время как люди привыкли приносить в жертву много быков в честь демонов, пусть они празднуют религиозный и торжественный праздник и не убивают животных дьяволу (diabolo), но едят их самих во славу Бога". Таким образом, преданность мяса тем божествам наших предков, которых Папа объявляет демонами, имевшая место главным образом во время Йольского прилива, сохранилась в наших более удобных рождественских банкетах. Такова была судьба всех божеств, которых христианство обязалось подавить. Но это было привычкой религий много веков назад. Они никогда не отрицали действительного существования божеств, которых они подавляли. Это было бы слишком большим оскорблением народных верований и могло бы вызвать ответную реакцию; кроме того, каждая новая религия была заинтересована в сохранении основы

веры в этих невидимых существ. За неверием в само существование старых богов мог последовать скептический дух, который мог подвергнуть опасности новых. Поэтому пропагандисты поддерживали существование местных богов, но называли их дьяволами. Иногда войны или сношения между племенами приводили к их слиянию; разыгрывалась битва между противоборствующими религиями, и в этом случае заключался компромисс, при котором несколько божеств разного происхождения могли продолжать жить вместе в одной расе и получать равное почтение. Различные степени важности, приписываемые отдельным лицам индуистской триады в различных местностях Индии, предполагают, что вполне вероятно, что Брахма, Вишну и Шива сигнализировали в своем союзе политическое единство определенных районов этой страны.Смешение имен Конфуция и Будды во многих китайских и японских храмах может показать нам аналогичный процесс, происходящий сейчас, и, действительно, различные этнические идеи, объединенные в христианской Троице, делают изложенный факт легко интерпретируемым. Но религиозные трудности иногда не поддавались компромиссу. Самые могущественные жрецы одержали верх, и они использовали все свои изобретения, чтобы унизить богов своих противников. Агатодемоны превратились в какодемонов. Змей, которому поклонялись во многих странах, мог быть принят как опора спящего Вишну в Индии, мог быть связан с радугой ("небесный змей") в Персии, но в других местах был проклят как сам гений зла.

Действие этой силы на деградацию божеств, в частности, раскрывается в Священных книгах Персии. В этой стране великие религии Востока, по-видимому, боролись друг с другом с особой яростью, и их борьба, вероятно, способствовала возникновению одной или нескольких ранних миграций в Западную Европу. Великая небесная война между Ормуздом и Ариманом - Светом и Тьмой - соответствовала жестокому богословскому конфликту, одним из результатов которого стало то, что слово дэва, означающее "божество" для брахманов, означает " дьявол’ для парсов. Следующий отрывок из Зенд-Авесты послужит примером того, в каком духе велась война:

- Все ваши дэвы-всего лишь многочисленные дети Злого Разума-и великого, который поклоняется Саоме лжи и обмана; кроме предательских деяний, за которые вы печально известны во всех семи областях земли.

"Ты выдумал все зло, которое люди говорят и делают, которое действительно приятно Дэвам, но лишено всякой благости и потому гибнет перед прозрением истины мудрых.

"Таким образом, вы обманом лишаете людей их добрых умов и бессмертия своими злыми умами, а также умами Дэвов и Злого Духа - злыми делами и злыми словами, благодаря чему сила лжецов растет".

То есть - Наш истинный бог; ваш бог - дьявол.

Зороастрийское превращение дэва (деуса) в дьявола не только представляет собой работу этого одиозного теолога. В ранних гимнах Индии богам дается наименование асуров. Асура означает дух. Но с течением времени асура, как и деймон, приобрела зловещий смысл: боги стали называться сурами, демоны-асурами, и они, как говорили, сражались

вместе. Но в Персии асуры - демонизированные в Индии - сохранили свою божественность и дали имя ахура верховному божеству Ормузду (Ахура-мазда). С другой стороны, как г-н Мьюр полагает, что Варенья, применяемый к злым духам тьмы в Зендавесте, родственен Варуне (Небу), а ведический Индра, царь богов – Солнце - назван в зороастрийской религии одним из главных советников этого Князя Тьмы.

Но в каждой стране, завоеванной новой религией, всегда найдутся те, кто, как мы видели, будет держаться за старое божество при всех его изменившихся судьбах. Их будут называть "фанатиками", но они все равно будут придерживаться древней веры и выполнять старые обряды. Иногда даже после того, как им придется уступить популярной терминологии и назвать старого бога дьяволом, они найдут какой-то повод для продолжения передаваемых форм. Вероятно, этой причине первоначально были обязаны религии, которые развились в то, что теперь называется поклонением дьяволу. Явное и явное поклонение злой Силе, отдавая предпочтение добру, представляет собой довольно поразительное явление, когда оно открыто представлено; как, например, в молитве мадагаскарцев Ньянгу, автору зла, цитируемой доктором Ревилем: "О Замхор! тебе мы не возносим молитв. Доброму богу не нужно просить. Но мы должны молиться Ньянгу. Ньянг должен быть умиротворен. О Ньянг, злой и сильный дух, да не гремит гром над нашими головами! Скажи морю, чтобы держалось в своих границах! Пощади, о Ньян, созревающий плод и не суши цветущий рис! Пусть наши женщины не рожают детей в проклятые дни. Ты царствуешь, и это ты знаешь, над нечестивыми; и велико их число, о Ньянг. Тогда не мучайте больше добрых людей!"

Это естественно и наводит на мысль о преступнике, приговоренном к смертной казни, который, когда его спросили, не боится ли он встречи со своим Богом, ответил: "Ни в малейшей степени. Однако едва ли можно сомневаться в том, что поклонение Ньянгу началось в эпоху, когда он ни в коем случае не считался морально ниже Замхора. Как теория дуализма, будучи достигнута, может породить явление, называемое поклонением дьяволу, проиллюстрировано на примере йезидов, ныне столь печально известных этим видом религии. Обычно считается, что их теория полностью представлена выражением, произнесенным одним из них: "Разве сатана не вознаградит бедного Изедиса, который один никогда не говорил о нем плохо и так много страдал за него?" Но эти слова, без сомнения, имеют значение для основополагающего факта: они "никогда не говорили плохо" о сатане, которому поклоняются. Мусульманин называет йезеди сатанинским поклонником только потому, что ранний зороастриец считал поклоняющимся дэву то же самое. Главным объектом поклонения у езидов является фигура птицы Таус, полумифического павлина. Профессор Кинг из Кембриджа прослеживает Дао этой ассирийской секты до “священной птицы, называемой феникс”, изображение которой, увиденное Геродотом (ii. 73) в Египте, описывается им как "очень похожее на орла по очертаниям и размерам, но с оперением частично золотого, частично малинового цвета", и которая, как говорили, возвращалась в Гелиополь каждые пятьсот лет, чтобы сжечь себя там на алтаре Солнца, чтобы другой мог восстать из ее пепла. Теперь имя Езедис-просто Изед, гений; и нам, таким образом, указывают на Аравию, где вера в гениев наиболее сильна, а также связана с мифической птицей Рох из ее фольклора. Там мы находим

Мухаммеда, упрекающего народную веру в некую птицу по имени Хамах, которая, как говорили, принимает форму из крови рядом с мозгом умершего человека и улетает, чтобы вернуться, однако, в конце каждой сотни лет, чтобы посетить могилу этого человека. Но это ни в коем случае не поклонение дьяволу, и мы не можем найти никаких следов этого в самом священном писании езидов, "Панегирике шейху Ади". Этот шейх унаследовал от своего отца, Мусафира, святость воплощения божественной сущности, о которой он (Ади) говорит как о "Всемилостивом".

Своим светом он зажег утреннюю лампу.

Я тот, кто поместил Адама в мой Рай.

Я тот, кто сделал Нимрода горячим горящим огнем.

Я тот, кто вел Ахмеда моего избранника,

Я одарил его своим путем и руководством.

Мое - это все существование вместе,

Они-мой дар и под моим руководством.

Я тот, кто обладает всем величием,

И благодать и милосердие от благодати моей,

Я есмь тот, кто входит в сердце в ревности моей;

И я сияю силой своего ужаса и величия.

Я тот, к кому пришел лев пустыни.:

Я упрекнул его, и он стал как камень.

Я тот, к кому пришел змей.,

И по своей воле я превратил его в прах.

Я тот, кто потряс скалу и заставил ее дрожать.,

И сладкая вода текла оттуда со всех сторон.

Почтение, проявленное в этих священных предложениях к еврейским именам и традициям - Адаму в Раю, Маре и пораженной скале - и к Ахмету (Мухаммеду), по-видимому, имело свое единственное воздаяние в одиозном обозначении почитателей Тауса как дьяволопоклонников, ярлык, который йезиды, возможно, приняли, как весленне и Друзья приняли такие имена, как "Методист' и 'Квакер".

Мухаммед искупил многие божества, которые он низвел до дьяволов, тем, что сам превратился в идола (маумет), термин презрения, тем более популярный из-за его сходства с "ряженым". Несмотря на его обвинения в идолопоклонстве, несомненно, что эта ранняя религия, представленная йезедами, никогда не была полностью подавлена даже

среди его собственных последователей. В интересной коллекции доктора Лейтнера есть лампа, которую он получил из мечети, сделанная в форме павлина, и это лишь одна из многих подобных реликвий примитивного или чуждого символизма, найденных среди мусульманских племен.

Эволюция демонов и дьяволов из божеств стала реальностью для народного воображения в каждой стране, где новая религия обнаружила существование искусства, и благодаря союзу с ним получила возможность формировать идеи народа. Теоретическая деградация божеств, прежде справедливых, могла быть завершена только там, где они были представлены глазу в отталкивающих формах. Каждому легко придет в голову, что разумно мыслящий демон или дьявол не был бы отталкивающим. Если бы человек хотел изобразить демона, простой эвфемизм предотвратил бы его ненависть. Главная характеристика демона - то, что отличает его от дьявола, - это, как мы видели, наличие у него реального и человекоподобного мотива для любого зла, которое он причиняет. Если она поражает или пожирает человека, то не из-за простой злобы, а потому, что побуждается муками голода, похоти или других страданий, подобно голодному волку или акуле. И если бы жертвоприношения пищи были принесены для удовлетворения его потребности, то мы могли бы ожидать, что не будет нанесено никакого ненужного оскорбления в попытке изобразить его. Но если бы это был дьявол - существо, движимое простой злобой, - одна из его основных функций, искушение, была бы уничтожена безобразием. Для работы обольщения мы могли бы ожидать, что дьявол будет носить форму ангела света, но ни в коем случае не приближаться к своей намеченной жертве в каком-либо ужасном обличье, которое оттолкнуло бы каждого смертного. Великие представления о зле, будь то в умозрительном или религиозном смысле, никогда изначально не были уродливыми. Можно было бы сказать, что боги падали с небес быстро, как молния, но в народном воображении они долго сохраняли большую часть своего великолепия. Сама изобретательность, с которой они впоследствии были облечены в уродство религиозного искусства, свидетельствует о том, что в народе существовали определенные настроения по отношению к ним, которые должны были быть явно обращены вспять. Именно потому, что они считались красивыми, они должны были быть нарисованы уродливыми; именно потому, что они - даже среди новообращенных в новую религию - все еще тайно считались добрыми и полезными, была применена такая разработка отвратительных замыслов, чтобы исказить их. Живописные изображения демонов и дьяволов будут подвергнуты более подробному рассмотрению в дальнейшем; пока же достаточно указать, что традиционная чернота или уродство демонов и дьяволов, о которых сейчас думают, никоим образом не противоречит тому факту, что они когда-то были народными божествами. Контраст, например, между ужасной физиономией, данной сатане в обычном христианском искусстве, и богословским представлением о нем как об Искусителе очевиден. Если бы замысел искусства состоял в том, чтобы представлять теологическую теорию, сатана был бы изображен в очаровательной форме. Но замысел заключался не в этом, а в том, чтобы вызвать ужас и антипатию к местным божествам, за которые цеплялись невежды. Это было сделано для того, чтобы научить детей думать о все еще тайно почитаемых идолах как о страшных и звериных существах. Поэтому важно не смешивать спекулятивные или моральные попытки человечества олицетворять боль и

зло с уродливыми и жестокими демонами и дьяволами искусственного суеверия, чаще всего изображаемыми на церковных стенах. Иногда их устанавливают для поддержки водяных носиков, часто это скобы, удерживающие их врагов, святых. Это очень древнее устройство. Наш рисунок 2 сделан из ручки чаши, принадлежащей сэру Джеймсу Хукеру, предназначенной, вероятно, для хранения святой воды Ганга. Это не настоящие демоны или дьяволы, а тщательно карикатурные божества. Кто, глядя на ухмыляющиеся звериные фигуры, вырезанные на крыше любой старой церкви - как на аббатстве Мелроуз и Йоркском соборе, - которые, есть основания полагать, представляют примитивных божеств, изгнанных изнутри силой святой воды и прикованных к нехитрой службе поддержания водосточного желоба, - может увидеть в этих горгульях. Именно таким уродливым существам, хранителям своих ручьев, холмов и лесов, наши предки посвящали падуб и омелу, или с такими они связывали свои цветы, плоды и дома? Это были карикатуры, вдохновленные миссионерами, созданные для того, чтобы отталкивать и вызывать отвращение, так же как изображения святых рядом с ними были вырезаны в красоте, чтобы привлекать. Если бы язычники были художниками, красота была бы на другой стороне. И действительно, существовало искусство, бессознательными обладателями которого были эти язычники, благодаря которому нам передавались истинные характеры воображаемых существ, которым они поклонялись. В сказках их фольклора мы находим фей, которые представляют дух богов и богинь, к которым они легко прослеживаются. Богиней, которую в христианские времена изображали в виде ведьмы, сидящей на метле, была Фригга, мать-Земля, связанная с первыми священными привязанностями, сгрудившимися вокруг очага, или Фрейя, само имя которой было посвящено фрау, женщине и жене. Мантия Берты не скрывала больше нежности, когда падала на плечи Марии. Немецкое детское имя для дохристианской Мадонны было Матушка Роза: прялка в руке, она наблюдала за трудолюбивыми за их домашней работой: она парила возле хижины, возможно, чтобы найти там какую-нибудь плачущую Золушку и отдать ее красоту за пепел.

Рис. 2. Ручка индуистской чаши.

Глава V. Классификация.

Препятствия человека—двенадцать главных классов—Модификации отдельных форм для различных функций—Теологические демоны.

Высказывания о прекрасных именах главных демонов и дьяволов, которые преследовали воображение человечества, усиливают контраст между их небесным происхождением и функциями, приписываемыми им в их низших формах. Теория дуализма, представляющая собой необходимую стадию в умственном развитии каждой расы, требовала наличия демонов, а источником их были бесчисленные свергнутые с престола, объявленные вне закона и падшие божества и ангелы, последовавшие за покорением рас и их религий. Но хотя их небесное происхождение может сохраняться вокруг них в какой-то незначительной легенде или характеристике, а также в их именах, злое явление, к которому каждый был привязан в качестве объяснения, придавало реальную форму и работу, с которой он или она были связаны в народном суеверии. Поэтому мы находим в демонах, в которых люди верили, полный перечень препятствий, с которыми им приходилось бороться в долгой борьбе за существование. В "бесах" мы находим также историю нравственной и религиозной борьбы, через которую пришлось пройти духовенству и церкви. И относительная распространенность того или иного класса демонов или дьяволов, а также интенсивность веры в любой класс, как видно из числа пережитков от него, довольно точно отражают степень, в которой особое зло, представленное им, поражало первобытного человека, как это подтверждается другими ветвями доисторического исследования.

Что касается функции, то демоны, которых мы должны будем рассмотреть, - это те, которые представляют:

1. Голод;

2. Чрезмерная жара;

3. Чрезмерный Холод;

4. Разрушительные стихии и физические конвульсии;

5. Разрушительные животные;

6. Враги человека;

7. Бесплодие Земли, как скалы и пустыни;

8. Препятствия, как река или гора;

9. Иллюзии, обольстительные, невидимые и таинственные агенты, вызывающие заблуждения;

10. Темнота (особенно необычная), Сны, Кошмары;

11. Болезни;

12. Смерть.

Эти классы отбираются, повинуясь необходимым ограничениям, как представляющие двенадцать главных трудов человека, которые дали форму большинству его преследующих демонов, в отличие от его дьяволов. Конечно, все классификации этого характера должны пониматься как сделанные для удобства, и деления не должны приниматься слишком резко. То, что Плотин говорил о богах, что каждый содержит в себе все остальное, одинаково верно и для демонов, и для дьяволов. Демоны Голода тесно связаны с демонами Огня: Агни пожрал своих родителей (две палочки, поглощенные пламенем, которое они производят); и от них мы легко переходим к элементарным демонам, таким как молния или демоны лихорадки. И точно так же мы находим связь между другими разрушительными силами. Тем не менее, проводимые различия не являются причудливыми, а существуют в ясной и безошибочной вере в особые склонности и занятия демонов; и так как мы имеем дело не с природными явлениями, а с суевериями относительно них, то единственная необходимость этой классификации состоит в том, чтобы она не была произвольной, а действительно упрощала огромную массу фактов, с которыми приходится сталкиваться изучающему демонологию.

Но есть несколько моментов, которые требуют особого внимания в качестве предварительного рассмотрения этих различных классов демонов.

Во-первых, следует иметь в виду, что одна и та же демоническая форма часто проявляется в различных функциях и что их не следует путать. Змея может представлять молнию, или спираль вихря, или смертельный яд; землетрясение может представлять глотающего демона Голода или ярость закованного в цепи великана. Отдельные функции не должны быть упущены из виду, потому что иногда они прослеживаются в одной форме, и их практический характер не страдает маскировкой через их справедливые эвфемистические или мифологические названия.

Во-вторых, одна и та же форма многократно появляется как в дьявольской, так и в демонической функции, и здесь читатель должен четко различать ее. Различие, уже сделанное между демоном и дьяволом, не произвольно: слово демон связано с божеством; слово дьявол, хотя иногда и связанное с санскритским дэва, на самом деле не имеет к нему никакого отношения, но имеет дурной смысл как "клеветник": но даже если бы не было такого этимологического тождества и различия, было бы необходимо различать такие широко разделенные должности, как те, которые представляют собой пагубные силы природы, где приписываются человечески заметные мотивы, с одной стороны, и зло, приписываемое чистой злобе или принципу зла, с другой. Дьявол действительно может представлять дальнейшую эволюцию в той линии, на которой появился Демон.; Ариман Плохой в конфликте с Ормуздом Хорошим может быть одухотворением конфликта между Светом и Тьмой, Солнцем и Облаком, как это представлено в ведических Индре и Вритре; но эти две фазы представляют различные классы идей, действительно различные миры, и понимание обоих требует, чтобы они были тщательно различимы, даже когда связаны с теми же формами и именами.

В-третьих, существует важный класс демонов, о которых читатель, вероятно, найдет полное описание в той части моей работы, которая более конкретно посвящена демонологии, которую следует отложить или проследить далее в той части, которая относится к дьяволу; это формы, которые в своей первоначальной концепции были в значительной степени благотворными и приобрели дурную репутацию главным образом благодаря анафеме теологии. Шахматная доска, на которой сидел Осирис, имела свое развитие в сонмах примитивных форм света, противостоящих формам тьмы. Зло некоторых из них идеально; другие-нравственно земноводные: Терафимы, Лары, гении были предками нынешних ангелов-хранителей и святых-покровителей; чаще всего они были в облике собак, кошек и старых человеческих предков, которые должны были сторожить и охранять дом, подобно уважаемому в России дружелюбному Домовому; злой нрав и вредность, приписываемые им, отчасти естественны, но отчасти и богословски, и из-за трудности вытеснения их святыми-покровителями и ангелами. Деградация благодетельных существ, уже описанная в связи с большими демоническими и дьявольскими формами, должна быть понята как постоянно действующая в мельчайших деталях бытового суеверия, с какой странной реакцией и важным результатом явится, когда мы приступим к рассмотрению явлений колдовства.

Наконец, следует отметить, что природа нашего исследования делает рассмотрение происхождения мифов—‘солнечных’ или иных—второстепенным. Такое происхождение необходимо будет указать и обсудить попутно, но нашим главным пунктом всегда будут формы, в которых воплотились мифы, и их модификации в различных местах и временах, являющиеся результатом тех действительных переживаний, которыми главным образом занимается Демонология. Миф, как указывали многие талантливые писатели, по своему происхождению является объяснением нецивилизованным умом какого—либо природного явления, а не аллегорией, не эзотерическим самомнением. По этой причине он обладает текучестью и принимает разнообразные формы. Видимый сон солнца зимой может быть представлен в огромном диапазоне мифов, от Семи Спящих до Человека на Луне из нашего детского стишка; но все вариации имеют отношение к фактам и обстоятельствам. Сравнительная мифология в основном связана с одной нитью, проходящей через них и связывающей их всех с оригинальным мифом; задача демонологии состоит, скорее, в том, чтобы обнаружить силы, которые придали им различные формы. Если показать, что Ортрос и Цербер были прежде всего утренними и вечерними сумерками или воющими ветрами, то любая интерпретация здесь вторична по отношению к их персонификации как собак. Демонология спросила бы, почему собаки? почему не быки? Его ответ в каждом случае отделяет от предшествующего мифа его модус и показывает это как определяющую силу последующих мифов.

Часть II. Демон.

Глава I. Голод.

Голод-демоны—Кефн—Миру—Кагура—Раху индуистский пожиратель солнца—Земное чудовище в Пелсале—Франконский обычай—Шейтан как пожиратель луны-Индуистские подношения мертвым—Упыри—Гоблины—Вампиры—Худоба демонов—Старый шотландский обычай.—Происхождение жертвоприношений.

В каждой части земли человек прежде всего боролся за свою ежедневную пищу. Одним лишь грубым орудием из камня или кости он должен был добывать рыбу из моря, птицу из воздуха, зверя из леса. Веками, с таким плохим снаряжением, ему приходилось выжимать из природы ненадежные средства к существованию. Он видел также, что каждая живая форма вокруг него точно так же пытается утолить свой голод. Казалось, за границей витает Дух Голода. И в то же время было такое сопротивление удовлетворению человеком своей потребности - птицы и рыбы так трудно достать, скупая земля так готова дать ему камень, когда он просит хлеба, - что он пришел к выводу, что должны существовать невидимые ненасытные существа, которые хотят все хорошее для себя. Итак, древний мир был населен огромным выводком Голодных демонов. Существует африканское племя каренов, чье изображение дьявола (Кефн) представляет собой огромный живот, парящий в воздухе; и этот отталкивающий образ можно рассматривать как тип почти половины демонов, которые преследовали человеческое воображение. Это тоже ужасная Миру со своими дочерьми и рабыней, преследующая островитянина Южных морей. ‘Эзотерическая доктрина жрецов состояла в том, что души покидают тело до того, как дыхание полностью исчезло, и путешествуют к краю скалы, обращенной к заходящему солнцу (Ра). Большая волна приближается теперь к основанию утеса, и гигантское дерево буа, покрытое благоухающими цветами, поднимается из Авайки (нижнего мира), чтобы принять на своих далеко простирающихся ветвях человеческие духи, которые таинственным образом побуждаются собираться на его ветвях. Когда, наконец, мистическое дерево покрывается человеческими духами, оно спускается со своим живым грузом в нижний мир. Акаанга, раб страшного Мира, владычицы невидимого мира, безошибочно ловит всех этих несчастных духов в свои сети и бросает их в озеро. В этих водах плененные призраки изнуряют себя, извиваясь, как рыбы, в тщетной надежде спастись. Сеть натягивается, и полузатопленные духи входят в присутствие ужасного Мира, который является олицетворением уродства. Секрет власти Миру над ее предполагаемыми жертвами-корень "кава" (Piper mythisticum). Чаша этого напитка приготовлена для каждого посетителя тени ее четырьмя прекрасными дочерьми. Одурманенные сквозняком, не сопротивляющиеся жертвы уносятся в огромную печь и варятся. Миру, ее несравненные дочери, ее любящий танцы сын и слуги питаются исключительно человеческими духами, заманиваемыми в нижний мир, а затем приготовленными. Чаши для питья Миру-это черепа ее жертв. В песне ее называют "Миру-румяная", потому что ее щеки всегда пылают от жара печи, в которой готовят ее пленников. Поскольку самый верный путь к духовке Миру - умереть естественной смертью, не нужно удивляться тому, что преподобный г-н Гилл, который сделал эти

заявления перед Антропологическим институтом в Лондоне (8 февраля 1876 года), слышал "много анекдотов о пожилых воинах, едва способных держать копье, настаивающих на том, чтобы их вели на поле битвы в надежде завоевать дом храбрых". Здесь мы имеем замечательную иллюстрацию отличительной черты демона. Как ни страшна Миру, следует отметить, что в ее поведении нет ни одного беспричинного элемента жестокости. Напротив, она даже снабжает своих жертв анэстетическим напитком. Ее добыча просто поймана в сети, вымыта и приготовлена, как для человека его животные подчиненные. На одном из островов (Аитутаки) Миру, как полагают, прибегает к устройству, которое, безусловно, ужасно, а именно к изобретению, что каждая душа, входящая в нижний мир, должна выпить чашу живых сороконожек; но это делается только с одной целью - утолить ее собственные муки голода, ибо цель и действие зелья-заставить души утопиться, поскольку, по-видимому, только после полной смерти они могут быть приготовлены и съедены Миру и ее домочадцами.

К счастью для островитян, Миру ограничена в своих пытках трансземной сферой, и для многих остается место между ее ужасной чашей и человеческой губой. Плавающий желудок Кефна, однако, не является потусторонним. Мы видим, однако, его смягченную форму в некоторых других племенах. Гренландцы, финны, лапы, придумали, что есть большой брюшной демон, которого люди могут призвать, чтобы пойти и высосать коров или поглотить стада своих врагов; и у исландцев есть суеверие, что некоторые люди могут создать такого демона из костей и шкур и послать его, чтобы превратить молоко или мясо скота в запас плоти и крови. Форма такого рода представлена в японской Кагуре (рис. 3), любимой маске январских танцоров и барабанщиков, ищущих денег. Кагура находится в точном контрасте с прета (Сиамом), которые, хотя и достигают двенадцати миль в высоту, слишком тонки, чтобы их можно было увидеть, а их рты так малы, что невозможно утолить их страшный голод.

Животы, отдаваемые демонам в Траванкоре и других районах Индии, и кровавые жертвоприношения, которыми туземцы умилостивляют их,-по поводу которых один миссионер наивно замечает, что даже эти язычники признают, хотя и в искаженном виде, "великую истину, что без пролития крови нет прощения грехов",-относятся к демону Голода. Это выводок Кали, опоясанный человеческими черепами.

Рис. 3 Ласточка.

Экспедиция, отправившаяся в Индию для наблюдения последнего солнечного затмения, была, между прочим, средством привлечь внимание к замечательному выживанию демона Голода в связи с астрономическими явлениями. Пока английские наблюдатели приводили в порядок свои приборы, туземцы приготовили кучу хвороста, и как только началось затмение, они подожгли эту кучу и начали кричать и вопить, танцуя вокруг нее. Не менее значительными были и народные обряды вообще. В честь затмения был устроен полупраздник. Гхоты были переполнены благочестивыми верующими. Считается, что ни один индус не должен делать какую-либо работу во время затмения, и была общая тенденция продлевать праздник немного дальше точного времени, когда тень исчезает, и действительно продлевать его в течение всего дня. Все глиняные сосуды, используемые для приготовления пищи, были разбиты, а вся приготовленная пища в домах во время затмения была выброшена. Это время считается временем особых благословений, если оно принимается правильно, и ужасных последствий для людей, склонных к неортодоксальности или пренебрежению надлежащими обрядами. Между девятью и десятью часами вечера произошло два землетрясения, причем последнее было довольно неприятным, и в течение нескольких секунд столы и двери сотрясались в неудобной манере. Для туземцев это не было неожиданностью—они твердо верят в связь затмений и землетрясений.

Особенно примечательно, что во время затмения индусы разбивают свою кулинарную посуду. В Копенгагене есть коллекция обетного оружия древних скандинавов, каждое из которых было сломано, когда оно было принесено в жертву богу их победы в знак доброй воли, чтобы их не заподозрили в намерении снова использовать то, что они отдали. По той же причине была предложена чаша - разбитая - с возлиянием. Северянин почувствовал себя в присутствии йотуннов (гигантов), чье имя Гримм отождествляет с Пожирателями. Для современного индуса церемонии, уместные во время затмения, какими бы важными они ни были, имеют, вероятно, столь же мало рационального значения, как случайный Костер, освещающий некоторые темные уголки Европы, для тех, кто его строит. Но традиционные обряды пришли из детства мира, когда затмение представляло демона, пожирающего солнце, который должен был привлечь его внимание криками и молитвами к тому факту, что если ему нужен огонь, то на земле его достаточно; и если пища, то он мог бы иметь все в своих домах, при условии, что он согласится удовлетворить свой аппетит предметами пищи менее важными, чем светила небесные.

Таков теперь в Индии облик древнего мифа о затмении. Когда во время вспенивания океана в поисках нектара бессмертия демон с драконьим хвостом пробовал этот нектар, солнце и луна донесли на него, но не раньше, чем его голова стала бессмертной; и именно эта голова Раху теперь стремится поглотить доносчиков-Солнце и Луну. Мифологически этот Раху также был разделен; ибо мы далее проследим его драконий хвост до эдемского сада и до христианского дьявола, тогда как в Индии он был усовершенствован от мстительного до просто ненасытного демона.

Костры, зажженные индусами, чтобы напугать Раху при его последнем появлении, могли бы уничтожить цель экспедиции дымом, который он поднимал, если бы два офицера не

прыгнули на огонь и не разбросали его топливо; но как раз в то время, когда эти отважные джентльмены затаптывали костры суеверий, дым которых затемнял бы видение науки, в Англии произошло событие, которое следует отнести к тому же древнему верованию, а именно к вере в то, что если что - либо поглощается, как солнце и луна затмением, или деревня землетрясением или наводнением, то это дело рук голодного дракона, дождевого червя или другого чудовища. Шахта Пелсолл была затоплена, и большое количество шахтеров утонуло. Когда в деревне стало известно о несчастном случае, женщины вышли вместе с семьями несчастных мужчин и сели у входа в затопленную яму, на дне которой еще оставались мертвые тела. Затем эти женщины закричали вниз по яме голосами, очень отличающимися от обычных стенаний. Они также единодушно отказывались пробовать какую-либо пищу, говоря, когда их заставляли это сделать, что до тех пор, пока они могут воздерживаться от еды, их мужья все еще могут быть избавлены от них. Когда, наконец, одна бедная женщина, мучимая голодом, съела корку хлеба, крики прекратились, и женщины, отказавшись от всякой надежды, молчаливой процессией направились к своим домам в Пелсале.

Индусы, выбрасывающие пищу из окна во время затмения, жены Пелсал, отказывающиеся есть, когда шахта затоплена, действуют в силу незапамятных традиций и поэтому делают бессознательно то, что африканская женщина делает сознательно, когда она окружает постель своего больного мужа рисом и мясом и умоляет демона пожрать их вместо мужчины. К тому же классу понятий принадлежит древний обычай пытаться обнаружить тело утопленника с помощью буханки хлеба с воткнутой в нее свечой, которая, как говорили, остановится над телом, и тело может появиться, выстрелив над ним из ружья, то есть демон, держащий его, будет отпугнут. Один из вариантов-персидский обычай защищать женщину во время родов, накрывая стол с лампой в каждом углу, с семью видами фруктов и семью различными ароматическими семенами на нем.

В 1769 году, когда Пеннант совершил свое "Шотландское турне", он обнаружил, что в Высокогорье полностью соблюдена церемония приготовления Белтейнского пирога первого мая и посвящения его раздаваемых фрагментов птицам и хищным зверям, с призывом к ужасному существу, от которого они были предполагаемыми агентами, чтобы пощадить стада. Демоны особенно любят молоко: Лэмбтонскому червю ежедневно требовалось девять коров молока, а Иероним упоминает о дьявольском ребенке, который истощил шесть нянек.

Дьявол номинально наследует у крестьян христианского мира атрибуты демонов, которые ему предшествовали; но следует понимать, что в каждом случае, когда дьяволу приписывается простая прожорливость, имеется в виду первобытный демон, и этот факт суеверный крестьянин смутно сознает. Во Франконии, когда пекарь собирается поставить печенье в печь для выпечки, он сначала бросает полдюжины из них в огонь, говоря: "Вот, бедняга! Если его заставить объясниться, он признается в своем страхе, что, если бы не это подношение, его бисквиты могли бы сгореть, но что "бедняга" вовсе не злой, а просто жаждет причинить вред. Таким образом, существо, которого он боится, - это, очевидно, вовсе не Дьявол, отличительной чертой которого является любовь к злу ради него самого,

а полуголодные жадные призраки, для которых в христианских странах "Дьявол" стал родовым именем. От их жертвоприношений осталась Благодать перед мясом. Однако в мусульманских странах "шейтан" сочетает в себе демоническую и злокачественную ненасытность. Во время позднего лунного затмения жители Перы и Константинополя стреляли из пушек над своими домами, чтобы отогнать "Шейтана" (сатану) от Луны, ибо, кто бы ни был врагом, турок доверяет пороху. Но суеверия, изображающие сатану пожирателем, становятся все более редкими. В церкви Нотр-Дам в Хале, Бельгия, на аналое изображен дракон, пытающийся проглотить Библию, которая поддерживается на спине орла.

Есть и другая, гораздо более грозная форма, в которой Демон Голода появляется в Демонологии. Любовь к крови, столь характерная для верховных богов, распространялась как особая жажда через большой класс демонов. В легенде об Иштар, спускающейся в Хадес, чтобы найти кого-то любимого, она угрожает, если дверь не будет открыта—

Я воскрешу мертвых, чтобы они пожирали живых!

На живых будут охотиться мертвые!

Эта угроза показывает, что халдейская и вавилонская вера в вампира, называемая по-ассирийски Аххару, была полностью развита в очень ранние времена. Хотя демон Голода был очень хорошо развит в Индии, он, по-видимому, никогда не был таким людоедом, возможно, потому, что туземцы не были большими плотоядными. В некоторых случаях, действительно, мы встречаемся с вампирским суеверием; как в истории о Викраме и Вампире, так и в тамильской драме Харичандры, где взбешенный Сандрамати говорит королю: ‘Я принадлежу к расе эльфов, и я убил твоего ребенка, чтобы питаться его нежной плотью". Такие выражения достаточно редки, чтобы можно было заподозрить их в импорте. Аппетит Веталы в основном связан с трупами. Бедные голодные демоны Индии - такие, как Бхут, мрачный, голодный призрак, страшившийся лунного заката месяца Катик (октябрь-ноябрь),-не должны были пожирать человека, а только его пищу. Индуистские демоны этого класса могут быть объяснены ссылкой на сраддху, или жертвоприношение предкам, относительно которого мы читаем указания в Кодексе Ману. ‘Предки людей целый месяц довольствуются тилой, рисом и т. д., два месяца-рыбой и т. Д. Гривы говорят: "О, пусть родится в нашем роду человек, который даст нам молочную пищу с медом и чистым маслом и в тринадцатый день луны, и когда тень слона упадет на восток!" Кровожадные демоны Индии, как правило, были захвачены, подобно Кали, высшим символизмом, и их ненасытность систематизировалась и удовлетворялась в жертвенных коммутациях. На распространенное в южной части этой страны верование указывает профессор Монье Вильямс в письме, написанном из Южной Индии, где он замечает, что только дьяволы нуждаются в умилостивлении. Как правило, это простая процедура, выполняемая подношением пищи или других предметов, которые считаются приемлемыми для бестелесных существ. Например, когда некий европеец, некогда наводивший ужас на округу, в которой он жил, умер на юге Индии, туземцы имели постоянную привычку класть на его могилу бренди и сигары, чтобы умилостивить его дух, предполагалось, что он бродит по окрестностям беспокойным образом и со злыми

наклонностями. То же самое было сделано для того, чтобы заручиться благосклонностью филантропического духа одного великого европейского спортсмена, который при жизни избавил свой округ от опустошения тиграми. Действительно, считается, что всем злым духам противостоят добрые, которые, если их должным образом умилостивить, делают своим делом охрану обитателей определенных мест от бесовских вторжений. В каждом районе и даже в каждой деревне есть свой гений-хранитель, которого часто называют Матерью.

Подобные идеи представлены в Европе в некоторых разновидностях Кобольда и Гоблина (Gk. κόβαλος). Хотя гоблин, согласно народной философии, должен быть накормлен хорошей пищей, это не смертельное существо; напротив, говорят, что гобелен получил свое название потому, что секрет его цветов был получен от этих призраков. Хотя Сент-Таурин изгнал одного из Эвре, он нашел его настолько вежливым, что не отправил в ад, и он все еще преследует легковерных там и в Кане, не будучи сочтен очень грозным.

Демон, который "скрывается на кладбищах", универсален и, возможно, предложил кремацию. На Востоке он представлен в основном такими формами, как отвратительный упырь, который охотится на мертвых телах; но он был развит каким-то странным образом до славянского призрака, называемого Вампиром, чья особая страшность заключается в том, что он представляет собой форму, в которой любой умерший человек может появиться снова, но не как упырь, чтобы наброситься на мертвых, а чтобы сосать кровь живых. Это, пожалуй, самое грозное из ныне существующих в мире демонических суеверий.

Люди, которые до сих пор имеют в своем словаре такое слово, как "нечестивец" (неверующий), вряд ли могут удивляться тому, что священники Восточной церкви поддерживали в народе веру в то, что еретики после смерти превращаются в пьющих кровь живых. Славянские вампиры в Англии и Америке перестали быть "людоедами", которые "чуют кровь англичанина", но редко получают от этого удовольствие; но это разоблачает действительное уродство благочестивых суеверий, которые иногда считаются красивыми, что, в соответствии с интенсивностью веры в сверхъестественное, люди живут в страхе перед демонами, которые бродят в поисках того, кого они могут поглотить. В России сторож у трупа вооружен святыми чарами против нападения с его стороны в полночь. Вампир может быть душой любого изгнанника из Церкви или того, через чей труп перед погребением перепрыгнула кошка или пролетела птица. Его можно обнаружить на кладбище, проведя через него черного жеребенка.; животное откажется наступать на могилу вампира, и тело вынимают, и в него вбивают кол, всегда одним ударом. Родственным классом демонов являются "пожиратели сердец". Они прикасаются к своей жертве осиной или другой волшебной веточкой; сердце вываливается и, возможно, заменяется каким-нибудь более низким. М-р Ральстон упоминает мазовецкую историю, в которой герой просыпается с сердцем зайца и после этого остается трусом;а в другом случае тихий крестьянин получил сердце петуха и всегда кукарекал. Оборотень, в некоторых отношениях тесно связанный с вампиром, также преследует свои опустошения среди охваченных жречеством крестьян Юга и Востока.

В Германии, хотя более ужасные формы суеверия редки, "Nachzehrer" очень страшен. Даже в различных протестантских регионах считается самым безопасным, чтобы крест был установлен рядом с каждой могилой, чтобы воспрепятствовать любым демоническим наклонностям, которые могут овладеть погребенным; и там, где пища еще не похоронена вместе с трупом, чтобы утолить любые муки голода, которые могут возникнуть, несколько зерен кукурузы или риса разбросаны на нем в память о старом обычае. В Диздорфе считается, что если при погребении не положить в рот покойнику деньги или не вырезать его имя из рубашки, то он, скорее всего, станет Nachzehrer, и что призрак выйдет в виде свиньи. Считается верным предупреждением такого результата сломать шею мертвому телу. Там рассказывается, что однажды, когда несколько человек из одной семьи умерли, предполагаемый труп был эксгумирован и обнаружен съеденным своими собственными могильными одеждами.

Доктор Дайер, выдающийся врач из Чикаго, штат Иллинойс, рассказал мне (1875), что в этом городе произошел случай, о котором он лично знал, когда тело женщины, умершей от чахотки, было извлечено из могилы и легкие сожжены, полагая, что она увлекает за собой в могилу некоторых из своих оставшихся в живых родственников. В 1874 году, согласно "Провиденс Джорнал", в деревне Мирдейл, штат Род-Айленд, США, мистер Уильям Роуз выкопал тело собственной дочери и сжег ее сердце, полагая, что она растрачивает жизнь других членов его семьи.

Характеристики современного "спиритуализма", по-видимому, указывают на то, что суеверные люди переросли этот древний страх перед призрачной злобой там, где их окружает цивилизация. Очень редко в древнем мире или в варварских регионах можно найти какие-либо заклинания для возвращения духов умерших. Г-н Тайлор процитировал прекрасную панихиду, используемую племенем Хо в Индии, начиная с—

Мы никогда не ругали тебя, никогда не обижали;

Вернись к нам!

Но вообще погребальные обычаи очень значительны из-за страха, что духи могут вернуться, и их панихиды больше в духе Бодо Северо-Восточной Индии: "Возьми и ешь: до сих пор ты ел и пил с нами, ты больше не можешь этого делать; ты был одним из нас, ты больше не можешь быть таким: мы больше не приходим к тебе, не приходи к нам". ‘Даже в самой низшей культуре, - говорит мистер Тайлор, - мы находим плоть, противостоящую духу, а на более высоких ступенях домохозяин почти не стесняется нежеланного обитателя. Гренландцы выносили мертвых через окно, а не через дверь, в то время как старуха, размахивая за спиной головней, кричала: "Пиклеррукпок!", то есть "Здесь больше нечего есть!" - готтентоты выносили мертвого из хижины через отверстие, специально пробитое, чтобы помешать ему найти дорогу назад; сиамцы с тем же намерением пробили отверстие в стене дома, чтобы пронести гроб, а затем трижды на полной скорости обогнули дом.; сибирские чуваши бросают раскаленный камень после того, как выносят труп, как препятствие для возвращения души; так бранденбургские крестьяне выливают ведро воды у двери после гроба, чтобы дух не мог ходить; а

поморские плакальщики, возвращаясь с кладбища, оставляют солому от катафалка, чтобы блуждающая душа могла отдохнуть там и не возвращаться домой".

В этой связи можно заметить, что почти на всех изображениях демонов и бесов они изображены очень худыми. Исключения можно найти, как правило, в некоторых южных и тропических демонах, которые представляют облако или бурю—Тифон, например,—и представляют собой раздутый или раздутый вид. Ни один северный дьявол не бывает толстым. Шекспир приписывает Цезарю подозрение в худобе—

У Йонда Кассия худой и голодный взгляд:

Он слишком много думает: такие люди опасны.

Когда Антоний защищает Кассия, Цезарь только отвечает: "Если бы он был толще!" Это недоверие к худобе является отражением всех Голодных демонов; оно истолковывает старые поговорки о том, что дьявола, каким бы красивым он ни был спереди, можно обнаружить по впалости спины и что он обычно настолько худ, что не отбрасывает тени.

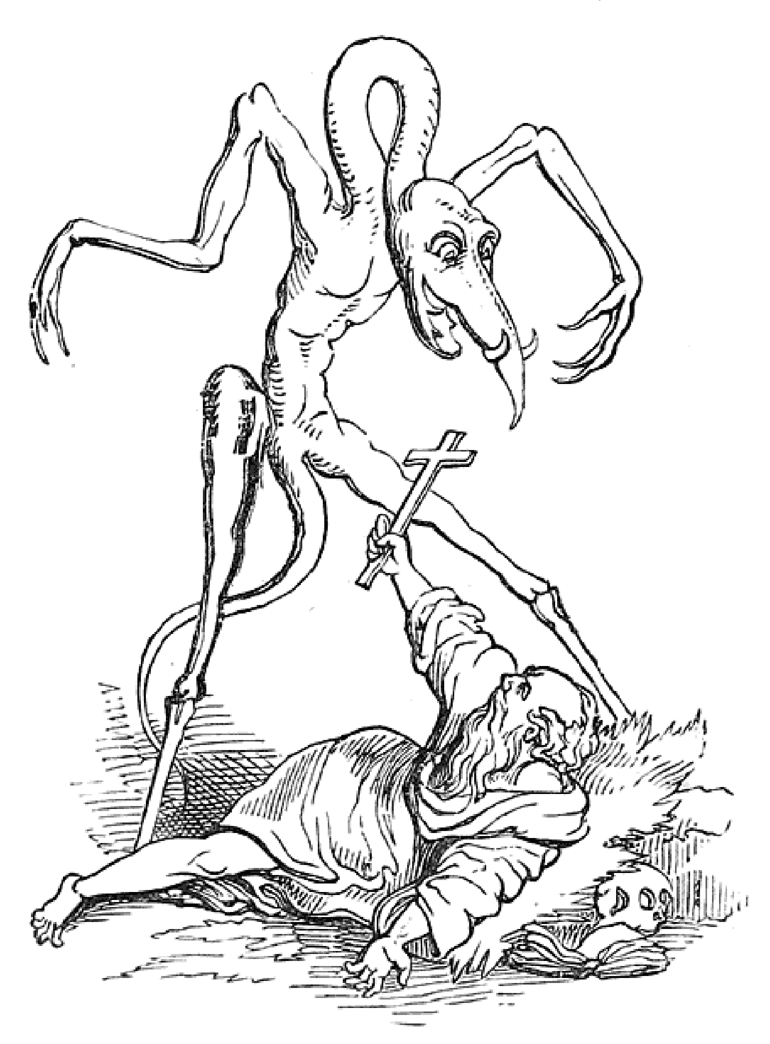

Рис. 4. Тощий гонитель Святого Антония (Сальватор Роза).

Иллюстрации демона Голода и его пережитков могли бы быть значительно умножены, если бы это было необходимо. Нужно только упомянуть, что именно этому раннему и наиболее универсальному представлению о сверхъестественной опасности должна быть приписана идея жертвоприношения, равно как и пост. В самом деле, слишком очевидно, чтобы требовать пространных доказательств того, что идея подношения плодов и мяса невидимому существу могла возникнуть только из веры в то, что такое существо было голодным, как бы одухотворение таких подношений ни сопровождало их продолжение среди просвещенных народов. В эволюции более чистых божеств Огонь - "пожирающий элемент" - был заменен более грубым способом принятия жертвоприношений, и это стало знаком более низких существ - таких, как ассирийский Аххару и более поздние ламии— пожирать мертвые тела своими зубами; и этот огонь был духовным элементом в идолопоклонствах, объекты которых были видны. Но первоначальный акцент жертвенности никогда не покидал его. Левитский закон говорит: "Две почки и жир, который на них, который по бокам, и котел над печенью, вместе с почками, он должен удалить. И сожжет их священник на жертвеннике: это пища приношения, сделанного огнем для сладкого благоухания; весь тук Господень. Это будет вечным законом для ваших поколений во всех ваших жилищах, чтобы вы не ели ни жира, ни крови". Мы находим демона Голода, показанного также в гневе Иеговы на сыновей Илия за то, что они ели отборные части мяса, приносимого на его жертвенник, как в том приношении нежных младенцев Молоху, которое осудили его священники, или в Сатурне, пожирающем его детей, которых арийская вера свергла с престола.; и все они вновь появляются как призраки, тонко завуалированные над непорочным Агнцем, принесенным на Голгофу, принесенным в жертву Макарией ("Благословенным"), пронзенным сердцем Марии. Прекрасный юноша Менкей должен быть принесен в жертву, чтобы спасти Фивы; боги не захотят, чтобы на его месте был старый и крепкий Креон, хотя и царь. Ифигения, хотя и сама спасена от утонченного вкуса Артемиды, благодаря любви охотницы к детской крови, становится жрицей человеческих жертвоприношений. Человеческое приношение, считавшееся наполовину божественным, могло, наконец, удовлетворить Божество, собравшее в своем боку эту связку жертвенных ножей, отточенных во многих странах и веках, и в своем самопожертвовании сам Голодный демон стал жертвой. Богословы были рады спасти Первое Лицо своей Троицы от общения с кровожадными демонами варварских веков, описывая жертву Иисуса как самого Бога, ставшего жертвой вечного закона. Но что бы ни говорили об этом сложном устройстве, оно является достаточным доказательством того, что первобытный демон человека, олицетворявший его голод, был уничтожен на его собственном алтаре. Ибо, хотя пост является пережитком того же дикого представления, что человек может получить пользу от невидимых существ, оставляя им пищу, это практика, которая выживает скорее из желания подражать аскетическим святым, чем из-за какого-либо понятного принципа. Это странное, но естественное завершение придает глубину смыслу легенде о том, что Один сам был принесен в жертву в своем обличье на Священном дереве в Упсале, где человеческие жертвы были повешены в качестве подношений ему, и его руне в Хавамале.—

Я знаю, что повесился

На раскачиваемом ветром дереве

Целых девять ночей,

С копьем раненым,

И Одину предложил

Сам себе.

Глава II. Жара.

Демоны огня—Агни—Асмодей—Прометей—Праздник огня—Молох—Тофет—Гении лампы—Бел-огни—Хэллоуин—негритянские суеверия—Китайский бог огня—Вулканические и зажигательные демоны—Мангайский огненный демон—Страх демонов перед водой.

Огонь был издревле стихией демонов. Несомненно, это было отчасти связано с тем, что он также был пожирающим элементом. Жертвоприношения сжигались; демон явно пожирал их. Но великие демоны пламени представляют главным образом разрушительное и болезненное действие сильного жара. Они происходят из районов пылающей пустыни, солнечного удара и засухи.

Агни, индуистский бог огня, почитался в ведических гимнах как близнец Индры.

‘Твой облик прекрасен для созерцания, ты, яснолицый Агни, когда, как золото, ты сияешь под рукой; твой блеск приходит, как молния небесная; ты являешь великолепие, как великолепие яркого солнца.

- Прелестный и превосходный Агни, испускай движущийся и грациозный дым.

- Пламя Агни светящееся, мощное, страшное, и ему нельзя доверять.

"Я превозношу величие того, кто проливает дождь, которого люди прославляют как убийцу Вритры: Агни, Вайшванара, убил похитителя вод".

Убийство Вритры, чудовища, было главным подвигом Индры, Агни мог участвовать в нем только как пламя, которое метнулось с оружием Индры, диском (солнца).

‘Ты (Агни) удерживаешься с трудом, подобно детенышам извивающихся змей, ты, который потребляет много лесов, как зверь-корм".

Окаменение ждет всех этих сияющих метафор раннего времени. Словесное вдохновение сделает Агни буквально извивающейся змеей и пожирающим огнем. Его дым, называемый Кали (черный), теперь является именем ужасной невесты Шивы.

В ведических гимнах много говорится о способе получения священного пламени, символизирующего Агни, а именно о трении двух палочек. "Он - тот, кого породили две палочки, как новорожденного младенца". Любопытное совпадение, что подобная фраза должна описывать "дьявола на двух палочках", который пришел через Персию в

европейский роман. Асмодей был хромой демон, и его "две палки", как "Diable Boiteux" - это костыли; но его хромоту можно отнести скорее к ослабленным конечностям, о которых говорят огненные шпили - "извивающиеся змеи", - чем к раввинскому мифу о том, что он сломал ногу на пути к Соломону. Бенфей опознал в Асмодее Зенда Ашма-даэву, демона похоти. Его козлиные ноги и огненно-угольные глаза описаны Ле Сейджем, и демон говорит, что он был хромым, упав с воздуха, как Вулкан, когда сражался с Пиллардоком. Нетрудно представить себе, как пламя, порожденное трением палок, могло достичь персонификации в виде чувственной страсти, особенно у зороастрийцев, которые отделяли от обожаемого Огня все ассоциации зла. Было бы хорошо гармонировать с персидской тенденцией дьяволизировать индийских богов, если бы они обратили внимание на похотливый характер, иногда приписываемый Агни в Ведах. ‘Его одного, вечно юного Агни, люди ухаживают, как лошадь, вечером и на рассвете; они укладывают его, как чужого, в его ложе; свет Агни, почитаемого мужчины, зажжен.’ Агни был индийским "Брюлефером", или заклинателем любви, и покровителем брака; бог огня Гефест был мужем Афродиты; день скандинавского бога грома и молнии Тора (четверг) считается в скандинавских регионах самым удачным для браков.

Процесс получения огня трением представлен более благородным классом мифов, чем упомянутый. В Махабхарате боги и демоны вместе вспенивают океан для нектара бессмертия; и они используют для своего вспенивания горную Мантару. Это слово появляется в праманте, что означает "огненная дрель", и от него происходит великое имя Прометея, который украл огонь с небес и даровал человечеству благо, которое сделало их настолько могущественными, что зависть и гнев Зевса были возбуждены. Эта басня обычно читается в ее высоко рационализированной и мистической форме и по этой причине относится к другой части нашего общего предмета; но здесь можно заметить, что Титан, так ужасно замученный Зевсом, едва ли мог первоначально считаться другом человека. В то время, когда Зевс был богом, которому искренне поклонялись, - когда он впервые выступил в качестве вытеснителя злобного пожирателя Сатурна, - ни один друг человека не мог быть прикован к скале, чтобы навсегда стать добычей стервятника. Это был огонь в какой-то разрушительной форме, который, должно быть, был тогда связан с Прометеем, а не та сила, с помощью которой позднейшие мифы представляли его оживляющим божественной искрой глиняного человека. Индуистский миф о вспенивании океана для бессмертного сквозняка, даже если будет доказано, что океан-это небо, а сквозняк-молния, не очень нам поможет. Традиционная ассоциация Прометея с Искусством может почти привести к мысли, что раннее использование огня каким-то примитивным изобретателем навлекло на него гнев его товарищей, и что молнии Зевса представляли собой какой-то ранний ‘удар’ по механизмам.

Не вполне очевидно, что поклонение огню в Персии возникло не благодаря какому-то эвфемистическому процессу. Огонь не только занимает видное место в пытках, которым подвергался Ариман в первобытном парсийском аду, но и был одним из орудий, с помощью которого он пытался уничтожить небесное дитя Зороастра. Злые волшебники разожгли в пустыне костер и бросили на него ребенка; но его мать, Догдо, нашла его спокойно спящим на огне, который был как приятная ванна, и его лицо сияло, как Зохор и

Моштери (Юпитер и Меркурий).Зороастрийцы также считали, что земля в конечном счете будет уничтожена огнем; ее металлы и минералы, воспламененные кометой, образуют потоки, через которые должны будут пройти все души: они будут приятны праведникам, но ужасны грешникам, которые, однако, пройдут очищенными в рай, последним прибудет сам Ариман.

Горючая природа многих минералов под поверхностью земли, которая была всем царством Аида (невидимого), помогла бы идее огненной обители для адских богов. Наша фраза "плутонический рок" имела бы тогда очень прозаический смысл. Плиний говорит, что в его время серу использовали для отпугивания злых духов, и не исключено, что она впервые стала использоваться в качестве лекарства этим путем.

Огненные праздники все еще существуют в Индии, где древние одежды Агни были разделены и распределены между многими божествами. На популярном ежегодном празднике в честь Дхарма Раджи, называемом Праздником Огня, преданные ходят босиком по пылающему огню, простирающемуся на сорок футов. Он длится восемнадцать дней, в течение которых те, кто дает обет соблюдать его, должны поститься, воздерживаться от женщин, лежать на голой земле и ходить по живому огню. На восемнадцатый день они собираются под звуки инструментов, их головы увенчаны цветами, их тела вымазаны шафраном, и следуют за фигурами Дхарма Раджи и Драупади, его жены в процессии. Когда они подходят к огню, они размешивают его, чтобы оживить его деятельность, и берут немного пепла, которым они протирают свои лбы; и когда богов трижды обносят вокруг него, они идут по горячему огню, около сорока футов. Одни несут на руках своих детей, другие-копья, сабли и штандарты. После церемонии люди спешат собрать пепел, чтобы потереть им лоб, и получить от преданных цветы, которыми они были украшены и которые они бережно хранят.

Страсть Агни вновь появляется в Драупади, очищенной огнем для ее пяти мужей, и особенно ее союз с Дхарма Раджой, сыном Ямы, празднуется в этом неортодоксальном празднике страстей. Путешественники настолько привыкли смотреть на всякое "идолопоклонство" библейскими глазами, что мы не можем быть уверены в том, что в вынашивании детей преданными было что-то более значительное, чем предположение, что то, что было хорошо для родителей, было одинаково полезно и для ребенка. Но отождествление Молоха с арийским божеством не имеет значения; Индийский праздник Огня и обряды Молоха выводятся очень простым умственным процессом из наиболее очевидных аспектов Солнца как оживляющей и поглощающей силы в природе. Дитя, принесенное в жертву Молоху, было принесено в жертву богу, от которого он был рожден, и как самый драгоценный из всех плодов земли, о котором умоляли его добродушную помощь и осуждали его разрушительную силу. Молох, слово, означающее "царь", было почти синонимом человеческих жертвоприношений. По всей вероятности, сначала это была всего лишь местная (аммонитская) персонификация, выросшая из древнего святилища Ваала. Мадианитянин Ваал сопровождал израильтян в пустыню, и это поклонение никогда не было полностью искоренено. В египетском Исповедании Веры, которое посвященные брали даже в свои могилы, начертанные на свитке, имя Бога не

упоминается, а выражается только словами Нук пу Нук: "Я есмь тот, кто Я есмь". Пламя горящего куста, из которого эти же слова пришли к Моисею, было зажжено от Ваала, Солнца.; и мы не должны удивляться, что в то время как более просвещенные вожди Израиля сохранили высшие идеи и символы стран, которые они покинули, невежественные все еще цеплялись за Аписа (Золотого Тельца), Аштарофа и Молоха. Амос (ст. 26), а после него Стефан мученик (Деян. 43), упрекают евреев в том, что они унесли в пустыню скинию своего бога Молоха. И хотя по Закону Моисея прохождение детей через огонь к Молоху считалось тяжким преступлением, суеверие и соответствующая практика сохранили такую силу, что мы видим, как Соломон строит храм Молоху на Елеонской горе (1 Цар.)

Из обличений пророков ясно, что гибель детей в этом пламени была действительной. Из Иеремии XIX, а также из других источников мы знаем, что сожжения происходили в долине Тофет или Хинном (Геенна). Идол Молох был медный, и трон его медный; голова его была телячьей и носила царскую корону; живот его был горнилом, и когда детей помещали в его объятия, они были поглощены свирепым жаром, и их крики тонули в ударах барабанов; от чего, тоф означало "барабан", это место также называлось Тофет. В жестокой войне, которую вел Иосия против чужих суеверий, он осквернил Геенну, наполнив ее нечистотами и костями мертвецов, чтобы сделать ее отвратительной, "чтобы никто не мог заставить сына своего или дочь свою пройти через огонь к Молоху" (2 Цар. 10), и там поддерживался вечный огонь, чтобы пожирать грязь Иерусалима.

Из этой ужасной Геенны, с ее вечным огнем, ее отвратительным червем, ее жестокостями, была выведена картина бесконечного Ада, приготовленного для большинства людей Тем, кто, пока они живут на земле, посылает дождь и солнечный свет как на зло, так и на добро. Во Чанг, китаец из Лондона, написал в журнал свое удивление по поводу того, что наши религиозные учителя с такой заботой относятся к жертвам турецких зверств в Болгарии, в то время как они так спокойно относятся к миллионам горящих и обреченных гореть бесконечно в адском пламени. Наши восточные братья многому научатся у наших миссионеров, в том числе и тому, что богословским богом христианского мира по-прежнему является Молох.

Аммониты, особым демоном которых был Молох, по-видимому, постепенно смешались с арабами. Они получили из многих источников свои беспородные суеверия, но среди них всегда были заметны боги планет и боги огня, которых их растущий монотеизм (если использовать это слово все еще в свободном смысле) превратил в могущественных ангелов и гениев. Гении Аравии-рабы светильника; они вызываются горящими пучками волос; они поднимаются, как облака дыма. Хотя, будучи подчиненными агентами Огненного дьявола, они могут быть поглощены пламенем, все же те, кто так борется с ним, склонны страдать от подобной судьбы, как в случае с Леди Красоты в Развлечениях Тысячи и одной ночи. Многие истории такого рода предшествовали утверждениям Ветхого Завета, что Иегова дышит огнем и серой, его дыхание разжигает Тофет, а также отрывкам из Корана и Нового Завета, описывающим сатану как огненного дьявола.

Среди евреев некоторых отдаленных районов Европы сохранились различные суеверия, связывающие адские силы с огнем. Еврейские жители в деревнях на Вогезах и на берегах Рейна неделю празднуют Пасху. Время омера-это промежуток между Пасхой и Пятидесятницей, семь недель, прошедших с момента выхода из Египта и дарования закона, отмеченный в прежние дни ежедневным приношением омера ячменя в храме. Это считается страшным временем, в течение которого каждый еврей особенно подвержен злому влиянию злых духов. В воздухе есть что-то опасное и роковое; каждый должен быть настороже и ни в коем случае не искушать шедим (демонов). Строго следи за своим скотом, говорят евреи, потому что колдунья войдет в твои конюшни, оседлает твоих коров и коз, навлечет на них болезни и скиснет их молоко. В последнем случае попробуйте наложить руку на подозреваемую; заприте ее в комнате с тазом кислого молока и взбейте молоко ореховой палочкой, трижды произнося имя Бога. Пока ты будешь это делать, колдунья будет сильно плакать, потому что удары падают на нее. Остановитесь только тогда, когда увидите голубое пламя, пляшущее на поверхности молока, ибо тогда очарование будет разрушено. Если с наступлением ночи нищий придет просить немного угля, чтобы разжечь свой костер, будьте очень осторожны, не давайте его и не отпускайте, не потянув его три раза за фалду; и, не теряя времени, бросьте в огонь несколько больших горстей соли. Во всем этом мы можем проследить предания о выжженных диких землях и огненных змеях, а также о долгой войне Авраама с огнепоклонниками, пока, согласно преданию, он не был брошен в огонь, которому отказался поклоняться.

Вероятно, во всех народных суевериях, которые теперь связывают дьяволов и будущие наказания с огнем, смешаны как апофеоз, так и деградация демонов. Первое и самое универсальное божество-Солнце, земным представителем которого является огонь, поэтому изучающий Сравнительную мифологию должен очень тщательно выбирать свой путь, прослеживая любым этнологическим путем бесчисленные суеверия европейского фольклора, в которых, по-видимому, отражается поклонение Огню. Собрание фактов и записей,содержащихся в труде, столь доступном для всех, кто интересуется этой темой, как труд Бранда и его редакторов, делает ненужным, чтобы я подробно останавливался здесь на любопытных фактах. Единообразие традиций, в соответствии с которыми костры середины лета в Северной Европе назывались Баал-кострами или Бел-кострами, дает основание полагать, что они действительно происходят от древних обрядов Ваала, даже если не принимать во внимание тот печально известный факт, что они так часто сопровождались суеверием, что детям полезно перепрыгивать через такие костры или проходить через них. То, что эта практика все еще сохраняется в отдаленных местах Британской империи, видно из таких сообщений, как следующие (из Times), которые иногда адресованы лондонским журналам: "Леруик (Шетландия), 7 июля 1871 года.) Примерно в миле от этого города я заметил семь пылающих костров, в соответствии с древним обычаем праздновать день летнего солнцестояния. Эти костры были зажжены на разных высотах вокруг древней деревни Саунд, и дети перепрыгивали через них и "проходили через огонь к Молоху", точно так же, как их предки тысячу лет назад на тех же высотах и их еще более отдаленные предки в восточных землях много тысяч лет назад. Это упорное следование мистическим обрядам в нашу научную эпоху кажется мне достойным внимания.

К этому можно добавить следующую недавнюю выдержку из шотландского журнала:

Хэллоуин был отпразднован в замке Балморал с необычной церемонией, в присутствии ее Величества, принцессы Беатрис, леди и джентльменов королевского двора и большого собрания арендаторов. Главными элементами праздника были факельное шествие, зажжение больших костров и сожжение чучел ведьм и колдунов. Более 150 факелоносцев собрались в замке, когда стемнело, и разделились на две группы: одна группа отправилась в Инвергелдер, а другая осталась в Балморале. Факелы были зажжены без четверти шесть, и вскоре после этого королева и принцесса Беатрис отправились в Инвергелдер, сопровождаемые балморальской группой факелоносцев. Затем обе партии объединились и вернулись процессией к передней части замка Балморал, где всем подали закуски, а вокруг огромного костра были устроены танцы. Внезапно из задней части Замка появился гротескный призрак, изображающий ведьму со свитой последователей, одетых как духи, которые танцевали и жестикулировали на все лады. Затем последовал колдун демонической формы, за которым последовал другой колдун, рисуя машину, на которой сидела фигура ведьмы, окруженная другими фигурами в одеяниях демонов. Неземные гости несколько раз обошли вокруг горящей кучи, после чего главную фигуру вытащили из машины и бросили в пламя среди горящих синих огней и фейерверков. Затем была дана клятва за здоровье ее Величества королевы, и собравшиеся сотни людей пили с горскими почестями. Затем танцы возобновились и продолжались до позднего вечера.

Шестой Константинопольский собор (680 г.) своим шестьдесят пятым каноном запрещает эти костры в следующих выражениях: "Те костры, которые разжигаются некоторыми людьми перед их лавками и домами, через которые они также смехотворно прыгают, по известному древнему обычаю, мы приказываем отныне прекратить. Итак, кто сделает что-либо подобное, если он священник, да будет низложен; если он мирянин, да будет отлучен. Ибо в Четвертой книге Царств так написано: "И устроил Манассия жертвенник всему воинству небесному в двух дворах дома Господня, и провел детей своих через огонь". В этом доносе есть очаровательная наивность. Нет больше сомнения, что этот "костер", через который прыгали люди, происходил из того же источника, что и та Геенна, из которой Церковь вывела ортодоксальную теорию ада, как мы уже видели. Когда Шекспир говорит (Макбет) о "пути первоцвета к вечному костру", он, со свойственным ему блаженством, приписывает адскому пламени и огням Молоха и Ваала их правильное археологическое отношение.

В детстве я часто прыгал через костер в той части штата Виргиния, где жили в основном шотландские семьи, с которыми, вероятно, этот обычай и перекочевал туда. В суевериях негров этого и других Южных штатов огонь играет большую роль, но теперь едва ли можно определить, откуда они пришли-из Африки или из Англии. Иногда встречаются странные совпадения между их представлениями и некоторыми ранними легендами Британии. Таким образом, предание о пастухе, направляемом далеким огнем ко входу в подземный зал короля Артура, где пламя, питаемое не горючим, проходящим через пол, показывает дремлющего монарха и его двор, несколько напоминает рассказы, которые я слышал от негров о том, как их вели далекие огни к счастливым - другие говорят,

несчастливым - или, во всяком случае, заколдованным местам. Негр, принадлежавший моему отцу, рассказывал мне, что однажды, идя по проселочной дороге, он увидел вдали большой костер.; он предположил, что это, должно быть, горит дом, и поспешил к нему, тем временем сильно озадаченный, так как не знал никакого дома в этом направлении. Продолжая свой путь, он свернул в небольшой лесок, возле которого, казалось, горел костер, но когда он вышел, все, что он нашел, было единственным костром-уголь, горящий на тропинке. Других следов огня не было, но в этот момент мимо него с громким лаем проскочила большая собака и исчезла.

В письме "Вудуизм в Виргинии", опубликованном в "Нью-Йорк Трибюн" и датированном Ричмондом 17 сентября 1875 года, содержится описание класса суеверий, которые обычно держатся в стороне от белых, как я всегда считал из-за их чисто африканского происхождения. Как мы увидим, огонь представляет собой важный элемент в суеверных практиках.

"Если невежественный негр поражен болезнью, которую он не может понять, он часто воображает себя жертвой колдовства и, не веря в "лекарство белых людей" от таких недугов, должен обратиться к одному из этих шарлатанов. Один врач, живший неподалеку от этого города, был приглашен таким человеком, чтобы засвидетельствовать свой способ лечения больного водянкой, которому этот врач иногда милостиво назначал лечение. Любопытство заставило его присутствовать на сеансе, предварительно сообщив шарлатану, что, поскольку дело находится в таких руках, он отказывается от всякой связи с ним. На покрывале кровати, на которой лежал больной, было разложено множество костей, перьев и прочего хлама. Шарлатан проделал серию так называемых заклинаний, сжег перья, волосы и крошечные кусочки дерева в угольной печи и пробормотал какую-то тарабарщину, недоступную пониманию врача. Затем он разорвал подушки и валики и извлек из них несколько странных скоплений перьев. Они, по его словам, и стали причиной всех неприятностей. Посыпав их белесым порошком, он сжег их в своей печи. Поднялся черный противный дым, и он торжествующе объявил, что злое влияние уничтожено и что больной непременно выздоровеет. Он умер через несколько дней, полагая, как и все его друзья и родственники, что заклинания "доктора-фокусника" не смогли спасти его только потому, что к ним прибегли слишком поздно.

Следующий рассказ о заклинании, от которого была спасена его жена, дал мне один негр из Виргинии:

‘Колдун, - цитирую точные слова моего информатора, - бросил палку на сундук; палка трижды подпрыгнула, как мяч-ловушка; затем он открыл сундук, вынул что-то похожее на пыль или глину и положил это в чашку с водой над огнем; затем он вылил это на доску (предварительно трижды разрубив ее), которую затем положил под черепицу дома. Вернувшись к сундуку, он взял кусок старой цепи длиной с мою ладонь, взял мотыгу и закопал цепь у порога дома моей жены, где она должна была пройти; затем он ушел. Я увидел, что идет моя жена, и крикнул ей, чтобы она не проходила мимо, а пошла за мотыгой и выкопала это место. Она сделала это, и я взялся за цепочку, которая начисто обожгла концы всех моих пальцев. В ту же ночь фокусник вернулся: моя жена взяла два

полдоллара с четвертью серебром и бросила их перед ним на землю. Мужчина, казалось, был потрясен, а затем протянул ей руку, которую она отказалась принять, так как я просил ее не позволять ему прикасаться к ней. Он ушел и больше никогда не приходил в дом. Чары были разрушены.

Я убежден, что это чистая процедура Вуду, и она интересна в нескольких отношениях. Введение цепи, возможно, было результатом волнения того времени, потому что это было во время войны, когда негры разрывали свои цепи. Огонь и вода показывают, как широко распространено в Африке то двойное испытание, которое, как мы видели, хорошо известно в королевстве Дагомея. Но смешивание ‘чего - то похожего на пыль "с водой, которую держат в чаше над огнем, сильно наводит на мысль о еврейском методе приготовления святой воды, ‘воды разделения". "Для нечистого человека пусть возьмут прах от сожженной телицы очищения за грех, и проточная вода будет помещена в сосуд" 10. Огненный элемент смеси был в этом случае привнесен с пеплом красной телицы. Что же касается самой жертвы рыжей телицы, то она явно была умилостивлением огненного демона. В Египте рыжие волосы и рыжие животные всех видов считались адскими, и все подробности этого жертвоприношения показывают, что цвет этой отборной телицы был типичным. Телица не была обычным жертвоприношением: красная, очевидно, по своему цвету предназначалась для джиннов огня - страшной Семерки - и не могла быть им отказана. Его кровь была окроплена семь раз перед скинией, а остальное было полностью уничтожено - включая шкуру, о которой особенно упоминается, - и пепел, взятый, чтобы сделать "воду разделения". Кальмет отмечает в этой связи, что Апис Индии был красного цвета.

Следующий интересный рассказ о китайском боге Огня был передан мистеру Деннису 12 мистером Плейфером из консульства Его Величества, которому он был посвящен в Пекине:

- Храмы Бога Огня многочисленны в Пекине, что естественно в городе, построенном по большей части из очень горючих материалов. Идолы, изображающие бога, за одним исключением, украшены рыжими бородами, символизирующими своим цветом стихию, находящуюся под его контролем. Исключительный бог имеет белую бороду и "тем самым вешает сказку".

- Сто лет назад доходы китайской империи были в гораздо лучшем состоянии, чем сейчас. В то время они еще не вступили в столкновение с западными державами, и слово "контрибуция" до сих пор не нашло места в их лексиконе; внутренние восстания подавлялись сразу же, как только они вспыхивали, и, одним словом, Кьен Лун был в менее стесненных обстоятельствах, чем Кван Су; у него было больше денег, чтобы тратить, и он много строил дворцов. Его любимым зданием, на которое не жалели средств, был ‘Зал созерцания". Этот зал был очень больших размеров; стропила и колонны, поддерживавшие крышу, были такого размера, какого в наши дни нет ни у одного дерева в Китае. Не исключено, что первоначально они были посланы в качестве подношения монархом-данником какой-нибудь тропической страны, такой как Бирма или Сиам. Двое мужчин едва могли взяться за столбы; они были покрыты блестящим черным лаком,

который, добавляя красоты их внешнему виду, должен был также сделать их менее подверженными горению. Действительно, были приняты все меры, чтобы огонь не приблизился к зданию; в этих стенах нельзя было зажигать лампу, а выкурить трубку в этих стенах означало бы наказание смертью. Пол в зале был выложен разноцветным мрамором, мозаикой из цветов и загадочных китайских иероглифов, всегда отполированных, как зеркало. Стены комнаты были заставлены редкими книгами и драгоценными рукописями. Короче говоря, это был лучший дворец в имперском городе, и он был гордостью Кьен-Луна.

- Увы, тщета человеческих желаний! Несмотря на все предосторожности, однажды ночью вспыхнул пожар, и Зал Созерцания оказался в опасности. Китайцы столетней давности не обходились без пожарных машин, и хотя они были ужасно неэффективны по сравнению с нашими лондонскими пожарными, они были лучше, чем ничего, и вскоре сотня из них работала вокруг горящего здания. Сам император вышел, чтобы руководить их усилиями и поощрять их к новым усилиям. Но зал был обречен; пламя направляла более чем земная сила, и усилия смертных были напрасны. Ибо на одной из горящих балок Кьен Лун увидел фигуру маленького старичка с длинной белой бородой, стоявшего в торжествующей позе. "Это Бог Огня, - сказал Император, - мы ничего не можем сделать", - поэтому зданию было позволено гореть спокойно. На следующий день Кьен Лун назначил комиссию обойти пекинские храмы, чтобы выяснить, в каком из них есть бог Огня с белой бородой, чтобы поклониться ему и умилостивить оскорбленное божество. Поиски оказались бесплодными: у всех Огненных богов были рыжие бороды. Но комиссия сделала свою работу плохо; будучи в высшей степени респектабельными мандаринами из благородных семей, они ограничили свои поиски такими храмами, которые были в хорошем состоянии и имели достойный внешний вид. За северными воротами имперского города находилось одно старое, полуразрушенное, пользующееся дурной славой святилище, которое они проглядели. Он разрушался годами, и даже страшная фигура Бога Огня, сидевшая над алтарем, не избежала осквернения. ‘Время истончило его распущенные локоны", и борода совсем отпала. Однажды водоносы, часто посещавшие эти места, подумали-то ли из милосердия, то ли в шутку, - что лицо будет выглядеть лучше, если отрастить новую бороду. Тогда они распутали какую-то веревку и обтрепанной пенькой украсили безбородый подбородок. Однажды чиновник, проходя мимо храма, заглянул из любопытства и увидел пеньковую бороду. "Как раз то, о чем спрашивал император", - сказал он себе и без промедления доставил известие во дворец. На следующий день состоялся государственный визит в полуразрушенный храм, и Кьен Лун поклонился и дал обет.

-О бог огня, - сказал он, - ты разгневался на меня за то, что я построил себе дворцы и оставил твою святыню неосвященной и в руинах. Здесь я клянусь построить тебе храм, превосходящий всех богов Огня в Пекине, но я надеюсь, что в будущем ты не будешь вмешиваться в мои дворцы.

- Император сдержал свое слово. Новый храм стоит на месте старого, и у бога Огня пышная борода из тонких белых волос.

В "Сан-Францисском вестнике" я недавно прочитал описание празднования китайцами в этом городе своего Праздника мертвых, в котором есть некоторые существенные черты. Главное внимание было обращено, говорит репортер, на фигуру, "представляющую то, что отвечает в их богословии нашему дьяволу и кого они, очевидно, считают необходимым умилостивить, прежде чем приступить к поклонению над отдельными могилами". Эта фигура находится на западной стороне их храма; перед ней и вокруг нее постоянно горели свечи и жезлы. С восточной стороны виднелась более привлекательная фигура, на которую они обращали сравнительно мало внимания.

Конечно, было вполне естественно, что демоны огня постепенно должны были быть изгнаны из этого элемента в его обычных аспектах, поскольку его использование стало более важным благодаря человеческим изобретениям, и его злые возможности были освоены. Такие демоны постепенно стали располагаться в районе особо опасных пожаров, таких как вулканы и кипящие источники. Титан, которого древние считали борющимся под Этной, остался там как Дьявол в христианскую эпоху. Говорят, что святая Агата своими молитвами на столетие предотвратила его рвотный огонь. Филипп взошел на ту же гору и с книгой и свечой произнес молитву изгнания бесов, при которой три беса вылетели, как огненные летящие камни, крича: "Горе нам! за нами все еще охотится Петр через Филиппа Старшего! Вулканы породили веру в то, что ад находится в центре земли, и их занятые вулканы классических эпох легко превратились в сернистых владык христианского Ада. Таков средневековый Хаборим, демон поджога, с тремя головами— человеком, кошкой и змеей, - который скачет по воздуху верхом на змее и держит в руке пылающий факел. Астрологи назначили его командовать двадцатью шестью легионами демонов в аду, и суеверные часто видели его смеющимся на крышах горящих домов.13 Но еще более достойным является Раум, который командует тридцатью легионами и разрушает деревни; следовательно, также, будучи вовлечен в разрушения войны, он стал демоном, который награждает достоинства; и хотя это сделало его обычную форму явления на правом берегу Рейна одинистическим вороном, на левом берегу он может быть обнаружен в маленьком красном человеке, который, как сообщалось, был фамильяром Наполеона I во время его карьеры.

Среди южнотихоокеанских мифов мистера Гилла есть один о Прометее Мауи, который с помощью красного голубя получает от подземного огненного демона секрет производства огня (трением палочек), демон (Мауике) затем поглощается своим царством, а огонь переносится в верхний мир, чтобы остаться другом человека. В ведической легенде, когда мир был окутан тьмой, боги молились Агни, который внезапно вспыхнул как Тваштри - чистый огонь, ведический Вулкан - к ужасу вселенной. В эддических сагах Локи считался самым прожорливым существом, пока не потерпел поражение в поединке с Логи (пожирающим огнем).

Пережитки веры в огненную природу демонов очень многочисленны. Таким образом, очень распространено убеждение, что дьявол не может коснуться воды или пересечь ее, и поэтому может спастись, перепрыгнув через ручей. Иногда предполагалось, что это имеет какое-то отношение к очищающему характеру воды, но в христианском фольклоре есть

много примеров, когда дьявол изображается совершенно независимым даже от святой воды, если она не окропляет его или не мочит его ноги. Так в норфолкской легенде о св. Годрик, дьявол, говорят, бросил сосуд со святой водой в голову святого из гнева на его пение песнопения, которому его научила Дева. Но когда Дьявол нападал на него в различных свирепых звериных обличьях, святой Годрик спасался бегством в Износ, где иногда простоял всю ночь в воде по шею.

Кобольды получают красные куртки, которые, как говорят, они носят из-за своей огненной природы. Первоначально lar familiaris Германии, Кобольд стал много разновидностей; но в одной линии он развился от домашнего духа, чей добрый или злой характер был распознан в удобствах или опасностях огня, к особому Каменному демону. Адский пес в комнате Фауста прячется за камнем от чар "Соломонова ключа" и там принимает человеческий облик. Немецкие девы читали много красивых оракулов в поведении огня и в поведении его товарища Варсагера, домашней собаки. Действительно, широко распространено мнение, что бесы и ведьмы прячутся у камина, очевидно, в кошках и собаках, и летают по воздуху на орудиях, которые обычно стоят около огня,— лопате, щипцах или метле. В Париже раньше был обычай бросать в огонь двадцать четыре кошки в ночь Святого Иоанна, причем животные эти, по словам М. Де Планси, эмблемы дьявола. Так сменился холокост человеческих ведьм, пока, наконец, цивилизация не объявила комендантский час для всех подобных пожаров.

Глава III. Холодный.

Сошествие Иштар в Аид—Бардизм—Бальдр—Геракл—Христос—Пережитки Ледяного Великана в славянских и других странах—Клавия—Замерзший Ад—Северная обитель демонов—Северная сторона церквей.

Даже в незапамятные времена невозможно без волнения читать легенду о сошествии Иштар в Ад. Через семь врат проходит богиня Любви в поисках своего возлюбленного, и у каждого из них страшный страж снимает с нее некоторые украшения и одежду. Иштар входит обнаженной в присутствие Царицы Смерти. Но боги, люди и стада томятся в ее отсутствие, и чудотворная Хеа, Спасительница, так очаровывает Адскую Царицу, что она приказывает Судье своего царства Аннунаку освободить Иштар от его золотого трона.

- Он излил на Иштар воды жизни и отпустил ее.

Тогда первые врата выпустили ее и вернули ей первую одежду ее тела.

Вторые врата выпустили ее и вернули ей бриллианты на руках и ногах.

Третьи врата выпустили ее и вернули ей центральный пояс.

Четвертые врата выпустили ее и вернули ей маленькие прелестные драгоценные камни ее лба.

Пятые врата выпустили ее и вернули ей драгоценные камни ее головы.

Шестые врата выпустили ее и вернули ей серьги в ушах.

Седьмые врата выпустили ее и вернули ей великую корону на голове.

Эта древняя чудодейственная игра Природы - возвращение летнего цветка за цветком - расшифрована с древней ассирийской таблички в городе, находящемся всего в нескольких часах езды от другого, где круг верующих повторяет то же самое в каждое солнцестояние! Мифир Морганвг, Верховный друид, все еще поклоняется Хеа по имени как своему Спасителю, и в день зимнего солнцестояния собирает своих братьев, чтобы отпраздновать его пришествие, чтобы нанести удар по голове Змея Гадеса (Annwn, почти то же самое, что и в табличке), чтобы время посева и жатвы не пропало.

Разве это выживание? Несомненно, но нет такого культа в мире, который, если его "поцарапать", как говорится в пословице, не откроет под ним того же самого представления. Как бы он ни был одухотворен, каждый "план спасения" отлит по образцу Зимы, побежденной Солнцем, Нисхождения Любви в Подземный Мир, освобождения заключенных зародышей Жизни.

Очень поучительно сравнить с мифом об Иштар миф о Гермедре, ищущем освобождения Бальдра Прекрасного из Хельхейма.

Смертоносные силы Зимы представлены в эддическом повествовании о смерти Бальдра, мягкого летнего Света, скандинавского Ваала. Его слепой брат Хедр-Тьма; демон, направивший его стрелу, - Локи, подземный огонь; сама стрела-из омелы, которая, взращенная Зимой, ничем не обязана Бальдру; и царство, в которое он перенесен, - это Хель, замерзшая зона. Прибывший Гермедр заверил Хель, что боги в отчаянии от потери Бальдра. Королева ответила, что теперь следует проверить, был ли Бальдр так любим. "Итак, если все в мире, живое и неживое, будет оплакивать его, то он возвратится к Асам". В конце концов все заплакали, кроме старой ведьмы Токк (Тьмы), которая пела из своей пещеры.

Токк будет вопить

С сухими глазами

Тюк-огонь Бальдра.

Ничего быстрого или мертвого

За сыном Карла ухаживаю я.

Пусть Хель держится.

Поэтому Бальдр остался в Хельхейме. Этот миф очень похож на миф о Происхождении Иштар. С таким же акцентом плачет и терзает себя посланник южных богов, рассказывая о горе верхнего мира и всех людей и животных "с тех пор, как мать Иштар спустилась в Аид". Но в последней гонец успешен, на Севере он неудачлив. В соответствующих мифах о теплом и солнечном климате усилия по освобождению более или менее успешны, пропорционально продолжительности зимы. У Адониса, освобожденного из Аида на четыре месяца каждый год, и еще на четыре, если он решил оставить Персефону ради

Афродиты, мы имеем отражение изменчивого года. Этот миф, как и аналогичный миф о Персефоне, менялся во времени, указанном для их прохождения в верхнем и нижнем мирах, вероятно, в соответствии со средними климатическими показателями регионов, в которых они были рассказаны. Но в тропиках было легко поверить в полное освобождение, как в мифе об Иштар. В мангайских мифах герой, Мауи, спасается из подземного мира огня с помощью красного голубя.

Когда это состязание между Смертью Зимы и Жизнью Весны стало очеловеченным, это было подобно тому, как Геракл побеждает Смерть и полностью освобождает Алкесту. Когда она стала одухотворенной, это было как Христос, побеждающий Смерть и Ад и освобождающий духов из тюрьмы. Зимнее запустение нужно было искусственно имитировать в сорокадневном посте и Великом посте, закрываясь ударом копья (стрела омелы) среди тьмы (слепой Хедр). Но миф о быстром воскрешении пришлось искусственно сохранить на крайнем Севере. Легенда о полном триумфе над Смертью и адом никогда не могла возникнуть у наших скандинавских предков. Их единственная похожая история, история Идуны, повествовала о том, как ее спасение от Великанов вернуло здоровье богам, а не людям. Но именно с Юга люди должны были услышать весть о спасении земли и человека.

Мы не можем теперь понять, что за радостную весть поведали они людям, сидящим в ледяных и мрачных краях, после того как она была навязана им вопреки их неохотным страхам. В разнообразных формах возобновлялась старая битва на их празднествах, и народы, которые долгое время были повержены и беспомощны перед ужасными силами природы, никогда не уставали от южных басен о героических победах над ними, долго интерпретируемых в простом физическом смысле.

Великий Демон Северного Мира-все еще Зима, и наследственная ненависть к нему такова, что его все еще проклинают, бичевают, убивают, хоронят или топят под разными именами и масками. В каждой славянской стране, говорит г-н Ральстон, можно найти, примерно в карнавальное время, следы древних обрядов, призванных олицетворять смерть Зимы и рождение Весны или Лета. В Польше куклу, сделанную из пеньки или соломы, бросают в пруд или болото со словами: "Черт тебя побери!" Затем участники дела бегут домой, и если один из них споткнется и упадет, считается, что он умрет в течение года. В Верхней Лозатии подобную фигуру привязывают к шесту, чтобы забросать ее, затем отвозят к границе деревни и перебрасывают через нее или бросают в воду, а ее носильщики возвращаются с зелеными ветвями. Иногда фигура окутана белым, изображающим снег, и несет в руках метлу (метель) и серп (роковой жнец). В России сжигается " Соломенный муджик’, а также в Болгарии; в последней костер сопровождается стрельбой из ружей, танцами и песнями в честь Ладо, богини Весны. Это воспоминание о Лито, из-за которого Аполлон убил Пифона, еще более поразительно благодаря сопровождающей его неделе стрельбы из лука, напоминающей солнечные стрелы бога. В Испании и Италии марионетку-демона бичевали под именем Иуды, как и в случае с ежегодным представлением португальских моряков в Страстную пятницу в Лондонских доках. Тайлор нашел в Мексике похожий обычай: Иуда был настоящим рогатым и копытным

дьяволом. В Шотландии дохристианские принадлежности соответствующего обычая более выражены как в выбранном времени (последний день года, старый стиль), так и в месте. ‘Клавиша", как таинственно называется обычай сжигания марионетки Зимы, произошла 12 января этого года (1878) в Бургхеде, рыбацкой деревушке близ Форреса, где стоит старый римский алтарь, названный местным "Дору". Рыбак поджег бочку с дегтем и пронес ее по городу, а люди кричали и кричали. (Если человек, несущий бочку, падает, это дурное предзнаменование.) Освещенную бочку, обойдя город, отнесли на вершину холма и поставили на Дору. Добавилось еще топлива. Искры, когда они летят вверх, должны быть ведьмами и злыми духами, покидающими город; поэтому люди кричат на них и проклинают их, когда они исчезают в пустоте. Когда горящая бочка с дегтем разваливается на куски, рыбачки бросаются туда и пытаются достать из ее остатков зажженный кусок дерева.; при таком освещении огонь в очаге коттеджа сразу же разгорается, и считается удачей поддерживать этот огонь живым до конца года. Древесный уголь из Клавиша собирают и кладут в дымоход, чтобы предотвратить появление ведьм и злых духов в доме. Дору покрыт толстым слоем смолы от костров, которые ежегодно зажигают на нем. Рядом с ним находится очень древний римский колодец.

Пример иронии этимологии заключается в том, что слово " Ад " означает место беспощадной тьмы. Не является фактом и то, что имя скандинавской демоницы Хель, фонетически соответствующее Кали, "Черная" (гот. Халя), чьим обиталищем была ледяная дыра, сохранила свое имя как место огненных мучений, не имеющее значения. В регионах, где холод был известен в неудобной степени, как и жара, мы обычно находим его представленным в идеях будущего наказания. Царство под названием Аид, что означает то же самое, что и Ад, предполагает холод. Тертуллиан и Иероним говорят, что собственные фразы Христа "внешняя тьма" и "скрежет (стук) зубов" предполагают место крайнего холода, чередующегося с чрезмерной жарой. Следы подобных спекуляций обнаруживаются и у раввинов. Так, рабби Иосиф говорит, что в Геенне были и вода, и огонь. Ной увидел приближающегося ангела смерти и скрывался от него двенадцать месяцев. Почему двенадцать? Потому что (объясняет рабби Иегуда) таково испытание грешников—шесть в воде, шесть в огне. У Данте (вслед за Вергилием) есть как ледяной, так и пылающий ад; и эта идея была доведена некоторыми схоластами до такого утверждения, что, казалось бы, чередование будущих наказаний равносильно сильной лихорадке и лихорадке. Мильтон ("Потерянный рай", ii) смешал раввинские понятия с понятиями Вергилия (VI) в своей ужасной картине замерзшего континента, где

Иссушающий воздух

Жжет фрор, а холод производит эффект огня:

Туда гарпийногими Фуриями халед

При определенных революциях все проклятые

Приносятся; и чувствуют по очереди горькую перемену

Яростных крайностей, крайностей переменами более яростных,

Из лож бушующего огня голодать во льдах

Их мягкое эфирное тепло, и там соснуть

Неподвижный, инфиксный и застывший кругом.

С которой можно сравнить строки Шекспира в ‘Мере за меру"—

Обесцвеченный дух

Купаться в огненных потоках или жить

В районе толстого ребристого льда.

В Тибете ад, как полагают, имеет шестнадцать кругов, восемь горящих, восемь замерзших, что М. Делепьер приписывает быстрым изменениям их климата между крайностями жары и холода. Плутарх, рассказывая о видении Феспия в Гадесе, говорит о замерзшей области там. Денис ле Шартре (De PœNis Inferni) говорит, что самая тяжелая из адских мук-это замораживание. В ‘Календаре пастухов’ (1506) легенда гласит:—Лазарь говорит: "Я увидел стаю фросоне йсе, в которой завистливые мужчины и женщины были загнаны в море, а затем так сильно пришел холод винде райт великий, что блу и дид депе низвергли всех завистников в холодную воду, что их никто не видел".

Демон Холода, естественно, обитает в каждом северном регионе. Он-Ке—мунг Китая, который-человекообразный, с головой дракона-бродит по реке Чанг и вызывает ливни.В Гренландии это Эрлеурсорток, который страдает от вечной лихорадки и бросается на души после смерти, чтобы утолить свой голод. Чено (демоны) мимаков Новой Шотландии представляют собой определенные черты расы демонов, но страшно холодны. Оружие Чену - это рог дракона, его крик смертельен для слушателя, его сердце-глыба льда. Это сердце должно быть уничтожено, если демон должен быть убит, но это может быть сделано только путем плавления в огне: главная необходимая предосторожность состоит в том, чтобы человек не утонул в потопе, вызванном таким образом. Ледяной демон долго жил в Шотландии. Сэр Джеймс Мелвилл в своих "Мемуарах" говорит: "дух или дьявол, который помог шотландским ведьмам поднять шторм в Норвежском море, был холоден как лед, а тело его было твердым как железо; лицо его было ужасным, нос-как клюв орла, огромные горящие глаза, руки и ноги волосатые, с когтями на ногтях, как у грифона". Фиан был сожжен за то, что поднял этого демона против Якова I во время его бурного бегства из Дании.

Этот тип демона преследовал умы людей в Скандинавии, где, хотя традиции огненного демона (Локи) и конца света огнем были импортированы, народная вера, по-видимому, была в основном занята ледяными гигантами и грозным Огиром, богом холодных морских восточных ветров, сохраненным в нашем слове благоговение (англосаксонское ege), и более непосредственно в имени нашего знакомого демона, Людоеда, так часто убитого в детской Гладсхейме. Локи (огонь) действительно был быстро низведен Асами (богами) в скрытое подземное царство, где о его существовании можно было узнать только по

землетрясениям, гейзерам и извержениям Геклы, которые он вызывал. И все же он должен был явиться в Рагнарек, Сумерки Богов. В прозаической Эдде мы видим своеобразное смешение тропических и холодных зон - одной традиционной, другой туземной. - Что останется, - сказал Ганглер, - после того, как небо, земля и вся вселенная будут уничтожены, и после того, как все боги, и дома Валгаллы, и все человечество погибнут? ‘Обителей будет много, - ответил Триди, - и хороших, и плохих. Лучше всего будет находиться в Гимиле, на небесах; и все, кто наслаждается хорошим напитком, найдут большой запас в зале под названием Бримир, который также находится на небесах в области Окольни. Есть также прекрасный зал из красного золота, (для) Синдри, который стоит на горах Ниды. В этих чертогах будут пребывать праведные и благоразумные люди. В На-Стронде есть огромное и мрачное строение с дверями, выходящими на север. Он целиком состоит из спин змей, сплетенных вместе, как плетеные. Но головы змей обращены внутрь зала и беспрестанно извергают потоки яда, в которые погружаются все те, кто совершает убийство или отрекается от себя. Как говорится в Вельуспе:

Она увидела холл

Далеко от солнца

В Náströnd стоя,

На север смотрят двери,

И капли яда

Проваливайтесь через бойницы.

Что это за зал

Из сплетенных змей.

Там увидела она уэйда

Через тяжелые потоки

Мужчины отреклись

И убийцы.

Эти названия небесных областей и их обитателей указывают на солнечный свет и огонь. Гимиль означает огонь (гим): Бримир (брими, пламя), великан, и Синдри (зола), карлик, ювелир богов, возносятся в золотые залы. Ничего не говорится о саде или прогулке по нему "в прохладе дня". С другой стороны, Ná-strönd означает Прядь Мертвых, в той области, чьи "двери обращены на север, далеко от солнца", мы видим ад крайнего холода. Христианство не дало исландцам никакого демонического имени, напоминающего огонь. Они говорят о "Скратти" (ревущем, возможно, нашем Старом Царапине) и "Кольском" (угольно-черном), но не обещают ничего более светлого и удобного, чем огонь или огненный дьявол для злодея.

В великом Эпосе о Нибелунгах мы имеем, вероятно, тот облик, в котором окончательно воплотилась мечта северянина о Рае, - Розовый сад на Юге, охраняемый огромным Червем (водяная змея или сверкающее ледяное море), чьи сияющие чары, с Красотой (Химхильд) для их королевы, мог завоевать только храбрый Зигфрид, убивающий дракона. Проходя мимо прелестного дома Рихарда Вагнера на берегу озера, чтобы увидеть Аммергау-версию другой легенды о драконе, связывающем и возвращающем рай, я заметил, что старое название (Штарнбергского) озера было Вюрмзее, от дракона, который когда-то обитал в нем, в то время как из окна композитора был виден его "Остров Роз", который охранял дракон. С тех пор миф многих форм достиг своего музыкального апофеоза в Байройте под его палочкой.

Англия, возможно, отчасти из-за своего сурового климата, когда-то имела репутацию главной обители демонов. Демонесса, оставляющая своего возлюбленного на Континенте, говорит: "Моя мать зовет меня в Англию". Но Англия назначила им еще более высокие широты; христианизируя Ирландию, Иону и другие острова далеко на севере, она предварительно изгнала демонов. ‘Клави", "Deis-iuil" Льюиса и других Гебридских островов—огонь, обнесенный вокруг скота, чтобы защитить его от демонов, и вокруг матерей, еще не воцерковленных, чтобы уберечь младенцев от "изменения", - показывают, что изгнание все еще продолжается, хотя в таких регионах скандинавские и христианские понятия стали настолько смешанными, что это "борьба с дьяволом огнем". Так в Хавамале мужчин предупреждают призывать "огонь для смуты", и Гудрун поет:

Поднимите, ярлы, дубовую груду;

Да будет он под небом самым светлым.

Пусть он сожжет грудь, полную горя!

Огонь вокруг моего сердца, его печали тают.

Последняя строка контрастирует с индуистской поговоркой: "пламя погребального костра мужа охлаждает грудь вдовы".

Символы Северного Рая и Ада сохранились в английском обычае хоронить умерших на южной стороне церкви. Насколько широко это употребление распространялось во времена Бранда, можно видеть из его главы о погостах. Северная сторона кладбища была отведена для некрещеных младенцев и казненных преступников, и людям разрешалось танцевать или играть в теннис в этой части. Доктор Ли говорит, что на кладбище в Морвенстоу в южной части есть только могилы, а северная часть не занята; поскольку корнуолльцы верят (следуя старым традициям), что север-это область демонов. В некоторых приходах Корнуолла, когда происходит крещение, северная дверь нефа напротив купели распахивается, чтобы изгнанный дьявол мог удалиться в свою область, на север. Это согласуется с высказыванием Мартина в "Уме месяца" - ab aquilone omne malum.

В самом деле, не исключено, что факт, отмеченный Уайтом в его "Истории Селборна", что "обычный подход к большинству сельских церквей лежит на юге", указывает на веру в то,

что священное здание должно повернуться спиной к области демонов. Это единственный случай выживания, который привел к тому, что люди, которые благоговейно слушают проповеди, описывающие огненный характер сатаны и его обитель, должны окружать те самые церкви, в которых эти проповеди слышатся, доказательствами своей давней веры в то, что дьявол принадлежит области льда, и что их мертвые должны быть похоронены в направлении счастливых обителей Бримира и Синдри - Огня и Пепла!

Франсуа Ленорман написал чрезвычайно поучительную главу, посвященную сравнению аккадской и финской мифологий. Там он показывает, что они, как одно и то же дерево, приспособлены к антагонистическому климату. При сходных триадах, рунах, амулетах и даже именах в некоторых случаях их отношение к огню, которому поклоняются оба, меняется таким образом, что на первый взгляд кажется несколько аномальным. Аккадцы в своем поклонении огню исчерпали ресурсы хвалы, приписывая славу и силу пламени; финны в своем холодном доме праздновали праздник огня в день зимнего солнцестояния, произносили над огнем заклинания, и мать семейства, совершая домашнее возлияние, говорила: "Всегда поднимайся так высоко, о мое пламя, но не гори больше и не пламеней!" Это уменьшение энтузиазма у северного огнепоклонника по сравнению с южным может быть только результатом эвфемизма у последнего.; или, может быть, в то время как грозный характер бога огня у первобытных ассирийцев проявляется в полном простирании перед ним, характерном для их литаний и молитв, у финнов постоянное присутствие более сильного холода приводило к менее чрезмерному поклонению. Они отважились признать недостатки огня.

Истинная природа этой аномалии становится очевидной, если учесть, что великий демон, которого боялись обе страны, черпая свой культ из общего источника, представлял собой избыток самой страшной силы. Демоном в каждом случае был ветер; у финнов-северный ветер, у аккадцев-юго-западный (самый огненный). Финский демон был Хийси, мчащийся на своем бледном коне по воздуху со страшной вереницей чудовищных собак, кошек, фурий, рассеивающих боль, болезни и смерть. Аккадский демон, бронзовое изображение которого находится в Лувре, - это тело собаки, стоящей на орлиных ногах, с руками, заостренными львиными лапами; у него хвост скорпиона и голова скелета, наполовину лишенная плоти, сохранившая глаза и увенчанная козлиными рогами. У него четыре распростертых крыла. На обороте этого гениально ужасного изображения есть надпись на аккадском языке, сообщающая нам, что это демон юго-западного ветра, созданный для того, чтобы быть помещенным у двери или окна, чтобы предотвратить его враждебное действие.

Когда мы наблюдаем такие фигуры, как эти, с одной стороны, и с другой стороны, прекрасные существа воображали, что они враждебны им; когда мы замечаем в рунах и заклинаниях, как сильно древние чувствовали себя окруженными этими добрыми и злыми силами, и, читая таким образом природу, научились видеть в смене времен года, последовательно побеждающих и побеждаемых друг другом, и чередовании более длинных дней и более длинных ночей, изменчивые судьбы бесконечной битвы, которая не прекращается.; мы можем лучше понять значение праздников солнцестояния, обычаев,

которые собирались вокруг Святок и Нового года, и многочисленных пережитков от них, которые ежегодно маскируются под христианские костюмы и имена. Для нашего поклоняющегося солнцу предка новый год означал первое слабое преимущество более теплого времени перед зимой, насколько он мог это исправить. Парение дня между превосходством света и тьмы теперь названо в честь сомневающегося Фомы. На Святках заря победы солнца видится как святой младенец в яслях среди зверей стойла. Древнее поклонение природе завещало христианской вере плотно прилегающую мантию. Но старая идея войны между зимними и теплыми силами все еще преследует период Нового года; и двенадцать дней и ночей, когда-то считавшиеся периодом ожесточенной битвы между добрыми и злыми демонами, все еще рассматриваются многими как период особой бдительности и молитвы. Канун Нового года, на севере Англии все еще "Хогманей", - вероятно, О. Н. хеку-нетт, ночь середины зимы, когда готовились жертвоприношения Тору, - раньше было много обрядов, которые отражали веру в то, что добрые и злые духи борются за каждого мужчину и каждую женщину; считалось, что воздух кишит ими, и нужно следить, чтобы охраняющий огонь не погас ни в одном доме; чтобы ни один незнакомый мужчина, женщина или животное не приближались - возможно, переодетый демон. Священные растения были установлены в дверях и окнах, чтобы предотвратить вход любого злого существа из множества, наполняющего воздух. Джон Уэсли, чье благородное сердце было соединено с умом, странно открытым для историй о хобгоблинах, привел церкви и секты обратно в эту древнюю атмосферу. Тем не менее, рационализм эпохи повлиял на Праздник Святого Веслея - Ночь стражи. Он с трудом узнает своего брата на банкете "Кабанья голова" в Королевском колледже Оксфорда, который праздновал победу над клыкастой зимой, обезглавленным демоном, чья щетина когда-то была сосульками, упавшими под лесными духами остролиста и розмарина. Но то, что на самом деле означает "Ночь стражи" в антикварном смысле, - это всего лишь древняя кульминационная битва между силами огня и мороза, когда-то считавшимися определяющими человеческие судьбы. В Белой Руси на Новый год, когда решается ежегодная стихийная битва, убитых и раненых, с одной стороны, и счастливцев-с другой, рассказывают, перенося из дома в дом богатых и бедных Коляд. Это двое детей, один в прекрасном наряде, увенчанный венком из полных колосьев, другой в лохмотьях, в венке из обмолотой соломы. После того, как они были тщательно покрыты, каждый домохозяин вызывается и выбирает одного. Если его выбор падает на "бедную Коляду", хор поет скорбную песню, в которой его предупреждают о плохом урожае, бедности и, возможно, смерти; если он выбирает "богатую Коляду", поется веселая песня, обещающая ему урожай, здоровье и богатство.

Туземцы некоторых районов Дардистана придают политическое и социальное значение своему Празднику Огня, который празднуется в месяц, предшествующий зиме, в новолуние, сразу после того, как их мясные запасы на сезон будут разложены для просушки. Их легенда гласит, что именно тогда их национальный герой убил их древнего тирана и ввел хорошее правительство. Эта легенда, рассказанная в другом месте, повествует о тиране, убитом из-за открытия, что его сердце было сделано из снега. Он был убит теплом факелов. На празднествах все мужчины деревень выходят с факелами, которые они размахивают вокруг своих голов и бросают в сторону Гилгита, где снежный

тиран так долго держал свой замок. Когда мужья возвращаются домой после метания факела, разыгрывается небольшая драма. Жены отказывают им в приеме, пока они не попросят, рассказывая о пользе, которую они им принесли; после приема муж изображает угрюмость, и его нужно привести с ласками, чтобы он присоединился к пиршеству. Жена ведет его вперед с песней: "Ты меня обрадовал, любимец раджи! Ты порадовал меня, о храбрый всадник! Я доволен тобой, так хорошо владеющим ружьем и мечом! Ты восхитил меня, о ты, облеченный мантией почестей! О великое счастье, я куплю его ценой наслаждения! О ты, пища для нас, куча зерна, запас топленого масла - с радостью куплю я все это, отдавая цену удовольствия!"

Глава IV. Элементы.

Шотландский Мунаса—Рудра—Молниеносный глаз Шивы—Пылающий меч—Хромающие демоны—Демоны бури—Гелиос, Элиас, Перун—Стрелы Тора—Бобохвостый Дракон—Вихрь—Японский бог грома—Христианские пережитки—Джинны—Наводнения—Ной—Ник, Николас, Старый Ник—Никси—Гидры—Демоны Дуная—Приливы—Пережитки в России и Англии.

В последние годы в одном эдинбургском журнале появились любопытные объявления, призывающие благочестивых людей занимать определенные часы ночи священными упражнениями. По-видимому, они относятся к группе молящихся людей, которые обеспечивают непрерывный круг молитв в течение каждого момента дня и ночи. Их теория состоит в том, что именно обычное прекращение христианских молитв по ночам вызывает так много бедствий. Дьяволы, будучи тогда менее сдержанными, поднимают бури и все стихийные опасности. Молящийся круг, который надеется связать этих демонов непрерывной цепью молитв, возник, как мне сообщили, в благочестивом энтузиазме дамы, чья добрая забота о какой-то ранее существовавшей сестре, несомненно, олицетворялась в индуистском Мунасе, который, пока все боги спали, сидел в форме змеи на ветке молочая, чтобы уберечь человечество от яда змей. Следует, однако, опасаться, что едва ли мудрость змея находится на молитвенной страже в Эдинбурге, но скорее бдительность того опасного рода, которая была проявлена "Мегги с берега" в 1785 году, как рассказывал Хью Миллер.В одну бурную ночь, когда две молодые девушки укрылись в ее хижине, все они около полуночи услышали крики отчаяния, смешавшиеся с ревом моря: "Подними занавеску и выгляни наружу", - сказала Мегги. Перепуганные девушки так и сделали и сказали: "В середине залива Удалл есть яркий свет. Он нависает над водой на высоте корабельной мачты, и мы видим под ним что-то вроде лодки, стоящей на якоре, а вокруг бушует белое море. ‘А теперь опустите занавес, - сказала Мегги. - Я не привыкла, мои девочки, к подобным зрелищам и шумам-зрелищам и шумам другого мира; но меня учили, что Бог ближе ко мне, чем любой дух, и поэтому я научилась не бояться.; хотя соседи Мегги, казалось, сохранили легенду после ее веры и сделали описанную сцену предчувствием того, что на самом деле произошло. Это было в тех краях, где моряки, когда их успокаивают, призывают ветер свистом; и свист, и молитва, хотя их перспективы в будущем могут быть скудными, имели долгую карьеру в прошлом.

В "Ригведе" есть замечательный гимн Рудре (Грохочущему), который может быть правильно процитирован здесь:

1. Сир богов бури, да простред на нас милость твою; не закрывай нас от взора солнца; да будет наш герой успешен в нападении. О Рудра, пусть мы станем могущественными в нашем потомстве.

2. С помощью успокоительных средств, дарованных тобою, о Рудра, пусть мы достигнем ста зим; отгони от нас ненависть, страдания и всепроникающие болезни.

3. Ты, о Рудра, превосходнейшее из существ во славе, сильнейший из сильных, о владыка болта; неси нас невредимыми через зло к дальнему берегу; отгони все нападения греха.

4. Да не прогневаем мы тебя, о Рудра, нашими поклонениями, ни недостатками в похвалах, ни распутством в призывах; вознеси наших героев твоими лекарствами; ты, я слышал, главный врач среди врачей.

5. Пусть я умилостивлю гимнами этого Рудру, которому поклоняются призывами и жертвоприношениями; пусть мягкосердечный, легко умоляющий, рыжеволосый, с красивым подбородком бог не предаст нас заговорщику зла [буквально, уму, медитирующему “Я убиваю”].

6. Щедрый даритель, сопровождаемый богами бури, порадовал меня, своего просителя, самой бодрящей пищей; как человек, страдающий от жары, ищет тени, пусть я, свободный от вреда, найду убежище в доброй воле Рудры.

7. Где, о Рудра, та благодатная рука твоя, которая исцеляет и утешает? Смилуйся надо мной, о щедрый податель, избавляя меня от зла, исходящего от богов.

8. Смуглому, светлокожему распределителю щедрот, я посылаю великую и прекрасную хвалебную песнь; поклоняюсь сияющему богу с поклонами; мы воспеваем прославленное имя Рудры.

9. Крепконогий, многоликий, свирепый, рыжевато-коричневый, он украсил себя блестящими золотыми украшениями; воистину, сила неотделима от Рудры, владыки этого огромного мира.

10. Достойный поклонения, ты носишь стрелы и лук; достойный поклонения, ты носишь сверкающее ожерелье многих форм; достойный поклонения, ты правишь этой необъятной вселенной; нет никого, о Рудра, могущественнее тебя.

11. Прославь прославленного и вечно юного бога, восседающего на колеснице, который, подобно дикому зверю, ужасен, свиреп и разрушителен; помилуй певца, о Рудра, когда тебя восхваляют; пусть твои войска поразят другого, чем мы.

12. Как мальчик приветствует своего отца, который приближается и говорит с ним, так, о Рудра, я приветствую тебя, дающего много, господа добра; даруй нам исцеления, когда тебя хвалят.

13. Ваши лекарства, о боги бури, которые чисты и помогают, О щедрые дарители, которые даруют радость, которые избрал наш отец Ману, их и благословение и помощь Рудры я жажду.

14. Пусть дротик Рудры будет отклонен от нас, пусть великая злоба пламенеющего бога будет отклонена; открой свой сильный лук от тех, кто щедр своим богатством; О щедрый бог, помилуй наше потомство и наше потомство (то есть наших детей и детей детей).

15. Итак, о рыжий Рудра, мудрый податель даров, услышь наш крик, внимай нам здесь, чтобы ты не разгневался на нас, о бог, и не убил нас; пусть мы, богатые героическими сыновьями, произнесем великую хвалу при жертвоприношении.

В других гимнах злобный характер Рудры становится еще более заметным:—

7. Не убивай ни нашего сильного человека, ни нашего маленького ребенка, ни того, кто растет, ни того, кто вырос, ни нашего отца, ни нашу мать; не причиняй вреда, о Рудра, нашим дорогим "я".

8. Не причиняйте нам вреда ни нашим детям, ни детям наших детей, ни нашим людям, ни нашим коровам, ни нашим лошадям. Не поражай наших героев в гневе твоем; мы постоянно ждем тебя с приношениями.

В этом гимне (стих 1) Рудра описывается как "имеющий заплетенные волосы", а в "Яджур-веде" и "Атхарва-веде" ему приписываются другие атрибуты Шивы, такие как эпитет нила-грива, или синегривый. В "Ригведе" Шива часто встречается как эпитет и означает благоприятный. Он использовался как эвфемистический эпитет, чтобы умилостивить Рудру, повелителя бурь; и, наконец, эпитет превратился в отдельного бога.

Происхождение Шивы далее указывается в легендах, что его взгляд уничтожил голову юного божества Ганеши, который теперь носит голову слона, которой она была заменена; и что боги убедили его держать глаза постоянно мигающими (как листовая молния), чтобы его сосредоточенный взгляд (молния) не превратил вселенную в пепел. С последней легендой, естественно, мог быть связан взгляд сглаза в Индии, хотя в большинстве стран это было скорее связано с пагубными влияниями, приписываемыми определенным планетам, особенно Сатурну; обереги от сглаза помечены зодиакальными знаками. Сам миф о глазе Шивы сохранился у русского демона Магарко ("Подмигивающего") и Сервиана Vii, чей взгляд, как говорят, обладает силой превращать людей и даже города в пепел.

Ужасный Рудра представлен в огромном количестве верований, некоторые из которых, возможно, сохранились; в бурном море и демоне восточного ветра Эгире северного мира и Тифоне южного; и в вере Лютера, что "дьяволы живут в густых черных облаках и посылают бури, град, гром и молнии и отравляют воздух своим адским зловонием", учение, которое Бертон, анатом Меланхолии, также поддерживал против метеорологов своего времени.

У древних арийцев молния, по-видимому, была высшим типом божественной разрушительной силы. Дротик Рудры, глаз Шивы, вновь появляется с сингальским принцем демонов Вессамонни, описанным как владеющий золотым мечом, который, когда он сердится, вылетает из его руки, к которой он спонтанно возвращается, отрубив тысячу голов. Чудесное копье носил Один, и, возможно, оно было первым Экскалибуром. Четырехликий Святевит России, чья мантия упала на святого Георгия, чья статуя была найдена в Збруче в 1851 году, нес рог вина (дождь) и меч (молния).

В Греции подобными мечами владел Зевс, а также бог войны. Через Зевса и Ареса первоначальные обладатели молнии - Индра и Шива - стали прообразами многих богов и полубожественных героев. Злой глаз Шивы сверкал со лба Циклопов, подделывавших молнии, а спасительный диск Индры сверкал в мечах и стрелах знаменитых драконов—убийц-Персея, Пегаса, Геракла и Святого Георгия. Тот же меч защищал Древо Жизни в Эдеме и носился в руке Смерти на Бледном Коне (белый конь был принесен в жертву Святовиту на Руси в христианские времена). И, наконец, у нас есть чудесный меч, который повинуется приказу " Головы прочь!", радуя всех питомников своей службой Королю Золотой Горы.

Д-р Шлиман раскопал среди других своих сокровищ примечательный факт, что храм Гелиоса (солнца) когда-то стоял недалеко от места нынешней церкви Илии в Микенах, которая с незапамятных времен была местом, куда люди приходили молиться о дожде. Когда на смену Солнцу, сеющему бурю, пришел Пророк, молитва которого вызвала облако, даже имя последнего не нужно было менять. Это открытие тем более интересно, что в христианском фольклоре этого региона всегда говорилось, что, когда случается гроза с молнией, это "Илия в огненной колеснице". Подобная фраза используется в некоторых частях каждой арийской страны, с вариациями названия: это Воден, или король Вальдемар, или Великий Венер, или иногда Бог, который, как говорят, едет в своей колеснице.

Эти грозовые демоны в своих колесницах имеют своего предтечу в Вате или Вайю, предмет одного из самых прекрасных ведических гимнов. - Я прославляю славу колесницы Ваты; ее шум раздирается и оглушает. Касаясь неба, он движется вперед, окрашивая все вокруг в красный цвет; и он приходит, поднимая пыль земли.

“Душа богов, источник вселенной, это божество движется, как он перечисляет. Его звуки были услышаны, но его форма не видна; этой Вате будем поклоняться с жертвоприношением”.

Этот последний стих, как указал м-р Мьюр, имеет поразительное сходство с отрывком из Евангелия от Иоанна: "Ветер дует, где хочет, и ты не можешь сказать, откуда он приходит и куда уходит; так и всякий, рожденный от Ветра".

Но столь же поразительное развитие ведической идеи представлено в сиамской легенде о Будде, и в этом случае ведический бог Ветра Вайю вновь появляется под именем Ангелов Бурь, или Лока Пхайю. Первое предзнаменование, предшествовавшее сошествию Будды с небес Тушиты, было: "Когда Ангелы Бури, облеченные в красные одежды и с

развевающимися волосами, путешествуют среди обителей человечества, взывая:" Внимайте всем, кто близок к смерти; покайтесь и не будьте беспечны! Приближается конец света, но еще сто тысяч лет, и он будет уничтожен. Напрягитесь же, напрягитесь, чтобы приобрести заслугу. Прежде всего будьте милосердны; воздерживайтесь от делания зла; медитируйте с любовью ко всем существам и слушайте учение святости. Ибо все мы находимся в устах царя смерти. Итак, ревностно стремитесь к достойным плодам и ищите добра".

Не менее примечателен Таргум Ионафана Бен Озиила к 1 Царств XIX, где вокруг Илии на горе собираются "сонмы ангелов ветра, рассекающих гору и сокрушающих скалы пред Господом"; а после них "ангелы смятения", а затем "огненные" и, наконец, "голоса, поющие в тишине", предшествовали сошествию Иеговы. Едва ли можно удивляться, что пророк, о котором рассказывается эта история, а также буря, вызванная небольшим облаком, был захвачен колесницей ведического Вайю, которая катилась через все века мифологии.

Мифологические потоки, по-видимому, сохраняют свои русла почти так же стойко, как реки, но даже они в конце концов изменяются или смешиваются, так же как и старые традиции. Таким образом, мы находим, что в то время как Тор и Один остаются такими же отдельными пережитками, как Вайю и Парджанья в Индии, в России Элиас унаследовал не мантию бога ветра или солнца, порождающего бури, а славянского Громовержца Перуна. Нет никакого сомнения, что это Парджанья, описанный в "Ригведе" как "громовержец, изливающий дождь, щедрый", который "поражает деревья' и "нечестивый". 'Новгородцы, - говорит Герберштейн, - прежде всего поклонялись некоему идолу по имени Перун. Приняв впоследствии крещение, они сняли его с места и бросили в реку Волхов.; и рассказывают, что он плыл против течения, и что около моста послышался голос, говоривший: "Это вам, новгородцы, в память обо мне", и в то же время на мост была брошена некая веревка. Даже теперь время от времени в определенные дни года бывает слышен этот голос Перуна, и в таких случаях горожане сбегаются и связывают друг друга веревками, и от этого возникает такой шум, что все усилия правителя едва ли могут его унять ". У Ральстона был деревянный ствол, а голова серебряная, с усами золотыми, и среди оружия его была булава. Афанасий утверждает, что в бело-русских традициях Перун высок и хорошо сложен, с черными волосами и длинной золотистой бородой. Эта борода роднит его с Барбароссой и, возможно, хотя и отдаленно, с лесным демоном Барбатосом, Диким Лучником, который угадывал по пению птиц. У Перуна также есть лук, который иногда отождествляется с радугой-идея, известная также финнам. Из него, по словам белых русских, стреляют горящими стрелами, которые поджигают все, к чему прикасаются. Во многих частях России (так же как и в Германии) считается, что эти молнии глубоко погружаются в почву, но через три-семь лет они возвращаются на поверхность в виде длинноватых камней черного или темно-серого цвета - вероятно, белемнитов или масс расплавленного песка, - которые называются молниями и считаются превосходными предохранителями от молний и пожаров. Финны называют их Уконкиви - камень бога грома Укко, а в Курляндии их зовут Перкухнштайне, что само собой объясняется. В некоторых случаях пылающая

стрела Перуна становилась в воображении народа золотым ключом. С его помощью он открыл землю и вывел на свет ее скрытые сокровища, ее сдержанные воды, ее плененные источники света. С его помощью он также запирал в безопасном месте беглецов, которые хотели быть выведенными из-под власти злых колдунов, и выполнял различные другие добрые услуги. Призывы к выполнению этих функций все еще существуют в заклинаниях, используемых крестьянами, но его имя уступило место имени какого-то христианского персонажа. В одном из них, например, Архангел Михаил призван запереть призывающего за железной дверью, запертой на двадцать семь замков, ключи от которых даны ангелам для вознесения на небо. В другом Иоанн Креститель изображается стоящим на камне в Святом море [то есть на небесах], опирающимся на железный посох или посох, и призванным остановить поток крови из раны, запирая вены призывающего своим небесным ключом.' В этом случае миф перешел в обряд. Чтобы остановить сильное кровотечение из носа, приносят запертый висячий замок, и кровь капает через его отверстие, или страдалец сжимает ключ в каждой руке, ожидая, что любой план окажется эффективным. Что касается ключа, то, по-видимому, эта вера все еще сохраняется между нами.

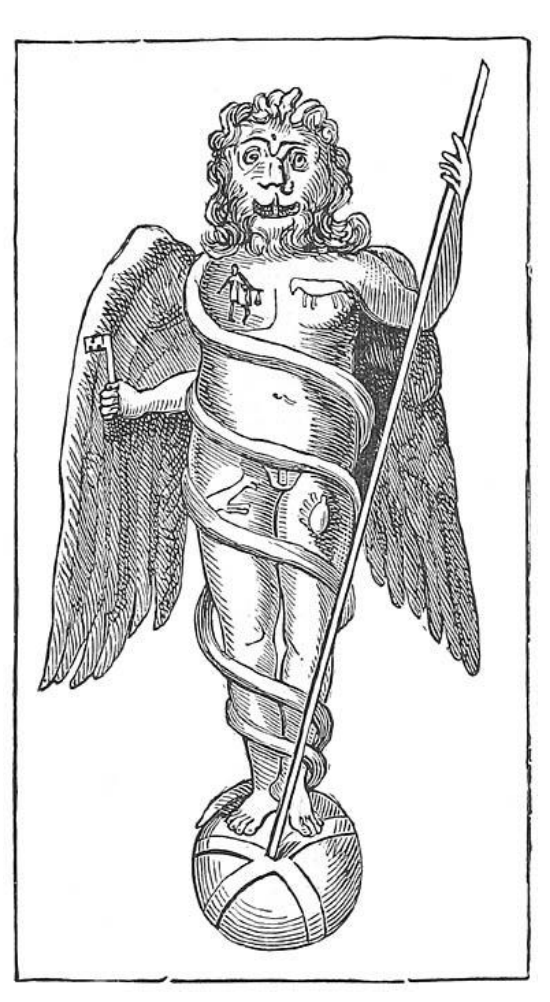

Рис. 5.

Ключ имеет священный смысл в различных религиях, и, следовательно, адский ключ является его естественным аналогом. Ведические гимны, в которых так много говорится о закрытии и открытии, заточении и освобождении небесных дождей и земных плодов демонами и божествами, объясняют многие явления природы, и те же идеи возникли во многих странах. Поэтому мы не можем быть уверены, что Кальмет прав, приписывая индийское происхождение соединенной фигуре, древней персидской медали. Знаки зодиака на его теле показывают, что это один из тех небесных демонов, которые, как полагают, способны связывать благодетельных или освобождать грозные силы природы. Ключ имеет особое значение в еврейской вере. Это был символ должности первосвященника Элиакима, который также был префектом в царском доме. ‘Ключ от дома Давидова положу на плечо его: он отворит, и никто не затворит; У раввинов была поговорка, что Бог оставляет себе четыре ключа, которые он не доверит даже ангелам: ключ дождя, ключ могилы, ключ плодородия и ключ бесплодия. Это было знамение, поставленное над ангелами,когда Христа видели с ключами Ада и Смерти или когда он вручал ключи небес Петру, все еще толкающему в спину протестантских детей, чтобы вылечить носовое кровотечение.

Вездесущее суеверие, приписывающее кремневые стрелы доисторических рас богам, стрелявшим ими, как молниями, и, как говорили некоторые, из радуги,-слишком детская теория, чтобы требовать тщательного рассмотрения. Нам нет необходимости, этнографически, связывать наши "стрелы Тора" и "выстрелы эльфов" с камнями, брошенными в смертных Громовым герцогом (Луй-цзы) Китая. Древние парфяне, которые отвечали на грозу стрелами, и турки, которые нападали на затмение с ружьями, вполне представляют младенчество человеческого рода, хотя, возможно, и с большим, чем обычно, мужеством. Макгоуэн рассказывает о Лэй-чау (Громовом районе) Китая различные мифы, похожие на те, что окружают мир. Считается, что после грозы можно найти черные камни, которые при ударе испускают свет и своеобразные звуки. В храме, посвященном Громовому Герцогу, люди ежегодно ставят барабан, в который должен бить этот грозный демон. Раньше барабан был оставлен на вершине горы с маленьким мальчиком в качестве жертвы.Г-н Деннис говорит о веровании в той же стране, что сильные ветры и тайфуны вызываются прохождением по воздуху "Бобохвостого дракона", а также бога дождя Ю-Шу. Бог бури, связанный с "Орлом", или носителем реки Циен-тан, представляет собой совпадение имени со скандинавским Оегиром, которое было бы едва заметным, если бы не очень близкое сходство между фольклором о "Бобохвостом драконе" и штормовыми драконами нескольких арийских рас. Как правило, и в Китае, и в Японии к Дракону относятся с благоговением, равным ужасу, с которым посещают змею. Это явление и его аналогии в Британии я объясню, когда мы перейдем к более подробному рассмотрению мифов о драконах. Из этого общего правила "Бобохвостый дракон" Китая является частичным исключением. Его верность как друга привела к болезненному ответному нападению, в результате которого его хвост был ампутирован, и с тех пор его испорченный характер проявлялся в поднятии бурь. Когда поднимается сильная буря, кантонцы говорят: "Пролетает Бобохвостый дракон", точно так же, как арийские крестьяне приписывают то же явление своим богам бури.

В некоторых округах Франции широко распространено мнение, что все вихри, какими бы незначительными они ни были, вызываются колдунами или ведьмами, которые находятся в них и носятся по воздуху; и Мелюзина утверждает, что в департаменте Орн бури приписываются духовенству, которое, как предполагается, кружится в них. В том же превосходном журнале говорится, что несколько лет назад в этом отделе один прихожанин, увидевший, что его урожаю угрожает град, выстрелил в облако. На следующий день он узнал, что приходской священник сломал ногу при падении, в чем не мог быть уверен.

Кун приводит следующие примеры. Недалеко от Штангенхагена в горе спрятано сокровище, которое господин фон Тюмен пытался искать, но был подхвачен вихрем вместе с лошадью и возвращен домой. Считается, что дьявол сидит в центре каждого вихря. В Бизентале говорят, что невестой Ветра стала знатная дама. В свое время она была знаменитой наездницей и охотницей, которая безрассудно скакала по фермерским полям и садам; теперь за ней самой охотятся змеи и драконы, и ее можно услышать во время каждой бури.

Я подозреваю, что щетинистые волосы, так часто изображаемые в японских Они, Дьяволах, относятся к их частому пребыванию в центре штормового ветра. Их демон бури обычно изображается восседающим на огненном цветке, его поднятые и вытянутые пальцы испускают самые ужасные молнии, которые падают на его жертвы и окутывают их пламенем. Иногда, правда, японские художники подшучивают над своим богом-громовержцем и показывают его распростертым на земле от отдачи собственных молний. Следующая выдержка из "Кристиан Геральд" (Лондон, 12 апреля 1877 года) покажет, как далеко простирается страх перед этим японским "Они": "Благочестивый отец пишет:" Несколько дней назад была сильная гроза, которая, казалось, собиралась очень сильно в том направлении, где жил мой сын; и у меня было чувство, что я должен пойти и молиться, чтобы он был защищен и не был убит молнией. Впечатление, казалось, говорило: "Нельзя терять времени". Я повиновался, встал на колени и помолился, чтобы Господь сохранил ему жизнь. Я верю, что он услышал мою молитву. Мой сын пришел ко мне после этого и, говоря о ливне, сказал:’Молния сошла вниз и ударила в самую мотыгу в моих руках, и я онемел". Я сказал: "Может быть, ты был бы убит, если бы кто-нибудь не молился за тебя".

Такие абзацы теперь могут показаться даже многим христианам " пережитками’. Но не так уж давно некоторые выдающиеся священнослужители смотрели на Бенджамина Франклина как на вызывающего небеса Аякса христианского мира, потому что он взялся показать людям, как можно отвлечь молнии от их жилищ. В те дни Франклин лично посетил церковь в Стритеме, в колокольню которой ударила молния, и, осмотрев окрестности, высказал мнение, что если колокольню снова воздвигнуть без громоотвода, то она снова будет поражена. Дерзкого человека, который "выхватил скипетры у тиранов и молнии с небес", как гласит пословица, не послушали: колокольню отстроили заново и снова снесли молнией.

Верховный бог Кичуа (американский), Виракоча ("морская пена’), поднимается из озера Титикака и путешествует с молниями для всех противников, чтобы исчезнуть в Западном океане. Кичуа-брат арабского погонщика верблюдов. ‘Море", - говорится в "Тысяче и одной ночи", - "море встревожилось перед ними, и из него поднялся черный столб, восходящий к небу и приближающийся к лугу", и "вот, это был Джинн гигантского роста". Джинн иногда бывает полезен, так как он грозен; она воздает рыбаку, который вынимает ее из шкатулки, выловленной из моря, как плодородие выходит из облака размером не больше человеческой руки, вызванной Илией. Опасный джинн, описанный в приведенном выше отрывке, - это водяной смерч. Водяные смерчи в Китае приписывают битвам драконов в воздухе, и та же страна признает демона высоких приливов. Новейшая богиня в Китае-канонизированная защитница от кораблекрушений штормовых демонов побережья, возвышение, недавно провозглашенное правительством империи в соответствии, как говорилось в эдикте, с верой, преобладающей среди моряков. В этом китайцы далеко отстали от мореплавателей и рыбаков французского побережья, которые в течение столетий с помощью благочестивой филологии связывали "Марию" с "Ла Мари" и "Ла Мер"; и всякий раз, когда они спасались от штормов, приносили свои обетные приношения к морским святыням Звезды Моря.

Старая иудейская теология, в своем стремлении утвердить для Иеговы абсолютизм, который сделал бы его "Господом господствующих", установила его ответственность за многие сомнительные действия, бремя которых теперь освобождается с помощью способа сказать, что он "разрешил" их. Таким образом, Элохим, который вызвал Потоп, был отождествлен с Иеговой. Тем не менее мы должны видеть в библейском рассказе о Потопе действие буйных водяных демонов. Какую силу христианин признал бы в подобном событии, если бы о нем говорилось в священных книгах другой религии, можно увидеть в видении Апокалипсиса ... Змей извергнул из пасти своей поток воды вслед за женщиной, чтобы она была унесена потоком; и земля помогла женщине, и открыла пасть свою, и поглотила поток". Этот Демон Наводнения встречается исследователю египетских и аккадских надписей на каждом шагу. Страшная Семерка, которую даже Бог Огня не может контролировать, "сокрушает берега Бездны Вод". Бог Тигра Туртак (Библейский Тартак)- это "великий разрушитель". Левиафан ‘заставляет бездну кипеть, как котел": "когда он поднимается, сильные боятся; разрушениями они очищают себя".

Внизу, в бездне, могучие толпы могут принести себя в жертву.

Непреодолимый страх перед Ану посреди Небес окружает его путь.

Духи земли, могущественные боги, не могут противостоять ему.

Король как молния-вспышка открылся.

Адар, нападающий крепостей мятежного отряда, открыл.

Подобно потокам в небесном круге, я пролил семя людей.

Его поход в верности Белу к храму я направил,

(Он) герой богов, защитник человечества, далекий (и) близкий....

О мой господь, жизнь Небо (вдохни свое вдохновение), приклони свое ухо.

О Адар, герой, венец света, (вдохни) свое вдохновение, (приклони) свое ухо.

Всепоглощающий страх перед тобой да познает море....

Твой заход (есть) вестник его покоя от марша,

В походе твоем Меродах (находится) в покое 30....

Отца твоего на престоле его ты не поразишь.

Бел на троне своем ты не поразишь.

Пусть он поглотит духов земли на их троне.

Пусть твой отец в руках твоей доблести заставит (их) идти вперед.

Пусть Бел в руки твоей доблести заставит (их) идти вперед.

(Царь, провозглашенный) Ану, первенца богов.

Тот, кто стоит перед Белом, сердце жизни Дома Возлюбленного.

Герой горы (для тех, кто) умрет во множестве ... единый бог, он не будет призывать.

В этом примитивном фрагменте мы находим героя горы (Ноя), призывающего как Бел, так и Нево, воздушные и адские Разумы, и Адара, халдейского Геракла, для их "вдохновения" - того дыхания, которое в библейском рассказе исходит в форме Голубя ("вестник его покоя" в аккадском фрагменте), и в "ветре", которым успокаивались воды (в фрагменте "духи земли", которые отдаются в руки неистового "героя горы", который один только и есть тот, кто не знает, что делать.боги "не будут призывать").

Гидра может быть воспринята как тип разрушительного водного демона в двойном смысле, поскольку ее головы остаются во многих мифических формах. Сирийские Дагон и Атергатис, рыбьи божества, завещали только свою стихию нашим Ундинам романтики. Некоторые нимфы так долго были оторваны от водных ассоциаций, что их имена озадачивали, а их место в демонологии-еще больше. К Никси (νήχω) из Германии, ныне просто озорному, как британский Пикси, многие филологи относят общее выражение для Дьявола – “Старый Ник”. Я полагаю, однако, что эта фраза обязана своей популярностью св. Николаю, а не скандинавскому богу воды, чье место он занял после христианского восшествия на престол. Этот святой Посейдон, который, будучи покровителем рыбаков, постепенно стал ассоциироваться с тем демоном, которого, по словам сэра Вальтера Скотта, "британский моряк боялся, когда он не боялся ничего другого", был также в древности покровителем пиратов, а разбойников называли "Святыми". В Норвегии и Нидерландах была сильна древняя вера в демона Никке; он был своего рода Диким Морским охотником и оставил много легенд, одной из которых является "Летучий голландец". Но я убежден, что благодаря своему легендарному отношению к мальчикам

Святой Николай придал имени Старый Ник современный нравственный акцент. За то, что он вернул к жизни троих убитых детей, святитель Николай стал их покровителем, и в его день, 6 декабря, по старому обычаю был посвящен Мальчик-епископ, который занимал должность до 28 числа месяца. Таким образом, он стал нравственным придатком старого воданского бога германских рас, который, как считалось, в зимнее время находил убежище в вечнозеленых растениях, особенно в елях, и осыпал благами своих любимых детей, которые случайно бродили под ними. ‘Бартель’, ‘Клаубауф", или как там его еще звали, был низведен до слуги Святого Николая, чье имя теперь перемешано с "Сантаклаус". По старому обычаю он явился в сопровождении своего кнехта Клаубауфа -в лице тех, кто знал все о детях,—принеся с собой нечто вроде судного дня. Когда подарки были вручены добрым детям, святой Николай приказал Клаубауфу положить непослушных детей в свою корзину и унести их для наказания. Ужас и крики, вызванные таким образом, вызвали огромные страдания среди детей, и в Мюнхене и некоторых других местах власти очень правильно сделали такие трагедии незаконными. Но в течение многих столетий у кормилиц и матерей существовал обычай угрожать непокорным детям тем, что в конце года их унесет Николай; и таким образом каждый год завершался, в юном предчувствии, Судным Днем, Взвешиванием Душ и Дьяволом или Старым Ником в качестве агента возмездия.

Ник давно уже потерял свой водный характер, и мы находим его имя на Дальнем Западе (в Америке) как "Лесной Ник" - дикая легенда о поселенце, который, следуя обету мести за свои обиды, убивал краснокожих, пока они спали, и считался демоном. У японцев есть водяной дракон - Каппа - карательного и нравственного рода, чья обязанность-глотать плохих мальчиков, которые идут купаться в неподчинении приказам своих родителей или в неподходящее время и в неподходящем месте. Не исключено, что такие опасности для детей исходили от некоторых водяных демонов,-вероятно, таких, о которых думают как о маленьких и озорных, - например, Никси. Никса долгое время была на Балтийском побережье самкой "Старого Ника", и ее очень боялись рыбаки. Ее злобный нрав представлен в кельпи Шотландии - водяном коне, который, как полагают, уносит неосторожных внезапными наводнениями, чтобы поглотить их. В Германии была речная богиня, храм которой стоял в Магдебурге, откуда и произошло ее название. Существует легенда о том, что она появилась там на рынке в христианском костюме, но ее заметили по тому, что с угла ее фартука постоянно капала вода. В Германии никсы обычно играли роль наяд древних времен.В России подобные существа, называемые Русалками, гораздо более грозны.

Во многих областях христианского мира рассказывают, что эти демоны, родственники Лебединых дев, рассмотренных в другой главе, были обращены в дружественных или даже благочестивых существ и крещены в святые имена. Иногда существуют легенды, раскрывающие этот переход. Так, рассказывают, что в 1440 году, когда голландские дамбы были разрушены сильным штормом, море затопило луга, и некоторые девушки из города Эдам в Западной Фрисландии, отправляясь в лодке доить коров, заметили русалку, которая была в замешательстве в грязи, так как вода была очень мелкой. Они взяли его в свою лодку и принесли к Эдаму, и одели его в женское платье, и научили его прясть. Он

ел так же, как и они, но не мог заставить себя говорить. Его привезли в Харлем, где он прожил несколько лет, хотя и проявлял склонность к воде. Париваль, который рассказывает эту историю, рассказывает, что они передали ему некоторые представления о существовании божества, и он благоговейно поклонялся всякий раз, когда проходил мимо распятия.

Другое существо того же вида было в 1531 году поймано на Балтике и послано в подарок Сигизмунду, королю Польскому. Его видели все, кто был при дворе, но он прожил всего три дня.

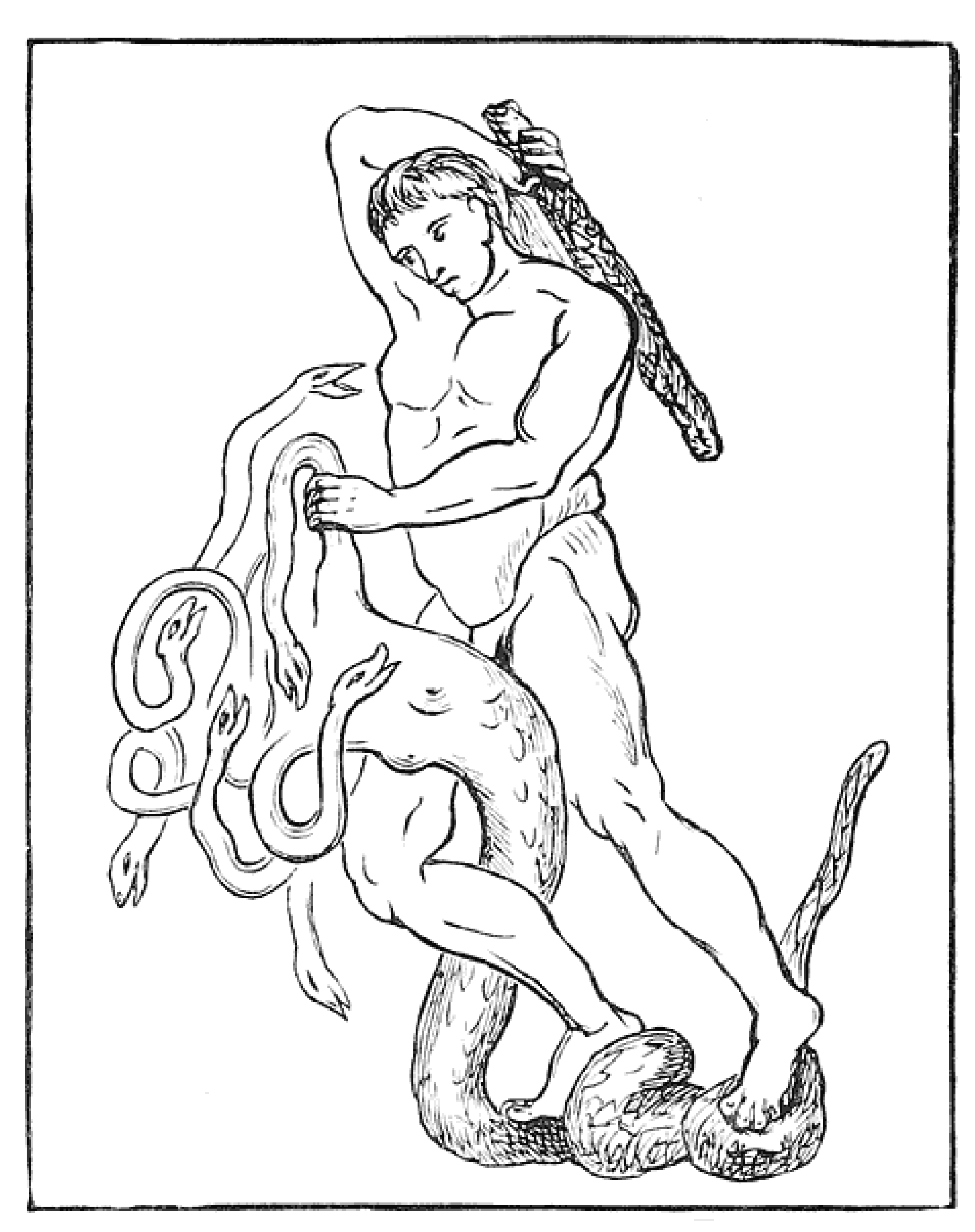

Рис. 6. Геркулес и Гидра (Лувр).

Гидра - поток, который, обрываясь в одном направлении, делает много ходов в других, - имеет свои остатки во многих дьявольских именах, присвоенных кипящим источникам и потокам, которые становятся опасно раздутыми. В Калифорнии кипящие источники, называемые "Дьявольским чайником" и "Дьявольским котелком", повторяют "Дьявольские чаши для пунша" Европы и бесчисленные Дьявольские дамбы и канавы. Холм святого Жерара, близ Песта, на котором святой принял мученическую смерть, считается переполненным дьяволами всякий раз, когда наводнение угрожает городу; они предаются дьявольскому смеху и играют с телескопами обсерватории, так что те, кто смотрит в них потом, видят только пляски дьяволов и ведьм! В Буде, за рекой от Песта, находится знаменитый "Дьявольский ров", который жители используют в качестве канализации, пока он сухой, превращая его в Геенну, чтобы отравить их зловонием, но который часто становится разрушительным потоком, когда оттепель приходит на Блоксберг. В 1874 году жители перепрыгнули через нее, чтобы отогнать обычное зловоние, но голова Гидры, отрубленная таким образом, снова выросла и в июле 1875 года поглотила сотню человек.

Некогда опасные Штрудель и Вирбель Дуная населены дьявольскими легендами. Из замечательного труда д-ра Уильяма Битти "Дунай" я привожу следующие отрывки: "После спуска по Грейнершволлу, или порогам Грейна, упомянутым выше, река катится на значительное пространство в глубоком и почти спокойном объеме, который, по контрасту с приближающейся суматохой, придает еще больший эффект ее диким, бурным и романтическим чертам. Сначала глухой, приглушенный рев, похожий на отдаленный гром, поражает слух и пробуждает внимание путешественника. Это увеличивается с каждой секундой, и волнение и активность, которые теперь преобладают среди матросов на борту, показывают, что при использовании руля и весел необходимо использовать дополнительную силу, бдительность и осторожность. Вода теперь изменилась в своем цвете - растерлась в пену и закипела, как кипящий котел. Впереди, в центре канала, возвышается отвесная, одинокая и колоссальная скала, окаймленная лесом и увенчанная полуразрушенной башней, на вершине которой высится высокий крест, к которому в минуту опасности древние лодочники имели обыкновение обращаться с молитвами об избавлении. При первом же взгляде на это зрелище на борту возникало немалое волнение и опасения; капитан приказал соблюдать строгую тишину, рулевой крепче ухватился за штурвал, пассажиры отошли в сторону, чтобы освободить место для лодочников, а женщины и дети поспешили в каюту, где с чувством немалой тревоги ожидали результата предприятия. Каждый лодочник, с непокрытой головой, бормотал молитву своему святому покровителю; и баржа понеслась прочь сквозь бурлящие буруны, которые, казалось, торопили ее к неминуемой гибели. Все эти приготовления, вместе с дикостью окрестных пейзажей, устрашающим видом скал и бурным состоянием воды, были достаточны, чтобы произвести сильное впечатление на умы даже тех, кто всю свою жизнь был знаком с опасностями; в то время как призрачные призраки, которыми суеверия населяли его, бросали более глубокий мрак на всю сцену".

О водовороте под названием Вирбель и окружающих его развалинах тот же автор пишет: "Каждая из этих полуразрушенных крепостей была предметом какого-то чудесного

предания, которое распространялось у каждого очага. Мрачный и таинственный вид этого места, его дикие пейзажи и частые несчастные случаи, происходившие в проходе, внушали ему благоговейный страх и ужас; но прежде всего суеверия того времени, вера в чудеса и доверчивость лодочников сделали плавание "Штруделя" и "Вирбеля" темой самой дикой романтики. Ночью звуки, которые были слышны далеко за ревом Дуная, исходили из каждой развалины. Магические огни вспыхивали в их бойницах и окнах, в давно опустевших залах устраивались празднества, маскарадники скользили из комнаты в комнату, вальсеры сходили с ума под звуки адского оркестра, вооруженные часовые маршировали по зубчатым стенам, а время от времени лязг оружия, ржание коней и крики неземных бойцов порывисто ударяли в уши лодочников. Но башня, на которой эти сцены разыгрывались с наибольшим ужасом, находилась на Длинном камне, обычно называемом "Башней дьявола", как оно того и заслуживало, ибо здесь, в тесном общении со своим хозяином, жил "Черный Монах", чья обязанность состояла в том, чтобы выставлять ложные огни и ориентиры вдоль залива, чтобы заманить суда в водоворот или разбить их о скалы. Однако он был сильно раздосадован в своих покоях прибытием великого Солимана в эти края; ибо для того, чтобы дать отпор войску в тюрбанах или, по крайней мере, остановить их триумфальное продвижение к верховьям Дуная, жители были призваны присоединиться к национальному знамени, и каждый должен был защищать свой собственный очаг. Внезапно были возведены укрепления, даже церкви и другие религиозные сооружения были приведены в состояние военной обороны; женщины и дети, старики и больные, как уже упоминалось в нашем сообщении о Шаумбурге, были размещены в крепостях и таким образом защищены от насилия приближающихся мусульман. Среди других пунктов, в которых были предприняты самые большие усилия для сдерживания противника, проход Штруделя и Вирбеля был сделан настолько неприступным, насколько позволяли время и обстоятельства дела. Чтобы обеспечить работу материалами, патриотизм на время взял верх над суеверием, и упомянутая Дьявольская башня была разрушена и превращена в крепкий бруствер. Говорят, что Черный Монах, изгнанный таким образом, произнес проклятие на незваных гостей и выбрал себе новое пристанище в глубине Гарцских гор.

Когда ледники низвергают свои потоки и наводняют Рону, то с незапамятных времен считается, что в ней иногда плавает Дьявол с мечом в одной руке и золотым шаром в другой. Поскольку это противоречит всему православному фольклору, что Дьявол должен быть так дружен с водой, имя должно рассматриваться как современная замена более раннего демона Роны. Мы, вероятно, ближе подходим к первоначальной форме суеверия в швейцарском Оберланде, которое интерпретирует шум ледника Фурка, питающего Рону, как стоны злых душ, обреченных вечно трудиться там, направляя течение реки; их хозяйка-демоница, которая иногда появляется перед самым наводнением, плывет на плоту и приказывает реке подняться.

Существует также приливная демонолатрия. Автор "Странствий в Нортумберленде" приводит предание о реке Вансбек: "Эта река впадает в море в месте, называемом Камбуа, примерно в девяти милях к востоку, и прилив течет в пределах пяти миль от Морпета. Предание сообщает, что Майкл Скотт, чья слава волшебника не ограничивается

Шотландией, принес бы прилив в город, если бы не мужество человека, от которого зависело осуществление этого проекта. Этот агент Майкла, после того как его доверитель совершит определенные заклинания, должен будет бежать из окрестностей Камбуа в Морпет, не оглядываясь, и прилив последует за ним. Пройдя некоторое расстояние, он встревожился ревом воды позади себя и, забыв о предписании, оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, не грозит ли ему опасность, когда наступающий прилив немедленно прекратился, и горожане Морпета потеряли таким образом возможность иметь Вансбек судоходным между их городом и морем. Говорят также, что Майкл намеревался оказать такую же милость жителям Дарема, сделав Износ судоходным для их города; но его благие намерения, которые должны были быть осуществлены таким же образом, были также расстроены трусостью человека, который должен был управлять приливом".

Кроткий и справедливый царь Эол, который учил своих островитян навигации, в своем мифологическом преображении должен был разделять своенравные наклонности ветров, которыми, как говорили, он управлял; но хотя он разбил троянский флот и много кораблей, его старое человеческое сердце оставалось верным появлению Халкиона. Его несчастная дочь с таким именем бросилась в море после кораблекрушения своего мужа (Цейкса), и оба они превратились в птиц. Считалось, что в течение семи дней до и семи после самого короткого дня в году, когда халкион размножается, Эол сдерживает свои ветры, и море спокойно. Акцент этой басни был передан некоторым вариантам фольклора лебедей. В России Царь Морской или прекрасные дочери Водяного Демона (лебеди), естественно, могут влиять на приливы, которым вынуждены подчиняться прекрасные купальщицы нашего времени. В различных регионах приливы, как полагают, имеют некоторое отношение к лебедям и уважают их. Я встречался с подобным понятием в Англии. В день похорон Ливингстона в Темзе случился необычайный прилив, который был предсказан и предвиден. Толпы, собравшиеся в аббатстве по этому случаю, отправились после похорон на Вестминстерский мост, чтобы понаблюдать за приливом, и среди них был почтенный неверующий в науку, который объявил группе, что прилива не будет, "потому что лебеди гнездятся". Этот скептик был быстро сбит с толку результатом, и, возможно, одно суеверие тем меньше осталось в кругу, который, казалось, рассматривал его как оракула.

Русское крестьянство живет в большом страхе перед Русалками и Водяными, водяными духами, которые, конечно, имеют своим вождем угрюмого Нептуна царя Морского. В осуждение этого племени крестьянин старается не купаться без креста на шее, не переходить вброд ручей верхом, не начертав на воде крест косой или ножом. На Украине эти водяные демоны считаются преображенными душами фараона и его воинства, когда они были утоплены, и они увеличиваются людьми, которые топят себя. В Богемии рыбаки, как известно, иногда отказывают в помощи утопающему, опасаясь, что водяные обидятся и помешают рыбе, над которой он властвует, попасть в их сети. На гнев таких существ указывают бури воды и пены, и они считаются особенно вредными весной, когда из растаявшего снега льются потоки и наводнения. Те неопределенные чудовища, которых убил Беовульф, Грендель и его мать, интерпретируются Симроком как олицетворения неукротимого моря и бурных наводнений, вторгающихся в низкие плоские берега,

опустошения которых так наполнили Фауста ужасом (II. iv.), и в борьбе с которыми его собственные до сих пор опустошающие силы нашли свою задачу.

Море несется дальше в тысячах кварталов течет,

Сама бесплодная, бесплодие дарующая;

Он ломается, и набухает, и катится, и сокрушает.

Пустынный простор опустошенных королевств....

Пусть эта высокая радость будет моей навсегда,

Чтобы закрыть от берега господний океан,

Водянистые отходы ограничить и запретить,

И отодвинуть его на себя вдаль!

В таком отважном труде Фауст имел много предшественников, чье искусство и мужество имеют свой памятник в более прекрасных баснях о всех этих стихийных силах, в которых страх видел демонов. Павана, в Индии посланник богов, ездит на ветрах и в своих сорока девяти формах, соответствующих точкам индуистского компаса, охраняет землю. Соломон тоже путешествовал на волшебном ковре, сотканном из ветров, который до сих пор служит целям Мудрецов. Из вспененного океана поднялась Лакшми (после того, как солнечное происхождение было потеряно для мифа), индуистская богиня процветания; и из морской пены поднялась Афродита, Красота. Эти прекрасные формы имели своего истинного поклонника в северянине, который ушел на ветру и размахивал своей песней, когда Эмерсон нашел ее:

Шторм, который разбил тебя на песке,

Это помогло моим гребцам грести;

Шторм - моя лучшая галера.,

И везет меня туда, куда я иду.

Глава V. Животные.

Животные демоны различаются—Тривиальные источники мифологии—Еж—Лиса—Переселения в Японии—Заколдованные лошади—Крысы—Львы—Кошки—Собака—Ужас Гете перед собаками—Суеверия парсов, людей Траванкора и американских негров, краснокожих индейцев и т. Д.—Cynocephaloi—Волк—Традиции Нез Персов—Фенрис—Басни—Кабан—Медведь—Змея—Всякая животная сила, способная причинить вред демонизированным—Рога.

Животные демоны - те, чья дурная репутация является результатом чего-то в их природе, что может быть враждебно человеку, - должны быть отличены от форм, которые были дьявольски связаны с мифологическими персонажами или идеями. Лев, тигр и волк-

примеры одного класса; олень, лошадь, сова и ворон-другого. Но есть обстоятельства, которые очень затрудняют соблюдение этого различия. Необходимо провести черту, если она вообще существует, между безмерными силами деградации, с одной стороны, обнаруживающими в животных какое-то зло, о котором, если бы не их дурные ассоциации, не было бы много размышлений, и эвфемизмом, с другой, превращающим вредных животных в благодетельных агентов, останавливаясь на какой-то незначительной характеристике.

Есть несколько явно опасных животных, таких как змея, где легко выбрать наш путь; мы можем распознать страх, который льстит ему агатодемону, и уменьшенный страх, который объявляет его проклятым. Но что будет сказано о Козле? Было ли действительно что-нибудь в его запахе или в его мясе, когда он впервые был съеден, в его бодании или повреждении растений, что первоначально относило его к нечистым животным? или его просто демонизировали из-за его жуткого и косматого вида? Как объяснить дурную славу нашего домашнего друга Кота? Происходит ли оно по наследству от своих свирепых предков из джунглей? Было ли это впервые предложено его ужасными, похожими на человеческие, убивающими сон кошачьими воплями по ночам? или он просто пострадал от богословского проклятия на кошках, которые, как говорят, тянут колесницы богинь Красоты? Демоническая собака-это, пожалуй, еще более сложный предмет. Изучающий мифологию и фольклор быстро знакомится с тривиальными источниками, из которых часто вытекают огромные потоки суеверий. Петушиный вызов всезнающему солнцу, несомненно, положил начало его зловещей карьере от Кодекса Ману до петушиных чертей, изображенных на фресках в соборах России. Мясистые, раздвоенные корни усыпляющего растения появились в той обширной Мифологии Мандрагоры, которая была предметом многих томов, даже еще не будучи полностью исследованной. У итальянцев есть поговорка, что "Один плут ежа стоит больше, чем многие лисы", однако ночные и зимующие привычки и общая причудливость скромного ежа, а не его скрытая склонность охотиться на яйца и цыплят, должно быть, возвысили его до почестей демона. В различных популярных баснях это маленькое животное оказывается более чем достойным соперником волка и змеи. Говорят, что именно в образе ежа Дьявол предпринял попытку впустить море через Брайтон-Даунс, чему помешал принесенный свет, хотя серьезность этого замысла все еще засвидетельствована в Дьявольской плотине. Существует древняя традиция, что, когда Дьявол тайком проник в Ноев ковчег, он попытался утопить его, просверлив дыру; но этот план потерпел поражение, и человеческий род был спасен, когда еж запихнул себя в дыру. В брайтонской истории Дьявол, по-видимому, вспомнил свою прежнюю неудачу в утоплении людей и принял форму, которая победила его.

Рис. 7. Японский Демон.

Лиса, как воплощение хитрости, занимает в первобытных верованиях японцев почти такое же положение, как Змея у народов, которые поклонялись ей, пока не осмелились проклясть ее. Во многих ранних картинах японских демонов обычно можно обнаружить среди их человеческих, волчьих или других персонажей некоторые черты кицунэ (лисы). Он всегда является душой трехглазого демона Японии (рис. 7). Он мудрый "визирь", как называет его персидский Десатир, и практически японский козел отпущения. Если в какой-нибудь местности появлялась лиса, то следующая беда приписывается ее посещению; и в таких случаях страдальцы и их друзья отправляются к какому-нибудь древнему сучковатому дереву, на котором теоретически обитает лиса, и умилостивляют ее, как поступили бы со змеей в других местах. В Японии лиса считается не всегда вредной, но в целом таковой является. Его ни в коем случае нельзя убивать. Будучи, таким образом, избавлены от суеверий, лисицы увеличиваются достаточно, чтобы предоставить обильный материал для продолжения своего демонического характера. ‘Возьмите к нам лисиц, маленьких лисиц, которые портят виноградные лозы", - это предостережение, обращенное в Японии. Соответствие между хитростью, почитаемой в этом животном, и хитростью змеи, почитаемой в других местах, подтверждается мистером Фитцем Канлиффом Оуэном, который заметил, как он сообщает мне, что японцы не убивают даже ядовитых змей, которые свободно ползают среди разрушающихся буддийских храмов

Никко, одного из самых священных мест в Японии, где когда-то укрывалось до восьми тысяч буддийских монахов. В Японии в изобилии водится рыжая лисица, и ее крик, подобный человеческому, по ночам вблизи человеческих жилищ, может легко вызвать эти суеверия. Но, кроме того, мифология дает много иллюстраций похвальной тенденции среди грубых племен выделять для особого почитания или страха любую силу в природе, более прекрасную, чем просто сила. Эмерсон говорит: "Лисы так хитры, потому что они не сильны". У нашего японского демона, у которого только три глаза связывают его с сверхъестественным зрением, приписываемым этой расой лисице, заячья губа очень ярко выражена. Это маленькое животное, Заяц, ассоциируется с большой мифологией, возможно, потому, что из его слабости проистекают главные силы выживания - робость, бдительность и быстрота. Суеверие относительно зайца встречается в Африке. То же самое животное является почитаемым добрым гением кальмуков, которые называют его Сакья-муни (Будда) и говорят, что на земле он отдал себя на съедение голодающему человеку, за что был вознесен к господству над Луной, где они утверждают, что видели его. Легенда, вероятно, восходит к санскритскому слову sasin, луна, что буквально означает "отмеченный зайцем". Саса означает ‘заяц". Павсаний рассказывает историю о богине луны, которая велела изгнанникам построить свой город, где они увидят зайца, укрывшегося в миртовой роще.3.В демонической фауне Японии фигурирует еще одно хитрое животное - Ласка. Имя этого демона - "серповидная ласка", и он также, кажется, занимает положение козла отпущения. Говоря языком японского репортажа, " Когда у человека из-под ног выскальзывают башмаки, и он падает, порезав лицо о гравий, или когда человек, который вышел ночью, когда ему следовало бы быть дома, предстает перед своей семьей со свежим шрамом на лице, рана передается в руки злобной невидимой ласки и ее острого серпа.’ В одной из легенд аборигенов Америки два демона-сестры обычно принимают форму ласк.

Народное чувство, лежавшее в основе большей части поклонения животным в древние времена, было, вероятно, тем, что отражено в японских представлениях о сегодняшнем дне, как сказано в соединенном наброске из забавной книги.

Одним из этих посетителей был старик, который сам был в то время жертвой популярного суеверия, что умершие возвращаются к сценам своей жизни в этом мире в образах различных животных. Мы заметили, что он не в своем обычном расположении духа, и заставили его излить нам душу. Он сказал, что потерял своего маленького сына Хиосина, но это было не столько причиной его горя, сколько абсурдным способом, которым его жена, поддержанная целым конклавом старух, поселившихся в его доме, чтобы утешить ее, продолжала жить. ‘А чем они все занимаются? - сочувственно спросили мы. - Да ведь, - отвечал он, - каждый зверь, который приходит ко мне в дом, кричит: "Хиосин, Хиосин вернулся!" - и весь дом кишит кошками, собаками и летучими мышами, потому что они говорят, что не совсем уверены, кто из них Хиосин, и что им лучше быть добрыми ко всем, чем рисковать плохо с ним обойтись; в результате все эти звери питаются моим рисом и мясом, а теперь меня выгоняют за дверь и называют неестественным родителем, потому что я убил комара, который укусил меня!"

Странное и необъяснимое поведение животных в случаях страха, паники или боли обычно приписывалось невежественными расами одержимости ими демонами. Такова история о том, как дьявол вошел в стадо свиней и унес их в море, рассказанная в Новом Завете. Говорят, что даже сейчас в некоторых частях Шотландии доярка носит с собой хлыст волшебной рябины, чтобы изгнать демона, который иногда входит в корову. Профессор Монье Уильямс пишет из Южной Индии: "Когда на днях мои попутчики и я сам были чуть не сброшены с обрыва норовистыми лошадьми на гхате близ Пуны, нам сказали, что в этом месте дорогу преследуют дьяволы, которые часто становятся причиной подобных несчастных случаев, и нам дали понять, что мы должны были бы сделать все возможное, чтобы примирить Ганешу, сына бога Шивы, и все его войска злых духов., прежде чем начать. Тот же автор также сообщает нам, что духи-хранители или "матери", которые обитают в большинстве районов полуострова, как полагают, ездят верхом на лошадях, и если они разгневаны, то рассеивают порчу и болезни. Поэтому путешественника, только что прибывшего из Европы, поражают и озадачивают видения грубо сформированных терракотовых лошадей, часто величиной с жизнь, помещенных крестьянами вокруг святилищ посреди полей в качестве приемлемых умилостивительных подношений или при исполнении обетов в периоды болезни.

Такова была вера коринфян в Тараксиппа, или тень Главка, который, будучи разорван на куски лошадьми, с которыми он скакал, и которых он питал человеческим мясом, чтобы сделать их более энергичными, остался бродить по Перешейку и пугать лошадей во время скачек.

На Дальнем Западе (в Америке) существует современная легенда о лошади, называемой "Белым дьяволом", которая в отместку за причиненный вред своим товарищам убивала людей, кусая и топча их, и сама была убита после того, как бросила вызов многим попыткам ее поимки; но среди многих древних легенд о демонических лошадях мало что говорит об этом животном, враждебном человеку. Его случайный злой характер просто вытекает из его связи с человеком и поэтому откладывается. По той же причине Козел также должен рассматриваться в дальнейшем и как символическое животное. Встречается несколько мифов, которые относятся к его неприятным характеристикам. В Южной Гвинее запах коз объясняется Сагой о том, что их предок имел наглость просить у богини ее ароматическую мазь, и она сердито натирала его мазью противоположного вида. Было также сказано, что поклонники Вакха считали его демоном, потому что он обрезал виноградные лозы; и что таким образом он породил Trageluphoi, или козлоногих чудовищ,упомянутых Платоном, 6 и дал нам также слово трагедия. Но такие черты Козла могут иметь очень мало общего с его важными отношениями к мифологии и демонологии. К списку животных, демонизированных ассоциацией, следует также добавить Оленя. Без сомнения, встревоженные матери, жены или возлюбленные опрометчивых молодых охотников использовали старые басни о прекрасных хиндах,которые в глухих лесах превращались в демонов и пожирали своих преследователей; но тот факт, что такие олени должны были трансформироваться для злого дела, является достаточным свидетельством характера, чтобы предотвратить их включение в число собственно животных демонов, то

есть таких, которые полностью или частично предоставили в своем расположении вредить человеку основу демонического представления.

Не будет ничего удивительного в том, что Крысы занимают почетное место в Демонологии. Дрожь, которую некоторые нервные люди испытывают при виде даже безобидной мыши,-это пережиток тех времен, когда считалось, что в таком виде в их прежних домах обитают небритые души или некрещеные дети; и, вероятно, трудно было бы оценить количество историй о привидениях, возникших в их ночных скитаниях. Многие легенды сообщают об уходе неосвященных душ из человеческих уст в форме Мыши. Во время более ранних наполеоновских войн мыши использовались в Южной Германии в качестве прорицателей, их ставили чернильными лапками на карту Европы, чтобы показать, куда пойдут роковые французы. Они обрели эту святость благодаря ряду ассоциаций с силой, восходящей к индуистской басне о мыши, спасающей слона и льва, перегрызая веревки, которые связывали их. Битва лягушек и мышей приписывается Гомеру. Говорят, мыши предсказали первую гражданскую войну в Риме, прогрызая золото в храме. Крысы фигурируют в различных легендах как мстители. Дяди короля Попелуса II, убитые им и его женой и брошенные в озеро, снова появляются в виде крыс и загрызают короля и королеву до смерти. Та же участь постигает Мискилая Польского, через преображенных вдов и сирот, которых он обидел. Мышиная башня, стоящая посреди Рейна, является призрачным памятником жестокому архиепископу Хатто из Майнца, который (anno 970) приказал голодающим людям вернуться в свой сарай, где он быстро запер их и сжег. Но на следующее утро армия крыс, съев всю кукурузу в его амбарах, затемнила дороги к дворцу. Прелат искал от них убежища в Башне, но они плыли за ним, прогрызали стены и пожирали его.

Святая Гертруда, облаченная в траурную мантию Хольды, командует армией мышей. В этом отношении она уступает гамельнскому крысолову, который тоже уводит детей, и мой изобретательный друг мистер Джон Фиске предполагает, что именно по этой причине ирландские служанки часто проявляют такой неистовый ужас при виде мыши.Забота о детях часто возлагается на них, и появление мышей в древности предсказывало появление сверхъестественного крысолова и психопомпа. Плиний говорит, что в его время считалось счастьем встретить белую крысу. Жители Бассоры всегда кланяются этим почитаемым животным, когда их видят, без сомнения, чтобы умилостивить их.

Лев - символ величия и солнца в его славе (достигнутой в зодиакальном Льве), хотя здесь и там проявляется его изначальный демонический характер, как в битвах Индры, Самсона и Геракла со страшными львами. Эвфемизм, в некотором смысле, выполняет условия загадки Самсона - Сладость исходит от Сильного - и принес мед из Льва. Его жестокий характер незаметно упал на Сириуса, Собаку-звезду, которой приписывают засуху и малярию "собачьих дней" (когда солнце находится во Льве); но этот примитивный факт упоминается в нескольких баснях, например, об Аристее, который, родившись после того, как его мать была спасена от ливийского льва, почитался в Кеосе как спаситель от засухи и львов. Лев, лежащий у ног прекрасной Дорги в Индии, вновь появляется, таща колесницу Афродиты, и олицетворяет силу красоты, а не то, как истолковывает Эмерсон,

что красота зависит от силы. Колесницу скандинавской Венеры Фрейи влекли Кошки, уменьшенные формы коней ее южной сестры. Отчасти благодаря этим путям Кот стал играть иногда благодетельную роль в русском и отчасти в немецком, французском и английском фольклоре, например, Кот в сапогах, Виттингтон и его кот, La Chatte Blanche мадам Д'Аульной. Демонические черты кошек - разрушителей унаследовала черная, или, как у Макбета, пятнистая кошка. В Германии приближение кошки к постели больного возвещает смерть; видеть ее во сне-дурное предзнаменование. В Венгрии говорят, что каждая черная кошка становится ведьмой в возрасте семи лет. Это любимая лошадь ведьмы, но иногда ее можно спасти от такого рабства, надрезав крестное знамение. Царапина от черной кошки считается началом рокового заклинания.

Де Губернат высказывает весьма любопытное предположение относительно происхождения известной нам басни о кошках Килкенни, которое он связывает с немецким суеверием, страшащимся схватки между кошками как предвестия смерти тому, кто станет ее свидетелем; и это убеждение он находит в тосканской детской "игре душ", в которой дьявол и ангел якобы борются за душу. Автор считает, что это может быть одним из результатов борьбы между Ночью и Сумерками в мифологии; но если проследить эту связь, то она, вероятно, окажется производной от борьбы между двумя ангелами Смерти, один из вариантов которой связан с легендой о борьбе за тело Моисея. В Книге Еноха говорится, что Гавриил был послан еще до Потопа, чтобы побудить гигантов-людоедов истреблять друг друга. На одной древней персидской картине, находящейся в моем распоряжении, изображены звериные чудовища, пожирающие друг друга, в то время как их предложенная жертва, как Даниил, невредима. Эта идея естественна и вряд ли требует сравнительного анализа.

Доктор Деннис говорит нам, что в Китае существует точно такое же суеверие, как и в Шотландии, относительно злого предзнаменования кошки (или собаки), проходящей через труп. Бренд и Вымпел упоминают об этом, причем последний утверждает, что кошка или собака, которая так поступила, убивается без пощады. Этот факт, казалось бы, показывает, что страх-за живых, чтобы душа умершего не вошла в животное и не стала одним из бесчисленных оборотней или вампиров класса демонов. Но истоки этого суеверия, несомненно, кроются в славянском поверье, что если кошка перепрыгнет через труп, то умерший станет вампиром.

В России кошка пользуется несколько лучшей репутацией, чем в большинстве других стран. Несколько крестьян в окрестностях Москвы уверяли меня, что, хотя они никогда не захотят оставаться в церкви, куда вошла собака, они сочтут хорошим знаком, если в церковь придет кошка. Одна подмосковная старуха рассказывала мне, что, когда Дьявол однажды попытался прокрасться в Рай, он принял облик мыши: Собака и Кошка стояли на страже у ворот, и Собака пропустила нечистого, но Кошка набросилась на него и таким образом победила очередную коварную попытку против человеческого счастья.

Кошачьи суеверия всегда были сильны в Великобритании. В каком - то смысле это действительно так, как писал старый Хауэлл (1647): "Нам не нужно пересекать море для примеров такого рода, у нас слишком много (Бог знает) дома: король Яков долгое время не хотел верить, что существуют ведьмы; но то, что случилось с детьми милорда Фрэнсиса Ратлендского, убедило его, что они были околдованы старухой, служившей в замке Бельвуар, но, будучи недовольной, она заключила договор с Дьяволом, который разговаривал с ней в виде Кошки, которую она называла Раттеркин, чтобы забрать этих детей из простой злобы и жажды мести. Следует опасаться, что многие бедные женщины были сожжены как ведьмы, против которых ее любимый кот был главным свидетелем. Было бы любопытным психологическим исследованием проследить, как далеко это суеверие сохранилось даже в научных умах,—как в "брани кота" Бюффона и в удивительной истории, рассказанной мистером Вудом, о кошке, увидевшей привидение (anno 1877)!

Собака, так долго остававшаяся верным другом человека и даже, возможно, из-за того, до какой степени она усвоила манеры своего хозяина, имеет большую демоническую историю. В семитских историях есть много свидетельств,указывающих на путь, по которому "собака" стала мусульманским синонимом неверного; и один пес Катмир, который в арабской легенде был допущен в Рай за его верное наблюдение за триста девять лет до пещеры Семи Спящих, должно быть, дрейфовал среди мусульман из Индии, как эфесские Спящие из христианского мира. В прекрасном эпизоде "Махабхараты" Юдхиштхира, отправившись к небесным вратам, отказывается войти в эту счастливую обитель, если не будет допущен и его верный пес. Индра говорит ему: "В Моих небесах нет места для собак; они крадут наши приношения на земле", и еще: "Если собака только увидит жертву, люди сочтут ее нечестивой и пустой". Эта трудность была решена Собакой - Ямой в переодетом виде - показавшейся и восхвалявшей верность своего друга. Вполне очевидно, что именно благодаря своей связи с Ямой, богом Смерти, и в результате эволюции того дуализма, который разделил вселенную на высшую и нижнюю, Собака деградировала среди наших арийских предков; в то же время его иногда волчий характер и некоторые другие природные черты составляли основу его демонического характера. Он был одновременно опасным и продажным охранником.

Рис. 8. Цербер (Кальмет).

В ранней ведической мифологии именно обитель богов охраняется двумя собаками, идентифицируемыми солнечными мифологами как утренние и вечерние сумерки; более поздняя фаза показывает их в служении Яме, и они вновь появляются в качестве хранителей греческого Аида, Цербера и Ортроса. Первый из них восходит к ведической Сарваре, второй-к чудовищу Вритре. "Ортрос' - это фонетический эквивалент Вритры. Сука Сарама, мать двух ведических собак, оказалась вероломной стражницей и была убита Индрой. Отсюда русский крестьянин справедливо приходит к другой версии о том, как Собака, стоя на страже, впустила Дьявола в рай после того, как ей бросили кость. Но два сторожевых пса индуистского мифа, по-видимому, не имеют злого характера. В погребальном гимне "Ригведы" (x. 14), обращенном к Яме, Царю Смерти, мы читаем: "Благоприятным путем ты спешишь мимо двух четырехглазых пятнистых собак, потомков Сарамы; затем приближаешься к прекрасным Питри, которые радуются вместе с Ямой. Вверь его, о Яма, двум твоим сторожевым псам, четырехглазым, охраняющим дорогу и наблюдающим за людьми. Два смуглых посланца Ямы, с широкими ноздрями и ненасытные, бродят среди людей; пусть они снова дадут нам сегодня благоприятное дыхание жизни, чтобы мы могли увидеть солнце!

И теперь, спустя тысячи лет после того, как это было сказано, мы находим, что Собака все еще считается провидцем призраков и наблюдателем у врат смерти, об открытии которых предупреждает ее вой. Вой собаки в ночь на 9 декабря 1871 года в Сандрингеме, где лежал больной принц Уэльский, считался достаточно важным для газет, чтобы сообщить об этом содрогающейся стране. Недавно я читал о собаке в одной немецкой деревне, которая, как считалось, принесла столько смертей, что стала объектом всеобщего ужаса и была предана смерти. В этой стране вера в демонический характер собаки, по-видимому, была достаточно сильна, чтобы оказать влияние даже на мощный мозг Гете.

В стихотворении Гете, когда Фауст прогуливался со студентом Вагнером, появился черный Пес, который носился вокруг них спиральными изгибами, распространяя, как сказал Фауст, "волшебную петлю, как силок вокруг них"; что после того, как эта собака последовала за Фаустом в его кабинет, она приняла чудовищный облик, пока не превратилась в туман, из которого выходит Мефистофель - ‘ядро зверя’ - в облике странствующего ученого. Это находится в заметном совпадении с архаической символикой Собаки как наиболее частой формы "ларов" (рис. 9), или домашних гениев, первоначально из-за ее бдительности. Форма, представленная здесь, почти идентична Киноцефалу, которого ученый автор "Человечества: их происхождение и судьба" идентифицирует как Адамическое существо, поставленное в качестве стражи и наставника в Эдеме (Быт. Хрисипп говорит, что впоследствии они были изображены в виде юношей, одетых в собачьи шкуры. Остатки опекунского характера собаки рассеяны по немецкому фольклору: он считается оракулом, провидцем призраков и одаренным вторым зрением; в Богемии его иногда заставляют лизать лицо младенца, чтобы он хорошо видел.

В ‘Фаусте’ прослеживается антипатия Гете к собакам, выраженная в его разговоре с Фальком во время смерти Виланда. ‘Об уничтожении совершенно не может быть и речи; но возможность быть пойманным на пути каким-нибудь более могущественным и все же более низменным монахом и подчиненным ему; это, несомненно, очень серьезное соображение; и я, со своей стороны, никогда не мог полностью избавиться от страха перед ним путем простого наблюдения природы". В этот момент, говорит Фальк, на улице послышался собачий лай. Гете поспешно подскочил к окну и крикнул ему: "Принимай какой хочешь облик, мерзкая личинка, ты меня не покоришь!" После некоторой паузы он продолжил с замечанием: "Этот сброд творения чрезвычайно оскорбителен. Это совершенная стая монад, с которыми мы собрались в этом планетарном уголке; их общество не окажет нам большой чести среди обитателей других планет, если они случайно услышат что-нибудь о них.

Рис. 9. Собачий Лар (Геркуланум).

Посетив дом, где когда-то жил Гете в Веймаре, я был поражен, увидев в качестве главного украшения зала большую бронзовую собаку, в натуральную величину и очень темную, гордо смотрящую вперед, как будто она все-таки обладала Гете-монасом. Однако маловероятно, что подлинная неприязнь поэта к собакам проистекала исключительно из его рассуждений о монадах. Более вероятно, что, наблюдая старую настенную картину в подвале Ауэрбаха, на которой собака стоит рядом с Мефистофелем, Гете был вынужден тщательно рассмотреть причины этой близости. К несчастью, несмотря на басни и чувства, которыми наделено это животное, в нем есть некоторые весьма отталкивающие черты, такие как склонность к безумию и причинение человеку страшной смерти. "Флотские гончие" греческой мании (Вакх 977) распространили ужас повсюду.

Те, кто внимательно прочтет рассказ г-на Льюиса о ссоре между Карлом Августом и Гете из-за того, что последний воспротивился появлению на веймарской сцене исполнительской собаки-инцидент, приведший к его отставке с поста интенданта театра, - могут обнаружить это отвращение, смешанное с отвращением к нему как к артисту; и можно также заподозрить, что не только шум был причиной пыток, которые, по его словам, он однажды перенес в Геттингене от собачьего лая.

Однако не исключено, что в дикой идее Гете, соединенной с его цинофобией, мы находим пережиток веры парсов Сурата, которые почитают Собаку превыше всех других животных и которые, когда человек умирает, кладут собачью морду около его рта и

заставляют ее лаять дважды, чтобы она могла поймать уходящую душу и отнести ее ожидающему ангелу.

Дьяволопоклонники Траванкора и по сей день заявляют, что нечистая сила приближается к ним в виде Собаки, как Мефистофель приближался к Фаусту. Но прежде чем это суеверие дошло до поэмы Гете, оно претерпело много изменений, и особенно его острый запах повлиял на норвежское воображение, чтобы приписать ему сверхъестественную мудрость. Так, в Саге о Хаконе Добром мы читаем, что, когда Эйстейн Злой завоевал Дронтхейм, он предложил народу на выбор своего раба Торера или своего пса Зауэра. Они выбрали Собаку. - Так вот, пес был колдовством одарен мудростью трех человек, и когда он лаял, то произносил одно слово и лаял два. Этот Пес носил золотой ошейник и сидел на троне, но, несмотря на всю свою мудрость и силу, по-видимому, все еще был собакой, потому что, когда несколько волков напали на скот, он напал и был растерзан ими.

Среди негров Южных штатов Америки я нашел убеждение, что наиболее частым видом дьявольского привидения является большая собака с огненными глазами, что может быть у них своеобразным суеверием, приписываемым их ужасу перед ищейкой, которая в некоторых регионах преследовала их при попытке к бегству. Среди белых того же региона я никогда не мог найти ни одного примера подобной веры, хотя вера в предвестие воющей собаки встречается часто; и не исключено, что это пережиток какого-нибудь региона Африки, где у Собаки такое же злое имя, как у козла отпущения. У некоторых племен в Фазогле есть ежегодный карнавал, на котором каждый делает, что хочет. Затем царя усаживают на открытом воздухе, привязывают собаку к ножке его стула, и животное забивают камнями до смерти.

Марк Твен записывает фольклор одной деревни в Миссури, где мы находим парней, дрожащих от страха при вое "бродячей собаки" в ночи, но равнодушных к вою собаки, которую они узнают, что может быть формой распространенного английского убеждения, что это несчастье, когда за тобой следует "чужая" собака. Из той же книги видно также, что собака всегда будет держать голову в направлении человека, чья участь обозначена: мальчики испытывают полное облегчение, когда обнаруживают, что воющее животное повернулось к ним спиной.

Примечательно, что эти фрагменты европейских суеверий встретили на Дальнем Западе обильную порцию подобных суеверий, появившихся среди аборигенов, как показывает следующий отрывок из работы м-ра Бринтона "Мифы Нового Света": "Считалось, что собаки находятся в каком-то особом отношении к Луне, вероятно, потому, что они воют на нее и бегают по ночам, - сверхъестественная практика, которая дорого обошлась им в репутации. Обычай был распространен среди таких широко распространенных племен, как перуанцы, тупи, крики, ирокезы, алгонкины и гренландские эскимосы, которые во время затмения громче всех лупили собак. Крики объясняли это тем, что большая Собака глотает солнце и что, избивая маленьких, они могут заставить ее перестать. Что это была за большая Собака, они не были готовы сказать. - Мы знаем. Это была богиня ночи в образе Собаки, которая окутывала мир в полдень. В лучшем смысле они представляли более приятные черты лунной богини. Хочикетцаль, самое плодовитое из ацтекских

божеств, покровительница любви, сексуального наслаждения и рождения детей, также называлась Ицкуинан, что в буквальном переводе означает ‘сука-мать". Этот странный и для нас столь отвратительный титул богини не был лишен параллелей в других местах. Когда во время своих войн инка Пачакутек принес свое оружие в провинцию Уанка, он обнаружил, что ее жители установили в своих храмах фигуру Собаки как своего высшего божества.... Эта канонизация собак объясняет, почему в некоторых частях Перу священника называли в честь allco, Собака!... Многие племена на Тихоокеанском побережье объединились в поклонении дикому виду-койоту, Canis latrans натуралистов. О демоне-собаке Шантико гласит легенда племени Науа: "он принес жертву богам, не соблюдая приготовительного поста, за что был наказан превращением в Собаку. Затем он призвал бога смерти, чтобы тот освободил его, и эта попытка избежать справедливого наказания так разъярила божеств, что они погрузили мир в воду.

Распространенное выражение "адские псы" пришло к нам разными путями. Диана была низведена до Гекаты, собаки Аида, Ортрос и Цербер, размноженные в свору гончих для ее погони, были низведены вместе с ней до адских ревунов и охотников. Подобная деградация охоты Одина произошла позже. Дикий охотник, будучи дьявольским персонажем, рассматривается в другом месте. Что касается Собаки, то здесь можно далее сказать, что, вероятно, различные характеристики этого животного отражаются в его демоническом характере. Его склонность впадать в бешенство и поражать людей гидрофобией, по-видимому, сыграла в этом определенную роль. Спиноза упоминает об обычае в свое время уничтожать людей, страдающих этим собачьим бешенством, удушением; и его английский биограф и редактор доктор Уиллис говорит мне, что в детстве в Шотландии он всегда слышал, как об этом говорят как о старом обычае. То, что такое обращение могло возобладать, едва ли можно объяснить чем-либо, кроме веры в демонический характер бешеной собаки, родственной бессознательному суеверию, которое до сих пор заставляет сельских судей приказывать убить собаку, укусившую кого-либо. Идея состоит в том, что если собака после этого сойдет с ума, то и человек тоже. Конечно, было бы разумно тщательно сохранить жизнь собаки, чтобы, если она останется здоровой, укушенный мог чувствовать себя спокойным, как он не может быть, если она мертва.

Но деградация пса имела причину даже в его верности часовому. Ибо это, как мы только что видели, сделало его обычной формой среди ларов или домашних демонов. Терафимы тоже часто были в таком обличье. Поэтому христианство имело особые основания приписывать этим маленьким идолам инфернальный характер, который мешал народной зависимости от святых. Таким образом, мы увидим, что было много причин, действующих для создания того грозного класса демонов, которые в средние века назывались Cynocephaloi. Древние святые изображения России особенно изобилуют этими собакоголовыми дьяволами; в XVI веке они часто изображались раздирающими души в аду; а иногда дракон Апокалипсиса изображается с семью ужасными собачьими головами.

Г-н Туссенель в своих трансцендентальных интерпретациях отождествляет Волка с бандитом и преступником. Пресловутая средневековая фраза для разбойника - того, кто

носит teste lœve, caput lupinum, wulfesheofod, которую, возможно, помнил гениальный автор, - относится к глубокой древности. В "Ригведе" волка называют разбойником, и там он также демонизирован, поскольку мы находим его убегающим от преданного. (В Зэнде "Вендидад" души благочестивых боятся встретить волка на пути к небесам.) Бог Пушан призывается против злого волка, злого духа. Кардано говорит , что видеть во сне волка-значит быть разбойником. В то же время в волке есть та всегда привлекательная любовь к свободе, которая в известной басне заставляет его предпочесть худобу удобству собаки в ошейнике, что делает его среди демонических животных иногда таким же, как могучие охотники Нимрод и косматый Исав среди очеловеченных демонов. Неудивительно, что иногда встречаются хорошие истории о волке. Так, племя Нез Перс в Америке прослеживает происхождение человеческой расы от волка. Говорят, что первоначально, когда не было ничего, кроме животных, было огромное чудовище, которое пожирало их целиком и живьем. Это чудовище проглотило волка, который, войдя в его чрево, обнаружил, что животные там рычат и кусают друг друга, как они делали это на земле снаружи. Волк убеждал их, что их общие страдания должны научить их дружелюбию, и, наконец, он побудил их к системе сотрудничества, с помощью которой они пробрались через бок монстра, который мгновенно погиб. Освобожденные таким образом животные сразу же превратились в людей, как и почему защитники сотрудничества легко поймут, и основали индейцев Нез Перс. Мифы Азии и Европы, к сожалению, противоположны этому по духу и форме, рассказывая о людях, превращенных в волков. В скандинавской мифологии, однако, есть демон-волк, история которого несет в себе оттенок чувства, хотя, возможно, первоначально это было просто выражение физического закона. Это волк Фенрис, который, будучи сначала любимцем богов и комнатной собачкой богинь, стал таким огромным и грозным, что сам Асгард оказался под угрозой. Все искусство и сила богов не могли выковать цепи, которые могли бы сковать его; он ломал их, как соломинки, и падал с гор, к которым был привязан. Но маленькие эльфы, работающие под землей, сделали эту цепь такой тонкой, что никто не мог ее увидеть или почувствовать, - вылепили ее из женских бород, дыхания рыб, шума кошачьих шагов, слюны птиц, жил медведей, корней камней, - под которыми подразумеваются вещи несуществующие. Это удерживало его. Фенрис закован в цепи до последней гибели, когда он вырвется на свободу и сожрет Одина. Тонкая цепь, которая связывает свирепость, - это любовь, которая может укротить все существа? Не солнечный ли луч определяет сильнейшему существу его среду обитания?

Два чудовища, образовавшиеся, когда Раху был разделен надвое, в индуистской мифологии появляются в эддической басне как волки Скелл и Хати, которые преследуют солнце и луну. Как говорится в Вельуспе:

На восток, в Железный лес

Старый сидит,

И там рождается

Пал родич Фенрира.

Из них один, самый могущественный,

Пожиратель луны,

В форме самой дьявольской,

И наполнен жизнью-кровью

О мертвых и умирающих,

Краснеет от румяной крови

Троны высших богов.

Эвфемизм, сопровождающий умилостивление таких монстров, может частично объяснить многие хорошие вещи, рассказанные о волках в популярной легенде. Рассказы о волчице, кормящей детей, как Ромул и Рем, встречаются во многих странах. Они действительно должны были иметь некоторый престиж, раз были так широко приняты в святом предании. Подобно медведям, которых Елисей призвал пожирать детей, волки не теряют своей природной свирепости, становясь благочестивыми. Они пожирают еретиков и святотатцев. Один охранял голову святого Эдмунда мученика Английского, другой сопровождал святого Эдмунда. Оддо, аббат Клюни, как и его предки, священники Клюни. Шкура волка фигурирует в фольклоре как заклинание против гидрофобии; его зубы лучше всего режут десны детей, а его укус, если он выжил, является гарантией от любой будущей раны или боли.

Рис. 10. Волк как Исповедник (вероятно, Голландия).

Трагедия, которая так глупо действует на нервы детей, Красная Шапочка, показывает волка как хитрое животное. Существует много легенд подобного характера, которые сделали его излюбленной фигурой для изображения благочестивых самозванцев. На нашем рисунке 10 волк предстает как "опасный исповедник"; он предназначался, как полагал м-р Райт, для Марии Моденской, королевы Якова II и отца Петра. Вверху оригинала - слова "Converte Angliam", а внизу - "Глупая овца делает волка своим исповедником". Ремесло волка представлено отчасти политическим, отчасти социальным поворотом, который американский баснописец придал одной из басен Эзопа. Волк, обвинив ягненка, которого он собирается сожрать, в том, что он загрязняет ручей, и получив ответ, что ягненок пил дальше по течению, меняет обвинение и говорит: "Вы выступали против моей кандидатуры на собрании два года назад". Затем волк говорит: "Любой, кто услышит мои обвинения, засвидетельствует, что я безумен и не отвечаю за свои поступки", - и после этого пожирает ягненка с полной верой в присяжных своих соотечественников. Г-н Туссенель говорит, что волк - ужасный стратег, хотя менее наблюдательные не нашли в его характере ничего, что оправдывало бы это свойство ремесла, его физиономия и привычки показывают ему довольно прозрачного разбойника с большой дороги. Вполне вероятно, что басни этого персонажа вывели эту черту из его связи с демонами и дьяволами, которые, как предполагалось, приняли его облик.

В прекрасном гимне Земле в "Атхарва Веде" говорится: "Земля, которая терпит бремя угнетателя, рождает обитель возвышенных и низших, терпит свинью и дает вход дикому кабану". Есть много свидетельств такого рода, что в древние времена люди должны были энергично защищаться от опустошений дикого кабана, и,как замечает Де Губернат, характер его вообще демонический. Состязания Геракла с эримантианцем и Мелеагра с калидонским вепрем достаточно показывают, что именно благодаря своему опасному характеру он стал священным для богов войны, Марса и Одина. Но следует также помнить, что третье воплощение Вишну было в образе Дикого Кабана, и как бесстрашный истребитель змей свинья заслужила эту связь с Хранителем. Снабженный толстым слоем жира, никакой яд не может причинить ему вреда, если только он не находится на губе. Возможно, именно эта способность бросать вызов змеиному испытанию, после того как нечистота в некоторых местах избавила свинью от человеческой прожорливости, придала ей дьявольский характер. В раввинской басне свинья и крыса были созданы Ноем, чтобы очистить Ковчег от нечистот; но крысы стали помехой, он вызвал кошку из львиного носа.

Ясно, что наши азиатские и скандинавские предки никогда не встречали такого свирепого зверя, как Ужасный медведь (Ursus horribilis) из Америки, иначе появление этого животного в демонологии никогда не было бы столь респектабельным. Сравнительно робкий азиатский медведь (U. labiatus), маленький и почти безобидный тибетский вид (U. Thibetanus), по-видимому, превалировал над более свирепыми, но более редкими северными медведями, давая нам индогерманские басни, в которых это животное в целом является фаворитом. Эмерсон находит в любви англичан к их национальной легенде о " Красавице и чудовище’ признак собственной природы англичанина. Старая легенда нашла место и в сердце одного особенно представительного американца - Теодора Паркера, который любил называть своего самого дорогого друга "Медведь" и который, приехав в

Европу, отправился в Берн повидать своих любимцев, от которых и произошло его имя. Любовь Медведя к меду - отсюда его русское название медв-джед, "медоед", - вероятно, имела какое-то отношение к его утонченному вкусу к розам и восхищению женской красотой, о чем рассказывается во многих мифах. В своей сравнительной трактовке мифологии Медведя Де Губернат упоминает о превращении царя Трисанка в медведя и связывает это с созвездием Большой Медведицы; но с равной вероятностью это может быть связано со многими баснями о принцах, которые остаются в облике медведя, пока чары не разрушаются поцелуем какой-нибудь девушки. Стоит отметить, что в русских легендах Медведь отнюдь не так любезен, как в нашем западном фольклоре. В одном из них Медведь-царевич, притаившийся в своем фонтане, держит за бороду царя, который во время охоты пытается утолить его жажду, и отпускает его только после обещания отдать все, что у него есть дома, без его ведома; близнецы, Иван и Мария, родившиеся во время его отсутствия, таким образом обречены - спрятаны, но обнаружены медведем, который уносит их. Они спасаются с помощью быка. Убегая от медведя, Иван бросает вниз гребень, который становится спутанным лесом, в который, однако, проникает медведь; но расстеленное полотенце, которое становится огненным озером, отсылает медведя назад.Таким образом, свирепый Арктический медведь придает рассказу мрачный характер. Такова и русская сказка о Медведе с железными волосами, который опустошает царство, пожирая жителей, пока не остаются одни Иван и Елена; после того, как эти двое различными способами пытаются убежать, их успех обеспечен Быком, который, более любезный, чем Елисей, ослепляет Медведя своими рогами.) В норвежской сказке Медведь становится мягче—прекрасный юноша ночью, жена которого теряет его, потому что хочет видеть при свете лампы; ее место занимает длинноносая принцесса, пока с помощью золотого яблока и розы она не возвращает своего мужа. В Пентамероне Претиоса,чтобы избежать преследований своего отца, уходит в лес, переодевшись медведицей; она ухаживает и лечит влюбленного в нее принца и от его поцелуя становится прекрасной девой. Медведь, таким образом, имеет двоякое развитие в фольклоре. Его обычно убивали (13 век) в конце Карнавала в Риме, как Дьявола. Сибиряки, если они убили медведя, вешают его шкуру на дерево и смиренно извиняются перед ним, заявляя, что они не ковали металл, который пронзил его, и что они имели в виду стрелу для птицы; из чего ясно, что они больше полагаются на ее глупость, чем на ее доброе сердце. В Канаде, когда охотники убивают медведя, один из них подходит к нему и кладет между зубами мундштук своей трубки, дышит в миску и таким образом, наполняя дымом рот животного, заклинает его душу не обижаться на его смерть. Так как призрак медведя не отвечает, то охотник, чтобы узнать, исполнена ли его молитва, перерезает нить под языком медведя и держит ее до конца охоты, когда разожгут большой костер и вся шайка торжественно бросит в него те нити, которые у них есть.; если они сверкают и исчезают, как это естественно, это признак того, что медведи успокоились. В Гренландии великим демоном, которого одновременно боятся и призывают, особенно рыбаки, является Торнгарсук, огромный Медведь с человеческой рукой. Он невидим для всех, кроме своих жрецов, ангуеккоков, которые являются единственными врачами этого народа.

Крайнюю точку демонической силы всегда удерживал Змей. Однако о разрушительности и других свойствах этого животного придется сказать так много, когда мы подробно

рассмотрим его уникальное положение в мифологии, что я ограничусь здесь живописным изображением сингальского демона Змей. Если кто-нибудь вздрогнет при виде змеи, даже в стране, где их мало и они сравнительно безвредны, возможно, эта цифра (Рис. 11) может подсказать окончательную причину содрогания.

Рис. 11. Сингальский Демон Змей.

В заключение можно сказать, что не только всякая животная свирепость, но и всякая сила, которая может быть причинена вредом, имела свои демонические представления. Каждый коготь, клык, жало, копыто, рог были так же точно каталогизированы и помечены в демонологии, как и в физической науке. Примечательно также, как суеверие рационализирует. Таким образом, рог в животном мире, хотя иногда и был опасен для человека, был более опасен для животных, которые, будучи врагами рогатых животных, были врагами интересов человека. Ранний пастух знал ценность рога как средства защиты от собак и волков, помимо других его полезных свойств. Следовательно, хотя и необходимо было, чтобы роговое начало, так сказать, в природе рассматривалось как одна из его втягивающих и жестоких черт, человек никогда не демонизировал животных, чья задница была наиболее опасна, но для этой цели переносил рога на голову какого-нибудь

невзрачного существа. Таким образом, рог стал естественным оружием человека-демона. Такая же эволюция произошла и в Америке; ибо, хотя среди его аборигенных легенд мы можем встретить случайного демона-буйвола, они редки и относятся к апокрифической древности. Прилагаемая американский рисунок (Рис. 12) взята с фотографии, присланной мне президентом Университета Вандербильта, штат Теннесси, который нашел ее в старом кургане (краснокожий индеец) в штате Джорджия. Вероятно, он такой же древний, как и любой другой образец человеческой головы с рогами в мире; и поскольку она не могла быть подвержена влиянию европейских понятий, она дает поразительное доказательство того, что демонизация сил и опасностей природы относится к структурному действию человеческого разума.

Рис. 12 Демон американских индейцев.

Глава VI. Враги.

Арьи, Дасюсы, Наги—Якхи—ликийцы—Эфиопы—Хирпини—Политики—Сосиполисы—Были-волки—Готы и скифы—Великаны и карлики—Берсеркеры—бритты—Исландия—Мимаки—Гог и Магог.

Мы красим Дьявола в черный цвет, говорит Джордж Герберт. С другой стороны, негр красит его в белый цвет, и не без оснований. Имя Дьявола в Мозамбике-Музунгу Майя, или Злой Белый человек. Из этого демона они делают маленькие изображения крайнего уродства, которые хранят люди на побережье и иногда выставляют напоказ, полагая, что если Белый Дьявол скрывается рядом с ними, он исчезнет из чистого отвращения при виде своего собственного уродства. Наследственный ужас похитителя, проявляющийся в этом забавном суеверии, возможно, был вызван знакомством со всем адским, представленным на языке белых моряков, посещающих побережье. Капитан Бэзил Холл, посетив Мозамбик около пятидесяти лет назад, обнаружил, что местные сановники присвоили себе титулы английских дворян, и коренастый маленький герцог Девонширский встретил его со всем своим английским словарем:‘Здравствуйте, сэр. Очень рад вас видеть. Будь прокляты твои глаза. Джоанна очень любит английский. Черт возьми. Это очень хорошо? А? Чертовски жарко, сэр. - Какие новости? Надеюсь, ваш корабль пробудет здесь слишком долго. Будь проклят мой глаз. Очень хороший день.

В большинстве районов Индии Шива также окрашен в белый цвет, что указывает на то, что там тоже были найдены основания связывать дьяволизм с белым лицом. Говорят, что Головорезы пощадили англичан, потому что их белые лица наводили на мысль о родстве с Шивой. В некоторых древних индийских книгах чудовище, убитое Индрой, Вритра, называется Дасью (враг), имя, которым в Ведах обозначаются аборигены в отличие от арийцев Севера. ‘В древнем санскрите, в гимнах Веды, арья часто встречается как национальное имя и как имя чести, включающее почитателей богов брахманов, в противоположность их врагам, которые называются в Веде Дасью. Так, один из богов, Индра, который в некоторых отношениях отвечает греческому Зевсу, призывается в следующих словах (Ригведа, i, 57, 8): "Познай Ариев, о Индра, и тех, кто есть Дасью; накажи беззаконников и предай их рабу твоему! Будь могучим помощником поклоняющихся, и я буду восхвалять все эти твои дела на праздниках ".

Наглок (змеиная страна) был в ранний период индуистским названием ада. Но наги не были настоящими змеями, - в этом случае они могли бы жить лучше, - а туземным племенем на Цейлоне, которое индусы считали змеиным происхождением, - "нага" было эпитетом для "туземца" 2. Сингальцы, с другой стороны, приспособили популярное название для демонов в Индии, "Ракшаса", в их Раксейо, племени невидимых людоедов без сверхъестественных сил (кроме невидимости), которые, без сомнения, просто воплощают традиции какой-то древней расы. Страшные силы были из другого племени, называемого якхос (демоны), и верили, что они обладают способностью делать себя невидимыми. Победы Будды над этими демоническими существами описаны в "Махавансо". ‘Победители знали (по вдохновению), что на Ланке, наполненной якхосами, ... будет место, где будет прославлена его религия. Точно так же, зная, что в центре Ланки,

на восхитительном берегу реки ... в приятном саду Маханага ... собралось большое собрание главных якхов ... божество счастливого пришествия, приближаясь к этому великому собранию, ... прямо над их головами, паря в воздухе, ... вселяло в них ужас дождями, бурями и тьмой. Якхи, охваченные благоговейным страхом, умоляли победителя освободить их от ужаса.... Утешающий победитель так ответил: "Я освобожу вас, якхо, от этого вашего ужаса и скорби; дайте мне здесь по единодушному согласию место, где я мог бы сойти". Все эти якхо ответили: "Господь, мы даруем тебе всю Ланку, даруй нам утешение". После этого победитель, рассеяв их ужас и холодную дрожь, расстелил свой ковер из кожи на том месте, которое ему было даровано, и уселся там. Затем Он заставил вышеупомянутый ковер, сверкающий бахромой пламени, распространиться во все стороны: они, опаленные пламенем, (отступая) стояли вокруг на берегах (острова) в ужасе. Тогда Спаситель велел приблизиться к ним восхитительному острову Гири. Как только они переместились туда (чтобы избежать пожара), он вернул его на прежнее место ".

Эта легенда, которая неотразимо напоминает об изгнании пресмыкающихся святыми из Ирландии и других западных областей, тем более интересна, если принять во внимание, что эти якхи-санскритские якши, служители Куверы, бога богатства, занятые уходом за его садом и сокровищами. Они считаются в целом безобидными. Переселение английскими властями тасманийцев с их родного острова на другой с последующим их истреблением может свидетельствовать о возможном происхождении истории о Гири.

Отношения Будды с людьми-змеями или нагами описываются в том же томе следующим образом:

‘Победитель (то есть, пяти смертных грехов), ... на пятом году своего состояния будды, пребывая в саду (принца) Джето, заметив, что из-за спорных притязаний на трон, украшенный драгоценными камнями, между нагой Маходаро и таким же Чалодаро, дядей и племянником по материнской линии, назревает конфликт, ... взяв с собой свое священное блюдо и одежды, из сострадания к нагам, посетил Нагадипо.... Более того, эти горные наги были одарены сверхъестественными способностями.... Спаситель и рассеиватель тьмы греха, поднявшись в воздух над центром собрания, навел на этих нагов ужасающую тьму. Внимая молитве испуганных нагов, он снова призвал дневной свет. Они, вне себя от радости, увидев божество счастливого пришествия, склонились к ногам божественного учителя. Им победитель прочел проповедь примирения. Обе стороны, радуясь этому, сделали подношение драгоценного трона божественному мудрецу. Божественный учитель, сойдя на землю, сел на трон, и цари-наги подали ему небесную пищу и питье. Господь вселенной добыл для восьмидесяти коти нагов, живущих на суше и в водах, спасение веры и состояние благочестия".

На каждом этапе обращения туземных сингальцев - демонов и людей-змей - Будда и его апостолы изображаются сопровождаемыми дэвами - божествами Индии, о которых говорят так, будто они рады стать слугами новой религии. Но мы находим, что Зороастр использует этот термин в демоническом смысле и описывает чужеземных почитателей как детей Дэвов (семит сказал бы, Сыновей Велиала). А на традиционных персидских

картинах Страшного Суда (мусульманских) архидемон имеет индуистский цвет лица. Подобное явление можно наблюдать в различных регионах. На средневековых фресках Москвы, изображающих адские муки, нетрудно различить чертей, представляющих физические характеристики большинства рас, с которыми москвич боролся в древние времена. Среди них есть и черные эфиопы, что, возможно, является результатом того, что дьяволы считаются потомством Черни-Бога, бога Тьмы; но, возможно, также, что не исключено, произошло от таких апокрифических повествований, как приписываемое св. Августин. - Я уже был епископом Гиппонским, когда отправился в Эфиопию с несколькими слугами Христа, чтобы проповедовать там Евангелие. В этой стране мы видели много мужчин и женщин без голов, у которых было два больших глаза в груди; а в странах еще южнее мы видели народ, у которого был только один глаз во лбу".

При рассмотрении демонов животных обсуждалась примитивная демонизация Волка. Но главным образом как трансформация человека и тип диких врагов это животное было видной фигурой в мифологии.

Профессор Макс Мюллер довольно ясно дал понять, что "Беллерофонт" означает "Убийца волосатых", а "Беллерос" - это транслитерация санскритского "варвара", термина, применяемого к темным аборигенам их арийскими захватчиками, равнозначного варварам.Это указывает нам на происхождение названия скорее к завоеванию Беллерофонтом ликийцев, или людей-волков, чем к его победе над Химерами. История Ликаона и его сыновей - варваров, бросающих вызов богам и пожирающих человеческую плоть, -превращенных Зевсом в волков, связывается с ликийцами (волосатыми, волчьими варварами), которых победил Беллерофонт.

Однако не всегда божество побеждало в таких встречах. В мифе о Соракте Волк считается способным противостоять богам. Соран, которому поклонялись на горе Соракте, был в Риме богом Света и отождествляется Вергилием с Аполлоном. Легенда гласит, что он стал ассоциироваться с адскими богами, хотя и назывался Diespiter, из-за сернистых испарений со стороны горы Соракте. Говорят, что однажды, когда некоторые пастухи совершали жертвоприношение, некоторые волки схватили мясо; пастухи, следовавшие за ними, были убиты ядовитыми испарениями горы, на которую отступили волки. Оракул объявил, что это было наказанием за то, что они преследовали священных животных; а после того, как последовала всеобщая эпидемия, было объявлено, что она может прекратиться только в том случае, если все люди превратятся в волков и будут жить добычей. Отсюда и Гирпини, от сабинского ‘гирпус’ - волк. Эта история является вариантом истории гирпинских самнитов, которые, как говорят, получили свое имя от своих предков, последовавших за священным волком в поисках своего нового дома. Волчьи обряды, как и римские луперкалии, служили целям очищения. Верующие голышом бежали через пылающие костры. Ежегодный праздник, который Страбон описывает как происходящий в роще Феронии, богини природы, стал, наконец, своего рода ярмаркой. Его история, однако, очень знаменательна грозным характером хирпини, или Волчьего племени, которое одно могло породить такие эвфемистические празднования волка.

Интересно отметить, что в некоторых регионах этот суеверный волк был одомашнен в собаку. Пиерий говорит, что на горе Этна был храм Вулкана, в чьей роще жили собаки, которые заискивали перед благочестивыми, но раздирали оскверненных верующих. Из левой формы (рис. 13) видно, что волк имел уменьшение, в изобразительном представлении сходное с тем, которому подверглись собачьи лары. Эта картина отсылает Иоанна Бомонта к работе Картария над "Изображениями богов древних"; форма, носящая волчью шкуру и голову, является формой демона Полита, который наводнил Темезу в Италии, согласно истории, рассказанной Павсанием. Улисс в своих странствиях, придя в этот город, забил камнями до смерти одного из своих спутников за то, что он изнасиловал девственницу; после чего его дух явился в виде этого демона, который должен был быть умиротворен, по указанию оракула Аполлона, ежегодным жертвоприношением ему самой прекрасной девственницы в этом месте. Евфим, влюбленный в деву, готовую быть принесенной в жертву, дал бой этому демону и, изгнав его из страны, женился на деве. Однако, поскольку адские силы не могут быть лишены своих прав без замены, этот спаситель Темесы исчез в реке Цецин.

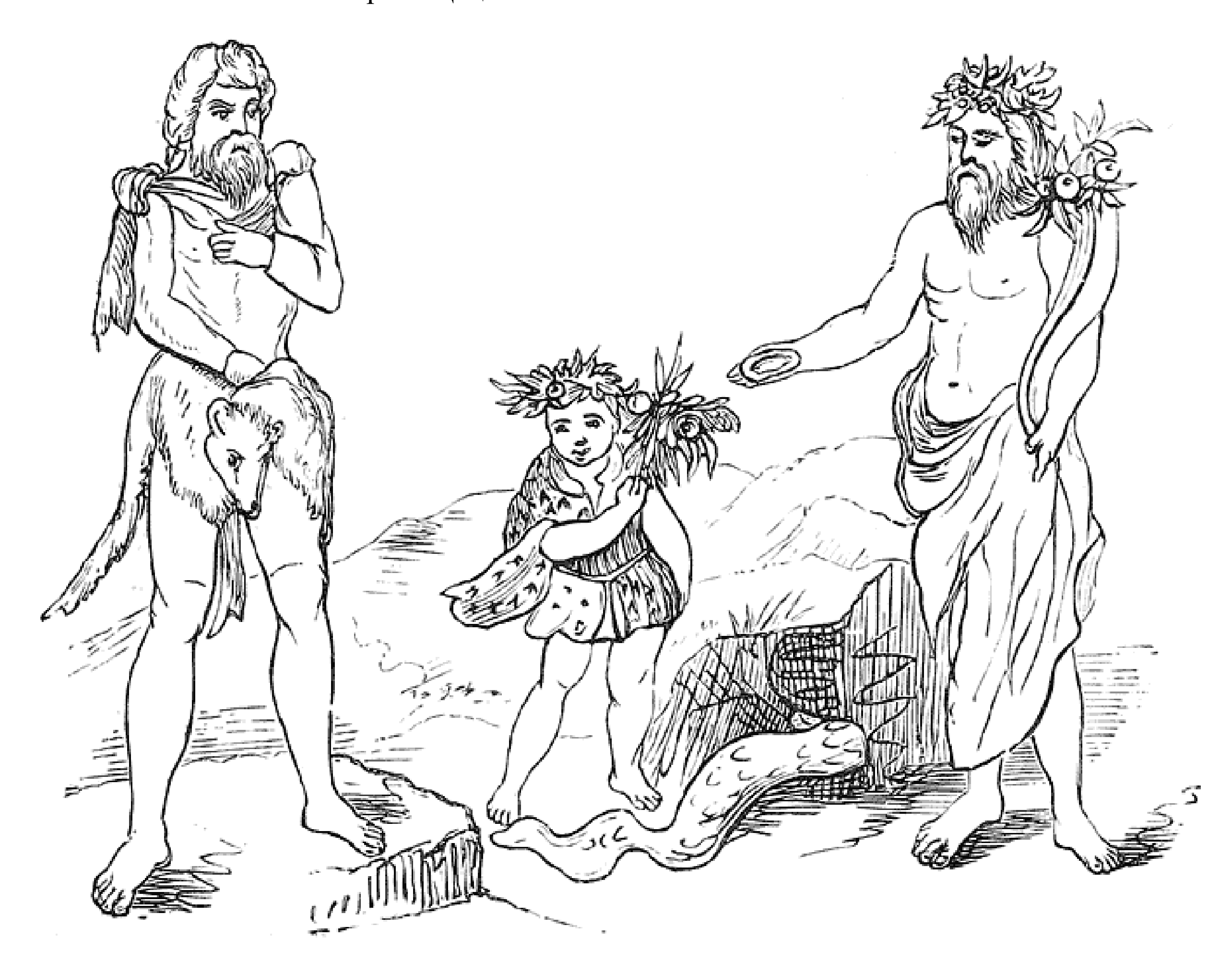

Рис. 13. Итальянские и римские гении.

Фигура справа на рис. 13 изображает гения города Рима и встречается на некоторых монетах Адриана; он держит рог изобилия и жертвенное блюдо. Дитя и змей на одной и той же картине представляют происхождение демонического характера, приписываемого элеанам аркадийцами. Этот символ ребенка и змеи, который имеет сходство с некоторыми вариантами Бела и Дракона, несомненно, был принесен в Элею или Велию в Италии фокейцами, когда они покинули свои ионийские дома, вместо того чтобы подчиниться Киру, и основали этот город в 544 году до нашей эры. Обе формы поклонялись вместе с ежегодными жертвоприношениями в храме Луцины под именем Сосиполиса. Легенда об этом титуле рассказана Павсанием. Когда аркадийцы вторглись в Элеаны, к элеанскому военачальнику пришла женщина с младенцем на груди и сказала, что во сне ей было велено поставить своего ребенка перед войском. Когда аркадяне приблизились, ребенок превратился в змею, и, пораженные чудом, они бежали, не вступая в бой. Ребенок был представлен элеанами, украшенными звездами и держащими рог изобилия; аркадийцами, без сомнения, в менее небесном смысле. В мифологии нередко встречаются самые опасные демоны, изображенные под видом слабости, как, например, у южноафриканцев, некоторые из которых недавно сообщили английским офицерам, что галейки были направлены против них ужасным колдуном в виде зайца. Самым страшным традиционным демоном, когда-либо убитым героем в Японии, был Шудэн Дози-Пьяница с Детским лицом. Говорят, что на Цейлоне демон часто появляется в образе женщины с ребенком на руках.

Многие звериные демоны-просто сказки о свирепости человеческих племен. Суеверие о волке-оборотне, существующее до сих пор в России, где трансформированное чудовище называют волкодлаком (волк-волк, а длак-волос), могло даже зародиться в костюме скандинавских варваров и охотников. Эта вера всегда была более или менее рационализирована, напоминая ту, которой придерживался Верстеган триста лет назад и которую можно считать распространенной как среди англичан, так и среди фламандцев его времени. ‘Это были волки, - говорит он, - некоторые колдуны, которые, помазав свои тела мазью, которую они делают по инстинкту дьявола, и надев определенный заколдованный пояс, не только на взгляд других кажутся волками, но и на свой собственный взгляд имеют как природу, так и облик волков, пока они носят упомянутый пояс".; и они ведут себя как настоящие волки, беспокоясь, убивая и опустошая человеческие существа. Во время франко-германской войны 1870-1871 годов одна семья дам на германском берегу Рейна, сидя всю ночь в страхе, рассказывала мне такие истории о "тюрках", что я с тех пор без труда понял веру в сверхъестественных и сверхъестественных волков, которая когда-то наводила ужас на Европу. Легкость, с которой старый ликийский волчий пояс, так сказать, был подхвачен и надет во многих странах, где расовые войны были хроническими в течение многих веков, делает почти несомненным, что это суеверие (ликантропия), как бы оно ни возникло, продолжалось через обычай приписывать демонические черты враждебным и свирепым расам. Действительно, было общее мнение, что теоретическая вера возникла в пифагорейском учении о метемпсихозе. Так Шекспир:

Ты почти заставляешь меня колебаться в моей вере,

Придерживаться мнения Пифагора,

Что души животных вливаются сами

В сундуки людей: твой скверный дух

Управлял волком, которого повесили за человеческую резню,

Даже с виселицы его пала душа флота,

И пока ты лежишь в своей неосвященной плотине

Вливается в тебя; ибо желания твои

Они волчьи, окровавленные, голодные и голодные.

Но это суеверие гораздо древнее Пифагора, который, без сомнения, пытался превратить его в моральную теорию воздаяния, как это сделал Платон в своем рассказе о Видении Эра Армянина.

Профессор Вебер и другие приводили свидетельства, указывающие на то, что, хотя вера в превращение людей в животных не была развита в ведическую эпоху Индии, ее матрица существовала. Но из нашего главного факта - ассоциации демонических персонажей с определенными племенами - Индия привела много примеров. В горах Траванкора есть племена, которые до сих пор, по общему мнению, находятся в особом знакомстве с дьяволами этого региона; а жители равнин рассказывают, что на этих горах иногда можно увидеть гигантских демонов высотой в шестнадцать или семнадцать футов, швыряющих друг в друга головни.

Профессор Монье Уильямс делает интересное замечание относительно этой общей фазы южноиндийской демонологии. Кроме того, не следует забывать, что, хотя вера в дьяволов и почитание бхутов, или духов, всех видов распространена по всей Индии, все же то, что называется поклонением дьяволу, гораздо более систематически практикуется на Юге Индии и Цейлоне, чем на Севере. И причина может быть в том, что, когда вторгшиеся арийцы продвинулись к Южной Индии, они обнаружили, что некоторые ее части населены дикими аборигенами-дикарями, поведение и внешний вид которых показались им похожими на поведение дьяволов. Поэтому арийский ум, естественно, представлял себе области Юга главным прибежищем и оплотом демонической расы, и страх перед демоническими силами укоренился в Южной Индии глубже, чем на Севере. Любопытно также, что в Южной Индии принято считать, что каждый нечестивый человек своей смертью способствует пополнению все возрастающих рядов легионов дьявола. Его злые страсти не умирают вместе с ним; они усиливаются, концентрируются и увековечиваются в форме злого и вредного духа".

Очевидно, что этот принцип может быть распространен от отдельных людей до целых племен. Киммерийцы считались обитателями земли, связанной с адом. В легенде об Альгамбре, рассказанной Вашингтоном Ирвингом, астролог предупреждает мавританского короля, что прекрасная девица, несомненно, одна из тех готских колдуний,

о которых они так много слышали. Хотя, как мы видели, Англия считалась на Континенте островом демонов из-за своей северной широты, вероятно, некоторые из ее племен были достаточно опасны, чтобы продлить суеверие. Считалось, что кошмарные эльфы пришли из Англии и на рассвете поспешили уйти через замочные скважины, сказав: "В Англии звонят колокола". Вестготы, вероятно, оставили нам слово "фанатик", а "готы и вандалы" иногда обозначают английских грубиянов, как "турки" - тех, кто живет в Константинополе. Геродот говорит, что скифы Черного моря считали неврийцев волшебниками, которые превращались в волков на несколько дней в год; но сами скифы, по словам Геродота, произошли от чудовища, полу-женщины, полу-змеи.; и, возможно, связь шотландцев со скифами со стороны германцев, которые называли их обоих скуттенами, имела какое-то отношение к сверхъестественному характеру, приписываемому Британским островам. Сэр Уолтер Рэли описывал краснокожих американцев как гигантских монстров. ‘Красные дьяволы " до сих пор являются эпитетом первопроходцев на Дальнем Западе. Мохнатые князья Исава были связаны с козлом и демонизированы как Эдом, а более миролюбивые семитские племена не слишком верили в Измаила. Подобные представления сродни тем, которые многие теперь имеют о Головорезах и башибузуках, и слишком однообразны и естественны, чтобы подвергать сомнению изобретательность Сравнительной мифологии.

В основе многих легенд о великанах и карликах можно найти сходную демонологическую формацию. Принцип естественного отбора объяснил бы существование племен, которые, хотя и небольшого роста, способны выстоять против более крупных и могущественных благодаря своей высшей хитрости. То, что такое уравнивание явно неравных сил было известно в доисторические времена, можно почерпнуть из многих басен. Перед Бали, уже упомянутым монархом, чья власть пугала самих богов, Вишну предстал в образе карлика, просившего лишь столько земли, сколько он мог измерить тремя шагами; по-видимому, нелепая просьба была удовлетворена, и бог двумя шагами прошелся по всей земле, а третий обрушил на голову Бали. В скандинавской басне мы видим юную великаншу, идущую к матери с плугом и пахарем в переднике, который она подобрала в поле. На вопрос своего ребенка: "Что это за жук, которого я нашла извивающимся в песке?" - великанша отвечает: "Иди и положи его на то место, где ты его нашел. Мы должны уйти из этой земли, потому что эти маленькие люди будут жить в ней".

Саги содержат много историй, которые, хотя и написаны в прославление расы "гигантов", рассказывают об уничтожении их вождей магическими силами гномов. Я должен ограничиться несколькими примечаниями к Саге об Инглинге. ‘В Свитиоде,’ говорят нам, - много великих владений, и много замечательных человеческих рас, и много разных языков. Есть великаны, есть карлики, есть и синие люди. Там есть дикие звери и чудовищно большие драконы. Мы узнаем, что в Асаланде был великий вождь Один, который отправился завоевывать Ваналанд. Говорят, что ваналандцы владеют магическими искусствами, которые до сих пор приписывают финнам и лапландцам самые невежественные из их соседей. Но что народ Асаленда научился своим магическим чарам. - Один был самым умным из них, и от него все остальные учились своему волшебному искусству. - Один мог сделать своих врагов в бою слепыми, или глухими, или

пораженными ужасом, и их оружие было настолько тупым, что они могли резать не больше, чем ивовый прутик.; с другой стороны, его люди бросались вперед без доспехов, были безумны, как собаки или волки, кусали свои щиты и были сильны, как медведи или дикие быки, и убивали людей одним ударом, и ни огонь, ни железо не действовали на них. Их называли Берсеркерами. (От ber, bear и serkr, sark или coat; это слово, вероятно, является, как говорит Маурер, пережитком более ранней веры в превращение людей в медведей.) Но преемники Одина не сохранили его оккультной силы. Свегдир, например, увидел большой камень и гнома у входа в него. Гном позвал его войти, и он должен был увидеть Одина. - Сведгер врезался в камень, который мгновенно закрылся за ним, и Сведгер больше не вернулся. Говорят, что колдовство финнов привело Ванланди (сына Свегдира) к смерти от руки Мары (ночной кобылы). Сын Ванланди, Висбур, тоже пал жертвой колдовства. Такие легенды, как эти и многие другие, которые можно найти в "Хеймскрингле" Стурлесона, повлияли на наши популярные истории, интерес которых обращается на мастерство, с которым какой-нибудь маленький Валет или Большой палец побеждает своего противника превосходящей хитростью.

Суеверия, касающиеся гномьих сил, особенно распространены в Нортумберленде, где их называли Дергарами, и считалось, что они в изобилии встречаются на холмах между Ротбери и Элсдоном. Они вводят в заблуждение факелами. Одна история рассказывает, что путешественник, заманив ночью в хижину, где гном приготовил для него удобный костер, обнаружил себя, когда рассвело, сидящим на краю глубокой неровной пропасти, где малейшее движение заставило его разбиться вдребезги.Однако в нортумбрийских историях в целом не подчеркивается, что они выросли из туземных условий или даже были заимствованы для них. Легенды Шотландии и Юго-запада Англии кажутся мне гораздо более похожими на первоначальную борьбу между большими и малыми расами. Они напоминают о суевериях, которые все еще существуют в Норвегии относительно лапландцев, которые, как говорят, ведут нечестивые дела с гномами.

В прошлом столетии в Шотландии о "Брауни" обычно говорили как о "высоком человеке", и это имя, по-видимому, относится к коричневому цвету лица этого страшилища и его длинным каштановым волосам, едва ли шотландским.Обычно бывает так, что Второе зрение, однажды достигшее достоинства называться "Дейтероскопией", видит, как обреченный мужчина или женщина сжимаются до размеров карлика. "Высокий человек" в таких случаях не за горами. "В какую-то эпоху, более отдаленную, чем даже эпоха Алипоса, - говорит Хью Миллер, - вся Британия была населена великанами-факт, достаточно подтвержденный ранними английскими историками и традициями Севера Шотландии. У Диоклетиана, царя Сирии, говорят историки, было тридцать три дочери, которые, подобно дочерям Даная, убили своих мужей в первую брачную ночь. Король, их отец, в отвращении к преступлению, запихнул их всех в корабль, который он бросил на милость волн, и который дрейфовал приливами и ветрами, пока не достиг берегов Британии, тогда необитаемого острова. Там они жили одиноко, питаясь кореньями и ягодами, естественными плодами почвы, пока орден демонов, влюбившись в них, не взял их себе в жены; и племя великанов, которых следует считать истинными аборигенами страны, если только демоны не имеют на это права, было плодом этих браков. Однако,

менее удачливое, чем даже их прототипы Циклопы, все племя было истреблено несколько веков спустя Брутом отцеубийцей, который с доблестью, которой не могла оказать никакого действенного сопротивления простая громада, сверг Гог-Магога, Термагола и целый сонм других, чьи имена были столь же ужасны. Традиция менее ясна, чем историки, в том, что касается происхождения и исчезновения расы, но ее повествования об их доблести более подробны. В приходе Эддерстон есть большой и тяжелый камень, который, как говорят, великанша из племени бросила с веретена через Дорнохский залив; и еще один, в нескольких милях от Дингуолла, еще больше и тяжелее, который был брошен человеком из той же семьи и который до сих пор носит следы гигантского пальца и большого пальца ".

Возможно, мы найдем мифологических потомков этих титанов, а также друидов в так называемых "Великих людях", которых когда-то боялись горцы. Туземцы Южного Уиста верили, что долина, называемая Гленслит, расположенная между двумя горами на восточной стороне острова, населена этими Великими Людьми, и что если кто-нибудь войдет в долину, не подчинившись формально поведению этих существ, он непременно сойдет с ума. Мартину, протестовавшему против этого суеверия, рассказали, что одна женщина вышла из долины сумасшедшей, потому что не произнесла заклинания из трех фраз. Они также рассказали ему о голосах, слышимых в воздухе. Брауни ("высокий человек с очень длинными каштановыми волосами"), которому на холме в том же районе вылили коровье молоко, вероятно, из этого гигантского племени, легко мог быть демонизирован в то время, когда друиды доставляли столько хлопот Святому Колумбе и пытались сохранить свое влияние на людей, исповедуя сверхъестественные силы.

Человек меньшего роста, компенсируя свою неполноценность изобретательностью, возможно, сначала выковал меч, кольчугу и щит и таким образом успешно противостоял гиганту. Таким образом, бог с Молотом мог бы вытеснить бога с Кремневым копьем. Магическое искусство, казалось, сделало неуязвимым человека, от которого отскочила стрела.

Из Саги короля Олафа Трюггвасона следует, что девятьсот лет назад исландцы и датчане считали друг друга великанами и карликами. Исландцы издавали пасквилии против датчан, в которых упоминались их миниатюрные размеры:—

Доблестный Харальд в поле

Между его ног падает щит,

Он превратился в пони и т. д.

С другой стороны, датчане отнюдь не презрительно относились к своим исландским врагам, как доказывает следующий рассказ Хеймскринглы. ‘Король Харальд велел одному колдуну отправиться в Исландию в каком-нибудь измененном обличье и попробовать, что он сможет там узнать, чтобы рассказать ему; и он отправился в путь в облике кита. И когда он приблизился к земле, он пошел на западную сторону Исландии, на север вокруг земли, когда он увидел все горы и холмы, полные сухопутных змей, некоторые большие,

некоторые маленькие. Дойдя до Вапнафиорда, он направился к суше, намереваясь выйти на берег.; но огромный дракон ринулся вниз по долине против него, с вереницей змей, загонов и жаб, которые несли яд в его сторону. Затем он повернулся, чтобы идти на запад вокруг земли до Эйафиорда, и вошел во фьорд. Тогда на него налетела птица, которая была так велика, что ее крылья простирались над горами по обе стороны фьорда, и множество птиц, больших и малых, вместе с ней. Затем он поплыл дальше на запад, а затем на юг, в Брейдафиорд. Когда он вошел во фьорд, большой серый бык бросился ему навстречу, вброд вошел в море и страшно заревел, а за ним последовала толпа сухопутных змей. Оттуда он обошел Рейканесс и хотел высадиться в Викарстеде, но тут с холма на него напал великан с железным посохом в руках. Он был на голову выше гор, и многие другие гиганты следовали за ним. "Самые соблазнительные гесперианские сады Юга и Востока, по-видимому, не охранялись так тщательно, как Исландия, и вряд ли можно назвать это трусостью, когда (после того как волшебный кит принес журнал своего путешествия) записано: "Затем датский король повернул со своим флотом и отплыл обратно в Данию".

Достаточно любопытен тот факт, что мимаки,аборигены Новой Шотландии14, были найдены с китовой историей, уже упоминавшейся (стр. Они также имеют легенду о древнем воине по имени Буин, который обладал сверхъестественными способностями, особенно приписываемыми Одину, способными вызывать бури, вызывать чрезмерный холод, увеличивать или уменьшать свои размеры и принимать любую форму. Кроме страшной расы гигантских ледяных демонов, которых страшится это племя, как сказано в другом месте (стр. 84), они боятся также желторогого дракона по имени Чип-Чихилм (чей облик иногда принимает великий Буин). Они делают подношения новолунию. Они верят в пикси, называя их Виггуладум-мучкик, ‘очень маленькие люди". Они издревле верили в двух великих духов, доброго и злого, обоих называли Маниту; с тех пор как они вступили в контакт с христианами, так называли только злого.

Весь мотив Демонологии Мимаков, на мой взгляд, связан с ранними конфликтами с некоторыми грозными расами. Остается надеяться, что путешественники обратят больше внимания на эту уникальную расу, прежде чем она перестанет существовать. Китайская теория гениев почти в точности повторяет теорию мимаков. Китайские гении то малы, как мотылек, то заполняют собой весь мир; они могут принимать любую форму; они повелевают демонами; они никогда не умирают, но через несколько столетий возносятся на небо на спине дракона.Обычно китайские гении используют желтую цаплю в качестве воздушного бегуна. Мимаки верят в большую сверхъестественную водяную птицу Куллу, которая пожирает обычных людей, но несет на своей спине тех, кто может приручить ее с помощью магии.

М-р Майерс в своем "Руководстве для китайского читателя" предполагает, что обозначение Формозы китайцами как "Острова гениев" (Сан-Шень-Шань) имеет некоторое отношение к их ранним попыткам колонизации Японии. Говорят, что некромант Су Фу, живший в 219 году до нашей эры, объявил об их открытии и во главе

отряда юношей и девушек отправился с экспедицией к ним, но, когда они оказались в пределах видимости волшебных островов, был отброшен встречными ветрами.

Гог и Магог стоят в Лондонском Гилдхолле, хотя и значительно уменьшенные в росте, чтобы соответствовать английским мускулам, которые должны были нести их в процессиях, памятниках сверхъестественных размеров, приписываемых врагам, с которыми арийская раса столкнулась в своих великих миграциях на запад. Даже в наши дни, когда прогресс цивилизации преследуют неукротимые скифские орды, как странно доходят до наших ушей древние легенды и пророчества о них!

Так говорит Господь Иегова:

Вот я против тебя, о Гог,

Князь Роша, Мешеха и Тубула:

И я обращу тебя назад и оставлю только шестую часть тебя.;

И я заставлю тебя прийти с севера.,

И приведут тебя на горы Израилевы:

И я выбью твой лук из твоей левой руки,

И заставит твои стрелы выпасть из твоей правой руки.

Ты падешь на горы Израиля,

Ты и все твои отряды.

В Коране рассказывается о Дулкарнейне: "Он путешествовал с юга на север, пока не пришел между двумя горами, под которыми он нашел народ, который едва мог понять то, что было сказано. И они сказали: о Дулкарнейн, воистину, Гог и Магог опустошают землю; должны ли мы поэтому платить тебе дань при условии, что ты построишь вал между нами и ними? Он ответил: сила, которой укрепил меня мой Господин, лучше твоей дани; но помоги мне усердно, и я воздвигну крепкую стену между тобой и ними.... Поэтому, когда эта стена была закончена, Гог и Магог не могли ни взобраться на нее, ни прорыть ее. И сказал Дулкарнейн: это милость от моего Господа; но когда сбудется предсказание моего Господа, он обратит стену в прах ".

Ужас, внушаемый этими варварами, отражен в пророчествах об их неизбежном вторжении из их сверхъестественно построенных крепостей, как у Иезекииля.:—

Ты взойдешь и придешь как буря,

Ты будешь подобен облаку, чтобы покрыть землю.,

Ты и все твои банды,

И много людей с тобою;

и в Коране: "Гог и Магог откроют для них проход, и они поспешат со всех высоких холмов", и в Апокалипсисе: "Сатана будет освобожден из своей темницы и выйдет, чтобы обмануть народы, которые находятся в четырех четвертях земли, Гог и Магог, чтобы собрать их на битву; число которых подобно песку морскому". Пять веков назад сэр Джон Мондвилль рассказывал в Англии легенду, которую слышал на Востоке. - В том самом регионе бен-маунтейн из Каспия, что люди клепают Убера в контри. Между горами иудеи 10 линагов бен заключили, что люди клепают Готе и Маготе: и они не косят ни на одном сиде. Не было 22 кингов, с наймом пепле, которые жили между маунтейнами Сита. Там король Алисандр чакеде хем меж двумя маунтейнами, и там он думал о том, чтобы заключить в хем торге работу своих людей. Но когда он сказал, что не может сделать этого, не довести его до конца, он обратился к Богу природы, чтобы он выполнил то, что он начал. И все было так, что он был Пайнеме, а не уорти бену стаду, зит Бог его милости закрыл маунтейны для гидре: так что они жили там, все быстро илоккед и заключенные с хайе маунтейнами все оутэ, саф только на о сиде; и на том сиде находится Море Каспий". *(??? так в оригинале)*

Глава VII. Бесплодие.

Индийский голод и Солнечные пятна-Поклонение Солнцу—Демон Пустыни-Сфинкс—Египетские бедствия, описанные Лепсиусом: Саранча, Ураган, Наводнение, Мыши, Мухи—Поездка шейха—Абаддон—Сет—Тифон—Каинов ветер—Сет—Мираж—Пустынный Эдем—Азазель—Тавискара и Дикая Роза.

В своем поклонении дающему дождь Индре, как также солнечному величию, древние индусы, по-видимому, полностью осознавали его непоследовательные привычки. ‘Твое опьянение сильнее всего", - восклицает хвалебник и успокаивающе добавляет: "Ты желаешь, чтобы и твое опьянение, и твоя благодать были средством уничтожения врагов и распределения богатств". Против голода призывается молния Индры, и она уподобляется ужасному Тваштри, в чьем устрашающем облике (чистом огне) Агни однажды явился к ужасу богов и людей.Этот Тваштри сам не был злым существом, но, как мы видели, был искусником богов, подобным Вулкану; однако он был отцом трехголового чудовища, которое отождествлялось с Вритрой. Хотя эти ранние поклонники признавали, что их главная беда была связана с "ослепительной жарой" (которую Тваштри, по-видимому, имеет в виду в только что упомянутом отрывке), празднующие Индру видели, как он заменил своего отца Дьяуса и царствовал в великолепии дня, а также в щедрости облака. Этот монополист частей в своей теогонии предвосхитил Юпитера Плювия. Ведическая мифология пронизана историями о демонах, которые задержали дождь и похитили облачных коров Индры, заперев их в пещерах, и бога бесконечно восхваляют за то, что он принес смерть таким. Он убивает Вритру, "задерживающего дождь", и Дрибхику, Балу, Урану, Арбуду, "пожирающего Свасну", "непоглощаемую Сушну", Пипру, Намучи, Рудхикру, Варчина и сто тысяч его потомков; смертоносный удушающий змей Ахи, особый тип Засухи, когда она высыхает в реках; и во всех этих битвах с предполагаемыми виновниками повторяющегося Бесплодия и Голода, как и большинство этих чудовищ, обиталище злых духов. это было восхитительное " я " бога Солнца!

Почти жалкой представляется нам теперь долгая и обширная история, когда компетентные люди науки дают нам веские основания полагать, что правильное знание солнца и отношение его пятен к дождям могло бы покрыть Индию путями и средствами, которые приспособили бы все царство к окружающей среде и вырвали бы у Индры его враждебную молнию - солнечный удар голода. Индусы покрыли свои земли храмами, воздвигнутыми для умилостивления и порицания демонов и призывания божеств против таких источников засухи и голода. Если бы они пришли к выводу, что голод является результатом неточно расположенных солнечных циферблатов, земля была бы покрыта совершенными солнечными циферблатами; но голод был бы более разрушительным из-за растущего отхода ума и энергии от истинной причины и подразумеваемого ответа. Точно так же пожары в Лондоне приписывались неточным городским часам; часы становились совершенными, а пожары-более многочисленными из-за неправильного направления бдительности. Но насколько мы, христиане, мудрее индусов? Они прекрасно приспособили свою страну для умилостивления демонов голода, которых не существует, ценой, которая давным-давно сделала бы их защищенными от сил голода, которые существуют. Точно так же мы покрыли христианский мир полной системой защиты от адов, дьяволов и гневных божеств, которых не существует, в то время как вокруг наших церквей, часовен, соборов-реально существующие бурлящие ады пауперизма, стыда и преступлений.

-Ничто не может продвинуть искусство ни в одном районе этой проклятой, управляемой машинами и дьяволом Англии, пока она не передумает во многих вещах. Так писал недавно Джон Раскин. Конечно, до тех пор, пока машина трудится и зарабатывает богатство и другую власть, которая все еще идет на поддержку и дальнейшее развитие социальных и церковных форм, созданных со ссылкой на спасение от дьявола или демонов, в которых больше не верят, фраза " машина и дьявол движимы’ верна. До тех пор, пока изобретения и предприятия нации не будут управляться в интересах правильных идей, мы все еще можем вздыхать, подобно Джону Стерлингу, о том, чтобы "дюжина людей стояла за идеи, как Кобден и его друзья за машины". Но все же остается столь же верным, что все машины и богатства Англии, преданные человеку, могли бы сделать каждый ее дом счастливым и дать образование каждому жителю, как и то, что каждый идолопоклоннический храм в Индии мог бы быть заменен щитом против голода.

Наши астрономы и экономисты дали нам возможность ясно увидеть, как обстоит дело со страной, храмы которой не являются препятствием для христианского видения. Факты указывают на то, что солнечные пятна достигают своего максимума и минимума интенсивности с интервалом в одиннадцать лет и что их высокая активность сопровождается частыми колебаниями магнитной стрелки и увеличением количества осадков. В 1811 году и с тех пор голод в Индии, за одним исключением, последовал за годами минимальных солнечных пятен.Эти факты достаточно хорошо засвидетельствованы, чтобы оправдать веру в то, что английская наука и искусство смогут осуществить в Индии то положение, которое, как говорят, Иосиф сделал для семи неурожайных лет, о которых мечтал фараон.

До тех пор, пока не наступит эта счастливая эпоха, бедные индусы будут только попеременно поклоняться и умилостивлять солнце, поскольку его милостивое или жестокое влияние будет падать на них. Художник Тернер сказал: "Солнце’это Бог". Великолепные эффекты света на картинах Тернера едва ли могли исходить от кого-либо, кроме солнцепоклонника, живущего среди туманов. Незнание часто порождает благоговение. Мало найдется стран, в которых солнце, когда оно светит, встречалось бы с таким энтузиазмом и наблюдалось бы во всех его вариациях великолепия, как та, в которой его появление редко. И все же суеверие, унаследованное от тех мест, где солнце в равной степени является опустошением, было достаточно сильным, чтобы затмить его славу в сознании известного в свое время писателя Тобиаса Свиндена, который написал работу, доказывающую, что солнце-обитель проклятых.Предположение это может показаться теперь только любопытным, но, вероятно, оно не более любопытно, чем через сто лет всем покажется вульгарное представление о грядущих огненных муках для человечества, библейская необходимость которого привела причудливого настоятеля к его гротескному заключению. Эти две крайности—поклонение Солнцу Тернера и ужас перед Солнцем Свиндена-сохранились в Англии и представляют собой два антагонистических аспекта солнца, которые имели огромное значение для тех, кто жил под его величайшей мощью. Его дурное настроение, его голод и жажда в любой год превращали землю в пустыню и приносили смерть тысячам.

В странах, где засуха, бесплодие и последовавший за ними голод были случайными, как в Индии, это было бы неизбежным результатом того, что они представляли бы различные настроения сильной воли, и в таких регионах мы, естественно, находим самые обширные средства для умилостивления. Преобладающее число тучных лет сильно сказалось бы на народном воображении в пользу священнического заступничества и пользы жертвоприношений великому демону Голода, который иногда пожирал семена земли. Но в странах, где бесплодие было вездесущим, видимым, неизменным фактом, Демон Пустыни представлял собой Необходимость, силу, которую нельзя было ни уговорить, ни изменить. Люди, живущие в далеких землях, могут выдумывать теоретические мифы, чтобы объяснить пустыню. Это могло быть несчастным случаем, вызванным тем, что бог Солнца однажды уступил свою колесницу неопытному вознице, который подошел слишком близко к земле. Но для тех, кто жил рядом с пустыней, это могло показаться лишь адским царством, совершенно невозвратимым. Древняя цивилизация Египта, столь полная величия, могла быть в значительной степени обязана уроком, преподанным им пустыней, что они не могли изменить условия вокруг себя никакими мольбами, но должны были сделать лучшее из того, что осталось. Если такова была сила, построившая древнюю цивилизацию, памятники которой так великолепно сохранились в своих развалинах, то ее упадок можно было бы точно так же объяснить, когда эта примитивная вера перешла в теологическую фазу. Ибо как Необходимость есть мать изобретения, так и Судьба фатальна для нее. Вера в факты и законы, закрепленные в органической природе вещей, побуждает человека изучать их и строить свою жизнь по отношению к ним; но вера в то, что вещи фиксируются произвольным указом индивидуальной власти, является окончательным приговором предприимчивости. Судьба могла бы, таким образом, неуклонно разрушать величайшие достижения Необходимости.

Если бы у нас была только подлинная история Сфинкса—Связующего,—мы могли бы найти в нем веху между подъемом и упадком египетской цивилизации. Когда великое Ограничение, окружающее силы человека, впервые олицетворялось этим мистическим величием, оно стояло в пустыне не как загадка, а как ее решение. Ни один такой памятник никогда не ставился под сомнение. Но раз персонифицированный и внешне оформленный, внешний Связующий должен также связывать мысль; нет, он задушит мысль, если она не сможет проникнуть сквозь камень и открыть его смысл. - Как правдива эта старая басня о Сфинксе, который сидел на обочине дороги и предлагал пассажирам свою загадку, а если они не могли ответить, она их уничтожала! Таким Сфинксом является наша Жизнь для всех людей и обществ людей. Природа, подобно Сфинксу, обладает женственной небесной красотой и нежностью; лицо и грудь богини, но заканчиваются когтями и телом львицы. В ней есть небесная красота, что означает небесный порядок, уступчивость мудрости; но есть также тьма, свирепость, фатальность, которые являются адскими. Она-богиня, но еще не разочарованная.; один еще наполовину заключен,-членораздельный, прекрасный еще заключен в невнятный, хаотичный. Как это верно! И разве она не предлагает нам свои загадки? О каждом мужчине она спрашивает ежедневно, мягким голосом, но с ужасным значением: "Знаешь ли ты значение этого Дня? Природа, Вселенная, Судьба, Существование, как бы мы ни называли этот великий безымянный Факт, посреди которого мы живем и боремся, подобны небесной невесте и победе для мудрых и храбрых, для тех, кто может распознать ее повеления и исполнить их; разрушительный демон для тех, кто не может. Ответь на ее загадку, тебе хорошо. Не отвечай на него, не проходи мимо него, он сам ответит; решение для тебя-дело зубов и когтей; Природа для тебя - бессловесная львица, глухая к твоим мольбам, яростно пожирающая. Ты теперь не ее победоносный жених; ты ее искалеченная жертва, разбросанная по пропастям, как раб, найденный предателем, отступником, должен быть и должен".

На краю Пустыни, примыкающей к Некрополю, у ворот которого он стоит, Сфинкс покоится среди безмолвия науки и веков. Кто его построил? Никто не может ответить, насколько это касается человека-художника или короля, под началом которого он работал. Но идеи и природные силы, построившие Сфинкса, окружают даже сейчас археолога, который пытается открыть его историю и хронологию. В качестве наиболее подходящего дополнения к интерпретации Карлейля прочтем некоторые отрывки из Лепсиуса.

- Эдипа для этого царя сфинксов еще не хватает. Тот, кто осушит неизмеримый песчаный поток, который погребает сами гробницы, и откроет основание Сфинкса, древнюю храмовую тропу и окружающие холмы, мог легко решить это. Но с загадками истории связано много загадок и чудес природы, которые я не должен оставлять совершенно незамеченными. Самое новое из всех, по крайней мере, я должен описать.

Я спустился вместе с Абекеном в яму для мумий, чтобы открыть несколько недавно обнаруженных саркофагов, и был немало удивлен, когда, спустившись, обнаружил, что нахожусь в постоянном снежном сугробе саранчи, которая, почти затемняя небо, сотнями тысяч летела над нашими головами с юго-запада из пустыни в долину. Я взял его на один

полет и позвал своих спутников из гробниц, где они были заняты, чтобы они могли увидеть это египетское чудо, прежде чем оно закончится. Но полет продолжался; действительно, рабочие говорили, что он начался час назад. Тогда мы впервые заметили, что вся область, ближняя и дальняя, была покрыта саранчой. Я отправил слугу в пустыню, чтобы узнать, как велика стая. Он пробежал четверть часа, потом вернулся и сказал нам, что, насколько он видит, им нет конца. Я ехал домой в самый разгар саранчового ливня. На краю плодородной равнины они падали дождем; и так продолжалось весь день до вечера, и так на следующий день с утра до вечера, и на третий, короче говоря, до шестого дня, и даже в более слабых полетах гораздо дольше. Вчера действительно казалось, что ливень в пустыне сбил с ног и уничтожил последнего из них. Арабы теперь разводят большие дымовые костры на полях и весь день гремят и шумят, чтобы уберечь свой урожай от неожиданного вторжения. Однако пользы от этого будет мало. Подобно новой живой растительности, эти миллионы крылатых спойлеров покрывают даже соседние песчаные холмы, так что почти ничего не видно на земле; и когда они поднимаются с одного места, они немедленно падают где-нибудь поблизости; они устали от долгого путешествия и, кажется, потеряли всякий страх перед своими естественными врагами, людьми, животными, дымом и шумом, в своем яростном желании наполнить свои желудки и накормить свое огромное количество. Самое удивительное, на мой взгляд, - это их полет над голой пустыней и инстинкт, который привел их из какого-то оазиса над негостеприимной пустыней в жирную почву Нильской долины. Четырнадцать лет назад, кажется, эта египетская чума в последний раз посетила Египет с такой же силой. Популярная идея состоит в том, что они посылаются кометой, которую мы наблюдали в течение двенадцати дней на юго-западе и которая, поскольку теперь она больше не скрыта лучами Луны, простирает свой величественный хвост по небу в ночные часы. Зодиакальный свет, столь редко встречающийся на севере, в последнее время виден уже несколько ночей подряд.

Другие бедствия Египта описаны Лепсием:

Внезапно буря переросла в страшный ураган, какого я никогда не видел в Европе, и град обрушился на нас такими массами, что почти превратил день в ночь.... Наши палатки стоят в долине, куда спускается плато пирамид, и защищены от самых сильных ветров с севера и запада. Вскоре я увидел стремительный горный поток, спешащий вниз на наши распростертые и покрытые песком палатки, как гигантская змея на свою верную добычу. Главный поток катился к большому шатру; другая рука угрожала моей, не достигая ее. Но все, что было смыто из наших палаток ливнем, было сорвано двумя ручьями, которые соединились позади палаток и унесли в бассейн за Сфинксом, где сразу же образовалось большое озеро, к счастью, не имевшее выхода. Просто представьте себе эту сцену! Наши палатки, сорванные бурей и проливным дождем, лежали между двумя горными потоками, воткнувшись в нескольких местах на глубину шести футов в песок и отложив наши книги, рисунки, эскизы, рубашки и инструменты—да, даже наши рычаги и железные вороны; короче говоря, все, что они могли захватить, в темном пенящемся грязевом океане. Кроме того, мы, промокшие до нитки, без шляп, застегивали более тяжелые вещи, бежали за более легкими, заходили по пояс в озеро, чтобы выудить то, что еще не проглотил песок; и

все это заняло четверть часа, по истечении которых солнце снова ярко засияло и возвестило конец этого потопа яркой и великолепной радугой.

- Теперь начинается мышиная чума, с которой мы раньше не были знакомы; в моей палатке они растут, играют и свистят, как будто они всю жизнь были здесь дома и совершенно не обращали внимания на мое присутствие. Ночью они уже бегали по моей постели и лицу, а вчера я в ужасе вскочила со сна, как вдруг почувствовала у своей ноги острый зуб такого дерзкого гостя.

- Надо мной расстилается марлевый полог, чтобы днем отгонять мух, этих самых бесстыдных египетских язв, а ночью-комаров.... Скорпионы и змеи еще не кусали нас, но есть очень злые осы, которые часто жалят нас.

‘Долина (в пустыне) была дикой и однообразной, ничего, кроме песчаника, поверхность которого была выжжена, как черные угли, но превращалась в пылающую золотисто-желтую при каждой трещине, и каждый овраг, откуда множество песчаных ручейков, как огненные потоки из черного шлака, бежали и заполняли долины. Мы еще не видели ни дерева, ни клочка травы, не видели и животных, кроме нескольких стервятников и ворон, кормившихся тушей последнего упавшего верблюда.... По дикой и изломанной тропе, рассекая камни, мы спускались все глубже и глубже в ущелье. Первые широкие котловины были пусты, поэтому мы оставили верблюдов и ослов позади, взобрались на гладкую гранитную стену и таким образом проследовали среди этих величественных скал от одного котлована к другому; все они были пусты. Там, в самом дальнем ущелье, проводник сказал, что там должна быть вода, потому что она никогда не бывает пустой, но оказалось, что там нет ни капли. Нам пришлось вернуться сухими.... Мы видели самые прекрасные миражи очень рано; они больше всего напоминают моря и озера, в которых горы, скалы и все, что их окружает, отражается, как в самой чистой воде. Они составляют поразительный контраст с безжизненной сухой пустыней и, вероятно, обманули многих бедных странников, как гласит легенда. Если не знать, что воды нет, то совершенно невозможно отличить видимость от реальности. Несколько дней назад я был совершенно уверен, что заметил разлив Нила или его ответвление близ Эль-Мехерефа, и поехал к нему, но нашел только Бахр-Шейтан, воду сатаны, как называют ее арабы".

Среди такого пейзажа возник Сфинкс. Египет был в состоянии распознать проблему смешанного бесплодия и красоты - чередование струящейся груди Природы и львиных когтей - но могла ли она дать правильный ответ? Первобытный египетский ответ, возможно, действительно, как я уже догадался, является великим памятником ее цивилизации, но ее историческим решением был другой мир. Этот мир-пустыня, где то тут, то там есть кратковременный оазис, где человек может немного потанцевать и попировать, возбужденный трупом, который несут на пиру, прежде чем он попадет в рай. Так думали они и были обмануты; из поколения в поколение они были уничтожены, даже по сей день. Насколько разрушен, Лепсиус может снова стать нашим свидетелем.

- Шейх Саадих-дервишей едет к главному шейху всех дервишей Египта, Эль-Бекри. По дороге туда многие из этих святых людей, а также и другие, считающие себя ни на йоту не

отстающими в благочестии, бросаются плашмя на землю, лицом вниз, так что ноги одного лежат близко к голове другого; по этому живому ковру шейх скачет на своем коне, которого с каждой стороны ведет слуга, чтобы заставить животное совершить неестественный марш. Каждое тело получает два шага лошади; большинство из них снова вскакивают, не причинив себе вреда, но тот, кто получает серьезную или, как это иногда случается, смертельную травму, испытывает дополнительный позор, не произнеся или не будучи в состоянии произнести надлежащие молитвы и магические чары, которые только и могут спасти его.

‘Какое ужасное варварское поклонение "(Сикр, в котором дервиши танцуют до изнеможения, воя "Нет Бога, кроме Аллаха’)," на которое изумленная толпа, большая и малая, кроткая и простая, смотрит серьезно и с глупым уважением, и в котором она нередко принимает участие! Вызываемое божество, очевидно, гораздо менее объект почитания, чем фанатичные святые, которые взывают к нему; ибо сумасшедшие, идиоты или другие психически больные люди очень часто рассматриваются магометанами как святые и относятся к ним с большим уважением. Это демоническая, непостижимо действующая и потому пугающе наблюдаемая сила природы, которую естественный человек всегда почитает, когда видит ее, потому что он ощущает некоторую связь между ней и своей интеллектуальной силой, не будучи в состоянии управлять ею; сначала в могучих элементах, затем в чудесных, но темных, управляемых законом инстинктах животных и, наконец, в еще более подавляющем экстатическом или вообще ненормальном умственном состоянии своей собственной расы".

Правильный ответ на загадку Сфинкса-Человек. Но это существо, простирающееся ниц под конем Шейха или под невидимым Шейхом, называемым Аллахом, и приписывающее святость слабоумным, вовсе не Человек. Те трудолюбивые рабы, которые бежали в пустыню и создали для поклонения антропоморфную Высшую Волю и искали обещанного им молока и меда только в этом мире, несли с собой единственную силу, которая могла правильно ответить Сфинксу. Они слышали, как их Аллах или Элохим сказал: "Зачем ты воешь мне? Несколько более значимой, чем его обычные шутки, была карикатура на Панча, изображавшая Сфинкса с расслабленным лицом, улыбающегося признанию самого выдающегося из современных израильтян, возвращающегося на землю древнего рабства своей расы, чтобы купить Суэцкий канал. Суэцкий канал наполовину отвечает Сфинксу; когда человек подчинит Великую пустыню морю, решение будет завершено, и Сфинкс может броситься в него.

Повсюду в Южном мире кишела саранча, описанная Лепсиусом, и вместе с ней переселились многие суеверия. Автор этой книги хорошо помнит визит так называемой "Семнадцатилетней саранчи" в область Виргинии, где он родился, и через много лет слышит ужасный неумолкающий рев, доносящийся из леса, произносящий, как все согласились, зловещее слово "Фараон". С этим современным кусочком Древнего Египта в моей памяти я нахожу старую мифологию Саранчи достаточно впечатляющей.

По древнему преданию египтяне, описанному Лепсиусом, связывали саранчу с кометой. В Апокалипсисе (ix) падающая звезда является знаком нисхождения демона Саранчи, чтобы

открыть яму, которую его рои могут выпустить для своей разрушительной работы. Их царь Аваддон, по—гречески Аполлион—Разрушитель, прошел эволюцию от ангела двух (раввинских) отделов Аида до последовательных вождей сарацинских орд. Интересно сравнить графическое описание саранчовой бури у Иоиля с его адаптацией к армии человеческих разрушителей в Апокалипсисе. И снова любопытное описание этих воинств Аваддона в последней книге отчасти повторяет странные представления бедуинов о саранче, один из которых, говорит Нибур, "сравнивал голову саранчи с головой лошади, грудь ее—с грудью льва, ноги-с ногами верблюда, тело-со змеей, хвост-со скорпионом, рога (антенны) - с прядями волос девы". У нынешнего поколения мало оснований отрицать уместность библейских описаний скифских орд как саранчи. ‘Земля перед ними, как сад Эдемский, а за ними пустынная пустыня".

Древнее кажущееся состязание между явным Добром и Злом в Египте было представлено в войнах Ра и Сета. Сказано (Быт. iv. 26): ‘И у Сифа также родился сын, и он нарек ему имя Енос; тогда начали люди призывать имя Господне". М-р Бэринг-Гулд замечает по этому поводу, что Сет сначала рассматривался египтянами как божество света и цивилизации, но впоследствии они отождествили его с Тифоном, потому что он был главным богом гиксосов, или царей-пастухов; и в их ненависти к этим угнетателям имя Сифа было повсюду стерто с их памятников, и он был представлен как осел или с ослиной головой.Но самая ранняя дата, приписываемая владычеству Гиксосов в Египте, 2000 год до н. э.,совпадает с датой египетской планисферы в Кирхере, где Сет отождествляется с Сириусом, или собачьей головой Меркурия, в Козероге. Это Период Сотиака, или Цикл Собачьей звезды. Таким образом, он ассоциировался с козлом и зимним солнцестоянием, к которому (2000 г. до н. э.) примыкал Козерог. То, что Сет или Сет стал именем демона беспорядка и насилия среди египтян, действительно, вероятно, связано с тем, что он был главным богом, среди некоторых племен сам Ваал, среди азиатов, до времени гиксосов. Это была уже старая история-ставить Свет своих соседей на их собственную Тьму. Ослиные уши, которые они дали ему, относились не к его глупости, а к тому, что он все слышал, как в случае с Ослом Апулея и ослом Никона Плутарха, или, действительно, многие примеры того же рода, которые предшествовали появлению этого столь непонятного животного как коня триумфального въезда Христа в Иерусалим. В египетской символике эти длинные уши внушали такой же ужас, как рога дьявола. Из глаз Ра произошли все благие вещи, из глаз Сета - все вредные. Амон-Ра, как называли первого, убил сына Сета, великого змея Наку, о котором в одном гимне, возможно, насмешливо сказано, что он "спас свои ноги". Амон-Ра становится Гором, а Сет-Тифоном. Миф о Тифоне очень сложен и включает в себя конфликт между Нилом и всеми его врагами - крокодилами, которые скрываются в нем, морем, которое поглощает его, засухой, которая сушит его, жгучей жарой, которая приносит из него малярию, наводнениями, которые делают его разрушительным, - и Сет через него эволюционировал до такой степени, что стал отождествляться с Сатурном, Шейтаном или сатаной. Плутарх, отождествляя Сета с Тифоном, говорит, что те силы вселенской Души, которые подвержены влияниям страстей, и в материальной системе все вредное, как плохой воздух, нерегулярные сезоны, затмения солнца и Луны, приписываются Тифону. Имя Сет, по его словам, означает "жестокий" и "враждебный"; и он был описан как "двуглавый",

"тот, у кого два лица "и ‘Владыка Мира". Не менее важным фактом в моральном смысле является то, что Сет или Тифон представлен как брат Осириса, которого он убил.

Не вдаваясь здесь в вопрос об отношениях между Тифоном и Тифеем, мы можем быть вполне уверены, что огнедышащий ураган-чудовище Тифон Гомера и стоголовый, свирепоглазый ревун Тифей-сын Тартара, отец Ветров и Гарпий-представляют одну и ту же свирепость Природы. Ему не было отведено более подходящего места, чем африканская пустыня, и история о богах и богинях, бежавших перед Тифоном в Египет и там превратившихся от ужаса в животных, - это явная дань господству тайфуна над песчаной пустыней в его многочисленных настроениях. Стервятник-гарпия, разрывающая мертвецов, - его дитя. Он многоголовый; то горячий, душный, испорченный; то буйный; то скирок, то ураган, а часто и торнадо. Может быть, и в самом деле, свернувшись в вихре и покрывшись волдырями, он-огненный змей, для умиротворения которого Моисей поднял медного змея для поклонения Израилю. Я часто видел змей, подвешенных неграми в Виргинии, чтобы вызвать дождь во время засухи. Тифон, как легко видно из сопровождающего его рисунка (Рис. 14), является голодным и жаждущим демоном. Его более поздняя связь с подземным миром показана в различных мифах, один из которых, по-видимому, наводит на мысль о распространенном поверье, что Тифон не доволен мумиями, утаенными от него, и что он может наслаждаться своими человеческими яствами только через погребения мертвых. В Египте после коптского пасхального понедельника, называемого Шеммен - Нессим (запах зефира) - приходит пятидесятидневный горячий ветер, называемый Хамсин или Каинов ветер. Убив Авеля, Каин бродил среди такого ветра, мучимый лихорадкой и жаждой. Потом он увидел, как в воздухе дерутся две птицы.; один, убив другого, выцарапал яму в песке пустыни и закопал ее. Затем Каин сделал то же самое с телом своего брата, когда зефир вскочил и охладил его лихорадку. Но все же, говорят александрийцы, пятидесятидневный горячий каинов ветер возвращается ежегодно.

В картинах миража или в облаках, слабо освещенных послесвечением, обитатели песчаных равнин видели, как в фантасмагории, великолепные дворцы, воздушные замки и таинственные города, которые составляют романтику пустыни. Не желая верить в то, что подобные царства бесплодия когда-либо были созданы каким-либо добрым богом, они видели во сне, который был ответом на собственные миражные сновидения природы, видения исчезнувших династий, великолепных дворцов и монархов, на чью пышность и небожительскую гордость обрушилась роковая песчаная буря и навсегда похоронила их славу в пыли. Пустыня стала символом неизмеримого всепожирающего Времени. Во многих из этих легенд есть намеки на веру в то, что сам Эдем лежал там, где теперь все-сплошная пустыня. В прекрасной легенде в Мидраше о путешествии Соломона по ветру монарх сошел на берег возле высокого золотого дворца, "и запах там был подобен запаху Эдемского сада". Пыль так окружила этот дворец, что Соломон и его спутники узнали только, что в нем был вход от орла тринадцать веков назад, который слышал от своего отца традицию входа с западной стороны. Послушный Ветер очистил песок, и была найдена дверь, на замке которой было написано: "Да будет вам известно, сыны человеческие, что мы жили в этом дворце в процветании и радости много лет. Когда

пришел голод, мы мололи на мельнице жемчуг вместо пшеницы, но это не принесло нам никакой пользы. Среди изумительного великолепия, из комнаты в комнату, украшенную рубинами, топазами, изумрудами, Соломон прошел к особняку, на трех воротах которого были написаны предостережения о преходящей природе всего, кроме Смерти. - Да не обманет тебя фортуна. ‘Мир дан от одного к другому", - было написано на третьих воротах: "Возьми провизию для путешествия твоего и приготовь себе пищу, пока еще день; ибо ты не останешься на земле и не знаешь дня смерти твоей". Эти врата Соломон отворил и увидел внутри сидящего живого образа; когда монарх приблизился, этот образ воскликнул громким голосом: "Идите сюда, дети сатаны, смотрите! Царь Соломон пришел погубить тебя". Тогда огонь и дым вышли из ноздрей истукана; и раздались громкие и горькие крики, сопровождаемые землетрясением и громом. Но Соломон произнес против них Невыразимое Имя, и все изображения пали на лица их, и сыны сатаны бежали и бросились в море, чтобы не попасть в руки Соломона. Тогда царь снял с шеи статуи серебряную дощечку с надписью, которую не мог прочесть, пока Всевышний не послал ему на помощь юношу. - Я, Шеддад, сын Эда, царствовал над тысячью тысяч провинций и ездил верхом на тысяче тысяч лошадей.; тысяча тысяч королей были подчинены мне, и тысячу тысяч воинов я убил. И все же в тот час, когда Ангел Смерти выступил против меня, я не мог противостоять ему. Кто прочтет это писание, да не тревожится сильно о мире сем, ибо конец всех людей-смерть, и ничего не остается человеку, кроме доброго имени ".

Рис. 14. Тифон (Уилкинсон).

Азазель - "сомнительного значения" - это библейское имя Демона пустыни (Лев. xvi). " Аарон бросит жребий на двух козлов: один жребий для Иеговы, а другой для Азазеля. И

приведет Аарон козла, на которого пал жребий Господень, и принесет его в жертву за грех; а козел, на которого пал жребий Азазеля, должен быть представлен живым пред Господом, чтобы искупить его, отпустить его к Азазелю в пустыню.... И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все беззакония их во всех грехах их, и возложит их на голову козла, и отпустит его рукою достойного человека в пустыню. И козел понесет на нем все беззакония их в землю необитаемую; и он отпустит козла в пустыню". Этот демон в конце концов превратился в дьявола; и в обеих формах сохраняется известный принцип, согласно которому "достаточно иметь друзей с обеих сторон", столь явно действующий в левитском обычае; но особенно интересно наблюдать, что одно и то же животное должно использоваться в качестве жертвоприношений антагонистическим божествам. В египетской мифологии мы находим, что козел имел именно это двойное посвящение. Она была священной для Хема, египетского Пана, бога садов и всех плодородных земель; и она стала также священной для Мендеса, ‘Разрушителя’ или ‘Мстительной Силы " Ра. Таким образом, мы увидим, что тот же самый принцип, который от солнца отделил плодоносящую силу от производящей пустыню и сделал Тифона и Осириса враждебными братьями, возобладал, чтобы послать то же самое животное Азазелю в Пустыне и Иегове в стране молока и меда. Первоначально козел был верховным. Самаритянское пятикнижие, согласно Авен Ездре (Предисловие к Есфири), открывается словами: "В начале сотворил Ашима небо и землю". В еврейском культурном мифе о Каине и Авеле, также братьях, может быть представлена, как полагает Гольдзихер, победа земледельца над кочевником или пастухом; но в нем также прослеживается превосходство Козла, Мендеса или Азимы. - Авель привел первенца коз.

Очень поразителен американский (ирокезский) миф о конфликте между Йоскехой и Тавискарой - Белым и Темным. Они были близнецами, рожденными девственницей, которая умерла, дав им жизнь. Их бабушкой была луна (Ataensic, та, которая купается). Эти братья сражались, Йоскеха использовал в качестве оружия рога оленя, Тавискара-дикую розу. Последний бежал, тяжело раненный, и хлынувшая из него кровь превратилась в кремень. Победитель, который использовал оленьи рога (то же самое оружие, которое Фрей использует против Бели в Прозаической Эдде и обозначает, возможно, примитивное искусство костного века), уничтожил чудовищную лягушку, которая поглотила все воды и направила потоки в гладкие ручьи и озера. Он запасал дичь в лесу, изобретал огонь, наблюдал и поливал посевы, а без него, говорит старый миссионер Бребеф, "они думают, что не смогут сварить котел". Использование демоном пустыни Тавискарой дикой розы в качестве оружия-прекрасный штрих в этом мифе. Столько красоты росло даже среди твердых кремней. Вспоминается заключительная сцена во второй части "Фауста" Гете. Там, когда Фауст осознал тот совершенный час, когда он может сказать: "Останься, ты прекрасна!", заставив своим трудом пустыню расцвести, как роза, он ложится в счастливую смерть; и когда демоны приходят за его душой, ангелы забрасывают их розами, которые жалят их, как пламя. Это были не дикие розы, которые давали Темному такую слабую помощь. Защита Фауста - это розы, которые он вызвал из шиповника.

Глава VIII. Препятствия.

Мефистофель на скалах—Эмерсон на Монадноке—Раскин на альпийских крестьянах—Святые и Нечестивые горы—Дьявольская кафедра—Монтаньяры—Тарны—Тенхо—Тай-шан—Апокатекиль—Тирольские легенды—Скальные испытания—Сцилла и Харибда—Шотландские гиганты—Понтифекс—Дьявольские мосты—Ле геант Йеус.

Родственные демонам Бесплодия и враждебным человеческим демонам, но все еще обладающие собственными характеристиками, демоны, как предполагается, обитают в ущельях, горных хребтах, горных хребтах, ручьях, которые не могут быть переправлены вброд и все еще необузданы, скалах, которые разрушают плот или лодку. Каждому препятствию, стоявшему на пути плуга человека, или его первого хрупкого корабля, или его миграции, был приписан свой демон. Читателю Гете достаточно обратиться к начальным строкам "Вальпургиевой ночи" в "Фаусте", чтобы увидеть подлинное столпотворение северного человека, как у Мильтона он может увидеть столпотворение обитателя огненных пустынь и вулканов. Этот лабиринт долин, пересеченный дикими утесами и яростным потоком, является естественным пейзажем, окружающим оргии фантомов, которые порхают от некультурного мозга к некультурной природе. В другом месте великой поэмы Гете Мефистофель противопоставляет философам популярную теорию грубых остатков хаоса в природе и препятствий, перед которыми человек бессилен.

Фауст. Для меня эта горная масса покоится благородно немой;

Я не спрашиваю, откуда он и зачем пришел?

Сама когда Природа в себе нашла

Этот земной шар она тогда сделала чисто круглым;

Вершина и бездна ее удовольствия сделали,

Гора к горе, скала к скале она лежала;

Холмики вниз она аккуратно вылепила тогда,

Чтобы долины смягчили их нежным шлейфом.

Потом все позеленело и расцвело, и в ее радости

Она не нуждается в глупых излияниях.

Мефистофель. Так говорите вы! Для вас это ясно как полдень,

И все же он знает, кто был там, напротив.

Я был уже совсем близко внизу, когда закипело пламя

Вздулась бездна, и струящийся огонь вырвался наружу;

Когда молот Молоха ковал камень к камню,

Далеко летели обломки-скалы под ударом:

Массами странными и огромными земля была полна;

Кто убирает такие кучи брошенного неправильного правления?

Философы разум не может видеть;

Там лежит камень, и они должны оставить его в покое.

Мы размышляли до тех пор, пока не устыдились, что выросли.;

Простой народ может таким образом зачать в одиночку,

И в зачатии никакого беспокойства не знаю,

Их мудрость созрела уже давно:

Чудо это, они сатане честь показывают.

Мой странник на костылях веры ковыляет дальше

К дьявольскому мосту и дьявольскому камню.

Великий американский поэт совершил свое паломничество к горе, столь прекрасной вдали, думая найти там людей равной высоты. Разве Мильтон не описывал Свободу как "горную нимфу"?

Про себя я часто рассказываю

Сказка о многих знаменитых горах,—

Уэльс, Шотландия, Ури, венгерские деллы;

Ройс, и Скандерберг, и Телль.

Здесь Природа сконденсирует свои силы,

Ее музыка и ее метеоры,

И поднимая человека в синюю бездну

Где звезды свои совершенные курсы держат,

Как мудрый наставник, заманивай его взгляд.

Чтобы озвучить науку о небе.

Но вместо того, чтобы найти там человека, использующего эти скалы как крепость для борьбы с загрязнением ума, он обыскал округу

И в низкой хижине мой монарх нашел:

Он не был ни орлом, ни графом.;—

Увы! мой подкидыш был холопом,

С сердцем кошки и глазами жука,

Тупая жертва его трубки и кружки.

У Раскина есть такой же мрачный отчет о горцах Европы. - Дикие козлы, которые скачут по этим скалам, так же страстно радуются всему этому прекрасному делу Божьему, как и люди, которые трудятся среди них. А может, и больше. -Не странно ли, что в Лондоне и Париже не проходит и вечера, чтобы один из этих коттеджей не был раскрашен для лучшего развлечения праздных и честных и не был затенен картонными соснами, которые ставил на сцене перевертыш; и что добрые и добрые люди, поэтически настроенные, наслаждаются, представляя себе счастливую жизнь крестьян, живущих у альпийских фонтанов и преклоняющих колени перед крестами на вершинах скал? в эту ночь мы кладем наше золото, чтобы вылепить подобия крестьян в ярких лентах и белых корсажах, поющих сладкие песни и грациозно кланяющихся живописным крестам; и все это время настоящие крестьяне, без песен, преклоняют колени перед настоящими крестами в другом настроении, чем мечтает добрая и справедливая публика, и, несомненно, с другим ответом, чем тот, который получают из оперы "катастрофа".

Писатель хорошо помнит, с каким акцентом бедная женщина, у которой он спросил дорогу к Естественному мосту в Виргинии, сказала: "Я не знаю, почему так много людей приходит к этим скалам; со своей стороны, дайте мне ровную местность". Много веков лежало между этой старухой и Эмерсоном или Раскином, и это были века тяжелой войны с крепостями природы. Легендарные испытания водой и огнем, через которые прошла человеческая раса, были связаны с Араратом и Синаем, потому что для переселенцев или земледельцев гора всегда была испытанием, независимо даже от ее потоков или случайных лавовых потоков. Ужасная перспектива открывается криком Лота: "Я не могу убежать в горы, чтобы какое-нибудь зло не забрало меня!" Даже огонь, пожирающий Содом на равнинах, не мог заставить его отважиться справиться с демонами крутых мест. С течением времени преданные доказывали охваченным благоговейным страхом крестьянам свою святость и власть, сражаясь с этими горными демонами и воздвигая свои алтари на "высоких местах". Так много вершин стали священными. Но сама эта святость была средством для того, чтобы вызывать последовательные демонические орды, чтобы преследовать их; ибо каждая новая религия видела в этих алтарях на "высоких местах" не победы над демонами, а демонические святыни. Таким образом, горы стали полем битвы между соперничающими божествами, каждый демон-своим соперником.; и конфликт продолжается от проклятия "высот" жрецами Израиля до Дьявольских кафедр Альп и Апеннин. Среди прекрасных фресок Бадена есть фреска Гетценбергера "Кафедра ангела и дьявола". Близ Гернсбаха, как раз в том месте, где возделываемая долина встречается с непобедимыми гребнями скал, стоят две кафедры, с которых сражались сатана и Ангел, когда первые христианские миссионеры не сумели обратить грубых лесников. Когда, благодаря красноречию Ангела, все были побеждены со стороны Дьявола, за

исключением нескольких ведьм и ростовщиков, дьявол разрушил огромные массивы скал и построил "Дьявольскую мельницу" на вершине горы; и Всемогущий сбросил его на скалы около "Луга Господня", где все еще можно увидеть следы его когтей и где, благодаря уменьшающемуся числу не уменьшающихся ушей, его стоны все еще слышны, когда буря бушует в долине.

Подобные конфликты были в той или иной степени связаны с каждой горой святой или нечестивой славы. Каждый из них был в свое время прозаическим Холмом, где львы ни в коем случае не были закованы в цепи, чтобы устрашить сердца Недоверчивых и Робких, пока Дервиш или христианин не запечатлел там свой святой след, видимый от вершины Адама до Елеонской горы, или не построил там свои монастыри, видимые от Меру и Олимпа до Понтипридда и холма Святой Екатерины. Благодаря необходимым перемириям демоны и божества постепенно поднимаются на свои вершины - Сеир и Синай занимают каждый свою. Но Священные Холмы никогда не равнялись числу Темных Гор, которых страшится человек. Эти мешающие демоны сделали горы Моул-ге и Нин-ге именами Короля и Королевы Аккадского ада; они сделали финскую гору Киппумаки обителью всех Вредителей. Они отождествили свое имя (Эльф) с Альпами, дали почти каждому тарну дурную славу и даже создали особый класс демонов, "горцев", которых очень боялись средневековые рудокопы, чьи лица они иногда искажали так, что им приходилось оглядываться назад физически, как они привыкли делать это мысленно, навсегда. Жерве Тильберийский в своей Хронике сообщает, что на вершине горы Канигон во Франции, которая имеет очень неприступную вершину, есть черное озеро неизвестной глубины, на дне которого у демонов есть дворец, и что если кто-нибудь бросит камень в эту воду, гнев горных демонов проявляется во внезапных и страшных бурях. Из такого же тарна в Корнуолле, как утверждает корнуэльский фольклор, на доступном, но очень скучном холме поднялась рука, получившая клеймо Escalibore, когда ее хозяин больше не мог им владеть, - как сказано в Morte D'Arthur, с, однако, явным упоминанием моря.

Я не могу не оживить свою страницу следующим очерком визита английских офицеров в царство Тен-джо, длинноносого горного демона Японии, который очень напоминает ментальную атмосферу, в которой существуют такие призраки. Горы и леса Японии, говорят эти писатели, так же густо населены добрыми и злыми духами, как Гарц и Шварцвальд, и главный среди них, в ужасной святости, О-яма, - это слово перекликается с индусским Яма, японским Амма, царями Аида, - чей демон-Тен-джо. ‘Однажды Абдул и Мални отправились в трехдневный отпуск с намерением взобраться на вершину - не на нос Тен-джо, а на гору; их главная причина заключалась в том, что все говорили им, что лучше этого не делать. Сначала они попытались подняться на самую доступную сторону, но свирепые якомины с двумя мечами ревниво охраняли ее; и они были вынуждены сделать попытку на другой, почти недоступной стороне, которая была областью Тен-джо. Жители деревни у подножия горы умоляли их отказаться от проекта; и один старик, своего рода патриарх, рассуждал с ними. - Что ты собираешься делать, когда доберешься до вершины? - спросил он. Наши два друга были вынуждены признать, что их путь будет очень похож на путь короля Франции и его людей - спуститься снова.

Старик жалостливо рассмеялся и сказал: "Ну, иди, если хочешь, но поверь мне на слово, Тен-джо тебя обидит".

Они спросили, кто такой Тен-джо.

‘Тен-джо, - сказал старик, - это злой дух с длинным носом, который вывихнет тебе конечности, если ты будешь упорно подниматься на гору с этой стороны.

‘Откуда вы знаете, что у него длинный нос? - спросили они. - Вы его когда-нибудь видели?

- Потому что у всех злых духов длинные носы, - тут Мални опустил голову,-и, - продолжал старик, не замечая, как ужасно близко он становится к одному из них, - у Тен-джо самый длинный из всех. Вы когда-нибудь знали хорошего человека с длинным носом?

‘Пошли, - торопливо сказал Мални Абдулу, - или старый дурак сделает из меня злого духа.

‘Сьонара, - сказал старик, когда они уходили, - но берегись Тен-джо!

После нескольких часов трудного подъема, не встретив ни одного человека,—даже дровосек не мог соблазниться прекрасным лесом, чтобы вторгнуться на территорию Тен-джо, - они достигли вершины и наслаждались великолепным видом. Отдохнув, они начали спуск, самый худший из которых они совершили, когда, когда они тихо шли по хорошей тропинке, лодыжка Абдула подвернулась под ним, и он упал, как подстреленный, со сломанной в двух местах ногой. Мални с трудом удалось доставить его в деревню, откуда они отправились, и новость о том, что Тен-джо сломал ногу одному из отважных тоджинов, разнеслась как пожар.

‘Я говорил тебе, как это будет, - воскликнул старик, ‘но ты пойдешь. Ах, Тен-джо- ужасный человек!

Все жители деревни, столпившиеся вокруг, подхватили этот крик и покачали головами. Благодаря этому несчастному случаю репутация Тен-джо значительно возросла. Бедный Абдул пролежал на спине одиннадцать недель, и множество японцев - ибо он был всеобщим любимцем среди них - приходили к нему, чтобы выразить свое сожаление и ужас по поводу поведения Тен-джо.

Очевидно, что демону, живущему на высокой горе, длинный нос был бы весьма полезен, чтобы совать нос в дела людей, живущих на равнинах, а также наслаждаться запахом их жертвоприношений, приносимых на почтительном расстоянии. Та черта лица, которую Наполеон I считал воинственной и которая особенно заметна у воинов, изображенных на микенской керамике, вообще была физиогномической характеристикой европейских людоедов-кровопийц. То, что значение длинного носа Тен-джо таково, кажется вероятным, когда мы сравниваем его с демоном-калмыком Эрликом, чей длинный нос предназначен для обнюхивания умирающих. Казаки верили, что защитником земли

является многоголовый слон. Демон с мордой (рис. 15) - это изображение Христа, освобождающего Адама и Еву из ада, Лукас Ван Лейден, 1521.

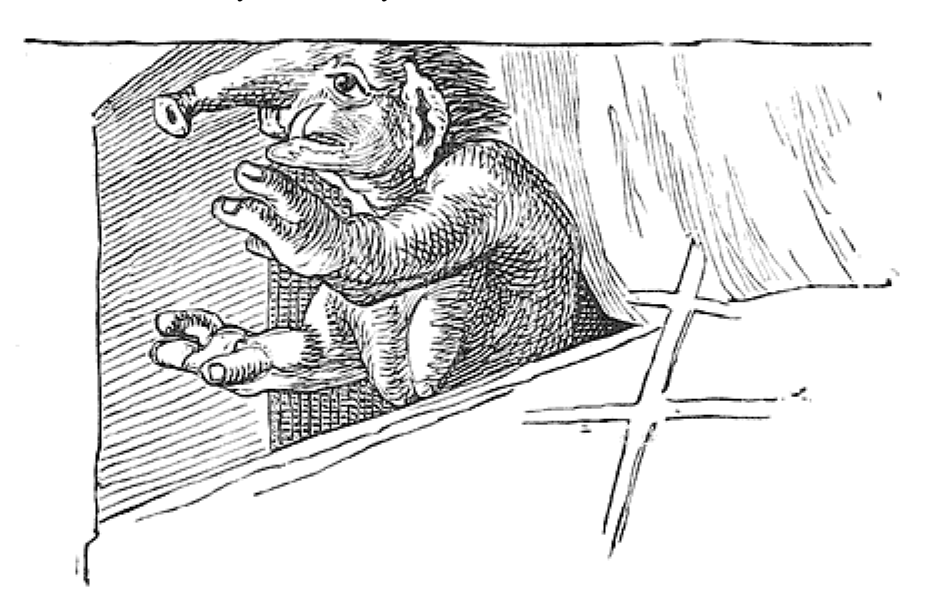

Рис. 15. Морда Демона.

У Китайских гор тоже есть свои демоны. Считается, что демон горы Тай-шань в Шаньдуне управляет наказаниями людей в этом мире и в следующем. Четыре других князя демонов правят главными горными цепями Империи. Деннис замечает, что горные местности в китайских суевериях так часто являются домами фей, что можно предположить некоторую связь между этим фактом и отношением "Эльфа" к "Альпу" в Европе .Но это совпадение отнюдь не столь примечательно, как появление среди этих китайских горных духов волшебного "Сезама", столь знакомого нам по арабской легенде. Говорят, что знаменитая гора Куен Лунь (обычно отождествляемая с Гиндукушем) населена феями, которые возделывают на ее террасах "поля сезама и сады семян кориандра", которые едят как обычную пищу те, кто обладает даром долголетия.

В суевериях американских аборигенов мы находим гигантских демонов, которые своими руками нагромождали горные цепи, как свои замки, с вершинных башен которых они швыряли камни в своих врагов на равнинах и швыряли их на все четыре стороны земли. Таков был страшный Апокатекил, статуя которого была воздвигнута на горах, с одной стороны-статуя его матери, а с другой - его брата. Он был Князем Зла и главным богом перуанцев. От Кито до Куско каждый индеец отдал бы все, что имел, чтобы умиротворить его. Пять жрецов, два управляющих и толпа рабов служили его образу. Его главный храм был окружен большой деревней, жители которой не имели другого занятия, кроме как прислуживать ему.

Аплодисменты, приветствовавшие первый поезд, промчавшийся под Альпами, эхом отдаваясь среди их утесов и ущелий, поразили смертью старые фантазии, так долго владевшие воображением южных крестьян. Великий туннель был прорублен прямо в каменных сердцах гигантов, которых христианство пыталось убить, но, потерпев неудачу,

крестило и усыновило. Именно в Тироле мы находим наиболее явные остатки старых демонов обструкции, горных монархов. Таков Иордан, Великан из ущелья Кольхютте, близ Унгаркопфа, история которого, наряду с другими, так красиво рассказана графиней фон Гюнтер. Этот великан-что-то вроде Тен-джо в отношении носа, потому что он чует "человеческое мясо" там, где прячутся его преследуемые жертвы, и его фырканье заставляет все дрожать, как перед бурей; но у него нет ума, приписываемого большим носам, потому что мальчики в конце концов убеждают его, что способ пересечь ручей-это привязать камень к шее, и он тонет. Один из великанов Альбаха мог нести камень весом в 10 000 фунтов, а его товарищи, неся других весом в 700 фунтов, могли перепрыгивать с камня на камень через реки и нагибаться, чтобы поймать форель руками, когда они прыгали. Свирепый Орко, горный призрак, который никогда не стареет, исполняет традицию своего классического имени, часто появляясь в виде чудовищной черной собаки, от которой отскакивают камни и наполняют воздух дурным запахом (как Мефисто). Его работа-швырять путников в пропасти. В своем рассказе о "Unholdenhof" - или "ферме монстров" в Штубайтале - графиня фон Гюнтер описывает естественный характер горных демонов.

Именно на этом самом месте поселились лесник и его сын, и они стали ужасом и мерзостью всей окружающей страны, ибо они совершали, частично открыто, частично тайно, самые разнообразные беззакония, так что их природа и поведение превратились в нечто демоническое. Как очень сильные ссорники и как страшно мстительные враги, они проявляли свою дьявольскую натуру самыми бесчеловечными поступками, которые наносили вред не только тем, на кого был направлен их гнев, но и их семьям на протяжении веков. На вершинах гор они перевернули русла потоков и опустошили этим путем самые цветущие участки земли; в других местах Нехольды подожгли целые горные леса, чтобы освободить место для лавин, которые устремятся вниз и сокрушат фермы. С помощью определенных средств они прорезали в скалах отверстия и трещины, в которых летом скапливалось большое количество воды, которая замерзала зимой, а затем весной тающий лед раскалывал скалы, которые затем скатывались в долины, разрушая все перед собой.... Но наконец небесная месть достигла их. Землетрясение превратило дом лесника в руины, бурные потоки хлынули на него, и молнии вспыхнули вокруг него, и огнем и водой, которыми они согрешили, отец и сын погибли и были осуждены на вечные муки. До сих пор их можно увидеть в сумерках на горе в виде двух огненных кабанов ".

Некоторые из этих гигантов, как уже упоминалось, были обращены. Так было и с Хеймо, который владел и опустошал обширную местность на реке Инн, которую, однако, он переправил - откуда и Инсбрук - когда стал христианином и монахом. Это обращение было ужасным разочарованием для дьявола, который послал огромного дракона, чтобы остановить строительство монастыря; но Хеймо напал на дракона, убил его и отрезал ему язык. С этим языком, длиной в полтора ярда, в руке он изображен в своей статуе, и этот язык до сих пор хранится в монастыре. Хеймо стал монахом в Вильтене, вел благочестивую жизнь и по смерти был похоронен рядом с монастырем. Каменный гроб, в котором покоятся гигантские кости, имеет размеры более двадцати восьми футов.

Почти того же характера, что и Горные демоны, и обладающие еще большими чертами Демонов Бесплодия, являются чудовища, охраняющие скалистые перевалы. Они распространяются по суше, морю и рекам. Знаменитые скалы между Италией и Сицилией носили имена опасных чудовищ, Сциллы и Харибды, которые теперь стали вошедшими в поговорку выражениями альтернативных опасностей, подстерегающих любое предприятие. Согласно Гомеру, Сцилла была своего рода собачьим чудовищем с шестью длинными шеями, пасти которых были вымощены тремя рядами острых зубов; в то время как Харибда, сидя под своей смоковницей, ежедневно глотала воду и снова извергала ее.С этими сказочными чудовищами, вероятно, отдаленно связаны многие старые представления об испытаниях, которым подвергались скалы, стоящие близко друг к другу, или иногда через отверстия в скалах, примеры которых можно найти в Великобритании. Подобное испытание существует в Пере, где к святому колодцу ведут через узкую щель. Посетителей, недавно приходивших туда на Новый год, предупредил дежурный дервиш ... Смотрите сквозь него на воду, если вам угодно, но не пытайтесь войти туда, если ваша совесть не будет полностью свободна от греха, ибо, как бы вы ни пытались пройти через нее с пятном на душе, вы будете схвачены скалой и удержаны там навсегда"." Бокка делла Верита " - огромное каменное лицо, похожее на огромный жернов, - стоит в портике церкви Святой Марии в Космедине в Риме, и ее легенда гласит, что подозреваемый должен был просунуть руку в открытый рот человека, который был запятнан.; если бы он поклялся ложно, то откусил бы руку - теперь это объяснялось тем, что за камнем был спрятан мечник, чтобы компенсировать судебную проницательность камня на случай, если присяга не понравится властям.

Миф о Сцилле, повествующий о том, что она была прекрасной девушкой, любимой Главком, которую Цирцея из ревности превратила в чудовище, бросив волшебные травы в колодец, где она имела обыкновение купаться, вспоминается в различных европейских легендах. В Тюрингии, на дороге в Оберхоф, стоит Красный Камень с розовым кустом и ручьем, вытекающим из-под него, где заключена прекрасная девушка. Раз в семь лет ее можно увидеть купающейся в ручье. Однажды проходивший мимо крестьянин услышал чихание в скале и крикнул. Чихание и благословение повторялись до тех пор, пока в седьмой раз человек не закричал: "О, проклятая ведьма, не обманывай честных людей!” Когда он уходил, из камня донесся плачущий голос: "О, если бы ты только в последний раз пожелал, чтобы Бог помог мне. Он помог бы мне, и ты бы избавил меня.; теперь я должен ждать до Судного дня! Однажды голос крикнул свадебной процессии, проходившей мимо камня: "Сегодня замужем, в следующем году умрем", - а невеста умерла через год, и свадебные процессии боятся этого места.

Легенды о великанах и великаншах, столь многочисленные в Великобритании, в равной степени связаны со скалистыми горными перевалами или валунами, которые они, как предполагалось, бросали оттуда, когда забавно забрасывали друг друга камнями. Они-Тор Юга и Бен Севера. Холмы Росс-шира в Шотландии являются мифологическими памятниками Кайахмор, великой женщины, которая, неся на спине корзину, наполненную землей и камнями, остановилась на мгновение на ровном месте, теперь на месте Бен-Вайшарда, когда дно корзины уступило место, образуя холмы. Повторение имен Гог и

Магог в Шотландии наводит на мысль, что в горных районах демоны происходили главным образом от орд разбойников и дикарей, среди которых на их необработанных холмах лемех плуга никогда не мог победить копье и дубину. Ричард Дойл обогатил первую выставку галереи Гросвенор в Лондоне в 1877 году множеством прекрасных картин, вдохновленных европейским фольклором. Они были прекрасным украшением кладбища мертвых религий. Ведьма, однажды увиденная на метле, удаляющейся от высоких утесов Кухиллана, подбадриваемая своим верным гномом, уже не так некрасива, как в те дни, когда она была сожжена по доверенности в какой-нибудь бедной человеческой ведьме; послушная искусству - более мощному жезлу, чем ее собственный, - она вновь поднимается к облакам, из которых ее вынесли, и едва ли отличается от них. Постепенно человек стал учиться вместе с поэтом -

Питали его горные ручьи

Удобства прекрасной зеленой равнины.

Затем великаны превратились в фей, и многие из них надели наконец мантии святых. Аналогичному процессу подвергся и другой субъект, который находит свою красивую эпитафию в трактовке художника. На двух картинах мы видели даму Бланш Нормандскую, притаившуюся в овраге у ручья в сумерках и поджидающую деревенского дровосека, который в данный момент находится в горизонтальном положении в воздухе в этом безумном танце, после которого его найдут измученным. Как ее горная сестра слабо вырисовывается из облаков, покрывающих Куиллан, так и эта-плод воображения сумеречных теней, серебристых отблесков движущихся облаков, отражающихся в прудах, а ее локоны-длинные пышные травы. Она принадлежит к сестринству, которое переходит по едва заметным градациям в другие, описанные в другом месте, - создания Иллюзии и Ночи. Она, однако, не совсем одна из них, но тип более прямой опасности - опасности бродов, потоков, зарослей, болот и коварных озер, которые могут казаться мелкими, но являются глубокими.

Водяные демоны уже были описаны в их очевидных аспектах, но здесь необходимо упомянуть простых мешающих речных демонов, преследующих броды и ожоги и ненавидящих мосты. Многие трагедии и многие олицетворения сил, которые их вызвали, предшествовали святости титула понтифекса. Поток, ревущий на пути человека, казался блевотиной демона: священной силой был тот, кто мог преодолеть его. В одном из самых прекрасных празднеств Индры говорится: "Он успокоил эту великую реку, чтобы ее можно было пересечь; он благополучно переправил через него мудрецов, которые не смогли пройти через него и которые, переправившись, приступили к реализации богатства, которое они искали; в восторге от сомы Индра совершил эти деяния". На Цейлоне демон Тота все еще бросает злые заклинания вокруг бродов и паромов.

Много легенд о сопротивлении, оказываемом демонами строительству мостов, и о жертвах, которые должны были быть принесены им, прежде чем такие работы могли быть выполнены. Мистер Деннис рассказывает очень интересный случай о " семейном мосте Лох’ в Шанхае. Обнаружив трудности с закладкой фундамента, строитель пообещал

Небесам две тысячи детей, если камни будут уложены правильно. Богиня, к которой обращались, сказала, что не потребует их жизни, но что названное число будет поражено оспой, которая имела место, и половина числа умерла. Один китайский автор говорит: "Если мосты не будут установлены в надлежащем положении, как указывают законы геомантии, они могут подвергнуть опасности жизни тысяч людей, вызвав появление оспы или воспаление глаз". В Ханьчоу один торговец чаем бросился в реку Цянь-тан в жертву Духу дамб, которые постоянно смывало.

“Дьявольские мосты”, на которые так гордо ссылается Мефистофель, часто встречаются в Германии, и большинство из них, будь то естественные или искусственные, имеют дьявольские ассоциации. Самые древние сооружения часто имеют легенды, в которых отражаются условия, налагаемые злыми силами, теми, кто пересекал броды, в которых часто тонули люди. К этому классу относится мост Монтафон в Тироле, а к другому-мост в Ратисбоне. Легенда о последнем-прекрасный образец тех, которые обычно посещают эти древние сооружения. Его архитектор был учеником мастера, строившего собор, и заключил пари, что он перекинет мост через Дунай раньше, чем другой заложит опорный камень священного здания. Но работа по наведению моста через реку была тяжелой, и после неоднократных неудач ученик начал ругаться и желал, чтобы дьявол взял на себя ответственность за это дело! После чего он с раздвоенной ногой явился в облике монаха и согласился построить пятнадцать арок—за вознаграждение. Гонорар должен был быть первым, кто пересечет мост. Хитрый ученик придумал, что эти трое должны быть не людьми, а собакой, петухом и курицей. Дьявол, разгневанный обманом, разорвал животных на куски и исчез; процессия монахов прошла по мосту и сделала его безопасным; и на нем вырезаны фигуры трех животных. В большинстве историй это козел, которого посылают и калечат, это бедное животное сохранило свой характер козла отпущения в значительной части фольклора христианского мира. Дунай издревле считался под особой опекой Князя Тьмы, который прилагал большие усилия, чтобы помешать крестоносцам, путешествующим по нему, спасти Святую Землю от язычников. Однажды, близ слияния Вильца и Дуная, он начал швырять в русло реки огромные камни со скал; святые воины успешно сопротивлялись, подписывая крест и распевая гимн, но огромный камень, брошенный первым, вызвал водоворот и вздутие в той части реки, которые были очень опасны, пока его не убрали инженеры.

Очевидно, особенно для англичан, которые так долго находили оборонительное преимущество в серебряной полоске моря, отделяющей их от Континента, что препятствие, будь то горный хребет или море, в какой-то момент становления нации стало бы столь же ценным, как и в другой. Эвфемизму приписывают то, что он дал дружественное название "Эвксинскому" бурному "Аксинскому" морю—‘ужасному для чужеземцев". Но это не так определенно. Многие племена нашли в Черном море защиту и друга. В случае с горами их защитные преимущества объясняли бы одновременно и то, что Мильтон воспевал Свободу как горную нимфу, и глупость людей, живущих среди них, как это часто отмечалось; сами средства их независимости также были бы причиной их изоляции и варварства. Именно для тех, кто ходит туда - сюда, знание увеличивается. Любознательные и пытливые наиболее склонны мигрировать; предприимчивые не

подчинятся тому, чтобы быть запертыми за скалами и горами.; с их уходом за барьерами скал и холмов установится выживание самых глупых. В конце концов они могли бы поклониться своим цепям и покрыть свои скалистые тюремные стены монастырями и крестами. Демоны пришельцев будут их богами. Взбирающиеся Ганнибалы будут их дьяволами. Можно было ожидать, что после цитат из м-ра Раскина, касающихся бычьего состояния альпийских крестьян, он отдаст честь туннелю через Мон-Сени. Крестьяне, которые видели бы в субальпийском двигателе демона, вымерли. Восхищение гениями обструкции и ужас перед демонами, победившими их, обнаруживаются только в народных сказках, достаточно далеких, чтобы быть красивыми, таких как интересная сербская история о "жонглерстве сатаны и могуществе Бога", в которой феи, прячущиеся в последовательно открытых орехах, тщетно пытаются противопоставить огонь и потоп демонице, преследующей принца и его невесту, на помощь которой, наконец, приходит вспышка молнии, поражающая дьявола насмерть.

В одном из прекрасных "Contes d'une Grand'mère" Жорж Санд, "Le géant Yéous", есть смысл многих басен, рожденных борьбой человека с препятствующей природой. С присущим ей блаженством она помещает сцену этой подлинной человеческой драмы близ горы Йеус, в Пиренеях, имя которой-далекое эхо Зевса. На вершине возвышалась огромная скала, которая издали казалась чем-то вроде статуи. Крестьянин Микелон, имевший свою маленькую ферму у подножия горы, всякий раз, проходя мимо, крестился и учил своего маленького сына Микелона делать то же самое, говоря ему, что великий образ - это образ языческого бога, врага рода человеческого. Лавина обрушилась на дом и сад Микелона; сам бедняга стал инвалидом на всю жизнь, его дом и ферма в одно мгновение превратились в дикую груду камней. Микель взглянул на вершину Йеуса; великан исчез.; отныне это была могучая форма органического монстра, которую мальчик видел раскинувшейся над тем, что когда-то было их счастливым домом и улыбающимися акрами. Семья ходила и просила милостыню, а Микелон повторял свой странный призыв: "Le géant s'est couché sur moi". Но когда, наконец, старик умирает, сын решает осуществить безмолвную мечту своей жизни; он встретится с великаном Йеусом, все еще владеющим его отцовскими акрами. Глазами юного мира этот мальчик видит, как то тут, то там среди огромных обломков появляется голова демона, которого он хочет раздавить. Он швыряет камни туда и сюда, где появляется какая-нибудь пугающая черта или конечность. Он полон ярости; его сны наполнены нападениями на великана, в которых колоссальная голова падает только для того, чтобы снова появиться на плечах; каждая сломанная конечность обладает самовосстанавливающейся силой. Нет никакого прогресса. Но по мере того как мальчик растет, растет соперничество и приходит нужда, в Микеле растет желание расчистить землю. Когда он начинает думать, это уже не страсть отомстить за своего отца каменному гиганту, который владеет им, а желание вернуть их потерянный сад. Таким образом, можно было победить только самого великана. Огромные скалы расколоты порохом, из одних обломков сделаны заборы, из других- уютный особняк для матери и сестер Микель. Когда сад снова улыбается, и все счастливы, демоническая форма больше не обнаруживается.

Эта маленькая сказка прекрасно интерпретирует демонологию бесплодия и препятствий. Гнев мальчика против бессознательной причины его несчастий - это гнев, часто наблюдаемый у детей, которые мстят столу или стулу, о который они были разбиты, и он повторяет эмбриологически гнев отрочества мира, вдохновленный приписыванием личных мотивов неодушевленным препятствиям. Возможно, такой гнев мог бы добавить что-то к силе, с которой человек вступил в борьбу с природой.; но рассказ Жорж Санд напоминает нам, что все, что было приобретено силой, было потеряно в ее неправильном направлении. Успех пришел в той мере, в какой ярость сменилась растущим осознанием юношей того факта, что он имеет дело с фактами, которые невозможно уничтожить. Она увенчается, когда он подружится с непобедимым остатком великана и увидит, что он не совсем злой.

Именно на эту ступень вступает высшее Искусство, знающее Красоту, чтобы избавить человека от многих моральных ран, полученных в борьбе. Одетый мхом и клематисами, Йеус выглядит не так уж и отвратительно. Далее, вложенный гением Токаря, он был бы прекрасен. В конце концов, Йоус-прекрасный великан, только ему нужно было закончить. Он - тип природы.

Детство мира не ушло вместе с Микелем. Мы находим фиктивный дуализм, лелеемый любителями природы в их вере или чувстве, что природа оказывает на человека какое-то духовное влияние. Раскин сказал, что, глядя с Венецианской колокольни на снежный круг, венчающий Адриатику, а затем на здания, в которых хранятся произведения Тициана и Тинторета, он чувствовал себя неспособным ответить на вопрос своего собственного сердца, каким из них—природой или мужественностью—Бог дал более сильное свидетельство о Себе? Так природа может учить уже наученному. Пока Раскин смотрит с Колокольни, крестьянин сражается с горой и называет ее скалистые величия именем дьявола; перед картинами он преклоняет колени. Не наученный искусством и наукой, ум не может получить возвышения от природы, не может найти в ней сочувствия. Это ложное представление о том, что есть какая-то компенсация для невежественных, лишенных доступа в художественные галереи, в способности проводить свои воскресенья среди природных пейзажей. Здоровье это может принести им, но мысленно они все еще находятся внутри тюремных стен, из которых смотрят каменные глаза Судеб и Фурий. Природные возвышенности не могут очищать умы, грубые, как они сами; они должны пройти через мысль, прежде чем смогут питать мысль; это природа, преображенная в искусстве, превращает покрытую снегом гору из бессердечного великана в спасителя в снежно - чистых одеждах.

Глава IX. Иллюзия.

Майя—Природные предательства—Обманщики—Гламур—Лорелея—Китайская Русалка—Превращения—Лебединые Девы—Голубиные Девы—Тюленья кожа—Нагота—Тойфельзе—Голицее—Японская Сирена—Падающая пещера—Венусберг—Година—Блуждающий огонек—Святая Фройляйн—Покинутый Водяной—Водяной Человек—Морской Призрак—Затонувшие сокровища—Самоубийство.

Самая прекрасная из всех богинь Индии - это Майя, Иллюзия. В индуистской иконографии она изображается в драпировке прекрасных цветов, с украшением богатейшими драгоценными камнями и вышивкой цветов. Сверху на ее корону падает покрывало, которое, изгибаясь над ее коленями, возвращается с другой стороны, образуя также как бы фартук, в котором содержатся прекрасные животные формы - прообразы творения, над которым она властвует. Юная, но серьезная красота ее лица и головы окружена полукруглым ореолом, окаймленным мягкими молниями, исчерченными светящимися искрами; а это фон для крестообразного нимба, состоящего из трех скоплений лучей. Майя прижимает свои полные груди, из которых бьют фонтаны молока, которые падают изящными потоками, смешиваясь с морем, на котором она стоит.

Так к нашим арийским предкам явился дух, который красит вселенную, окрашивая ее в столь странно бесстрастные тона запретными и непрощенными для человека и животного плодами. Люди оклеветаны вероучением священника Populus vult decipi; они справедливо оправданы в афоризме Платона: “Душа неохотно лишается истины”; но все же они обмануты. Большие числа действительно описаны Сведенборгом, который нашел ады, обитатели которых верили в небеса и пели хвалу им. Такие похвалы мы можем услышать в громком смехе, исходящем из притонов, где рай был обретен дешевым очарованием стакана джина или ласками проститутки. Змей находит свой идеал в змее. На небесах, говорит Сведенборг, мы увидим вещи такими, какие они есть. Но это изречение тех, кто потерял свой рай и все еще питается сухой пылью реальности, не поднятой наукой; общий мир не почувствовал этого божественного проклятия, или оно было стерто, так что самый чувственный глупец может радоваться, чувствуя себя Божьим любимцем, и жалеет язычество Платона. Человек и зверь уверены, что видят вещи такими, какие они есть. Молоко Майи настояно на маках ее одежды; неисчислимые миллионы дурных предчувствий усыплены ее нежной щедростью; воды, которые поддерживают ее, - это воды Леты.

Но под каждым призрачным небом Природа простирается также и призрачный ад. Наконец маки теряют свою силу, и под гнетом необходимости человек просыпается и видит, что весь его рай из роз превратился в шиповник. Грудные фонтаны Майи проходят глубже поверхности - из одного вытекает мягкая Лета, другой изливается наконец во Флегетон. Страх-еще более могущественный художник, чем Надежда, и из множества угроз Природы он может, наконец, наложить на себя самые прекрасные иллюзии. Это жалкий факт, что как только человек начинает думать, его первая теория выводит волю в действии там, где он не видит причины; во-вторых, предполагать, что это причинит ему вред!

Рассказ Гарриет Мартино о своем детском ужасе, вызванном видением каких—то призматических цветов, танцующих на стене пустой комнаты, в которую она входила,— "бесов", которые имели не худшее происхождение, чем дрожащий канделябр, но которые преследовали ее нервы всю жизнь, - это переживание, которое можно проследить в призрачном детстве каждой нации. Помимо этих призматических цветов существуют и другие явления, которые, несмотря на свою красоту, получили дурное название в народном суеверии. Буддисту может показаться странным, что это изящное дерево с кроваво-красными почками должно называться Иудиным деревом, а нам-что грациозный лебедь, который может быть естественным символом чистоты, должен ассоциироваться с колдовством! Но изучающий мифологию всегда будет поражен тем фактом, что мифы чаще представляют собой примитивную науку, чем просто фантазии и тщеславие. Извилистая шея лебедя, его страстная ревность и сверхъестественный свист, или же немота, обнаруженная там, где с такой снежной стороны можно было бы искать мелодию, возможно, сделали это животное типом двойной природы. Коварные бриллианты змеи, или мед, защищенный жалами, или яркие цветы ядов, могли бы воспитать инстинкт, который постигает зло под видом красоты. Это, как мы еще увидим, оказало определяющее влияние на этическую конституцию нашей природы. Но в настоящее время необходимо заметить, что первобытная наука вообще обратила индукцию нашей более поздней философии вспять; ибо там, где в чем-либо обнаруживалось зло или страдание, она заключала, что таков был смысл ее существования, а ее привлекательные качества были просто коварной приманкой демона. Однако вот первые стимуляторы к самоконтролю на уроках, которые учили недоверию к внешности.

Из-за того, что многие паломники погибали из-за доверия к озерным картинам миража, что приводило к небрежности в отношении экономии его кожи воды, мираж получил свое нынешнее название-Бахр Шейтан, или Дьявольская вода. ‘Блуждающий огонек", который, казалось, обещал ночному страннику тепло или руководство, но привел его в болото, имел свои превосходные указания относительно места, чтобы избежать искажения несчастным недоразумением в преднамеренную ложь, и был заклеймен ignis fatuus. Большинство мимикрий в природе постепенно становились такими же подозрительными для примитивного наблюдателя, как псевдонимы для судьи. То, что казалось огнем или водой, но не было ею; насекомое или животное, принявшее свой оттенок или форму от какого-то другого, от пятнистых на листьях или полосатых на стебле кошек до того невинного насекомого, чья растительная личина приобрела для него знакомое название "Дьявольской трости"; человекоподобное шипение, смех или крик животных; вибрирующий звук или движение, которое так часто ощущается как будто близко, когда оно на самом деле далеко; песок, который кажется твердым, но тонет; болото, которое оказывается болотом, - все это имеет свое представление в демонологии заблуждения. "Короадос Бразилии" говорит, что Лукавый "иногда превращает (себя) в болото и т. д., вводит его в заблуждение, досаждает ему, подвергает опасности и даже убивает". Это похоже на эхо рассказа Бертона. - Земные дьяволы - это те лары, гении, фавны, сатиры, лесные нимфы, фолиоты, феи, Робин гудфеллы, трулли и т. д., Которые, поскольку они лучше всего знают людей, причиняют им больше всего вреда. Это те, которые танцуют на пустошах и зелени, как думает Лафатер с Тритемием, и, как добавляет Олаус Магнус, оставляют тот зеленый

круг, который мы обычно находим на равнинных полях. Иногда их видят старухи и дети. Иерон. Паули в своем описании города Берчино, Испания, рассказывает, как их часто видели вблизи этого города, около фонтанов и холмов. "Иногда, - говорит Тритемий, - они уводят простых людей в глубь гор и показывают им удивительные достопримечательности". Гиральдус Камбренсис приводит пример одного уэльского монаха, который был так обманут. Парацельс считает, что в Германии есть много мест, где они обычно ходят в маленьких пальто длиной около двух футов.Настоящие опасности подстерегали леса и горные перевалы, болота и зыбучие пески; в таких формах они преследовали дикие джунгли воображения!

Над тем морем, на котором стоит Майя, простирается серебристый жезл Очарования. Он спустился к бессмертному Старику Моря, любимцу нимф, оракулу берегов, покровителю рыбаков, другу Протея, который мог видеть сквозь все морские глубины и принимать все формы. Сколько колдовства могло исходить от многоцветного моря, чтобы воздействовать на глаза и позволять им видеть Тритона с его увитым венком рогом, и русалок, расчесывающих волосы, и морских чудовищ, и Афродиту, балансирующую на белой пене! Глаукома может быть к врачам; но Главк-это в схеме Майи, которая никогда не покидала ни суши, ни моря без своего свидетеля. Рядом с Полярным морем самоедский моряк, которого Кастрин спросил: "где Нум" (то есть Джумала, его бог), указал на темное далекое море и сказал: "Он там".

Для древних существовали два моря - лазурное вверху и лазурное внизу. Образный ребенок в своем развитии проходит все эти мечтательные берега; видит в облаках горы снега на горизонте, а в закатных лучах моря колышутся золотые острова. Когда еще для молодого мира сияющее солнце было Берхтой, белые пушистые облака были ее лебедями. Когда она спустилась к морю, как рассказывали тысячи историй, она должна была повторить путь солнца для всех племен, смотрящих на западное море. Никто из тех, кто читал эту очаровательную книжечку "Боги в изгнании", не удивится счастливому инстинкту учености, проявленному в маленькой поэме Гейне "Sonnenuntergang", где мы видим сияющую солнечную Красоту, вынужденную стать прядильной домохозяйкой или неохотной супругой Посейдона:

Прекрасная дама, которую старый бог океана

Для удобства когда-то женился;

А днем она весело бродит

Сквозь высокое небо, облаченное в пурпур,

И все в бриллиантах сверкающих,

И все любимые, и все удивительные

Каждому мирскому существу,

И всякое мирское существо радуется

С теплотой и блеском от ее взглядов.

Увы! вечером грустно и неохотно,

Назад должна ли она согнуть свои медленные шаги

К мокрому дому, к бесплодным объятиям

О страшной старости.

Это, конечно, гейнеск и не имеет никакого отношения ни к одной легенде о Берте, но является прекрасным образцом мифологии в процессе создания и вполне в духе многих мифов, которые порхали вокруг заката на море. Каково бы ни было объяснение их происхождения, Сияющая и ее пушистая свита преобразились. Когда к морю или озеру приходила Берхта (или Перхта), она была как Берта с Большой Ногой (то есть перепончатой) или с Длинным носом (клювом), и ее отрядом были Лебединые девы. Их небесный характер изменился вместе с характером их госпожи. Они стали фамильярами колдунов и колдуний. 'Носить желтые тапочки " стало обозначением ведьмы.

Как демонизировались эти пушистые белые облачные призраки? Какая связь между ними и соблазнительной Лорелеей и опасными дочерьми Рейна, охраняющими золотые сокровища, когда-то, возможно, метафоры лунной ряби? Те, кто слышал их дикий смех в опере Вагнера "Рейнгольд" и их странное " Heiayaheia!", вряд ли могут не подозревать, что они стали ассоциироваться с настоящими человеческими нимфами, которых летнее солнце все еще находит свободно резвящимися в ярких потоках России, Венгрии, Австрии и Восточной Германии, обнаженными и не стыдящимися. Много предостерегающих голосов против этих беспечных фринов, которые, возможно, оставили на берегу изодранные одежды, чтобы преобразиться в серебристых волнах, должно быть, исходило от священников и встревоженных матерей. Не было бы и недостатка в традициях, чтобы произвести впечатление на такие предупреждения. Немногие регионы были без таких историй, как те, которые путешественник Хиуэнт-Санг (7 век) нашел в буддийских хрониках ракшасов Цейлона. - Они подстерегают купцов, высаживающихся на острове, и, превращаясь в женщин необычайной красоты, приходят к ним с благоухающими цветами и музыкой.; привлекая их добрыми словами в Железный город, они предлагают им пир и предаются удовольствиям вместе с ними; затем запирают их в железную тюрьму и едят их одного за другим".

В обычном сюжете легенды о деве-лебеде, ее одежде, украденной во время купания, и ее готовности заплатить за нее невероятную цену - ведь это ее перья и ее лебединое достоинство, без которых она навсегда останется пленницей вора. Эти истории рассказываются в столь разрозненных областях, и их незначительные детали настолько различны, что мы, во всяком случае, можем быть уверены, что не все они прослеживаются исключительно до пушистых облаков. Иногда одеяния демониц - а эти существа всегда женского рода - бывают не из перьев, как в немецких сказках, а из тюленьих шкур или из невзрачной красной ткани. Так, посланник Ли Тин-юань (1801) записывает китайскую легенду о человеке по имени Мин-лин-цзы, бедном и достойном земледельце без семьи,

который, идя за водой из родника возле своего дома, увидел купающуюся в нем женщину . Она повесила свою одежду на сосну, и в наказание за ее "бесстыдство" и за то, что она осквернила колодец, он унес платье. Одежда была непохожа на знакомую льючеванскую по стилю и "красноватого закатного цвета". Женщина, закончив мыться, закричала в сильном гневе: "Какой вор был здесь среди бела дня? Быстро принеси мою одежду. Затем она увидела Мин-лин-цзы и бросилась перед ним на землю. Он начал бранить ее и спросил, почему она пришла и испортила его воду; на что она ответила, что и сосна, и колодец созданы Творцом для всех. Фермер вступил с ней в разговор и указал, что судьба, очевидно, предназначила ее ему в жены, так как он категорически отказался отдать ее одежду, а без нее она не могла уйти. В результате они поженились. Она прожила с ним десять лет и родила ему сына и дочь. В конце этого времени ее судьба свершилась: она взошла на дерево в отсутствие мужа и, простившись с его детьми, улетела на облаке и исчезла.

В Южной Африке параллельный миф в его демонологическом аспекте не несет никаких следов облачного происхождения. В этом случае готтентот, путешествовавший с женщиной-бушменом и ее ребенком, встретил табун диких лошадей. Все они были голодны, и женщина, сняв нижнюю юбку из человеческой кожи, мгновенно превратилась в львицу. Она сбила лошадь и стала лакать ее кровь.; затем, по просьбе готтентота, который в ужасе забрался на дерево, она снова надела нижнюю юбку и стала женщиной, и друзья, подкрепившись лошадиным мясом, продолжили свой путь. У минусинских татар эти демоны имеют природу греческих гарпий; это кровожадные вампиры-демоны, которые пьют кровь людей, убитых в битве, затемняют воздух в своем полете и живут в одном большом черном дьяволе.По мере продвижения на Восток портрет девушки-Лебедя становится менее темным, и она не ассоциируется ни с морем, ни с подземным миром. Таков один из малайцев, рассказанный мистером Тайлором. На острове Целебес рассказывают, что семь нимф спустились с неба, чтобы искупаться, и были замечены Касимбахой, который сначала принял их за белых голубей, но в ванне понял, что это женщины. Он украл одежду одной из них, Утахаги, и так как она не могла летать без нее, она стала его женой и родила ему сына. Ее звали Утахаги из-за единственного волшебного белого волоса, который у нее был; это ее муж вырвал, когда сразу же поднялась буря, и она улетела на небеса. Ребенок был в большом горе, и муж размышлял о том, как ему последовать за ней в небо.

В сибирском мифе, рассказанном мистером Баринг-Гулдом, дева-Лебедь предстает в образе Немезиды. Некий Самоед, укравший платье девушки-Лебедя, отказался вернуть его, пока она не добудет для него сердце семи разбойников-демонов, один из которых убил мать Самоеда. Разбойники имели обыкновение вешать свои сердца на колышки в своей палатке. Их раздобыла дева-Лебедь. Самоед разбил шесть сердец; заставил седьмого разбойника воскресить свою мать, чью душу, хранившуюся в кошеле, стоило только потрясти над могилой старухи, чтобы этот подвиг свершился, и дева-Лебедь, получив обратно свое оперение, улетела, радуясь.

В славянском фольклоре дева-лебедь обычно носит опасный характер, и если убивают лебедя, то стараются не показывать его детям, боясь, что они умрут. Когда они появляются в виде уток, гусей и других водоплавающих птиц, они склонны быть более вредными, чем когда они приходят в виде голубей; и считается опасным убить голубя, как среди моряков когда-то считалось убить альбатроса. Афанасий рассказывает легенду, которая показывает, что, даже будучи связанным с водяным царем, царем Морским или славянским Нептуном, голубь сохраняет свой благодетельный характер. Царь на охоте ложится пить из озера, когда царь Морской хватает его за бороду и не отпускает, пока не согласится отдать ему своего малолетнего сына. Юный принц, покинутый на краю рокового озера, по совету колдуньи прячется в кустах, откуда вскоре появляются двенадцать голубей, которые, сбросив перья, резвятся в озере. Наконец приходит тринадцатая, красивее остальных, и ее сорочка (смена) Иван хватается. Чтобы вернуть его, она соглашается стать его женой и, сказав ему, что он найдет ее под водой, снова принимает свой голубиный облик и улетает. Под озером он находит прекрасное царство, и хотя царь Морской обращается с ним грубо и налагает на него тяжелые обязанности, голубица (Василиса) помогает ему, и они живут вместе счастливо.

В скандинавской мифологии одеянием сверхъестественной девы чаще всего является тюленья шкура, и в легенды входит жилка пафоса. Из многих легенд такого рода, в которые до сих пор верят в Швеции и Норвегии, одна была приятно пересказана мисс Элизой Кири. Рыбак, найдя красивую белую шкуру тюленя, взял ее с собой домой. Ночью у его двери раздался плач; вошла служанка, стала его женой и родила ему троих детей. Но через семь лет она находит шкуру и вместе с ней бежит к берегу. Старший ребенок рассказывает эту историю отцу по возвращении домой.

Тогда мы трое, папа,

Побежала за ним, крича: "Отведи нас к морю!

Подожди нас, мамушка, мы тоже идем!

Вот Алиса, Вилли за тобой не поспевает!

Мамушка, остановись - хотя бы на минуту или две!

Наконец мы подошли к тому месту, где возвышался холм.

Спуски прямо к пляжу,

И там мы стояли, затаив дыхание, неподвижно.

Быстро цепляясь друг за друга.

Мы увидели ее сидящей на камне,

Надеваю маленькую тюленью шкурку.

О мамочка! Мамушка!

Она никогда не прощалась, папа,

Она не поцеловала нас троих;

Она просто надела маленькую тюленью шкурку

И соскользнуть в море!

Некоторые легенды об этом персонаже почти так же реалистичны, как "Мораль" мистера Суинберна о Давиде и Вирсавии. Чтобы представить себе нехватку жен в регионах, куда мигрировала первобытная арийская раса, достаточно вспомнить историю бена тровато о калифорнийцах, устраивавших бал в честь шляпки в те дни, когда женщины еще не последовали за ними. Украсть одежду Вирсавии и таким образом захватить ее в плен, возможно, в какой-то период было достаточно распространенным явлением в Европе, чтобы потребовать всех ужасов, содержащихся в арсенале преданий о демоницах, которые могли быть так приняты и могли так соблазнить людей принять их. В конце концов они могли исчезнуть, унося сокровища самым прозаическим образом, или, возможно, они могли принести к вашим дверям небольшую троянскую войну. Вполне вероятно, что чувство скромности, в той мере, в какой оно представлено в позоре наготы, было результатом благоразумных действий. Хотя страх перед наготой стал в некоторых регионах суеверием в женском сознании, достаточно сильным, чтобы иметь своих мучеников - как это было видно по потоплению "Нортфлита" и горящему отелю в Сент-Луисе, - он был взращен мужчинами в недоверии к их собственному животному. В варварских краях, где цивилизация вводит одежду, женщины, как правило, принимают ее последними. Герберт Спенсер приписывает это женскому консерватизму, более вероятно, что это происходит потому, что мужчины первыми теряют свою невинность, а женщины последними получают что-либо дорогое. Примечательно, как часто в мифах говорится о девах-лебедях, захваченных насилием или хитростью. В то же время самая бессознательная искусительница может быть средством разрушения домов и введения в заблуждение рабочих, и, таким образом, стать объектом всех диких легенд, рассказываемых об иллюзорных явлениях природы в народной мифологии.

Удивительно наблюдать, как все инсинуации бэйна сопровождались равными ловкостями в антедоте. Прекрасные искусители могли замаскировать свои намерения, взывая к человечности путника; и вот, тысячи хорошо засвидетельствованных рассказов, готовых к устам жены и матери, показывают, что демоница, взывающая о помощи, была самой роковой из всех!

На Мюггельсбергере в Альтмарке есть камень, который, как говорят, скрывает сокровище; этот камень иногда называют "Алтарем дьявола", а иногда говорят, что там виден огонь, который исчезает при приближении. Он лежит на краю Тойфельзее - озера темного и маленького, и считается, что оно бездонно. Там, где лежит камень, когда-то стоял замок, который погрузился в землю вместе со своей прекрасной принцессой. Но из подземного замка ведет подземная аллея к соседнему холму, и с этого холма по вечерам иногда спускается старуха, склонившаяся над своим посохом. На следующий день мы увидим, как прекрасная дама расчесывает свои длинные золотистые волосы. Ко всем, кто проходит мимо, она обращается с мольбами, чтобы ее освободили, и ее жалкие мольбы

подкрепляются предложением драгоценной шкатулки, которую она держит. Единственное средство освободить ее - это, объявляет она, чтобы кто-нибудь трижды, не оглядываясь, пронес ее на своих плечах вокруг Тойфельсейской церкви. Эксперимент был проведен несколько раз. Один деревенский житель при первом же обходе увидел большой воз сена, который тащили мимо него четыре мыши, и, провожая его глазами, получил удары по ушам. Другой увидел повозку, запряженную четырьмя угольно-черными огнедышащими лошадьми, идущими прямо на него, попятился и исчез с криком: "Опять пропал навсегда!" Третий попытался и почти прорвался. Он был найден без чувств и, придя в себя, рассказал, что, когда он взял принцессу на плечи, она была легка, как перышко, но становилась все тяжелее и тяжелее, когда он нес ее. Змеи, жабы и все ужасные животные с огненными глазами окружили его; гномы швыряли в него куски дерева и камни.; однако он не оглянулся и уже почти закончил третий круг, когда увидел, что его деревня охвачена пламенем; затем он оглянулся назад - удар свалил его - и, похоже, прожил достаточно долго, чтобы рассказать эту историю. Юношей Кеперника предупреждают, чтобы они сталили свои сердца против любой прекрасной девушки, расчесывающей волосы вблизи Тойфельзее. Но фольклор того же района признает, что для дам вовсе не так опасно прислушиваться к призывам такого рода. В Голицзее, например, повитуху заставили окунуться в воду в ответ на призыв о помощи; оказав помощь маленькой русалке в родах, она получила полный фартук пыли, которая казалась странной, пока на берегу не оказалось много талеров.

В странах, где народное воображение, вместо того чтобы быть научным, приучено быть религиозно ретроспективным, оно при малейшем прикосновении возвращается к детским спекуляциям человеческой расы. Не так давно, стоя у витрины магазина в Остенде, где виднелась "японская сирена", ловкий обман интересовал меня меньше, чем комментарии проходящих и останавливающихся наблюдателей. Чаще всего всерьез высказывались такие вопросы, как пела ли она, причесывалась ли, была ли обречена, была ли у нее душа, которую нужно было спасти. Каждый вопрос касался Цирцеи, Улисса, Сирен и других концепций античности. Японские художники справедливо заключили, что они могут плавать своей Сиреной в любых интеллектуальных водах, где может пройти Иона в своем ките или появиться рыба со своим пенни. Нет, даже в своей примитивной форме сирены находят своих родных и близких все еще бродящими по всем берегам Северной Европы. Тип ирландской и шотландской сирены можно найти в очень полной легенде о той, которую видел Джон Рид, капитан корабля Кромарти. С длинными развевающимися желтыми волосами она сидела наполовину на камне, наполовину в воде, обнаженная и прекрасная, наполовину женщина, наполовину рыба, и Джону удалось поймать ее и крепко держать, пока она не пообещала исполнить три желания; затем, освободившись, она прыгнула в море. Все желания были исполнены, и одному из них (хотя Иоанн никогда не открывал этого) в течение столетия после этого приписывалась удача Рейдов.

Сцена этой легенды - "Падающая пещера", и значительно ближе к Прыжку Влюбленного. Одним из желаний Джона был успех его ухаживаний. Эти пещеры идут параллельно пещере Венусберга, где менестрель Тангейзер соблазняется Венерой и ее нимфами. Гейне заканчивает свое описание этой фрау Венеры словами, что ему показалось, будто он

встретил ее однажды на площади Бреда. ‘За кого вы принимаете эту даму? - спросил он у Бальзака, который был с ним. ‘Она любовница, - ответил Бальзак. ‘Скорее герцогиня,’ ответил Гейне. Но после дальнейших объяснений друзья обнаружили, что оба они были совершенно правы. Голуби Венеры, запачканные на время, наконец одухотворялись и становились белыми, а снежный лебедь темнел. Древнегерманское слово, обозначающее лебедя, elbiz, первоначально обозначавшее его белизну (albus), продолжало его связь со всеми "эльфийскими" существами - эльфийское существо от того же слова, означающего белый; но, как и в "Erl König" Гете, часто маскирующее темный характер. Лебедь и Голубь встречаются (с некоторыми изменениями) как символы Добрых и Злых сил в легенде о Лоэнгрине. Ведьма превращает мальчика в Лебедя, который, однако, тянет спасти свою сестру, ложно обвиненную в его убийстве, Рыцаря Сангриала, который, когда тайна его святого имени расспрашивается его слишком любопытной невестой, уносится белыми голубями. Все эти легенды несут в себе, хотя и слабо, акцент раннего конфликта религии с дикими страстями человечества. Их религиозная направленность подводит нас к вопросам, которые должны быть рассмотрены на более позднем этапе нашей работы. Но, помимо чисто моральных соображений, очевидно, что ранний социальный хаос, в котором оказались первые иммигранты в Европе, был сопряжен с практическими опасностями.

Хотя легенда о леди Годиве включает в себя элементы другого происхождения, вполне вероятно, что в судьбе Подглядывающего Тома есть отдаленное отражение наказания, которое, как иногда говорят, настигает тех, кто слишком любопытно смотрел на деву-Лебедя без перьев. Преданность обнаженной леди Ковентри не будет противоречить одному из этих мифов о русалках. Существует суеверие, ныне особенно сильное в Исландии, что все феи-дети Евы, которых она спрятала по случаю, когда Господь пришел навестить ее, потому что они не были вымыты и презентабельны. Поэтому он обрек их на вечную невидимость. Это суеверие, по-видимому, связано со старым спором о том, являются ли эти сверхъестественные существа детьми Адама и Евы или нет. Шотландская история опровергает этот вывод. Прекрасная нимфа в легком зеленом одеянии вышла из моря и подошла к рыбаку, читавшему Библию. Она спросила его, есть ли в нем обещание пощады для нее. Он ответил, что в нем содержится предложение спасения "всем детям Адама", после чего она с громким криком снова бросилась в море. Эвфемизм будет сотрудничать с естественным состраданием, говоря хорошее слово для "хороших маленьких людей", прячущихся в земле или море. В Альтмарке ‘Блуждающие огоньки "считаются душами некрещеных детей, иногда сумасшедших, неспособных покоиться в своих могилах; их называют "людьми Света", и говорят, что, хотя они иногда могут вводить в заблуждение, они часто направляют правильно, особенно если им бросают мелкую монету, - это также африканский план разрушения колдовских чар. Христианство еще долго после своего появления в Германии вынуждено было серьезно бороться с обычаями и верованиями некоторых прибрежных деревень, где рыбаки считали себя в дружеских отношениях с сверхъестественными хранителями вод, и по сей день говорят о своей руководящей морской деве как о Святой фройляйн. Они слышат, как ее колокола звонят из глубин в священные времена года, чтобы смешаться с теми, чьи звуки доносятся с церковных башен.; и, кажется, потребовалось много басен, рассказанных по отпечаткам

рыбаков, найденных безжизненно сидящими на своих лодках, слушая их, чтобы постепенно перенести благоговение к новой христианской фее.

Может быть, они слышали какую-нибудь мелодию, подобную той, что нашла свое лучшее выражение в "Покинутом моряке" мистера Мэтью Арнольда:

Дети дорогие, это было вчера

(Позвоните еще раз) что она ушла?

Как только она насытится тобой и мной,

На красно золотом троне в самом сердце моря,

И младшая сидела у нее на коленях.

Она расчесывала его светлые волосы и хорошо ухаживала за ними,

Когда вниз качнулся звук далекого колокола.

Она вздыхала, она смотрела вверх сквозь чистое зеленое море;

Она сказала: "Я должна идти, потому что мои родственники молятся

Сегодня в маленькой серой церкви на берегу.

Это будет пасхальное время в мире-ах, я!

И я теряю свою бедную душу, Мерман, здесь, с тобой.

Я сказал: "Поднимайся, сердце мое, сквозь волны.,

Помолись и возвращайся в добрые морские пещеры.

Она улыбнулась, она поднялась через прибой в залив.

Дети дорогие, это было вчера?

Может быть, мы найдем предков этой потерянной Маргариты, которую он тщетно звал назад, в датской балладе "Морской человек и дочь Марстига", которая, по версии Гете, искала в церкви обаятельную Мэй, скакавшую туда веселым рыцарем на коне.

конь воды чистой,

Седло и уздечка из морского песка были.

Они вышли из церкви с свадебным кортежем,

Они танцевали в ликовании, и они танцевали в полном обмороке;

Они танцевали их до самого берега соленого моря.,

И они оставили их стоять там, взявшись за руки.

- Теперь жди меня, любовь моя, с моим свободным конем.,

И самую красивую кору я тебе принесу.

И когда они прошли к белому, белому песку,

Корабли приплыли к суше;

Но когда они вышли на середину звука,

Вниз пошли они все в глубокую бездну!

Долго, долго на берегу, когда дул сильный ветер.,

Они услышали из воды девичий крик.

Я отрекся от вас, девицы, как могу -

Не вступай в танец с Водяным Человеком!

Однако, согласно другим легендам, подводное царство не было местом для слез. Детские глаза видели все, что обещал Эрл-король в балладе Гете:

Ты пойдешь, милый мальчик? ты пойдешь со мной?

Мои дочери будут прислуживать тебе изысканно;

Мои дочери вокруг тебя в танце пронесутся,

И укачивать тебя, и целовать, и петь, чтобы ты уснула!

Или, может быть, детские глаза, задержавшиеся в горящем сиянии страсти мужественности, увидят в мирном море какую-нибудь картину потерянной любви, подобную той, что так сладко описана в "Морском призраке" Гейне:

Но я все равно прислонился к борту судна.,

Глядя печально-мечтательными взглядами

Вниз, к воде, чистой, как зеркало.,

Глядя все глубже и глубже, -

Пока далеко в морских безднах,

Сначала как тусклые колеблющиеся пары,

Затем медленно – медленно - глубже в цвете,

Купола церквей и башен, казалось, поднимались вверх.,

А потом, ясный, как день, город грандиозный....

Бесконечная тоска, дивная печаль,

Крадись сквозь мое сердце,

Мое сердце еще едва зажило;
Кажется, будто его раны забыты,
Любящие губы снова были поцелованы,
И снова были кровоточащие
Капли горящего багрового цвета,
Которые долго и медленно стекают вниз
На древний дом внизу
В глубоком, глубоком морском городе,
На старинном, с высокой крышей, странном доме,
Где, одинокая и грустная,
Внизу у окна сидит девушка,
Ее голова откинулась на руку,
Как бедный и неухоженный ребенок;
И я знаю тебя, бедное и долго скорбящее дитя!
..... Я между тем, дух мой весь скорбит,
По всему широкому миру искали тебя,
И всегда искали тебя,
Ты горячо любимый,
Ты давно, давно потерянный,
Ты наконец нашел его,—
Наконец-то я нашел тебя и теперь смотрю.
На твоем милом лице,
С искренними, преданными взглядами,
Все еще мило улыбаясь;
И никогда больше я не покину тебя на земле.
Я иду к тебе,
И с тоской, широкими объятиями,
Любовь моя, я прыгаю к твоему сердцу!

Искушение рыбаков заполучить предметы, видимые на дне прозрачных озер, иногда похожие на шкатулки или куски золота, и даже больше отражений предметов в верхнем мире или воздухе, должно быть, были источниками опасности; существует много историй о том, что они были так обмануты, чтобы уничтожить. Эти вещи считались сокровищами маленького народа, живущего под водой, и не расставались с ними иначе, как за плату. В озере Блюменталь, говорят, есть окованный железом желтый сундук, который рыбаки часто пытались поднять, но их веревки перерезаются, когда он приближается к поверхности. На дне того же озера видна ценная одежда, и женщина, которая когда-то пыталась ее заполучить, так чуть не утонула, что считается более безопасным оставить ее. Легенды о затонувших городах (например, на озере Пааршатайнхен и Лох-Ней) и колокола (чей звон можно услышать в определенные священные дни), вероятно, являются разновидностями этого класса заблуждений. Часто говорят, что они были потоплены каким-то последним мстительным ударом мага или ведьмы, решивших уничтожить город, больше не доверяя им. Оползни, захлестывающие прибрежные дома, могут породить легенды, подобные легенде о дочери короля Градлона Дахут, которую бретонский крестьянин видит в бурную погоду на скалах вокруг Поул-Дахута, где она отперла ворота шлюза на город, повинуясь своему дьявольскому любовнику.

Если вспомнить, что менее пятидесяти лет назад д-р Белон считал желательным анатомировать золотых рыбок и различными способами доказывать, что ошибочно полагать, будто они питаются чистым золотом (как многие крестьяне близ Лиона заявляют о лаврах, ежедневно продаваемых на рынке), то вряд ли покажется удивительным, что опасные видения драгоценных вещей были замечены ранними рыбаками в прозрачных глубинах и что их, наконец, следует рассматривать как соблазнительные искусства Лорелеи, которые дали многим озерам и рекам репутацию требующих одной или нескольких ежегодных жертв.

Возможно, именно благодаря накоплению множества снов о прекрасных царствах под морем или над облаками самоубийство стало столь распространенным среди норвежцев. Пословица гласила, что худший конец-умереть в постели, а умереть самоубийством-значит стать таким же, как Эгиль, Омунд и король Хек, как почти все герои, которые таким образом попали в Валгаллу. Северянин не сомневался в том рае, куда он направлялся, и не хотел, чтобы он достиг его ослабевшим от старости. Но придет время, когда земля и человеческая привязанность должны будут заявить свои права, и водяные племена будут изображены жестокими пожирателями живых. Так и лесные нимфы и горные нимфы будут унижены, и страшные легенды о тех, кто заблудился и блуждал в темных лесах, будут повторяться до содрогающегося детства. Действительные опасности будут маскироваться под бесконечные маски иллюзий, волд и волна будут населены жестокими и коварными соблазнителями. Таким образом, самоубийство может постепенно утратить свою прелесть, и мрачный подземный мир бессердечных гномов заменит гроты и фей.

Мы можем закончить эту главу шотландской легендой, относящейся к "шиитам", или Людям Мира, в которой есть странный намек на то, что человеческому разуму снится, что

он видит сны, и до сих пор находится на пути к пробуждению. Эти призрачные существа уносили женщину, чтобы она могла кормить грудью своего ребенка, которого они ранее украли. Во время своего пребывания она однажды наблюдала, как шииты помазывали свои глаза из котла, и, воспользовавшись случаем, ей удалось помазать один из своих собственных глаз этой мазью. Этим единственным глазом она теперь видела тайную обитель и все, что в ней находилось, "такими, какими они были на самом деле". Обманчивое великолепие исчезло. Яркие украшения сказочного грота превратились в голые стены мрачной пещеры. Когда эта женщина вернулась, чтобы снова жить среди людей, ее помазанный глаз увидел многое, чего не видели другие; среди прочего она однажды увидела "человека мира", невидимого для других, и спросила его о своем ребенке. Удивленный тем, что его узнали, он спросил, как она его нашла, а когда она призналась, плюнул ей в глаза и погасил их навсегда.

Глава X. Темнота.

Тени—Ночные Божества—Кобольды—Вальпургиева ночь—Ночь как Подстрекатель Злодеев-Кошмары—Сны—Невидимые враги—Якоб и его Призрак—Нотт—Принц Тьмы—Выводок Полуночи—Второе зрение—Призраки Соутер Фелл—Лунный вампир—Гламур—Глэм и Греттир—История Дартмура.

От крохотной ночи, которая цепляется за человека даже днем,—его собственной тени,—до великой тени мрака мира, неисчислимы завесы, из которых вышла черная процессия призраков, преследовавших сны мира и предавших предприятие человека.

Сколь странной показалась первому человеку эта тень, идущая рядом с ним, начиная с того времени, когда он увидел в ней призрака, идущего по его следам и называющего его своим именем призрака, и до того времени, когда она казалась эманацией оккультной силы, как для тех, кто приносил своих больных на улицы, чтобы их исцеляла проходящая тень Питера, и до того дня, когда Бомонт написал свое имя.—

Наши деяния, наши ангелы, или хороши, или плохи,

Наши роковые тени, которые все еще ходят мимо нас;

или то, в чем Гете нашел мистический символ внутренней остановки нашего нравственного развития и сказал: "Никто не может спрыгнуть со своей тени". А затем от культуры Европы мы переходим к жителям островов фиджи и обнаруживаем, что они верят в то, что у каждого человека есть два духа. Одна из них-его тень, которая идет в Аид; другая - его отражение в воде, и она должна оставаться рядом с местом, где человек умирает. Но, подобно великанам Брокена, эти демоны Тени трепещут еще долго после того, как узнают, что они сами трепещут, отражаясь в воздухе. Разве мы, священники в Англии, до сих пор не укрепили веру в то, что крещеного ребенка сопровождает белый дух, а некрещеного - темный? Почему же тогда мы должны извиняться за фиджийцев?

Но здесь мало нужно говорить о демонах Тьмы, ибо они тесно связаны с призраками Иллюзии, Зимы и другими, уже описанными. И все же у них есть отличительные черты. Сколько было солнечных лучей, столько было теней; каждая богиня Зари (Ушас)

отбрасывала свою тень; каждый День поглощался Ночью. Это пещера, где прячутся коварные Пани (туман) в ведической мифологии, те, кто крадет и прячет коров Индры; это царство Аида (невидимого); это пещера ведьмы Текк (тьмы) в скандинавской мифологии - той, которая одна из всех во вселенной отказалась плакать о Бальдре, когда он был заперт в Хельхейме, куда его послал дротик его слепого брата Хедра (тьмы). В пещере Ночи спят Семь Спящих Эфеса, и Барбаросса, и все дремлющие призраки, чей гений-ночной крылатый ворон. Торр, скандинавский Геркулес, однажды попытался поднять кошку - как ему показалось - с земли, но это был огромный среднеземельный змей, который опоясывает всю землю. Каким бы невероятным подвигом это ни было для Торра - который оторвал от земли только одну лапу кажущейся кошки - в ту эпоху без стекла и газа изобретение сделало многое в этом направлении; но черная Кошка все еще надежно обитает среди идолов ментальной пещеры.

Существует англосаксонское слово cof-godas (букв. cove-боги), употребляемое как эквивалент латинского lares (пенаты также интерпретируются как cof-godu, cofa, означающее внутреннее углубление дома, penetrale). Слово в немецком языке, соответствующее этому cofa, есть koben; и от этого Гильдебранд предполагает, что kob-старый, чтобы быть производным. Последнюю часть слова он предполагает как Уолт (тот, кто "председательствует", например, Уолтер); так что первоначальная форма будет коб-уолт.Таким образом, здесь, в тайниках домашнего хозяйства, среди наименее просвещенных его членов - слуг, которые все еще часто нейтрализуют усилия разумных людей рассеять заблуждения своих детей, - дискредитированные божества и демоны прошлого нашли убежище и благодаря небольшому изменению имен при крещении стали близкими миллионам людей и по сей день. По словам древних евреев, "они лежали в своих домах пленниками тьмы, скованные узами долгой ночи". "Никакая сила огня не могла бы дать им света, и яркое пламя звезд не могло бы осветить эту ужасную ночь". Хорошо сказано: "Страх есть не что иное, как предательство помощи, которую предлагает разум", - истина, которая находит множество иллюстраций у Кобольдов. Эти воображаемые существа естественно ассоциировались с темными тайниками шахт. Там они дали название нашему металлу Кобальту. Значение кобальта не было понято до 17-го века, и этот металл был впервые получен шведским химиком Брандтом в 1733 году. Шахтеры считали, что серебро было украдено кобольдами, и эти "бесполезные" руды остались на его месте. У Никеля была похожая история, и он назван в честь Старого Ника. Так долго эти Красавицы дремали в пещере Невежества, пока Наука не поцеловала их своим солнечным лучом и не повела их украшать мир!

Как прошел этот (мысленный) пещерный житель даже среди высшего великолепия и необъятности своего неосвещенного мира? Фауст, ведомый своим Мефистофелем только среди бесконечных лабиринтов Гарца.

Как печально встает, неполный и румяный,

Одинокий диск луны с ее запоздалым сиянием,

И светит так тускло, что, как один приближается,

На каждом шагу натыкаешься на камень или дерево!

Давайте тогда воспользуемся взглядами Джека-фонаря:

Я вижу вон ту, весело горящую.

Хо-хо-хо! мой друг! Я буду взимать плату за твое присутствие:

Зачем так напрасно растрачивать свое великолепие?

Будьте так добры, осветите нам путь наверх!

Скажи мне, если мы все еще стоим,

Или если дальше мы поднимаемся?

Все вращается, кружится, смешивается,

Деревья и скалы с ухмыляющимися лицами,

Блуждающие огни, которые вращаются в лабиринтах,

Все еще растет и расширяется.

Только в сравнительно поздний период общественного развития благословение Санчо на изобретателя сна могло найти общий отклик. Краснокожий индеец находил свою беспомощность роковой, когда "Лесной ник" был за границей; шотландский моряк находил в нем опиум демона, когда "Морской ниггер" собирал свои бури над спящим сторожем. Это была одна из проблем Иова-сотрудничество тьмы со злодеями.

Око прелюбодея ждет сумерек;

Он говорит: "Ни один глаз не увидит меня".,

И надевает маску на лицо свое.

В темноте люди врываются в дома;

В дневное время они запираются;

Они чужды свету.

Утро для них-тень смерти;

Они знакомы с темными ужасами полуночи.

Помимо того, что ночь дружит и маскирует каждого коварного врага, следует также помнить, что человек слабее всего ночью. Он не только слабее, чем днем, в завесе, надвинутой на его чувства, но и физиологически. Когда тело изнемогает от дневных трудов или сражений, а ум преследуют сны об опасности, в нем присутствуют все те ужасы, которые Байрон изображает вокруг беспокойной подушки Сарданапала. Боевой конь дня становится ночной кобылой в темноте. В "Хеймскрингле" записано: "Ванланд, сын Свегдира, наследовал своему отцу и правил владениями Упсала. Он был великим

воином и много путешествовал по разным землям. Однажды он поселился на зиму в Финляндии у Снио Старого и женился на его дочери Дрисе; но весной он уехал, оставив Дрису, и хотя обещал вернуться через три года, не вернулся и через десять. Тогда Дриса послала весточку ведьме Хульде и послала Висбура, своего сына от Ванланда, в Швецию. Дриса подкупила ведьму-жену Хульду, чтобы та либо заколдовала Ванланда, чтобы он вернулся в Финляндию, либо убила его. Когда это колдовство продолжалось, Ванланд был в Упсале, и его охватило большое желание отправиться в Финляндию, но друзья и советники отговорили его, сказав, что колдовство финского народа проявилось в его желании отправиться туда. Тогда он сильно задремал и лег спать; но когда он проспал совсем немного, он закричал, говоря: "Мара наступала на него".; но когда они схватили его за голову, она наступила ему на ноги, а когда они схватили его за ноги, она надавила ему на голову, и это была его смерть".

Эта ведьма, без сомнения, Хильдур, Уокир из Эдды, ведущий героев в Валгаллу. Действительно, в Вестфалии кошмар называют Вальридерским. Любопытно, что слово "Мара" сохранилось во французском слове кошмар, Cauche-mar, "кошмар" происходит от латинского calcare - ступать. Через тевтонский фольклор этот Ночной демон многих имен, приплывший из Англии в решете, набитом коровьими ребрами, едет к беде все более негероической части населения. Почти всегда еще говорят, что "Махрт" - хорошенькая женщина, - иногда даже возлюбленная невольно превращается в таковую, - каждое деревенское поселение изобилует рассказами о том, как демонесса была захвачена, остановив замочную скважину, назвав оседланного спящего его крестным именем и сотворив крестное знамение; таким образом, злая красавица появляется в человеческом облике и склонна выйти замуж за спящего, что обычно приводит к дурным последствиям. Любовь кошек к тому, чтобы забираться на грудь спящих или рядом с их дыханием, чтобы согреться, сделала это животное распространенной формой "Махрта". Иногда это черная муха с красным кольцом на шее. Считается, что эта демоница испытывает больше боли, чем причиняет, и тщетно пытается уничтожить себя.

Это всегда был худший из периодов религиозного возбуждения, когда они формируют мечты старых и молодых и находят там страшное и искаженное, но яркое и реалистичное воплощение своих лихорадочных переживаний. В дни колдовства тысячи людей посещали Шабаши ведьм, как они верили и танцевали в Вальпургиевых оргиях, переносимых (по наследственному православному канону) на своих собственных метлах в свои собственные трубы; и сегодня, благодаря тому же болезненному воображению, жертвы могут видеть себя или других вытянутыми, левитированными, парящими в воздухе. Если бы люди только знали, как мало людей действительно бодрствуют, эти духовные кошмары скоро достигли бы своего конца. Естественные ужасы, перед которыми когда-то съеживался беспомощный человек, были продлены после всех его реальных побед над демонами чередой таких кошмаров, так что вульгарная религия могла быть изображена примерно так, как Рихард Вагнер описал свою первую трагедию, в которой, убив сорок два своих персонажа, он должен был вернуть их в виде призраков, чтобы продолжить пятый акт!

Опасности тьмы, как засады врагов человеческих и животных, сокрытия ловушек, путаницы шагов, неверного направления целей, были более реальны, чем люди могут себе представить в век газового света плюс полицейский. Миф об Иисусе Навине, повелевающем солнцу остановиться; крик Аякса, когда на поле боя опустилась тьма: "Дай мне только увидеть!" - отсылают нас к той области, откуда исходит всякая детская дрожь при входе во тьму. Предел человеческого мужества достигается там, где враг находится вне досягаемости его силы. Сражаться в темноте может быть даже самоубийством. Немецкая басня о рвении с завязанными глазами - разбуженный спящий крушит мебель и выбивает себе зубы в попытке наказать кошек - также имеет свои трагические иллюстрации. Но ни одна из этих действительных опасностей не принесла человеку большего зла, чем их демонизация. Это делало само его умение грубой ошибкой, его энергетическую слабость. Если плохо отступать в сумерках от невинного куста в непризнанный колодец, то еще хуже встретить призрака с руной или распятием и обнаружить в нем убийцу. Когда человек борется со своей тенью, он мгновенно превращает ее в демона, которого боится; упырь-как он охотится на его парализованную силу, вампир - как он сосет его кровь, и он обречен обезоруженным на зло, которое не является тенью. Шотландский Синклер, маршировавший через Норвегию в XVI веке, обязан своим памятником в Виблунгене скорее сороке, которая, как полагают, предшествовала ему как шпион, с днем и ночью на крыльях, чем его собственной доблести или силе.

В каком-то смысле все демоны, независимо от их формы, являются древним выводком ночи. Душевная тьма, еще более нравственная тьма внутри, порождает фантасмагорию, в которой неизвестные вещи превращаются в демонов. Исав уже примирился, но виновный Иаков должен еще бороться с ним, как призрак Страха, до рассвета. Уже была написана работа о "Ночной стороне природы", но потребовалось бы много томов, чтобы рассказать историю о том, какие монстры были вызваны из тьмы. Как велика тьма, которую человек создает для себя из воображения, которое должно быть его светом и видением! Большая часть так называемой "религии" нашего времени-это лишь тщательно продуманная демоническая культура и искусственное сохранение ментальных Вальпургиевых ночей. Нотт (Ночь) говорит, что Эдда сначала едет на своем коне по имени Хримфакси (морозогривый), который каждое утро, когда он заканчивает свой путь, поливает землю пеной, падающей с его удил. Хотя дневной конь - Скинфакси, или Сияющая грива-упорно следует за ней, все же пена ни в коем случае не выпита его огнями. Пена старых фантазмов все еще держится в наших средневековых литургиях и даже падает вновь там, где дневной свет закрыт, чтобы алтарные свечи могли гореть, или для других темных сеансов приготовлены условия, необходимые для того, кто не любит света.

То, что мы называем Темными веками, действительно было духовно вечным сеансом с приглушенным светом. Нет, человеческое суеверие способно было превратить даже луну и звезды в голубоватые ночные свечи, дающие ровно столько света, чтобы сделать видимой тьму в фантастических формах, порхающих вокруг Князя Тьмы, - или Небытие в Целом! В какой мере теософские спекуляции нашего времени являются просто искусственным сохранением этой тьмы? Сколько всего того, что еще порхает с крыльями

летучей мыши из университетов, будет читаться в будущем с тем же удивлением, с каким даже самые почтенные летучие мыши могут теперь читать рассказ о полуночном выводке, который теперь большей частью спокойно спит в таких книгах, как "Анатомия меланхолии" Бертона? ‘Есть, - говорит он, - некоторые духи, которых Миральд называет Амбулонами, которые бродят около полуночи по большим пустошам и пустынным местам, которые (говорит Лафатер) отвлекают людей с их пути и ведут их всю ночь окольным путем или совсем преграждают им путь. Они имеют несколько названий в нескольких местах. Мы обычно называем их Шайбами. В пустынях Лопа, в Азии, такие иллюзии ходячих духов часто воспринимаются, как вы можете прочесть в "путешествиях" венецианца Павла. Если кто-то случайно потеряет свою компанию, эти дьяволы будут звать его по имени и подделывать голоса его товарищей, чтобы соблазнить его. У Лафатера и Чиконьи есть множество примеров духов и ходячих дьяволов такого рода. Иногда они сидят на обочине, чтобы дать людям упасть, и заставляют их лошадей спотыкаться и вздрагивать, когда они едут (согласно рассказу того святого человека Кетелла в Nubrigensis, который имел особую милость видеть дьяволов); и если человек проклинает и пришпоривает свою лошадь за то, что она споткнулась, они искренне радуются этому".

Наблюдая живую и образную картину Макаллума об осаде Иерусалима, я с большим интересом наблюдал, с какой легкостью другие посетители обнаруживали в воздухе предзнаменования, которые, следуя рассказу Иосифа Флавия, художник смутно изобразил. Колесницы и всадники, которые, как говорят, были замечены до этого события, были здесь слабо размыты неопределенными очертаниями облаков; и в то время как некоторые из друзей художника видели их с большей отчетливостью, чем та, с которой они производили впечатление на глаз самого художника, других едва ли можно было заставить увидеть что-либо, кроме бесформенного пара, хотя, конечно, все они соглашались, что они были там и удивительно прекрасны.

Казалось бы, таким образом, в лондонской студии были представлены все мысленные краски для росписи воздуха и неба теми видениями воздушных армий или охотников, которые стали настолько нормальными в истории, что в субъективном смысле были естественными. В 1763 году некий автор, именовавший себя Теофилом Инсуланом, опубликовал в Эдинбурге книгу о втором зрении, в которой он описал более ста примеров способности видеть события до того, как они произошли, и в то время, когда они, конечно, не существовали. Читая их, нетрудно увидеть, что все они по существу представляют собой одну и ту же историю и что зрение в действии было действительно вторым; ибо мужчина или женщина, одновременно наделенные воображением и неграмотные, имеют вторую и второстепенную пару глаз, унаследованных от традиционных суеверий и историй о привидениях, которые наполняют весь воздух, которым они дышат от колыбели до могилы. В то время как ум находится в этом состоянии, та же самая природа, чьи видения и иллюзии первоначально вызывали и питали наваждение, все еще движется со своими смешениями света и тени, облака и миража, не давая ни слова объяснения. Никогда не бывает недостатка в теневых формах,

без которых они бросают свои челноки к темным идолам ментальной пещеры, вместе сплетая тонкие заклинания вокруг полусонного разума.

В 1743 году весь Север Англии и Шотландии был в тревоге из-за некоторых призраков, которые были замечены на горе Саутер-Фелл в Камберленде. Гора примерно в полмили высотой. Однажды летним вечером фермер и его слуга, глядя из Уилтон-Холла, находившегося в полумиле от них, увидели фигуры человека и собаки, преследовавших лошадей по очень крутому склону горы, и на следующее утро они отправились туда, ожидая найти мертвые тела, но не нашли. Примерно год спустя один из тех же людей, слуга, увидел отряд всадников, скакавших по тому же склону горы, и позвал других, которые тоже видели аэрийских солдат. По прошествии года вышеприведенное видение было засвидетельствовано перед судьей двумя из тех, кто его видел. Это событие произошло накануне Восстания, когда всадники упражнялись, и когда также можно предположить, что народное сознание вдоль Границы находилось в очень возбужденном состоянии.

Что было замечено в этом строго удостоверенном случае? Что-нибудь видели? Никто не может сказать. Мы склонны полагать, что здесь, возможно, была какая-то игра миражей. Как существуют чисто аэриальные эхо-сигналы, так существуют и аэриальные отражатели для глаза. С другой стороны, видение так близко напоминает призрачные процессии, которые прошли через мифологию мира, что мы никогда не можем быть уверены, что это не был отряд короля Артура, вышедший из Аваллона, чтобы объявить о приближающейся битве. Нескольких пушистых, странной формы облаков, гоняющихся друг за другом по склону холма в вечерних сумерках, было бы вполне достаточно, чтобы создать последнее видение, и опасность того времени легко обеспечила бы все Второе Зрение, необходимое, чтобы открыть его значительному числу. В вопросах такого рода очень незначительное обстоятельство - фраза, имя, возможно, - может изменить баланс вероятностей. Таким образом, можно отметить, что в только что описанном случае видение было замечено на крутом склоне Соутер-Фелл. Пал означает холм или отвесную скалу, как в Дракенфелсе. Но что касается Соутера, хотя, как мистер Роберт Фергюсон говорит, что это слово,возможно, первоначально означало овцу, в Шотландии оно используется как "сапожник" в связи со сказочными великанами этого региона. Сэр Томас Уркварт в XVII веке рассказывает, что по преданию два мыса Кромарти, называемые "Сутарами", были рабочими скамьями двух гигантов, которые снабжали своих товарищей башмаками и кобурами. Имея только один набор орудий, они обычно перебрасывали их друг другу через устье залива, где мысы находятся всего в двух милях друг от друга. Со временем ремесленники завещали своим табуреткам имя Сутар, сапожник. Не исключено, что название постепенно соединилось с другими местами, несущими традиции, связывающие их со сказочной расой, и что таким образом Саутер Пал, от значения в ранние времена почти такого же, как Холм Гигантов, сохранил даже в 1743-44 годах достаточно ранних сверхъестественных ассоциаций, чтобы пробудить благоговение пограничников во время восстания. Таким образом, видение могло быть увидено светом, который прошел весь путь от мифологических небес древней Индии: по существу субъективно - из такого материала, из которого сделаны сны и мечтатели, - без сомнения, было достаточно

внешних облаков, форм и послесвечений, даже в отсутствие какой-либо фата-морганы, чтобы обеспечить холст и пигмент для хитрого художника, который прячется в глазу.

В старой сказке часто убиваемый Вампир-летучая мышь только просит, с пафосом, чтобы его тело было положено там, где на него не будет падать солнечный свет, а только лунный-только это! Но именно под лунным светом она всегда обретает новую жизнь. Ни один демон не нуждается в абсолютной тьме, но полутьма, в которой можно жить: достаточно света, чтобы раскрыть Что-то, но недостаточно, чтобы определить и раскрыть его природу, - это именно то, что требуется для летучих мышей басни и фантазии, которые могут сделать вампира из воробья или великана из ветряной мельницы.

Гламур! В удивительной истории есть это слово художников и поэтов, иногда означающее очарование, которым глаз наделяет любой предмет, или, по выражению Вордсворта, "свет, которого никогда не было ни на суше, ни на море". Но ни один художник или поэт никогда не поднимался до полной высоты самого простого термина, который хорошо иллюстрирует высказывание Эмерсона: "Слова-это ископаемая поэзия". Профессор Коуэлл из Кембриджа говорит: "Глам, или в именительном падеже Гламр, - это также поэтическое название Луны. На самом деле это слово не встречается в древней литературе, но оно дано в глоссарии в Прозаической Эдде в списке очень старых слов для Луны". Вигфуссон в своем словаре говорит: "Это слово интересно тем, что оно тождественно шотландскому. Гламур, который показывает, что сказка о Гламуре была распространена в Шотландии и Исландии, и это намного старше, чем Греттир (в 1014 году). Призрак или Гоблинский Гламур, по-видимому, возник из персонификации обманчивого и предательского воздействия лунного света на погруженного в сон путешественника.

Quale per incertam lunam sub luce malignâ,

Est iter in sylvis.

Существует любопытное древнее санскритское слово glau или gláv, которое во всех древних туземных лексиконах объясняется как ‘луна". Это может быть воспринято либо как "убывание", либо в случайном смысле "затемнение".

Следующие строки из поэта раннего средневековья, Бхаса (VII век), проиллюстрируют обманчивый характер лунного света с индуистской точки зрения. Сильное и дикое норвежское воображение восхищается тем, что страшно и мрачно: индус любит останавливаться на более мягких и спокойных сторонах человеческой жизни.

"Кошка лакает лунные лучи в чаше с водой, думая, что это молоко; слон думает, что лунные лучи, пронизывающие промежутки между деревьями, являются волокнами стебля лотоса. Женщина хватается за лунные лучи, когда они лежат на кровати, принимая их за свое муслиновое одеяние: о, как луна, опьяненная сиянием, сбивает с толку весь мир!

Похожий отрывок, несомненно подражаемый из этого, также цитируется:

"Растерянные пастухи ставят ведра под коров, думая, что молоко течет; девушки также кладут голубой цветок лотоса в уши, думая, что это белый; жена горца хватает плоды мармелада, жадные до жемчуга. Чей разум не сбит с пути густыми скоплениями лунных лучей?

В исландской легенде о борьбе между героем Греттиром, переведенной Магнуссеном и Моррисом (Лондон, 1869), сага представляет собой декорацию столь же археологическую, как если бы с ней советовались филологи. ‘Яркий лунный свет был там снаружи, и дрейф был нарушен, то затягиваемый луной, то отгоняемый от нее; и как только Глэм упала, с луны сорвалось облако, и Глэм впился в нее взглядом. Когда герой увидел эти сверкающие глаза гигантского Призрака, он почувствовал в них какое-то дьявольское коварство и не смог вытащить свой короткий меч и "лежал очень близко" между домом и адом. Этот полумрак луны, отнимающий у Сильного половину его силы, повторяется в проклятии Глэма: "Чрезвычайно страстно ты стремился встретиться со мной, Греттир, но неудивительно, что это будет считаться, хотя ты и не получишь от меня ничего хорошего".; и вот что я должен сказать тебе, что теперь ты получил половину силы и мужества, которые были твоей судьбой, если бы ты не встретил меня; теперь я не могу отнять у тебя силу, которую ты получил до этого; но пусть я буду править, чтобы ты никогда не был сильнее, чем сейчас ... поэтому я возлагаю на тебя это странное бремя, всегда в те дни видеть эти глаза твоими глазами, и тебе будет трудно быть одному - и это приведет тебя к смерти".

Сила Лунного демона ограничена заклинанием иллюзии, которое он может наложить. Вскоре он падает; "короткий меч" солнечного луча бледнеет, обезглавливает его. Но после того, как Глэм сожжен до холодных углей, а его пепел погребен в шкуре зверя, "где овечьих пастбищ было меньше всего, или пути людей", заклятие легло на глаза героя. - Греттир сказал, что от этого его настроение несколько улучшилось, что он стал еще хуже молчать, чем раньше, и что он считает все неприятности еще хуже, чем они есть на самом деле.; но в этом он нашел величайшую перемену: в темноте он сделался таким страшным человеком, что с наступлением ночи осмеливался идти сюда один, ибо тогда ему казалось, что он видит все виды ужасов. И с тех пор это вошло в поговорку, что Блеск придает глазам или дает Гламурное зрение тем, кто видит вещи такими, какие они есть.

Читая его, можно задаться вопросом, как выглядел бы этот мир, если бы на какое-то мгновение его глаза очистились от наваждения. Даже на саму луну тщетно пытаются смотреть: там, где индусы и зулусы видят зайца, арабы видят змеиные кольца, а англичане-человека; и самым умным из этих нескольких рас будет трудно увидеть на Луне что-либо, кроме того, что видели их первобытные предки. И этот маленький намек на то, до какой степени мудрейшие, подобно Мерлину, крепко связаны в воздушной тюрьме Вивьен, чьи чары сотканы из них самих, унес бы нас далеко, если бы мы только рискнули последовать за ним. ‘Луна, - бессознательно заметил доктор Джонсон, - оказывает большое влияние на вульгарную философию. Сколько лунной теологии вокруг нас, так что многие от колыбели до могилы не имеют ясного представления ни о природе, ни о себе! Карлайл очень близко подошел к басне о Глэме, когда говорил о "пророческом

самогоне" Кольриджа и его влиянии на бедного Джона Стерлинга. - Если бутылочный самогон действительно вещество? Ах, можно ли верить в церковь, находя ее невероятной!.... Значит, осиротевшая юная леди приняла постриг! .. .. До такой степени может трансцендентальный лунный свет, брошенный каким-то болезненно излучающим Кольриджем в хаос бродящей жизни, действовать там магически и производить разглашения, конвульсии и болезненное развитие". Можно почти вообразить, что у Карлейля в памяти звенела старая шотландская баллада о преподобном. Роберт Кирк, переводчик Псалмов на гэльский, который, прогуливаясь в ночной рубашке в Аберфойле, был "уведен в безрадостную эльфийскую беседку".

Это было между ночью и днем

Когда у короля фей есть власть.

Предмет ночной рубашки, возможно, уже подготовил нас к двустишию; и он, возможно, даже имеет мистическую связь с облачением "черного драгуна", которого Стерлинг однажды видел патрулирующим в каждом приходе, которому, однако, он в конце концов сдался.

Рассказывают историю о человеке, который темной ночью бродил по Дартмуру и поскользнулся на краю ямы. Он ухватился за ветку дерева, висевшую над страшной пропастью, но, не в силах удержаться на земле, закричал, зовя на помощь. Никто не пришел, хотя он кричал до тех пор, пока его голос не исчез; и он оставался там, болтаясь в агонии, пока серый свет не показал, что его ноги были всего в нескольких дюймах от твердой земли. Таковы главные демоны, которые связывают человека до петушиного крика. Таковы опасения, которые растрачивают также моральные и интеллектуальные силы человека и убивают его покой, поскольку он считает, что необходимая наука его времени сокращает какую-то хрупкую власть, поддерживающую его над бездонной пропастью, вместо освобождения от реального ужаса на твердую почву.

Глава XI. Заболевание.

Призрак чумы—Дьявол-Танцы—Ангелы—Разрушители-Ариман в астрологии-Сатурн—Сатана и Иов—Сет—Роковая Семерка—Яксейо—Сингальская Претрая—Рери—Маха Сохон—Мороту—Лютер о болезнях-демоны—Гополу—Мадан—Скот-Демон в России—Бильвейзен—Плуг.

Знакомая басня на Востоке повествует о том, как один человек встретил страшного призрака, который в ответ на его вопрос ответил: "Я Чума; я пришел из того города, где десять тысяч лежат мертвыми; тысяча была убита мной, остальные - Страхом". Возможно, даже эта история не полностью сообщает о союзе между чумой и страхом; ибо едва ли сомнительно, что эпидемии сохраняют свою силу на Востоке в основном потому, что они обрели персонификацию через страх в виде демонов, чью роковую силу человек не может ни предотвратить, ни вылечить, перед которыми он может только съежиться и молиться.

В миссионерской школе в Кентербери молодые люди готовятся помогать "язычникам" с медицинской точки зрения, и поэтому они идут вперед с materia medica в одной руке, а в

другой - с непогрешимым откровением с небес, сообщающим о язвах как о наказаниях Иеговы, или ангела-разрушителя, или сатаны, а исцеление болезней-ревниво охраняемая монополия Бога.

Демонизация болезней не является чем-то удивительным. Для вдумчивых умов даже наука не развеяла тайну, которая окружает многие болезни, поражающие человечество, особенно обычные болезни, поражающие детей, наследственные болезни и странную склонность к инфекции и заражению. Подлинное, хотя и частичное, наблюдение подсказало бы первобытному человеку некоторую связь между симптомами многих болезней и таинственной вселенной, воплощением которой он еще не мог признать себя. Были указания на то, что некоторые неприятности такого рода были связаны с временами года, следовательно, с небесными правителями времен года - с солнцем, которое поражало днем, и луной ночью. Профессор Монье Уильямс, описывая дьявольские танцы Южной Индии, говорит, что среди них, по-видимому, существует идея, что, когда чума распространена, должны быть приняты исключительные меры, чтобы отвлечь злых духов, предположительно вызывающих их, искушая их войти в этих диких танцоров и таким образом рассеяться. На Цейлоне он был свидетелем танца, исполняемого тремя мужчинами, олицетворявшими формы и фазы тифа.Эти танцы, вероятно, принадлежат к тому же классу идей, что и танцы дервишей в Персии, чьи многочисленные искажения, как полагают, повторяют движения планет. Это призывы душ добрых звезд и умилостивления тех, кто зол. Вера в такие звездные и планетарные влияния проникла во все уголки мира и породила астрологические танцы. - Гебелин говорит, что менуэт был косой пляской древних жрецов Аполлона, исполнявшейся в их храмах. Диагональная линия и две параллели, описанные в этом танце, должны были символизировать зодиак, а двенадцать шагов, из которых он состоит, предназначались для двенадцати знаков и месяцев года. Танец вокруг Майского дерева и Котильона имеет одно и то же происхождение. Диодор говорит нам, что Аполлон был обожаем танцами, и на острове Иона бог танцевал всю ночь. Христиане Святого Фомы до самого позднего вечера праздновали свое богослужение танцами и песнями. Кальмет говорит, что в иерусалимском храме были танцовщицы".

Влияние Луны на приливы и отливы, бессонница, которую она вызывает, неугомонность сумасшедших под ее редким светом и такие предательства лунного света, как мы уже рассмотрели, населили наш необитаемый спутник демонами. Лунные легенды украсили некоторые вполне обоснованные подозрения о лунном свете. Мать задергивает занавес между лунным светом и своим маленьким Эндимионом, хотя и не потому, что видит в убывающей луне тоскующую Селену, чей поцелуй может погубить красоту юности. Простое выживание-это "поклон новой луне": эвфонизм, прослеживаемый во многих мифах о "безумии", среди которых, как я думаю, Далила ("томящаяся"), на чьих коленях солнечный Самсон лишен своих локонов, оставляя ему только слепую разрушительную силу "лунного удара".

В чисто семитских теориях евреев мы находим болезни, приписываемые гневу Иеговы, а их исцеление-его милосердному настроению. ‘Господь сделает язвы твои чудесными и

язвы семени твоего; ... он навлечет на тебя все болезни Египта, которых ты боялся". Изумруды, поразившие почитателей Дагона, были приписаны непосредственно руке Иеговы. В той смутной степени естественного дуалистического развития, которая предшествовала полному иранскому влиянию на евреев, причинение болезней было возложено на ангела Иеговы, как в рассказах о поражении первенцев Египта, истощении армии Сеннахирима и язве, посланной на Израиль за грех Давида. В процессе превращения этого ангела в демона болезни мы находим фазу двусмысленности, как это показано в ипохондрии Савла. “Дух Господень отошел от Саула, и злой дух от Господа смутил его”.

Все эти двусмысленности исчезли под влиянием иранского дуализма. В Книге Иова мы находим, что причинение болезней и язв полностью передается могущественному духу, полностью сформировавшемуся противостоящему властелину. ‘Сыны Божьи", о которых в первой главе книги Иова говорится, что они предстали перед Иеговой, могут быть идентифицированы в тридцать восьмой главе как звезды, которые кричали от радости при сотворении. Сатана - это блуждающая или зловещая планета, ведущая в ариманической стороне персидской планисферы. В космографической теологии этой страны Ормузд должен был царствовать в течение шести тысяч лет, а затем Ариман должен был царствовать в течение такого же периода. Моральные ассоциации этого умозрения обсуждаются в другом месте; здесь необходимо только указать на влияние планисферной концепции на болезни, наследуемые плотью. Ариман-это " звездный змей’ Зендавасты. ‘Когда парис опустошил этот мир и заполонил вселенную; когда звездный змей проложил себе путь между небом и землей " и т.; "когда Ариман бродит по земле, пусть тот, кто принимает форму змеи, скользит по земле; пусть тот, кто принимает форму волка, бежит по земле, и пусть жестокий северный ветер приносит слабость".

Рассвет Ормузда соответствует апрелю. Солнце возвращается из зимней смерти по знаку агнца (нашего Овна), и с тех пор каждый месяц соответствует тысяче лет царствования Благодетеля. Сентябрь обозначается Девой и Младенцем. В темную область Аримана префектура вселенной проходит через Весы - те самые весы, которые появляются в руке сатаны. Звездный змей преобладает над Девой и Младенцем. Затем следуют месяцы скорпиона, кентавра, козла и т. Д., Каждый месяц соответствует тысяче лет правления Аримана.

В то время как эта схема соответствует в одном направлении демонам холода, а в другом-входу и господству морального зла в мире, начало болезней на земле также приписывалось этой седьмой тысяче лет, когда прошел Золотой век. Глубина зимы достигается в жилище козла, или Сириуса, Сета, Сатурна, Сатаны - по многим вариантам. И они, под разными названиями, составляют великое "несчастье" астрологии, в котором старый Кульпеппер обильно поучал наших отцов. "В общем, подумайте, что Сатурн-старая изношенная планета, утомленная и мало ценимая в этом мире; он вызывает длительные и утомительные болезни, изобилие печали и телегу сомнений и страхов; его природа холодна, суха и меланхолична. И обратите особое внимание на то, что когда Сатурн является Повелителем Затмения (как он является одним из Повелителей этого), он

управляет всеми остальными планетами, но никто не может управлять им. Меланхолия состоит из всех видов юмора в теле человека, но не из юмора меланхолии. Он завистлив, долго сдерживает свой гнев и говорит только несколько слов, но когда он говорит, он говорит с целью. Человек глубоких размышлений; он замышляет зло, когда люди спят; у него прекрасная память, и он до сих пор помнит, как Вильгельм Бастард издевался над ним; он не может быть рабом; он беден с бедными, страшен с боязливыми; он замышляет зло против Начальства, с теми, кто замышляет зло против них; позаботьтесь о нем, короли и магистраты Европы; он покажет вам, что он может сделать в результате этого Затмения.; он стар, и потому имеет большой опыт, и будет давать опасные советы; он движется медленно, и поэтому причиняет больше вреда; все планеты дают ему свою природу и силу, и когда он начинает делать зло, он делает это с целью; он не считает компанию остальных Планет, и ни одна из остальных Планет не считает его; он бесплодная Планета, и поэтому не наслаждается женщинами; он приносит Чуму; он разрушителен для плодов земли; он получает свой свет от Солнца; он получает свой свет от Солнца; он получает свой свет от Солнца; он и все же он ненавидит Солнце, которое дает его.

За много веков до этого в Индии начался страх перед Кету, астрономически девятой планетой, мифологически хвостом демона Раху, разрезанным надвое, как уже говорилось (стр. От этого Кету, или драконьего хвоста, родились Аруна Кетава (Красный Кету, или призраки), и Кету стало почти другим словом, обозначающим болезнь.

Как ни сильно влияло на евреев точное разделение двенадцатеричного периода между Добром и Злом, утвержденное персами, они никогда не теряли из виду абсолютного превосходства Иеговы. Хотя сатана постепенно стал добровольным гением зла, он все же должен был получить разрешение причинять страдания, как в случае с Иовом, и при жизни Павла, по-видимому, все еще был лишен той "силы смерти", которую впервые утверждает неизвестный автор Послания к Евреям. Павел предает кровосмесительного коринфянина сатане "для истребления плоти", а также приписывает болезни и смерть многих недостойному общению. Он также признает свою собственную "колючку во плоти" как "ангела от сатаны", хотя и предназначенную для его моральной выгоды.

Покаянный псалом (ассирийский) гласит:

О мой Господь! грехи мои многочисленны, прегрешения мои велики; и гнев богов поразил меня болезнями, болезнями и скорбью.

Я упала в обморок, но никто не протянул мне руку!

Я застонал, но никто не приблизился!

Я громко закричал, но никто не услышал!

Господи, не оставь раба твоего!

В водах великой бури хватай его за руку!

Грехи, которые он совершил, обращают их в праведность.

Этот Псалом вряд ли был бы неуместен в английской похоронной службе, которая оплакивает смерть как визит божественного гнева. Где бы ни преобладала такая идея, естественным ее результатом является вера в демонов болезни. В Древнем Египте— следуя вере в Ра, Солнце, из глаз которого исходило все приятное, и Сета, из глаз которого исходило все вредное, - из зловещего света глаз Сета родились Семь Хатхор, или Судеб, имена которых записаны в Книге мертвых.

Их семеро! их семеро!

В глубинах океана их семь!

На небесных высотах их семь!

В океанском потоке, во дворце они родились!

Мужскими они не являются: женскими они не являются!

Жен у них нет: дети у них не рождаются!

Правления у них нет: правительства они не знают!

Молитвы они не слышат!

Их семеро! их семеро! дважды по семь!

Эти демоны имеют способ собираться вместе; ассирийские таблички в изобилии показывают, что их занятие проявлялось болезнями, физическими и умственными. Один рецепт работает таким образом:

Бог (...) будет стоять у его постели.:

Этих семи злых духов он искоренит и изгонит из своего тела.:

И эти семеро никогда больше не вернутся к больному!

Едва ли можно сомневаться в том, что именно эти семеро были изгнаны из Марии Магдалины; ибо их отец Сет-Шедим (дьяволы) из Втор. xxxii. 17 и Шаддай (Бог) из Быт. xvi. 1. Но роковые Семеро обращаются к семи плодам, которые зачаровывают злые влияния при родах в Персии, а также к Семи Мудрым Женщинам той же страны, традиционно присутствующим на священных праздниках. Когда Арда Вираф был послан в Рай священным наркотиком, чтобы получить знание об истинной вере, семь огней в течение семи дней горели вокруг него, и семь мудрых женщин пели гимны Авесты.

Ассирийцы считали, что вход семи злых сил в жилище можно предотвратить, установив в дверном проеме небольшие изображения, такие как бог солнца (Хеа) и богиня луны, но особенно Мардук, соответствующий Серапису египетскому Эскулапу. Эти силы были усилены написанием священных текстов по обе стороны порога. - Ночью обвяжите голову больного фразой, взятой из хорошей книги. Филактерии евреев первоначально носили с той же целью. Они назывались Тефила и были связаны с терафимами, маленькими

идолами, использовавшимися евреями для отпугивания демонов, - такими, как те, что украла у Лавана его дочь Рахиль.

Можно отметить сходство терафима с Тараской (которую некоторые связывают с Г. τέρας, чудовищем) из Испании - змеиными фигурами, которые носили в процессиях Тела Христова. Последнее слово известно также на юге Франции и дало название городу Тараскон. Легенда гласит, что в Роне обитало чудовище-амфибия, мешавшее судоходству и совершавшее ужасные опустошения, пока шестнадцать самых смелых жителей округа не решились встретиться с ним. Восемь человек погибли, но остальные, уничтожив чудовище, основали город Тараскон, где до сих пор сохраняется "Праздник тараска". Кальмет, Седли и другие, однако, полагают, что терафим-это всего лишь модификация серафима, а Тефила, или филактерии, того же происхождения.

Филактерия была завязана в узел. Иустин Мученик говорит, что еврейские экзорцисты использовали "магические узы или узлы". Происхождение этого обычая у евреев и вавилонян можно найти в ассирийских талисманах, хранящихся в Британском музее, из которых следующее было переведено мистером Фоксом Тальботом:

Хеа говорит: Иди, сын мой!

Возьмите женский платок,

Обвяжи его вокруг правой руки, освободи от левой!

Завяжите его семью узлами: сделайте это дважды:

Сбрызните его ярким вином:

Обвяжите его вокруг головы больного:

Обвяжите им его руки и ноги, как кандалами и оковами.

Сядь на его кровать:

Окропите его святой водой.

Он услышит голос Хеа,

Тьма защитит его!

И Мардук, старший сын Неба, найдет ему счастливое жилище.

Число семь обладает столь же высокой степенью потенции в сингальской демонолатрии, которая в основном занята болезнями. Капуасы, или колдуны этого острова, насчитывают 240 000 магических заклинаний, из которых все, кроме одного, предназначены для зла, что подразумевает довольно большое преобладание чрезвычайных ситуаций, в которых их уравновешивающие усилия требуются их соседями. Это, конечно, легко понять тем, кого учили, что все люди находятся под первобытным проклятием. Слова Михея: "Ты бросишь все грехи их в глубины моря" вспоминаются легендой об этих злых чарах Цейлона. Король Удэ пришел жениться на одной из семи принцесс, все они обладали

сверхъестественными способностями, и расспрашивал каждую о ее искусстве. Каждая заявляла о своем умении причинять вред, за исключением одной, которая утверждала, что способна исцелять все болезни, которые могут причинить другие. Король избрал эту невесту себе в жены, остальные разгневались и в отместку собрали все амулеты на свете, заключили их в тыкву - единственное, что может содержать заклинания, не превращаясь в пепел, - и послали эту адскую машину к своей сестре. Оно поглотило бы все на тысячу шестьсот миль вокруг, но гонец уронил его в море. Бог поднял его и подарил царю Цейлона, и они, с целебным очарованием, известным его собственной королеве, делают 240 000 заклинаний известными капуасам этого острова, которые, без сомнения, обожествили спасителя заклинаний по тому же принципу, который вдохновляет некоторых приморских жителей более благоговейно поклоняться Провидению в воскресенье после ценного крушения в их окрестностях.

Астрологическое происхождение зла, приписываемого Яксейо (Демонам) Цейлона, и гороскоп, который является необходимым предварительным условием для любого обращения с их влияниями; постоянное повторение числа семь, обозначающего происхождение от рас, придерживающихся теорий семи планет Вселенной; и тот факт, что все демоны, как говорят, каждую субботу вечером посещают собрание, называемое Якса Сабава (Шабаш ведьм), являются фактами, которые вполне могут привлечь внимание сравнительных мифологов. В Дардистане злых духов называют Ятш; они живут "в областях снега", и свержение их власти над страной празднуется в новолуние Дайкио, месяц, предшествующий зиме.

Большая часть Демонов Болезни Цейлона происходит от его Демонов Голода. Прета там почти такой же фантом, как в Сиаме, только они не такие высокие. Они достигают от двухсот до четырехсот футов в высоту и так многочисленны, что палийская буддийская книга призывает людей не бросать камни, чтобы они не причинили вреда одному из этих безвредных голодающих призраков, которые много раз умирают от голода и оживают, чтобы страдать в искупление своих грехов в предыдущем существовании. В каком-то смысле они безвредны, но грязны, и в них олицетворяются дурные запахи. Огромная масса демонов напоминает Претрайю в том, что их царь (Вессамони) запретил им удовлетворять себя непосредственно на своих жертвах, но, причиняя болезни, они, как предполагается, получают воображаемое удовлетворение, подобное тому, что они едят людей.

Рири-Демон болезни Крови. Его форма-это человек с лицом обезьяны; он огненно-красный, скачет на красном быке, и все кровоизлияния и болезни крови приписываются ему. Рири имеет восемнадцать различных личин или аватаров. Один из них напоминает о его прежнем положении демона смерти, до того, как Вишну открыл Капуасу способ связать его: теперь он должен присутствовать на каждом смертном одре в виде восхищенного пигмея в один пролет и шесть дюймов высотой. В таких случаях он несет в одной руке член, в другой дубинку, а во рту труп. В той же стране Маха Сохон - "великий кладбищенский демон". Он живет на холме, где должен окружить себя тушами. Его рост 122 фута, у него четыре руки, три глаза и красная кожа. У него голова медведя; легенда

гласит, что во время ссоры с другим великаном ему отрубили голову, и бог Сенасура был достаточно милостив, чтобы оторвать голову медведя и обрушить ее на обезглавленного великана. Его капуя грозит ему повторением этой катастрофы, если он не пощадит ни одной угрожаемой жертвы, призвавшей его на помощь священника. Если не считать этой робости вокруг головы, Маха грозен, будучи вождем 30 000 демонов. Но довольно любопытно, что он, как говорят, выбирает для своих коней самых невинных животных— козу, оленя, лошадь, слона и свинью.

Одним из самых страшных демонов на Цейлоне является "Чужеземный демон" Мороту, который, как говорят, пришел с побережья Малабара и из своего жилища на дереве распространял болезни, которые не могли быть излечены до тех пор, пока царица не была поражена, и одна капуя не нашла способ справиться с ним. Семь восьмых заклинаний, используемых для сдерживания цейлонских демонов болезни, о которых я упомянул лишь несколько, написаны на тамильском языке. В различных частях Индии встречаются почти одни и те же систематические демонолатрии и "дьявольские пляски"; например, у Траванкора, к суевериям которого такого рода принадлежит преподобный Дж. Самуэль Матир посвятил две главы в своем труде "Земля милосердия".

Великий демон болезней на Цейлоне называется Маха Кола Санни Яксея. Его отец, король, приказал казнить свою королеву, полагая, что она была ему неверна. Ее тело должно было быть разрезано на две части, одну из которых следовало повесить на дереве (Укберия), а другую бросить у его подножия собакам. Царица перед казнью сказала: "Если это обвинение ложно, пусть дитя в моем чреве родится в эту минуту демоном, и пусть этот демон уничтожит весь этот город и его несправедливого царя". Как только палачи закончили свою работу, две отрубленные части тела царицы воссоединились, родился ребенок, который полностью сожрал свою мать, а затем отправился на кладбище (Сохон), где некоторое время откармливался на трупах. Затем он начал наносить смертельные болезни городу и почти обезлюдел его, когда вмешались боги Исвара и Секкра, спустившись, чтобы подчинить его под видом нищих. Возможно, великий Маха Сохон, упомянутый выше, и Сохон (кладбище), с которого Санни раздавал смертоносные вещи, могут быть лучше всего поняты из заявления ученого писателя, из которого цитируются эти факты, что, "за исключением буддийских жрецов и аристократов страны, чьи тела были сожжены в регулярных погребальных кучах после смерти, трупы остальных людей не были ни сожжены, ни похоронены, но брошены в место, называемое Сохона, которое было открытым участком земли в джунглях, обычно впадиной среди холмов, на расстоянии трех или более миль". в четырех милях от любого населенного пункта, там, где они были оставлены на открытом воздухе, чтобы их разлагали или пожирали собаки и дикие звери". Казалось бы, еще больше оснований для страха перед Великим Кладбищенским Демоном во многих частях христианского мира, где из-за желания сохранить трупы для счастливого воскресения их заставляют красться по водным жилам земли и находить свое воскресение в виде падших болезней. Исвара и Секкра, вероятно, были двумя реформаторами, которые убедили граждан похоронить бедных глубоко в земле; если бы они были достаточно мудры, чтобы поместить мертвых там, где природа даст им быстрое воскрешение и жизнь в траве и цветах, то не было бы далее записано, что

"они приказали ему (демону) воздерживаться от поедания людей, но дали ему Wurrun или разрешение причинять болезни человечеству и получать приношения". Это очень похоже на привилегию, предоставляемую нашим западным похоронным агентствам и кладбищам; и когда Модлиар добавляет, что у Санни "восемнадцать главных слуг", невольно вспоминаются ряженые, могильщики, капелланы, бессознательно занятые тем, чтобы сделать землю менее пригодной для жизни.

Первого из слуг этого грозного мстителя за обиды его матери зовут Бхута Санни Яксея, Демон Безумия. Все демонолатрия и дьявольские танцы на этом острове настолько безумны, что не удивительно, что этот Бхута имел лишь небольшое специальное развитие. Именно среди ясных чувств мы могли бы естественно искать полный ужас безумия, и там мы действительно находим его. Одна из самых страшных форм болезни-демон была олицетворением безумия у греков, как Мания. В "Геркулесовых фюренах" Еврипида, где Безумие, "незамужняя дочь черной ночи", проистекающая из "крови Кела", вызывается из Тартара с явной целью скрещивания в Геркулесовых "детоубийственных расстройствах разума", есть предположение о наследственной природе безумия. Повинуясь мстительному приказу Юноны, "в своей колеснице выехала мраморно-ликая, всепоглощающая Безумная Горгона Ночи, и с шипением ста голов змей она дает повод своей колеснице, согнувшейся в озорстве". Мы можем ясно видеть, что религия, которая воплощала такую форму, сама заканчивалась безумием. Уже древними были слова μαντικὴ (пророчество) и μανικὴ (безумие), когда Платон привел их тождество, чтобы доказать, что один вид безумия-особый дар Небес: это понятие сохранилось в строчке Драйдена: "Великие умы к безумию, несомненно, близки"; и сохранилось в тех областях, где почитают сумасшедших и идиотов. Другие болезни сохраняют в своих названиях признаки сходной ассоциации: например, Нимфолепсия, Танец Святого Вита, Огонь Святого Антония. Уэсли все еще приписывает эпилепсию ‘одержимости". Это было во исполнение древних верований. Тиф, имя, которое издревле давали всякой болезни, сопровождавшейся оцепенением (τῦφος), казался дыханием лихорадочного Тифона. Макс Мюллер связывает слово "ангина" с санскритским amh, "задушить", и Ahi, "удушающая змея", ее средством является ангина; и это опять-таки κυνάγχη, "собачье удушение", по-гречески означает "ангина".

Гений Уильяма Блейка, погруженный в гебраизм, никогда не проявлял большей силы, чем в его картине Чумы. Гигантская отвратительная фигура, бледно-зеленая, со слизью стоячих озер, воняющая растительным гниением и гангреной, с лицом, мертвенно-бледным от пестрых оттенков бледности и гниения, шагает вперед с распростертыми руками, как сеятель, сеющий свои семена, только в этом случае зародыши его ужасного урожая не выбрасываются из рук, а исходят из пальцев, как их сущность. Таково, по мнению дикаря, было воплощение малярии, зноя, гниения, гнилой Претрайи, невидимой, но пахнущей и осязаемой. Таков, по мнению невежественного воображения, Ангел - Разрушитель, которому рационалистические художники и поэты пытались придать крылья и величие, но который в народном сознании, без сомнения, представлялся более похожим на этот образ, найденный в Остии (рис. 16) и теперь принимаемый в Ватикане за сатану-вероятно, демона Понтийских болот и лихорадки, все еще имеющей жертв своей

роковой чаши. В этих страшных формах бедный дикарь верил с такой силой, что он был способен формировать мозг человека в соответствии с его фантазией, вызывая аномалию, что великий реформатор Лютер, даже борясь с суевериями, утверждал, что христианин должен знать, что он живет среди дьяволов и что дьявол ближе к нему, чем его пальто или рубашка. Дьяволы, говорит он нам, окружают нас со всех сторон и каждую минуту стремятся заманить в ловушку нашу жизнь, спасение и счастье. Их много в лесах, водах, пустынях и в сырых илистых местах, с целью сделать людям зло. Они также живут в густых черных облаках, посылают бури, град, гром и молнии и отравляют воздух своим адским зловонием. В одном месте Лютер говорит нам, что у дьявола больше сосудов и коробок, наполненных ядом, которым он убивает людей, чем у всех аптекарей во всем мире. Он посылает все язвы и болезни среди людей. Мы можем быть уверены, что когда кто-нибудь умирает от чумы, тонет или внезапно падает замертво, это делает дьявол.

Ничего не зная о зоологии, первобытный человек легко впадает в убеждение, что его скот - средство существования - может быть предметом колдовства. Иисус, посылающий бесов в стадо свиней, может быть, и стал искусственным образом божественным благодетелем в глазах христианского мира, но миф заставляет Его иметь точное сходство с опасным колдуном, который наполняет дикий ум ужасом. Вполне вероятно, что алчный глаз, осужденный в декалоге, означает злой глаз, который должен был испортить объект, сильно желанный, но не подлежащий получению.

Гополу, уже упоминавшийся как сингальский демон гидрофобии, носит общее название ‘Демон скота". Говорят, что он был близнецом полубога Мангары у царицы на побережье Коромандела. Мать умерла, и корова вскормила близнецов, но потом они поссорились, и убитый Гополу превратился в демона. Он отправился в Арангодде и поселился в Баньяне, где есть большой пчелиный улей, откуда исходит много зла. Население вокруг этого Баньяна на многие мили было поражено болезнями, полубог Мангара и Паттини (богиня целомудрия) увещевали жителей деревни регулярно приносить в жертву корову, и таким образом все они были воскрешены. Гополу теперь насылает на весь скот болезни. Индия полна подобных суеверий. Жители Траванкора особенно боятся демона Мадана, "того, кто подобен корове", который, как полагают, поражает волов внезапной болезнью, а иногда и людей.

В России мы находим суеверия, иногда видоизмененные здравым смыслом. Хотя крестьянин надеется, что Зегори (Святой Георгий) защитит его скот, он начинает видеть главных врагов своего скота. Как в народной песне -

Мы обошли вокруг поля,

Мы позвали Зегори....

О ты, наш храбрый Зегори,

Спасите наш скот,

В поле и за его пределами,

В лесу и за лесом,

Под яркой луной,

Под красным солнцем,

От хищного волка,

От жестокого медведя,

От хитрого зверя

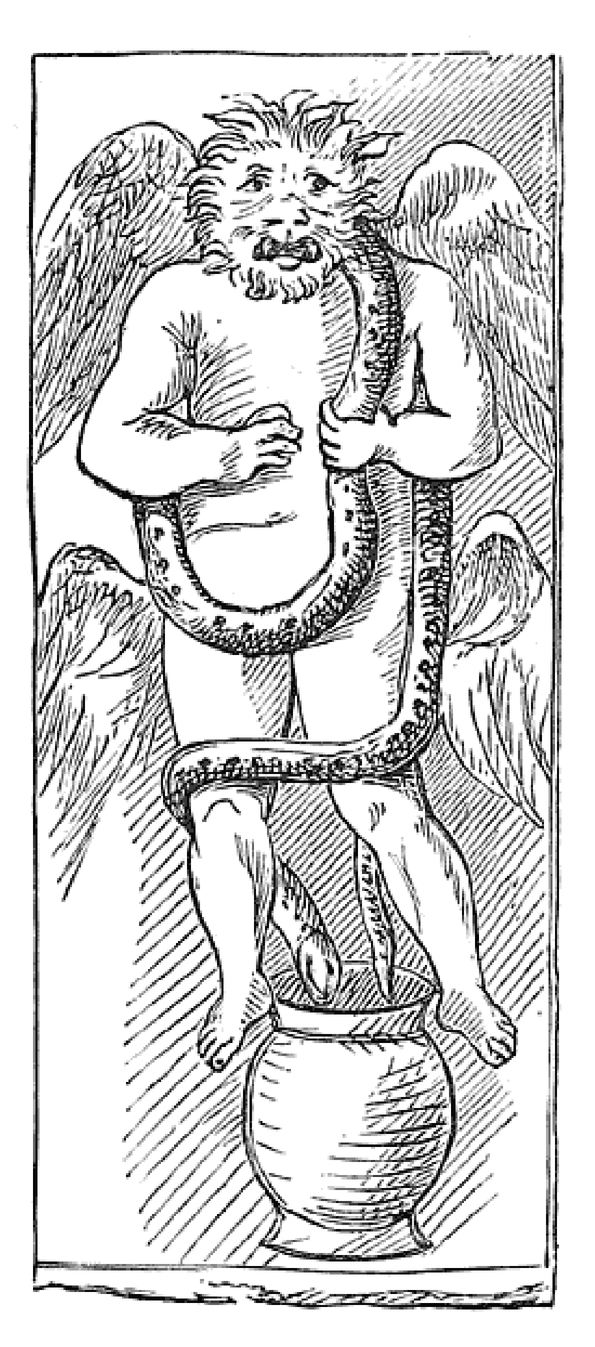

Рис. 16.—Демон, найденный в Остии.

Тем не менее, когда случается чума крупного рогатого скота, многие деревни снова впадают в обычное вымершее состояние ума. Так, несколько лет тому назад в подмосковной деревне все женщины, прогнав мужчин, разделись догола и натянули плуг, чтобы сделать борозду целиком вокруг деревни. В точке пересечения этого круга они заживо похоронили петуха, кошку и собаку. Затем они наполнили воздух жалобами, воплями: "Чума скота! Чума на скот! пощадите наш скот! Смотри, мы предлагаем тебе петуха, кота и собаку! Собака-демонический персонаж в России, а кошка-священная; на этот раз, когда дьявол попытался проникнуть в Рай в образе мыши, собака позволила ему пройти, но кошка набросилась на него - два зверя были поставлены на страже у двери. Предложение того и другого, по-видимому, представляет собой желание примирить обе стороны. Нагота женщин, возможно, должна была представлять голодным богам их крайнюю бедность и неспособность дать больше; но мне сказали в Москве, где я в то время находился, что любому мужчине опасно приближаться во время представления.

В Альтмарке демоны, околдовывающие скот, называются "Билвейзен" и, как полагают, хоронят определенные дьявольские чары под порогами, через которые животные должны проходить, заставляя их увядать, молоко прекращаться и т. Д. Профилактика заключается в мытье скота примочкой из морской капусты, сваренной с настоем вина. В той же провинции рассказывают, что однажды на жатвенном поле появилось то пятнадцать, то двенадцать человек (по-видимому), причем последние были безголовые. Все они трудились косами, но, хотя шорох был слышен, ни одно зерно не упало. Когда их спрашивали, они ничего не говорили, а когда люди пытались схватить их, они убегали, бесплодно рубя на бегу. Жрецы нашли в этом предзнаменование грядущей чумы скота. Русское суеверие о плуге, упомянутое выше, встречается в отрывочных пережитках в Альтмарке. Так, говорят, что пахать вокруг деревни, а затем сидеть под плугом (поставленным вертикально), позволит любому увидеть ведьм; а в некоторых деревнях какой-нибудь кусок плуга вешают над дверью, через которую проходит скот, так как никакой дьявол не может тогда приблизиться к ним. Демоны испытывают естественный ужас перед честным трудом, и особенно перед культурой земли. Гете, как мы уже видели, отмечает их страх перед розами: возможно, он вспомнил легенду об Аспазии, которая, будучи обезображена опухолью на подбородке, была предупреждена девой - голубкой, чтобы та отпустила своих врачей и попробовала розу из венерианской гирлянды; так она восстановила здоровье и красоту.

Глава XII. Смерть.

Вендетта Смерти—Теояомикви—Демон Змей—Смерть на Бледном Коне—Кали—Война-боги—Сатана как Смерть—Смертные ложа—Танатос—Яма—Йими—Башни Молчания—Алкестис—Геракл, Христос и Смерть—Хель—Соль—Азраэль—Смерть и Сапожник—Танец Смерти—Смерть как Враг и как Друг.

Дикие народы верят, что человек умирает только от колдовства. Поэтому каждая смерть должна быть отомщена. Филиппинские акты считают ‘индейцев’ причиной смертей среди них; и когда один из них теряет родственника, он прячется и наблюдает, пока не увидит "индейца" и не убьет его. Это прогресс, когда первобытный человек приходит к

убеждению, что роковой колдун - это человек-невидимка, демон. Когда это учение преподается в форме веры в то, что смерть вошла в мир через козни сатаны и не была в первоначальной схеме творения, оно цивилизованно; но когда она прививается под набором африканских или других нехристианских имен, она варварская.

Следующий очерк, сделанный г-ном Гидеоном Лэнгом, покажет силу этого убеждения среди туземцев Нового Южного Уэльса:

Во время пребывания в Наниме я постоянно видел одного из них, по имени Джемми, удивительно красивого человека двадцати восьми лет, который был "образцовым христианином" миссионеров и который снова и снова описывался в их отчетах как живое доказательство того, что туземцы, взятые в младенчестве, были так же способны к истинному обращению в христианство, как и народ, имевший восемнадцать веков цивилизации. Признаюсь, я сильно сомневался, но все же не было никаких сомнений в очевидных фактах. Джемми был не только знаком с Библией, которую читал на удивление хорошо, но еще лучше был знаком с более глубокими догматами христианства, и, насколько могли видеть белые, его поведение соответствовало его религиозным познаниям. Как-то в воскресенье утром я отправился в лагерь чернокожих, чтобы, как обычно, поговорить с Джемми. Я нашел его сидящим в своей гунье, откуда открывался вид на долину Мак-Куарри, воды которой ярко блестели в солнечном свете восхитительного весеннего утра. Он сидел совершенно нагой, если не считать пояса, и очень серьезно читал Библию, что было его постоянной практикой, и я видел, что он внимательно читает Нагорную проповедь. Я сел и подождал, пока он закончит главу, после чего он отложил Библию, сложил руки и сидел, рассеянно глядя в огонь. Я сказал ему "доброе утро", на что он ответил, не поднимая глаз. Тогда я сказал: "Джемми, что значит, что твои копья воткнуты в круг вокруг тебя?" Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал торжественно и с едва сдерживаемой яростью: Я сказал, что мне очень жаль это слышать, - но какое отношение имеет ее смерть к тому, что копья так торчат вокруг? ‘Боган черный парень убил ее!’ последовал яростный и мрачный ответ. - Убит черным Боганом! Я воскликнул: "Да ведь ваша мать умирает уже две недели, а доктор ... Кертис не ожидал, что она переживет прошлую ночь, и ты это знаешь не хуже меня, - его единственным ответом было упрямое повторение слов: "Ее убил Боган-негр!’ Я обращался к нему как к христианину - к Нагорной проповеди, которую он только что читал, но он категорически отказался обещать, что не отомстит за смерть матери. После полудня того же дня мы были поражены криком, который никогда не может ошибиться ни один человек, когда-либо слышавший дикий боевой клич чернокожих в боевом строю. Выйдя на улицу, мы увидели, как все чернокожие соседи выстроились в шеренгу и последовали за Джемми в воображаемую атаку на врага. Сам Джемми исчез в тот же вечер. В следующую среду утром я застал его сидящим в своей гунье и самодовольно заплетающим в косичку человеческие волосы, которые, как я сразу понял, принадлежали его жертве. Никто из нас не произнес ни слова; некоторое время я стоял, наблюдая, как он работает, с выражением насмешливого вызова гневу, который, как он знал, я испытывал. Я указал на дыру в середине его костра и сказал: "Джемми, там самое подходящее место для твоей Библии". Когда я отвернулась, он поднял на меня сверкающие глаза, и больше я

его не видела. Впоследствии я узнал, что он отправился в район племени боган, где первый чернокожий, которого он встретил, оказался его старым другом и товарищем. Этот человек только что сделал первый надрез в коре дерева, на которое собирался взобраться за опоссумом, но, услышав шаги, спрыгнул вниз и огляделся, как это делают все черные, да и белые тоже, когда речь идет о черных. Однако, увидев, что это всего лишь Джемми, он вернулся к своему занятию, но не успел приступить к работе, как Джемми всадил ему копье в спину и пригвоздил его к дереву.

Возможно, если бы Джемми подвергся перекрестному допросу со стороны не-миссионерского ума, он мог бы с некоторым эффектом ответить на предложение мистера Лэнга расстаться с Библией. Конечно, он должен был найти в этой книге достаточное количество примеров, чтобы оправдать свою веру в силу демонов над человеческим здоровьем и жизнью. Если бы он не размышлял над заповедью "не оставляй в живых ведьму" и не воображал, что пронзает на кол другого Манассию, который "колдовал и колдовал, и имел дело со знакомым духом, и с колдунами (и) творил много зла в очах Господа, чтобы вызвать Его гнев". Те, кто надеется, что Библия может пролить свет на темные места суеверий и обиталища жестокости, могли бы, можно сказать, поразмыслить над долгой борьбой, которую европейская наука вела с библиолаторами, пытаясь освободить народный ум от суеверий и жестокостей. ужасы колдовства, чья подлинность была (справедливо) объявлена противоречащей Писанию, чтобы отрицать. Есть районы в Великобритании и Америке, а также многие другие на европейском континенте, где все еще верят в заклинания, которые опустошают и разрушают; где чучела из воска или даже лука помечают каким-нибудь ненавистным именем, закалывают булавками и ставят возле костров, чтобы расплавить или высушить, в полной уверенности, что какой-нибудь предмет заклинания будет съеден болезнью вместе с используемым предметом. Под каждой крышей, где обитают такие грубые суеверия, рядом с ними обитает Библия, и опыт доказывает, что непогрешимость всех таких талисманов уменьшает pari passu.

То, что дикарь на самом деле пытается убить, когда он выходит, чтобы отомстить за смерть своего родственника первому пришельцу, которого он находит, можно увидеть в сопутствующем рисунке (17), который представляет мексиканскую богиню смерти - Теояомикви. Мистер Эдвард Б. Тайлор, из чьей превосходной книги путешествий по этой стране скопирована эта фигура, говорит о ней: "Камень, известный как статуя богини войны, представляет собой огромную базальтовую глыбу, покрытую скульптурами. Антиквары считают, что фигуры на ней изображают разных персонажей и что это три бога - Уицилопочтли, бог войны, Теояомикви, его жена, и Миктлантейктли, бог ада. У него есть ожерелья из чередующихся сердец и рук мертвецов, с головами смерти в качестве центрального украшения. В нижней части блока находится странная распростертая фигура, которую теперь нельзя увидеть, потому что это основание покоится на земле; но есть два выступа, выступающие из идола, которые ясно показывают, что он не стоял на земле, а поддерживался наверху на вершинах двух столбов. Фигура, вырезанная внизу, изображает чудовище, держащее в каждой руке по черепу, в то время как другие висят у него на коленях и локтях. Его рот представляет собой простое овальное кольцо, обычное для мексиканских идолов, и четыре клыка выступают прямо над ним.

Новолуние, сложенное подобно мосту, образует его лоб, и по обе стороны от него помещаются звезды. Считается, что это было условное изображение Миктлантейктли (Владыки Земли мертвых), бога ада, который был местом абсолютной и вечной тьмы. Вероятно, каждая жертва, когда ее вели к алтарю, могла посмотреть вверх между двумя колоннами и увидеть отвратительного бога ада, смотрящего на нее сверху. Нет никакого сомнения, что это и есть тот самый знаменитый идол войны, который стоял на великом теокалли в Мексике и перед которым было принесено в жертву столько тысяч человеческих существ. Он лежал нетронутым под землей на большой площади, недалеко от того самого места, где стояли теокалли, еще шестьдесят лет назад. Много лет после этого его хоронили, чтобы вид одного из их древних божеств не слишком взволновал индейцев, которые, как я уже упоминал, конечно, не забыли его и тайно украшали гирляндами цветов, пока он оставался над землей.

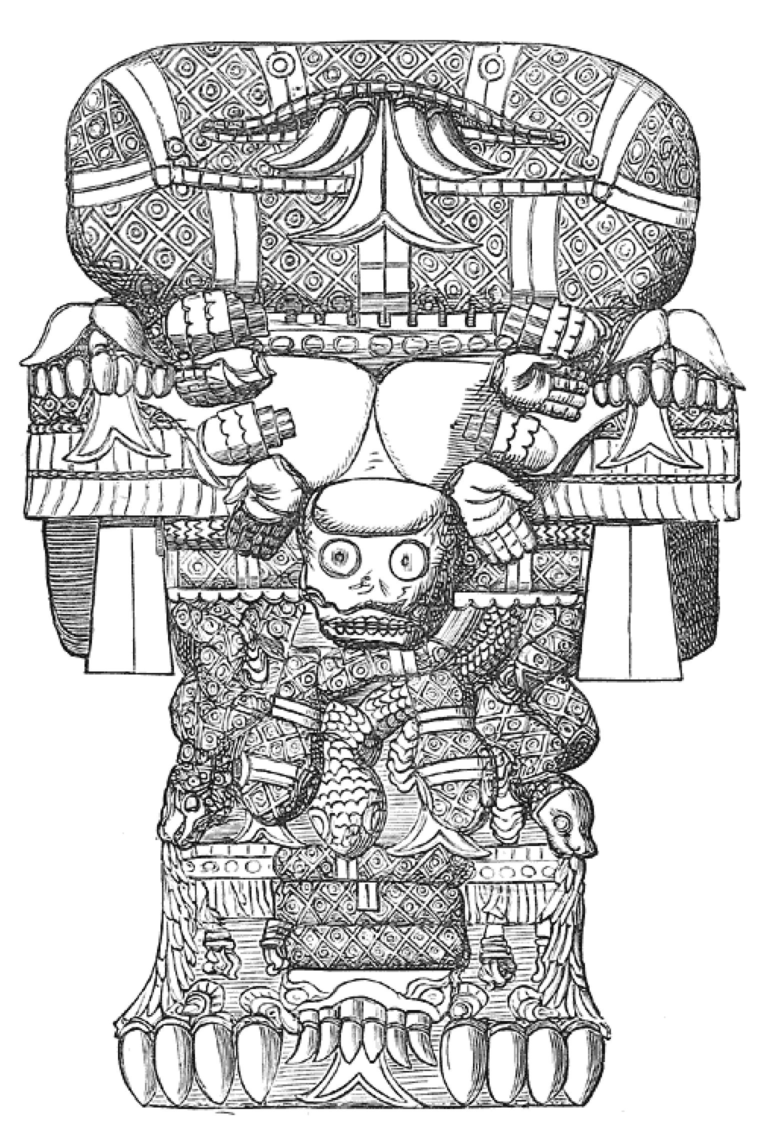

Рис. 17. Теояомикви.

Если мой читатель обратится теперь к портрету Демона Змей (рис. 11), он найдет концепцию, в корне сходную с мексиканской демонессой смерти или резни, но не запертую в музее древностей; она все еще преследует и ужасает огромное число людей, рожденных на Цейлоне. Он является главным демоном, вызываемым на Цейлоне злыми колдунами при выполнении 84 000 различных заклинаний, которые поражают зло (Hooniyan). Его общий титул - Одди Кумара Хонияп Деватава; но у него есть особое имя для каждого из шести его видений, главным из которых является Кали Оддисей, или демон неизлечимых болезней, следовательно, смерти, и Нага Оддисей, демон змей - смертоноснейшее из животных. Под ним-Бледный Конь, который так долго и далеко шел своей дорогой, - даже Белая Кобыла, на которой, как полагают, Христос каждое Рождество возвращается на землю, а также Белая Кобыла Йоркширского фольклора, которая несла своего всадника от Уайтстоунского утеса в ад. Эта сингальская форма также, хотя теперь и ассоциируется у капуасов со смертельной болезнью, была, вероятно, сначала, как и мексиканская, богиней войны и богом вместе взятыми, о чем свидетельствует поднятый меч и вонючая рука, поднятая в триумфе. Равным образом бог войны-это наша "Смерть на бледном коне", которую христианское искусство после так называемого Апокалипсиса сделало столь привычной. ‘Взглянул я, и вот конь бледный; и имя ему, сидящему на нем, Смерть, и Ад с ним. И дана ему власть над четвертой частью земли, чтобы убивать мечом, и голодом, и смертью, и зверями земными". Это всего лишь пародия на греческого Ареса, римского Марса или бога войны. В первоначальной греческой форме Арес был не только богом войны, но и вообще богом разрушения. В "Эдипе Тиране" Софокла мы имеем популярное представление о нем как о том, кому приписывается смертельная чума. Он назван "богом, не почитаемым среди богов", и сказано: "Город дико колышется, и больше никто не может поднять голову от волн смерти"; иссушает созревающее зерно в шелухе, иссушает коров на их пастбищах; гибнут младенцы от слабых трудов женщин; огненосный бог, ужасная чума, бросившись вниз, опустошает город; им дом Кадма пуст, и темный Ад обогащен стонами и причитаниями".

Мать самых смертоносных “Калас” сингальской демонолатрии, сестра скандинавской Хель по имени и природе - Кали. Хотя индуистские писатели отвергают идею о том, что среди их трехсот тридцати миллионов божеств есть какой-либо дьявол, трудно отрицать это различие Кали. Ее дикий танец восторга над телами убитых указывал бы на удовольствие, получаемое от разрушения ради него самого, что соответствовало бы определению дьявола; но, с другой стороны, есть деканская легенда, которая сообщает, что она пожирает мертвых, и это сделало бы ее голодным демоном. Мы можем дать ей преимущество сомнения и отнести ее к демонам - или существам, чье зло не беспричинно, - тем более что таинственно высунутый язык, как в образе Тифона. Индуистская легенда действительно дает другое толкование и говорит, что, когда она танцевала от радости, убив стоглавого гигантского полубога, сотрясение земли было настолько сильным, что Шива бросился среди убитых, которых она сокрушала на каждом шагу, надеясь заставить ее остановиться.; но когда она, не обращая внимания, наступила на тело своего мужа, она остановилась и высунула язык от удивления и стыда. Ведическое описание Агни как угры (людоеда) с "языком пламени" может лучше интерпретировать язык Кали. Говорят, что

Кали сто лет наслаждается кровью тигра, тысячу-кровью человека, сто тысяч - кровью трех человек.

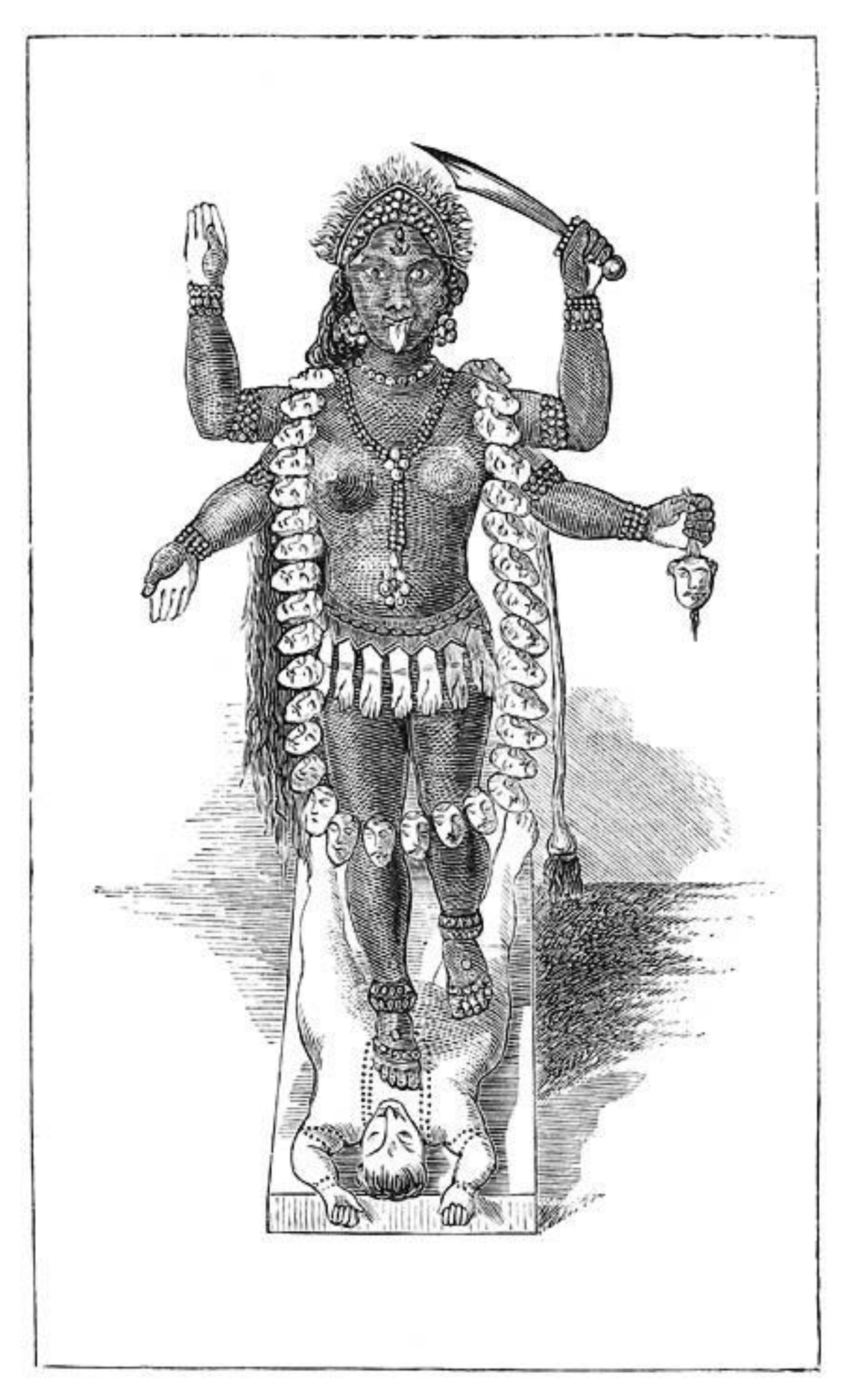

Рис. 18. Кали.

Как нам понять этот танец Смерти и дальнейшую легенду о том, как она подбрасывала мертвые тела в воздух для развлечения? Такая фигура, встречающаяся среди людей, которые содрогаются, отнимая жизнь даже у самых низших животных, вряд ли может быть объяснена разрушительной силой природы, олицетворенной в ее супруге Шиве. Ее внешность и легенды одинаково изображают бойню человеческим насилием. Не может ли быть так, что Кали представляет собой некий период, когда отвращение к лишению жизни среди вегетарианцев - людей, также верящих в переселение душ - могло бы стать общественной опасностью? Когда Кришна появился, это было, согласно Бхагават Гите, как возничий, подстрекающий Арджуна к войне. Должно быть, были разные периоды, когда мирный народ должен был стать жертвой более диких соседей, если только его нельзя было побудить с легким сердцем приступить к разрушительной работе. Возможно, были периоды, когда человеческие кали Индии могли побуждать своих мужей и сыновей к войне такими песнями, какие женщины Дардистана поют на Празднике Огня (стр. Любовная связь греческой богини Красоты с богом Войны, оставившим своего законного супруга Кузнеца, полна смысла. Ассирийская Венера Истар явилась в видении с крыльями и нимбом, неся лук и стрелы для Ашшурбанипала. Головорез, похоже, придерживался такого же мнения о Кали, считая ее покровительницей их плана по сокращению населения. Говорят, они утверждали, что Кали оставила им один из своих зубов для кирки, ребро для ножа, подол одежды для петли и массовое убийство для религии. Поднятая правая рука демоницы была истолкована как намек на божественную цель в хаосе вокруг нее, и вполне возможно, что какой-то такой эвфемизм прилагался к позиции, прежде чем Бандит принял ее как свое собственное благословение от этого высоко украшенного персонажа человеческой жестокости.

Древнее почитание Кали постепенно перешло к ее смягченной форме - Дурге. Вокруг нее тоже видны символы разрушения; но считается, что она довольствуется тыквенными животными, а оружие в ее десяти руках, как полагают, направлено против врагов богов, особенно против гигантского царя Мухешу. Она мать прекрасного мальчика Картика и слоноголового вдохновителя знания Ганеши. Теперь ее почитают как женскую энергию, дарующую женщинам красоту и плодовитость.

Тождество богов войны и демонов смерти в самых страшных представлениях, которые преследовали человеческое воображение, имеет глубокое значение. Эти формы представляют собой не мирную и естественную смерть, не смерть от старости, - о которой, увы, те, кто съежился перед ними, знали очень мало, - но смерть среди жестокости и агонии и уничтожение людей в расцвете сил. Это действительно было ужасно - даже больше, чем могли описать эти грубые образы.

Но в этих отвратительных формах есть и другие детали. Жрец добавил к коню и мечу войны обожаемую змею и отвратительные символы "Страны мертвых". Ибо не страхом смерти, но тем, что он может убедить людей, лежит за пределами того, что священник царствовал над человечеством. Когда Изабель (в "Мере за меру") пытается убедить своего брата, что смысл смерти заключается больше всего в страхе, приговоренный юноша все еще находит смерть "страшной вещью".

Да, но умереть и уйти мы не знаем куда.;

Лежать на холоде и гнить;

Это чувственное теплое движение, чтобы стать

Размятый ком; и восторженный дух

Купаться в огненных потоках или жить

В районе толстого ребристого льда;

Быть заключенным в тюрьму в безвидных ветрах,

И взорван с насилием вокруг

Висячий мир; или быть хуже худшего

Из них, что беззаконные и несвязные мысли

Вообразите, как выть! - Это слишком ужасно!

Самая утомительная и ненавистная мирская жизнь

Этот возраст, боль, нищета и заточение

Можно лежать на природе, это рай

К тому, чего мы боимся смерти.

Во всех этих опасениях Клаудио нет мысли об уничтожении. Что, если он видел смерть как вечный сон? Пусть Гамлет ответит:

Умереть, - уснуть;

Больше нет; - и, засыпая, сказать, что мы кончаем

Душевная боль и тысяча естественных потрясений

Эта плоть является наследницей, - это завершение

Искренне желать.

Большая часть человечества все еще принадлежит к религиям, которые по своему происхождению обещали вечный покой как высшее конечное блаженство. Если бы смерть сама по себе обладала ужасами для человеческого разума, священнику не нужно было бы вызывать за ее пределами те мучения, которые преследовали Гамлета сновидениями о возможных злах, за пределами которых даже несчастные скорее переносят болезни, чем бегут к другим, о которых они не знают. Достаточно было бы обещать бессмертие только благочестивым. Но как в дрожащих строках Клаудио отражается всякий ад - будь то лед, огонь или жестокость, - так и в нем смешиваются кровь и мозг человечества, даже если он буквально перерос. Христианство добавляло ужасов, привнося идею о том, что смерть приходит от человеческого греха, и таким образом, путем постепенного развития

приписывая сатане власть смерти; таким образом, образуя нового дьявола, который нес в себе силу сделать смерть наказанием. Как обстояло дело в средневековой вере, можно увидеть на рисунке 19, скопированном с русской Библии (начала) XVII века. Лазарь улыбается, видя, как невзрачная душа Ныряет, оторванная от него дьяволом с крюком, в то время как другой заглушает стоны барабаном. Сатана изливает адское крещение на уходящую душу, и искреннее сотрудничество архангела оправдывает удовлетворение Лазаря и Авраама. Эта деградировавшая вера все еще встречается в почти радостных изображениях физических мук, особенно сопровождающих смертные одры "неверных",- как Вольтер и Пейн,-и ее ужасный результат обнаруживается в той степени, в какой духовенство все еще способно парализовать здравый смысл и сердце масс варварскими церемониями, которыми им позволено окружать смерть, и высокомерной линией, проведенной между неортодоксальными козами и доверчивыми овцами "освященной" землей.

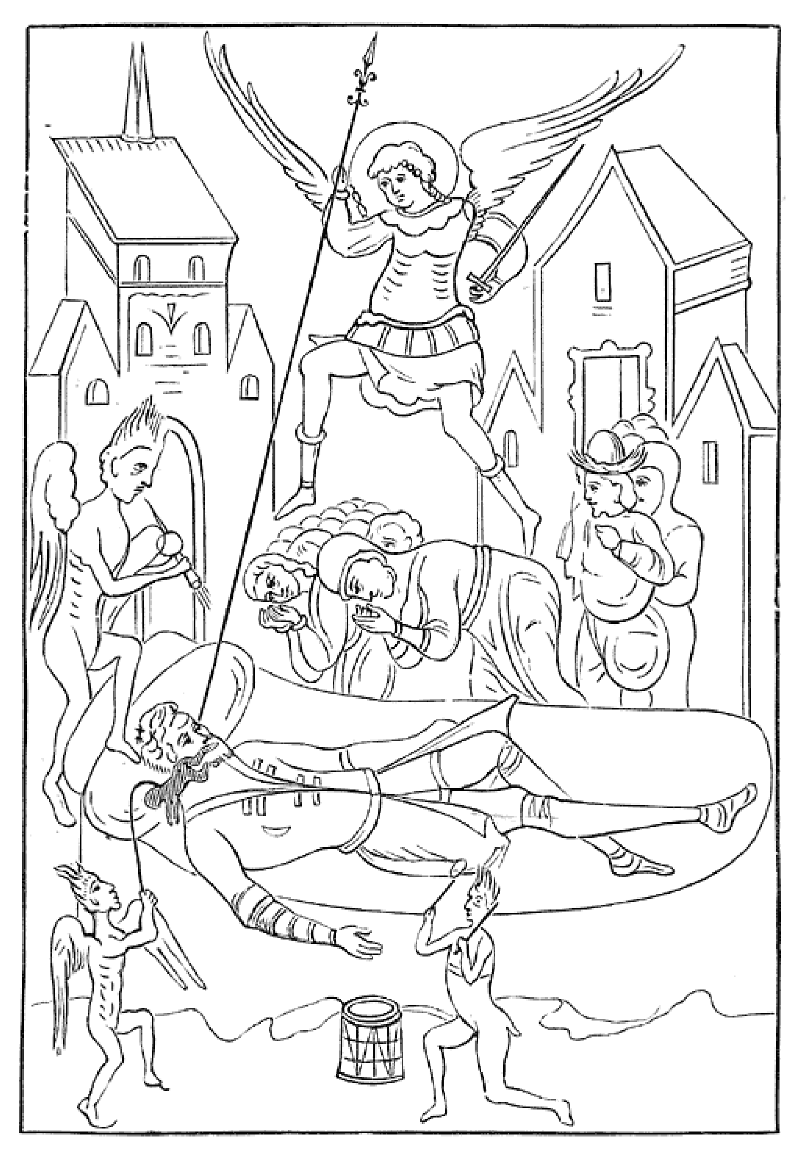

Рис. 19. Погружения и Лазарь (Россия; 17 в.).

М-р Кири в своем интересном томе "На заре истории" говорит, что было высказано предположение, что молодая крылатая фигура на барабане колонны из храма Дианы в Эфесе в Британский музей может быть изображением Танатоса, Смерти. Приятно было бы думать, что единственное важное изображение Смерти, оставленное греческим искусством, - это та изысканная фигура, высокая дань которой состоит в том, что сначала ее считали Любовью! Фигура чем-то напоминает нежный Эрос прерафаэлитского искусства, и с тем же выражением нежной меланхолии. Такая сладкая и простая форма Смерти была бы достойна расы, которая среди всех огненных или холодных рек подземного мира, собравшихся вокруг их религии, все еще видела бегущий там мягкий поток забвения. Пусть кто-нибудь благоговейно изучит этот эфесский Танатос - ни гравюра, ни фотография не могут отдать ему даже частичной справедливости, - а затем в его свете прочтет те мифы о Смерти, которые, кажется, уводят нас за пределы жестокости войны и хитростей жрецов к более простым представлениям о человечестве. В его безмятежном свете мы можем особенно хорошо читать как ведические, так и иранские гимны и легенды о Яме.

Первый человек, который умер, стал могущественным Ямой индусов, монархом мертвых; и он стал наделен метафорами заходящего солнца.5 В торжественном и патетическом гимне Вед говорится, что он пересек быстрые воды, показал путь многим, впервые познал путь, по которому перешли наши отцы.6 Но в сиянии заката человеческая надежда нашла свои пророческие картины небес за пределами. Ведическая Яма-это всегда друг. Один из самых живописных мифологических фактов состоит в том, что после того, как Яма стал в Индии другим именем Смерти, то же самое имя вновь появилось в Персии и в Авесте как прообраз Золотого века в прошлом и рая в будущем.

Такова была иранская Йима. Он был тем "flos regum", чье царствование представляло собой "идеал человеческого счастья, когда не было ни болезни, ни смерти, ни жары, ни холода", и который никогда не умирал. ‘Согласно более ранним преданиям Авесты,— говорит Шпигель, - Джима не умирает, но, когда зло и несчастье начинают преобладать на земле, удаляется в меньшее пространство, своего рода сад или Эдем, где он продолжает свою счастливую жизнь с теми, кто остался верен ему". Таковы были предшественники многих наших прекрасных мифов, которые приписывают даже земное бессмертие великим-Барбароссе, Артуру и даже героям более скромных рас, таким как Гайавата и Глускап из североамериканских племен, - которые долгое время считались или считались бессмертными. чтобы "плыть в огненный закат" или искать какой-нибудь прекрасный остров, или дремать в потайном гроте, пока мир не вырастет до их размеров и не потребует их возвращения.

В Японии бога Ада (Синту) теперь называют Амма, и можно заподозрить, что это какое-то подражание Яме из-за величия, которое он все еще сохраняет в популярной концепции. Он изображен серьезным человеком в судейском колпаке, и никакие жестокости, по-видимому, не приписываются ему лично, а только они или демоны, господином которых он является.

Добрые черты индуистской Ямы, по-видимому, в Персии были заменены горечью Аримана, или Анра-майнью, гения зла. Хауг интерпретирует Анра-майнью как ‘Метание смерти". Это слово является аналогом Speñta-mainyu и первоначально означает "душащий дух"; будучи, таким образом, от anh, филологически корень всего зла, как мы увидим, когда рассмотрим его драконий выводок. Профессор Уитни переводит это имя как "Злобный". Но каково бы ни было значение этого слова, нет никаких сомнений в том, что Близнецы ведической мифологии - Яма и Ями - разделились на духов Дня и Ночи и в конечном счете одухотворены Духом Света и Духом Тьмы, которые составили основу всей популярной теологии со времен Зороастра до наших дней.

Ничто не может быть более замечательным, чем крайняя разница между древнеиндийским и персидским взглядами на смерть. Что касается первого, то это было счастливое знакомство с Ямой, для второго это была видимая печать равенства Аримана с Ормуздом. Они держали его в абсолютном ужасе. Башни Молчания стоят в Индии и по сей день как памятники этой самой темной фазы веры парсов. Мертвое тело принадлежало Ариману и было оставлено на съедение диким тварям; и хотя возведение башен для обнажения трупа, так ограничивающего его потребление птицами, вероятно, было результатом постепенного рационализма, который время от времени предполагал, что таким образом души добрых могут крылом проложить себе путь в Ормузд, все же парсийский ужас смерти достаточно силен, чтобы породить такие ужасные подозрения, даже если они были необоснованными, как те, которые окружили Башню (Дохма Као) в июне 1877 года. Странное поведение носильщиков трупов, когда они покидали одну башню, шли в другую, а затем (как было сказано) тайно возвращались в первую, возбуждало веру в то, что в первой был найден живой человек, а затем убит. История, по-видимому, началась с самих молодых парсов, и, правда это или нет, они, несомненно, правильно истолковали древнее чувство этой секты по отношению ко всему, что было в царстве Царя Ужасов. ‘Так как болезнь и смерть, - говорит профессор Уитни, - считались делом рук злых сил, то к самому мертвому телу относились с суеверным ужасом. Она была приобретена демонами в их собственное особое владение и стала главным средством, через которое они осуществляли свое оскверняющее действие на живых. Все, что попадало в его окрестности, было нечисто и до известной степени подвергалось влиянию злых духов, пока не очищалось обрядами, предписанными законом ". Следует опасаться, что это представление проникло среди брахманов.; В "Индийском зеркале" (26 мая 1878 года) говорится, что некая чандернагорская дама, брошенная в Ганг, но впоследствии обнаруженная живой, считалась одержимой Дэно (злым духом) и, если бы не вмешательство, нашла бы водяную могилу. Евреи также находились под влиянием этой веры, и по сей день запрещено Коэну, или потомку священства, прикасаться к мертвому телу.

Публика в Хрустальном дворце, недавно присутствовавшая на представлении "Алкесты" Еврипида, едва ли могла, надо опасаться, осознать связь драмы с их собственной религией. Аполлон побуждает Судьбы согласиться, что Адмет не умрет, если сможет найти ему замену. Чистая Алкестида выходит вперед и посвящает себя смерти, чтобы спасти своего мужа. Аполлон пытается убедить Смерть вернуть Алкестиду, но Смерть

объявляет, что ее судьба требует справедливости. В то время как Алкестида умирает, Адмет просит ее молить богов о жалости; но Алкест говорит, что это бог вызвал необходимость, и добавляет: "Да будет так!’ Она видит зал мертвых с "крылатым Плутоном, глядящим из-под черных бровей". Она напоминает мужу дворец и царскую власть, которыми она могла бы наслаждаться в Фессалии, если бы не оставила его ради него. Ферес горько упрекает Адметуса за то, что он принял жизнь через чужие страдания и смерть. Затем приходит Геракл; он побеждает Смерть; он выводит Алкесту "снизу на свет". Вместе с ней он приходит к Адмету, который все еще в горе. Адмет не может узнать ее, но когда он узнает ее с радостью, Геракл предупреждает его, что Алкестис не имеет права обращаться к нему, "пока она не освободится от своего посвящения богам внизу, и не наступит третий день".

Нужно только сменить имя, чтобы Алкестис превратился в игру Страстей. Неумолимое Правосудие, которое, как Судьба, связывает божество, хотя оно может быть удовлетворено опосредованно; "последний враг - Смерть"; искупление жертвоприношением святого человека, которого из отцовского дворца любовь приводит свободно подчиниться смерти; сын бога (Зевса) от человеческой матери (Алкмены)- богочеловек Геракл, - уполномоченный уничтожить земное зло двенадцатью великими трудами, - нисходящий, чтобы победить Смерть и освободить одного из "духов в темнице", воскресший дух, не распознанный вначале., как Иисус не был от Марии; все еще неся освящение могилы до третьего дня, запрещавшее общение с живыми ("Не прикасайся ко мне, ибо я еще не вознесся к Отцу моему"), - все это позволяет нам распознать в окружающих нас богословских построениях осколки разрушенного суеверия, как они лежали вокруг Еврипида.

Из старых картин триумфального паломничества Христа на землю можно найти параллели для главных Трудов Геракла; он изображен наступающим на льва, аспида, дракона и сатану; но мифы сходятся в Нисхождении в Ад и победе над Смертью. Примечательно, что на старинных изображениях Христа, освобождающего души из Ада, он обычно изображается рядом с Евой, чей образ, возникший таким образом, был бы когда-то уже знаком большей части Европы как образ Алкесты, Эвридики или Персефоны. Один из самых ранних примеров знакомого сюжета "Христос побеждает смерть" содержится в древнем (десятом веке) Миссале Вормса - городе, само название которого хранит летопись той же битвы под видом Зигфрида и Червя, или Дракона. Теперь крест - это меч, воткнутый в пасть чудовища. Картина иллюстрирует песнопение Страстной недели: "De manu Mortis liberabo eos, de Morte redimam eos. Ero Mors tua, O Mors; morsus tuus ero, inferne. Из пронзенного рта Смерти извергаются языки пламени, которые напоминают нам о его этническом происхождении; но маловероятно, что для христианизированных язычников Вормса эта картина когда-либо могла произвести столь жуткое впечатление, как изображение их собственной богини Смерти Хель. - Ее чертог называется Эльвиднир, царство холодной бури; Голод - ее стол; Голод - ее нож; Промедление - ее мужчина; Медлительность - ее служанка; Пропасть - ее порог; Забота - ее постель; Жгучая Тоска - занавеси ее покоев. Одна половина ее тела мертвенно-бледная, другая-цвета человеческой плоти.

Со скандинавским изображением Обители Смерти можно сравнить описание Обители Нин-ки-гал, ассирийской царицы Смерти, с таблички в Британском музее, переведенной мистером Фоксом Тальботом:

В Дом входят люди - но не могут выйти из него:

На Дорогу идут люди - но не могут вернуться.

Обитель тьмы и голода

Где Земля - их пища: их пища Глина:

Свет не виден; во тьме они обитают:

Призраки, как птицы, трепещут там крыльями;

На дверях и столбах ворот лежит нетронутая пыль.

Семитские племена, невозмутимые, подобно импортерам их теологии в век науки, слоями, в которых погребено столько погибших животных царств, приписывали всякую смерть, даже смерть животных, запретному плоду. Раввины говорят, что не только Адам и Ева, но и животные в Эдеме вкусили от этого плода и попали под власть Саммаэля Жестокого и его агента Азраэля, демона Смерти. Феникс, отказавшись от этой пищи, сохранил способность обновляться.

Примером полноты и последовательности, с которой теория может организовать свой миф, является то, что роковые демоны обычно изображаются как отвратительная соль— консервант и враг разложения. ‘Завет соли " у древних евреев, вероятно, имел такое значение, и забота, с которой Иов солил свою жертву, рассматривается в другом месте. Обри говорит: "Жаб (мрачных животных) убивают, посыпая их солью. Я видел этот эксперимент. Дьявол, как наследник демонов смерти, появляется во всем европейском фольклоре как ненавистник соли. Легенда, рассказанная Гейне, рассказывает, что рыцарь, блуждая в лесу в Италии, наткнулся на развалины, а в них-на чудесную статую богини Красоты. Совершенно очарованный, рыцарь день за днем бродил по этому месту, пока однажды вечером его не встретил слуга, пригласивший его войти в виллу, которую он прежде не замечал. Каково же было его удивление, когда он предстал перед живым образом своей обожаемой статуи! Среди великолепия и цветов восхищенный рыцарь сейчас сидит со своей очаровательницей на пиру. Здесь есть всякая роскошь мира, но нет соли! Когда он намекает на это желание, облако проходит по лицу его Красоты. Наконец он просит слугу принести соль; слуга, содрогаясь, делает это; рыцарь берет ее сам. Следующий глоток вина вызывает у него крик: это жидкий огонь. Безумие овладевает им; ласки, жгучие поцелуи следуют за ним, пока он не засыпает на груди своей богини. Но какие видения! Теперь он видит ее сморщенной старухой, затем огромной летучей мышью с факелом, трепещущей вокруг него, и снова страшным чудовищем, голову которого он отрубает в агонии ужаса. Когда рыцарь просыпается, он находится в своей собственной вилле. Он спешит к своей погибели и к любимой статуе; он находит ее упавшей с пьедестала, и прекрасная голова, отрезанная от шеи, лежит у ее ног.

Семитский Ангел Смерти-фигура, сильно отличающаяся от всех, что мы рассматривали. Он известен в богословии только тем унижением, которое он претерпел от рук раввинов, но первоначально был ужасным, но отнюдь не злым гением. Персы, вероятно, ввезли его под именем Асумана, поскольку мы не находим его упоминания в их более ранних книгах, и это имя имеет сходство с еврейским шамадом, чтобы уничтожить, что связывало бы его с библейским “разрушителем” Абаддоном. Это представляется более вероятным, потому что зороастрийцы верили в более раннего демона, Визарешу, который переносил души после смерти в область поклоняющихся Девам (Индия). Халдейский Ангел Смерти, Малк-ад-Муса, возможно, получил свое имя от легенды о том, что он приблизился к Моисею с целью изгнать его душу из тела, но, пораженный величием лица Моисея и божественным именем на его жезле, был вынужден удалиться. Легенда не так древна, как название, и, возможно, была Сагой, подсказанной этим именем; это, очевидно, начало традиции борьбы между Михаилом и сатаной за тело Моисея (Иуда 9). Таким образом, это олицетворение у евреев превратилось в достаточно злое существо, чтобы отождествляться с Самаэлем, который в Книге Успения Моисея назван его противником, а затем и с самим сатаной, названным в связи с новозаветной версией. Именно из-за этой деградации существа, описанного в более ранних книгах Библии как уполномоченный Иеговы, среди евреев постепенно развились два Ангела Смерти, один (Самаэль или его агент Азраэль) для тех, кто умер вне земли Израиля, а другой (Гавриил) для тех, кому выпала более счастливая участь умереть в своей собственной стране.

Это низведение Самаэля до странствующих евреев, которые, если они умерли за границей, не должны были достичь Рая с легкостью, если вообще могли, имеет большое значение. Ибо Самаэль - это, несомненно, концепция, заимствованная у отдаленных семитских племен. Что это была за концепция, мы находим у Иова XVIII, 18, где он "царь ужасов", и еще больше у арабского Азраила. Легенда об этом типичном Ангеле Смерти гласит, что он был повышен до своего высокого поста за особые заслуги. Когда Аллах собирался сотворить человека, он послал ангелов Гавриила, Михаила и Исрафила на землю, чтобы они принесли глину разных цветов для этой цели; но Земля предупредила их, что существо, которое будет сформировано, восстанет против своего создателя и навлечет проклятие на нее (Землю), и они вернулись, не принеся глину. Тогда Азраил был послан Аллахом, и он исполнил свое поручение без страха; и для этого он был назначен ангелом, чтобы отделять души от тел. У Азраила были подчиненные ангелы под его началом, и они упоминаются в первых строках суры 79 Корана:

Ангелами, которые насильно вырывают души некоторых;

И теми, кто с кротостью извлекает души других.

Души праведников вытягиваются с кротостью, души нечестивых отрываются от них так, как показано на русской картине (рис. 19), которая действительно является иллюстрацией той же мифологии.

Эти ужасные задачи действительно были такими, что с течением времени Азраил приобрел дурную славу палача, но среди мусульман, по-видимому, не произошло его

деградации. Похоже, он ассоциировался в их сознании с Судьбой, и о нем рассказывали похожие истории. Так, рассказывают, что однажды, проходя мимо Соломона, Азраил пристально посмотрел на человека, с которым беседовал Соломон. Соломон сказал своему спутнику, что это Ангел Смерти смотрит на него, и тот ответил: "Он, кажется, хочет меня; прикажи ветру унести меня отсюда в Индию"; когда это было сделано, Азраил подошел к Соломону и сказал: "Я с удивлением смотрел на этого человека, ибо мне было приказано забрать его душу в Индию".

Азраэля часто изображали подносящим к губам чашу с ядом. Вполне вероятно, что этот образ возник из древнего испытания ядом, когда сквозняки, как бы ни манипулировали ими заранее со ссылкой на результаты, считались божественно смешанными для карательных или благотворных эффектов. Таким образом, "Чаша" стала у семитских племен символом Судьбы. ‘Чаша утешения’, ‘чаша гнева", "чаша трепета", о которых мы читаем в Ветхом Завете, "чаша благословения" и "чаша бесов", о которых говорит Павел, имеют это значение. Чаша Нестора, украшенная голубем (Илиада, xi, 632), вероятно, была "чашей благословения", и г-н Шлиман нашел несколько таких же в Микенах. Этот символ неоднократно употреблялся Христом: "Да минует меня чаша сия", "Чашу, которую дал мне пить Отец мой, не буду пить", "Можете ли вы пить из чаши, из которой пью Я", - и знакомая ассоциация с чашей Азраила выражается в слове "вкус смерти".

Одна из наиболее приятных модификаций веры в Ангела Смерти-это та, которую Лепсий нашел среди магометанских негров Кордофана. Говорят, что Осраин (Азраил) принимает души умерших и ведет хороших к их вознаграждению, плохих-к наказанию. "Он живет на дереве, эль сегерат мохана (древо исполнения), у которого столько листьев, сколько обитателей в мире. На каждом листе есть имя, и когда рождается ребенок, вырастает новый. Если кто-нибудь заболевает, его лист увядает, и если ему суждено умереть, Осраин обрывает его. Раньше он приходил зримо к тем, кого собирался увести, и таким образом наводил на них великий ужас. Однако со времен пророка он стал невидимым, ибо, когда он пришел за душой Мухаммеда, он сказал ему, что нехорошо, что своим видимым видом он пугает человечество. Тогда они могли бы легко умереть от ужаса, прежде чем начать молиться, потому что сам он, хотя и был мужественным и энергичным человеком, был несколько встревожен своим появлением. Поэтому пророк умолял Бога сделать Осраина невидимым, и эта молитва была исполнена". Маккензи добавляет к этому, что у моравских евреев в новолуние ветку держат в ее свете и произносят имя человека: его лицо появится между рогами Луны, и если ему суждено умереть, листья увянут.

Мистер Джон Раскин был очень суров к итальянцам за то, с каким юмором они изображают Смерть в своем маскараде. “Когда я был в Венеции в 1850 году, - говорит он, - самым популярным произведением комической оперы была” Смерть и сапожник", в которой суть сюжета заключалась в успехе деревенского сапожника как врача вследствие появления Смерти у постели каждого пациента, который не должен был выздороветь.; и самой восторженной сценой в ней была сцена, в которой врач, дерзкий в успехе и распухший от роскоши, сам был низведен в обитель Смерти и повергнут в агонию ужаса, когда ему показали человеческие жизни в виде потухающих ламп и его собственную,

готовую умереть". На что он высказывает мнение, что "эта выносливость страшных образов отчасти связана с непристойностью, отчасти с общей глупостью и слабостью ума" 11., с которым чисто естественное и неизбежное событие так долго связывалось священниками и изображалось в таких популярных картинах, как "Танец смерти"? Издевательский смех, с которым скелеты осаждают рыцаря на нашей картине (рис. 20) со стены Ла-Шез-Дье, Овернь, знаменует собой жреческий террор, который не мог не быть еще более вульгаризирован легкомысленными. В 1424 году на кладбище Невинных в Париже состоялся маскарад Танца Смерти, на котором присутствовали герцог Бедфорд и герцог Бургундский, только что вернувшиеся с битвы. Возможно, это был последний исход на западе танца Кали над убитыми; но это счастье, когда фанатизм не имеет худшего исхода, чем Глупость. Смерть скелета имеет преимущество перед более ранними формами, предполагающими естественность смерти. Это более научно. Постепенное открытие людьми того, что смерть не вызвана грехом, в значительной степени рассеяло ее ужасы в тех областях, где невежество и обман жречества являются повседневным наблюдением; и хотя реакция не может быть выражена с хорошим вкусом, в ней, казалось бы, есть определенная сила природы, утверждающая себя в простоте.

В северном мире мы все слишком мрачны в этом вопросе. Именно века суеверий сформировали наш мозг и слишком часто придавали нашей естественной любви к жизни противоестественный аналог страха смерти. То, что было искусственно выведено в нас, может быть культивировано из нас. Действительно, есть смерти, соответствующие двум Ангелам - смерть, которая приходит от затяжной болезни и боли, и смерть, которая приходит от старости. В наших городах действительно есть азраилы, которые отравляют пищу и питье людей и смешивают смерть в чаше воды.; и ужас их должен возрастать до тех пор, пока с нами не пребудет более кроткий ангел и смерть от старости не станет нормой. Уход из жизни - естественное условие вступления в нее, и действительно, печально, что ее в идеале следует смешивать с болью и горем, часто сопровождающими ее. Говорят, что Менипп Циник, путешествуя по Аиду, знал, кто там цари, по тому, что они выли громче остальных. Они выли громче всех, потому что расстались с большинством удовольствий на земле. Но у всех счастливых и молодых больше причин оплакивать безвременную смерть, чем у королей. Единственная трагедия Смерти-это гибель живой любви. Мистер Уоттс в своей великой картине "Любовь и смерть" (галерея Гросвенор, 1877) раскрыл настоящий ужас. Не тот скелет, у которого есть свое время и место, не крылатый демон (называемый ангелом), у которого нет своего времени и места, но огромная, жесткая, бессердечная форма, как у человека, наполовину высеченного из мрамора; ужасная эмблема безжалостной силы, воплощающей неполноту и невежество человечества,-силы, которая неуклонно сокрушает сердца там, где интеллекты посвящают свои силы чуждым мирам. Бедной Любви не хватает науки; его тщедушная рука, протянутая, чтобы противостоять колоссальной форме, слаба, как молитвы агонизирующих родителей и влюбленных, направленные против никогда не изменяющихся законов; он почти истощен; его блестящие крылья сломаны и разорваны в борьбе; голубь у его ног скорчился без материи; роза, взобравшаяся на его дверь, распростерта; через его плечо похожая на луч рука приложила каменную руку к двери, куда должна упасть роза радости.

Рис. 20 Рыцарь и Смерть.

Старики, когда они умирают, только следуют за сокровищами, которые ушли раньше. Один за другим старые друзья покидали их, сладкие узы разрывались, и силы радоваться и помогать ослабевали. Когда от сада, который когда-то цвел вокруг них, остается только память, смерть разбрасывает и листья той последней розы, где спят близкие. Это и есть настоящая служба смерти. Нет, даже когда дело доходит до молодых и счастливых, не Смерть, а Болезнь является настоящим врагом; в болезни нет почти никакой компенсации вообще, кроме обучения ее искусству войны; но смерть-это жалость Природы к беспомощной боли; там, где любовь и знание не могут сделать больше, она приходит как освобождение от страданий, которые были чистой пыткой, если они продолжались. Присутствие смерти чаще всего распознается по прекращению боли. Суеверие причинило человечеству мало более тяжкого зла, чем таинственные ужасы, которыми оно наделило ту перемену, которая в более простые века представлялась как тихая река Лета, текущая из обители сна, из которой тени пили забвение как своих горестей, так и радостей, от которых они были оторваны.

Часть III. Дракон. Глава I. Упадок демонов.

Священное древо Траванкора—Рост демонов в Индии и их упадок—Непальский Иконоборец—Нравственный Человек и безнравственная природа—Физические и умственные миграции человека— "Боги в изгнании" Гейне—Гобан Саор—Мастер—Кузнец—Греческая карикатура на Богов—Плотник против Божества и дьявола—Истребление Оборотня—Убежища Демонов-Гиганты, низведенные до Маленьких людей—Божества и Демоны, возвращающиеся в природу.

Указав, по необходимости в общих чертах и на отдельных примерах, на главные препятствия, с которыми сталкивался первобытный человек, и на его опасения, которые он олицетворял как демонов, моя следующая задача состоит в том, чтобы показать, как и почему многие из этих демонов отказались от своих ужасных пропорций и уступили место более общим формам, выражающим сравнительно абстрактные представления о физическом зле. Это потребует некоторого рассмотрения процессов, посредством которых необходимая адаптация человека к его земной среде привела его к эпохе Борьбы с многообразными препятствиями.

До недавнего времени в горах Траванкора, Индия, было древнее гигантское Дерево, которое местные жители считали резиденцией могущественного и опасного божества, царствовавшего над горами и дикими зверями. Этому дереву приносились жертвы, перед ним произносились проповеди, и, по-видимому, это был древний собор округа. Ствол его был так велик, что четверо мужчин с вытянутыми руками не могли его обхватить.

Это дерево в своем раннем росте может символизировать возникновение естественной религии. Его первые зеленые листья можно рассматривать как соответствующие первым грубым представлениям человека, написанным, например, на листах Вед. Видя в природе, как мы видели, силу изобретения, подобную его собственной, мощь, намного превосходящую его собственную, человек, естественно, считал, что все вещи были созданы и управлялись невидимыми гигантами; и, беспомощно склоняясь под ними, пел так свои гимны и мольбы.

‘Эта земля принадлежит Варуне, царю, и широкое небо, с его концами далеко друг от друга; два моря (небо и океан) - чресла Варуны; он также содержится в этой капле воды. Тот, кто убежит далеко за пределы неба, даже он не избавится от Варуны. Его шпионы спускаются с небес на землю.

- Из-за недостатка сил, ты, вечно сильный и светлый бог, я ошибся: помилуй, помилуй!

- Как бы мы ни нарушали твои законы изо дня в день, люди, как мы есть, о бог Варуна, не предай нас смерти!

- Это был старый грех, Варуна, что ты хотел погубить друга, который всегда хвалит тебя!

"О Индра, помилуй, дай мне хлеб мой насущный! Воздвигни богатство поклоняющемуся, могучий Рассвет!

"Ты-податель лошадей, Индра, ты-податель коров, податель зерна, сильный владыка богатства; старый наставник человека, не разочаровывающий желаний; к нему мы обращаемся с этой песней. Все здешние богатства, как известно, принадлежат только тебе: возьми их, завоеватель, и принеси сюда!

В этих характерных фразах из различных гимнов мы видим, как человек заключает свой первый договор с господствующими силами природы: столько обожания и лести с его стороны ради такой выгоды с их. Но даже в этих самых ранних гимнах есть намеки на то, что боги не выполнили свою часть обязательства. - Почему ты хочешь уничтожить того, кто всегда восхваляет тебя? Это был старый грех? Простые слова бессознательно сообщают, насколько добросовестно человек выполнял свою часть контракта. Не упустив ни одного акцента в молитве, хвале или ритуале, он полагает, что продолжающееся безразличие богов должно быть вызвано старым грехом, который он забыл или, возможно, совершил какой-то предок.

В таком состоянии ума легко укоренится предположение, что одни только слова слишком дешевы, чтобы быть удовлетворительными для богов. Там должны быть подношения. Как и земные цари, они должны иметь свои доходы. Таким образом, мы переходим к фазе жертвоприношений. Но все же ни в ответ на молитву, ни на лесть, ни на жертву массы не получали ни здоровья, ни богатства. Нищета, голод, смерть все еще продолжали свой безжалостный путь с молчаливой машиной солнца, луны и звезды.

Но почему же тогда человек должен был продолжать выполнять свою часть договора— верить и поклоняться божествам, которые, когда он просил хлеба, давали ему голод, а когда он просил рыбы, давали ему змею? Священник вмешался с готовым объяснением. И здесь мы можем снова обратиться к священному Древу Траванкора? Почему именно это Дерево - вид, распространенный в округе и обычно не очень большой - выросло таким огромным? “Потому что он святой,” ответил священник. “Потому что это считалось священным”, - говорит факт. Веками кровь и пепел жертв питали его корни и раздували ствол; до тех пор, пока с помощью аргумента, не ограничивающегося Индией, не предполагалось, что размеры суеверия доказывают его истинность. Когда люди жаловались, что все их подношения и поклонения не приносят никакой отдачи, жрец отвечал: "Ты скупишься на богов, а они скупятся на тебя". Люди предлагали самые жирные из своих стад и плоды: еще больше! - сказал священник. Они построили прекрасные алтари и храмы для богов: еще больше! - сказал священник. Они строили прекрасные дома для священников и платили налоги, чтобы содержать их. И когда таким образом, питаемая народными жертвоприношениями и трудом, религия достигла огромной силы, священник смог призвать на свою сторону богослова для дальнейших объяснений. Богослов и священник сказали: "Конечно, должны быть веские причины, почему боги не отвечают на все ваши молитвы (если бы они не ответили на некоторые, вы были бы полностью уничтожены); простые смертные не должны осмеливаться исследовать их тайны; но то, что боги существуют и что они занимаются человеческими делами, совершенно ясно видно по этому великолепному множеству храмов и по той

заботе, с которой они удовлетворяют все нужды нас, своих близких друзей, чьи щеки, как вы видите, обвисли от жира.

Если после этого объяснения возникнет скептицизм или бунт среди менее благосклонных, жрец может легко добавить: "Кроме того, мы и наши храмы теперь являемся учреждениями; мы настолько сильны и влиятельны, что очевидно, что боги назначили нас своими представителями на земле, распределителями их милостей. А также об их немилости. Мы можем компенсировать кажущееся безразличие богов, вознаграждая вас, если вы даруете нам честь и богатство, но губя вас, если вы становитесь еретиком.

Так росло священное Дерево. Но как бы сильно оно ни было, было нечто более сильное. Несколько лет назад один миссионер из Лондона отправился в Траванкор и пожелал построить часовню рядом с тем же деревом, несомненно, чтобы быть на пути его почитателей и позаимствовать часть незапамятной святости этого места. Этот миссионер устремил голодный взгляд на священное дерево и подумал о том, насколько святее оно было бы, если бы окончило свой путь в балках христианской часовни. И вот в один прекрасный день, когда английские власти оказались поблизости, он и его рабочие начали рубить священное Дерево. Туземцы постепенно собрались вокруг и с ужасом смотрели на происходящее. В то время как рубка продолжалась, тигр приблизился, но крики прогнали его; туземцы дышали свободнее; демон пришел и смотрел, но не мог защитить Дерево от англичанина. Однако они все еще содрогались от этого святотатства, и когда наконец Священное Дерево Траванкора рухнуло, его треск смешался с криками и воплями его прежних почитателей. Победоносный миссионер, возможно, указывает в своей часовне на изрезанные доски, которые показывают бессилие божества, которого так долго боялись туземцы.; и, возможно, он говорит им о величии своего Дерева и утверждает, что его процветание в Европе является доказательством его сверхъестественного характера. Возможно, он не упомянет о крови и пепле, которые откормили корень и увеличили ствол его Священного Дерева!

Это Дерево в Траванкоре никогда не было бы так разрушено, если бы первобытная естественная религия, в которой лежал его более глубокий корень, не засохла раньше. Боги, природные силы, которые в течение стольких веков не обращали внимания на ежедневные мученические страдания человека, теперь уже долгое время были совершенно бессильны защитить свои собственные святыни, изображения, священные деревья и другие интересы. Жрецы столь же тщетно взывали к этим богам, чтобы спасти свою страну от порабощения чужими богами других народов, как и народные массы взывали к их личной помощи. В течение долгого времени боги в некоторых частях Индии получали лишь формальное служение, сопутствующее их связям с затянувшимся орденом или как часть княжеских учреждений; но они время от времени падали, когда массы осознавали свою свободу безнаказанно покидать их. Они находятся во власти любого сильного еретика, который восстанет. Следующий рассказ, цитируемый г-ном Гербертом Спенсером, представляет собой поразительный пример того, что делали некоторые индусы до того, как миссионер срубил Дерево в Траванкоре:

- Непольский царь Ром Бахадур, чья прекрасная царица, обнаружив, что ее прекрасное лицо обезображено оспой, отравилась, проклинала его царство, своих врачей и богов Непала, поклявшись отомстить всем. Приказав выпороть докторов и отрезать каждому из них правое ухо и нос, он затем отомстил богам Непала и, оскорбив их самым грубым образом, обвинил их в том, что они под ложным предлогом получили от него 12 000 коз, несколько сотен гирь сладостей, 2000 галлонов молока и т. Д. Затем он приказал поставить перед дворцом всю артиллерию, от трех до двенадцати пушек. Затем все ружья были заряжены до дула, и он направился к штабу непальских божеств. Все ружья были подняты перед несколькими божествами, почитая самое священное самым тяжелым металлом. Когда был отдан приказ стрелять, многие вожди и солдаты в панике разбежались, а другие не решались подчиниться святотатственному приказу; и только когда несколько артиллеристов были убиты, пушки открыли огонь. Боги и богини спустились со своих до сих пор священных мест, и после шестичасовой тяжелой канонады от них не осталось и следа".

Как бы ни были напуганы непальцы этим свирепым проявлением, это была всего лишь буря, порожденная более общим умственным и моральным состоянием. Рам Бахадур лишь в несколько мгновений низложил изображения богов, которые, уйдя из народного интереса, были последовательно уложены спать на бесчисленных полках индуистской мифологии. Ранний дуализм развился в Нравственного Человека, с одной стороны, и Безнравственную Природу - с другой. Человек открыл, что моральный порядок в природе представлен исключительно его собственной силой: его культурой или пренебрежением растение или животное росли или увядали, а там, где его контроль не распространялся, появлялись вредные сорняки или звери. До сих пор добрые боги почитались только как воплощенные в людях. Но активные силы зла все еще оставались, вредные и ненавистные человеку, и пессимистический взгляд на природу стал неизбежен. Для человека, занятого борьбой не на жизнь, а на смерть с природой, было утрачено много красоты, питающей теперь оптимизм теиста. Благоухающий цветок был сорняком для человека, жаждущего хлеба, и он смотрел на многие праздные сокровища с разочарованием Сади, когда, путешествуя по пустыне, он нашел мешок, в котором надеялся найти зерно, но нашел только жемчуг. Роковой для всякого не антропоморфного божества была долгая пессимистическая фаза человеческой веры. Каждый из них становился более чистым демоном и шел по дороге, чтобы стать дьяволом.

Многие особые демоны были побеждены человеком по мере того, как он постепенно устанавливал порядок среди суровости и дикости своей планеты. Каждое новое оружие или орудие, которое он изобретал, пробивало тысячи фантомов. Только в царствах, которые он еще не мог покорить, оставались враждебные силы, которым он приписывал сверхъестественную мощь, потому что не мог пронзить их и видеть сквозь них. Тем не менее, ранние демонические формы должны были уступить место, поскольку человек обнаружил, что они не были его хозяевами. Он мог срубить Упас и вырвать с корнем паслен; он побил много змей и убил много волков. В деталях бесчисленные враги оказались ниже его по силе и уму. Произошли важные миграции: человек географически уходит из области некоторых своих злейших врагов, населяет страны более плодородные,

менее вредные, его среда обитания превосходит среду обитания его животного врага по дальности; и, что еще лучше, он проходит через умственную миграцию из каменного века, из других беспомощных эпох, в век металла и умения создавать и использовать его. Он сделал огненного демона своим другом. Отныне он больше не голый дикарь, с куском камня или кости только для того, чтобы встретить сокрушительные силы мира и завоевать его неохотные запасы!

В рассказе Гейне о "Богах в изгнании", сочинении, которое г-н Патер хорошо описывает как "полное того странного смешения чувств, которое характерно для традиций средневековья относительно языческих религий", есть смысл гораздо более глубокий, чем его очаровательная игра воображения. Теперь они столкнулись с теми же неприятными обстоятельствами, с которыми сталкивались в первобытные времена, в ту революционную эпоху, когда титаны вырвались из-под опеки Орка и, свалив Пелиона на Оссу, взобрались на Олимп. Несчастные боги! Тогда им пришлось с позором бежать и скрываться среди нас здесь, на земле, под всевозможными масками. Большинство из них отправились в Египет, где для большей безопасности приняли, как известно, облик животных. Точно так же им пришлось снова бежать и искать развлечений в отдаленных убежищах, когда эти фанатики-иконоборцы, черный выводок монахов, разрушили все храмы и преследовали богов огнем и проклятиями. Многие из этих несчастных эмигрантов, совершенно лишенные крова и амброзии, вынуждены были теперь прибегать к вульгарным ремеслам, чтобы заработать себе на хлеб. В этих условиях многие, чьи священные рощи были конфискованы, стали наниматься лесорубами в Германию и вынуждены были пить пиво вместо нектара. Аполлон, по-видимому, довольствовался тем, что служил у пастухов, и так же, как он когда-то держал коров Адметуса, так и теперь жил пастухом в Нижней Австрии. Здесь, однако, его заподозрили из-за его прекрасного пения, и ученый монах признал его одним из древних языческих богов и передал духовному трибуналу. На дыбе он признался, что он бог Аполлон, и перед казнью просил, чтобы ему позволили еще раз сыграть на лире и спеть песню. И он играл так трогательно, и пел с таким волшебством, и был так прекрасен по форме и чертам лица, что все женщины плакали, и многие из них были так глубоко поражены, что вскоре после этого заболели. И некоторое время спустя люди захотели снова вытащить его из могилы, чтобы вонзить в его тело кол, полагая, что он был вампиром, и что больные женщины таким образом выздоровеют. Но они нашли могилу пустой.

Естественно: трудно похоронить Аполлона. В следующий раз он появился, без сомнения, в качестве музыкального руководителя в ближайшем соборе. Молодые певцы и артисты на таких суровых уроках обнаружили, что опасно петь языческие баллады слишком реалистично; что капюшон способен на высокую степень украшения; что свирель Пана хорошо развилась в орган; что Купидоны выглядят так же хорошо, если их называют Херувимами. Странно, что Роберту Браунингу понадобилось три столетия, чтобы разглядеть под облачением епископа, заказавшего его гробницу в церкви Святого Пракседа, настоящую фигуру и лицо:

Барельеф из бронзы, который вы мне обещали,

Те сковородки и Нимфы, о которых вы знаете, и, может быть,

Какой-то треножник, тирс, с вазой или около того,

Спаситель во время нагорной проповеди,

Святой Прэксед во славе, и один Пан

Готов сорвать с Нимфы последнюю одежду,

И Моисей со скрижалями....

Так в одном направлении вырос эрмитаж до Ватикана; так Зевс вернул себе трон, обменяв свои молнии на ключи Петра, и Марс вернул себе коня, как Святой Георгий, и Геракл, как Христос снова борется со Смертью. Но в то время как эти искусственные реставрации происходили в одном направлении, в другом некоторые из богов проходили через многие страны, перехитрив и разрушив свои прежние "я", как низведенные до демонов. Существует множество легенд, рассказывающих об этой странной фазе развития, одна из самых прекрасных-это история Гобан Саор, рассказанная мистером Кеннеди. Король Мюнстера послал за этим замечательным мастером, чтобы тот построил ему замок. Гобан мог сделать копье тремя ударами своего молота—святой Патрик, который нашел Троицу в трилистнике, возможно, определил количество ударов,—и когда он хотел вбить гвозди высоко вверх, ему оставалось только бросить в них свой молот. По дороге на работу к царю Гобан, сопровождаемый сыном, провел ночь в доме фермера, дочери которого—одна темноволосая и трудолюбивая, другая светловолосая и праздная—получили от него (Гобана) три совета: "Всегда держи голову старухи у очага".; согрейтесь утром своей работой; и за некоторое время до того, как я вернусь, отнесите шкуру только что убитой овцы на рынок и принесите ее вместе с ценой домой". Когда Гобан и его сын отправились дальше, они нашли бедняка, тщетно пытавшегося покрыть свой дом тремя балками и глиной; и просто сделав так, чтобы один конец каждой балки опирался на середину другой, а другие концы были на стене, строение было совершенным. Он успокоил озадаченных плотников, воздвигнув для них мост без колышков и гвоздей, описанный в Комментариях Цезаря. Совершив множество великих дел, Гобан возвращается в усадьбу девушек, получивших его три совета. Лентяйка, конечно, ошибалась в каждом пункте, и ее высмеивали на рынке за предложение вернуть овечью шкуру и ее цену. Другая, любезно приняв к себе престарелую родственницу, работая до тех пор, пока ей не станет тепло, собирая и продавая овечью шкуру и принося ее домой, послушалась совета Гобана и была избрана его невесткой-принцем, присутствовавшим на свадьбе. Что же касается строительства замка, то Гобан знал, что король нанял на прежние замки четырех архитекторов, а затем убил их, чтобы они никогда не построили другой дворец, равный его. Поэтому он говорит, что оставил дома необходимое орудие, которое его жена отдаст только ему или человеку королевской крови. Король посылает своего сына, которого держат в заложниках до благополучного возвращения мужа.

Это Мастер-кузнец из скандинавской басни, у которого есть стул, с которого никто не может подняться, и который связывает в нем дьявола; это снова история Гефеста и стула,

в котором он поймал Геру, пока она не открыла тайну его рождения. ‘Дьявол’, которого Мастер-кузнец заманивает в ловушку, в скандинавской мифологии-просто Локи; и так как Локи-это деградировавший Гефест, огонь в его демонических формах, то во всех этих легендах огненный демон сражался с огнем.

Эта ре-дуализация богов в демонические и святые формы имела долгую подготовку. Силы, вызвавшие его, можно видеть уже в представлениях Гесиода о богах, в их представлении на сцене Еврипидом, в манере, несомненно, демонизирующей их вульгарности и подвергающей их такому смеху среди ученых, который все еще звучит через века в божественных диалогах Лукиана. То, чем боги стали для лукиан до того, как они достигли Гейне, можно понять из сопутствующей карикатуры (рис. Ничто не может быть более любопытным, чем встречи богов с их мертвыми "я", с их Гривами. Какая бессознательная изобретательность в комбинациях! Святой Мартин на своем сером коне делит с нищим облачный плащ Водана на своем черном коне, топча именно таких нищих в своей дикой охоте; как святой он теперь укрывает тех, кого, как штормовой демон, он охладил; но личность Юнкера Мартина сохраняется как в названиях, так и в мифах, а Мартингорны (лепешки), скрученные по образу козьих или оленьих рогов, преследуемых Воданом, считаются мощными, как подковы для защиты дома или конюшни от объявленного вне закона бога.

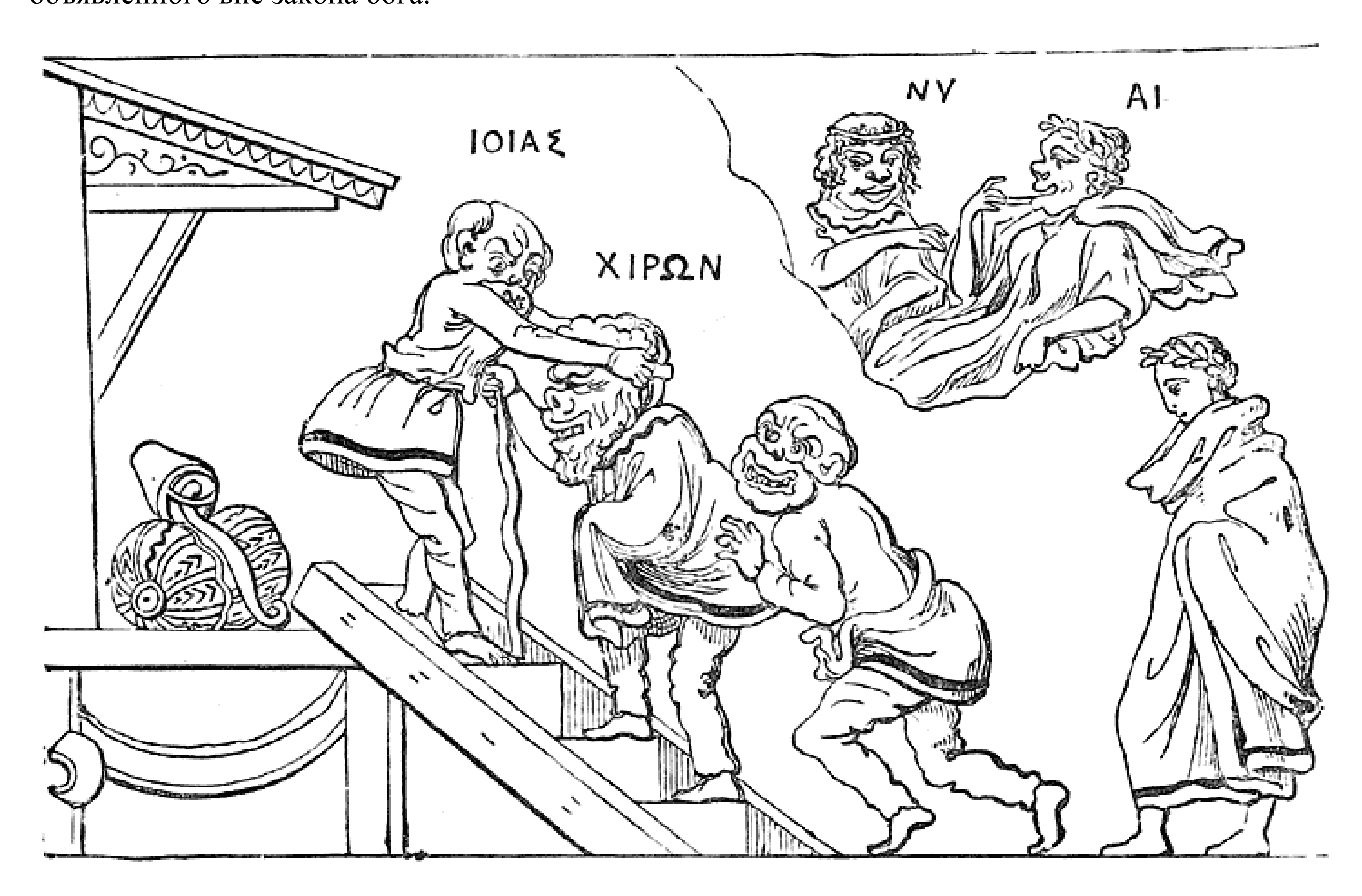

Рис. 21 Греческая карикатура на Богов.

Более впечатляющие и привлекательные мифы, перенесенные на христианских святых - как цветы, священные для Фреи, стали перчаткой, туфелькой или халатом Богоматери,- оставались для старых богов, в их собственном имени, только отталкивающими и ребяческими, и таким образом они были обречены сразу же стать полными мошенниками и дураками. Если титаны, етунны или Джинны, то они были гигантскими обманщиками, которых любой маленький Ганс или Джек мог перехитрить и обезглавить. Наши сказки полны историй, которые показывают, что на Севере, как и в латинских странах, уже была долгая подготовка к презрению, которое христианство изливало на скандинавских божеств. Многие из историй, в том виде, в каком они сейчас существуют в Народных сказках, говорят о побежденном демоне или великане как о дьяволе, но совершенно легко отделить это существо от имени, которое христианские священники без разбора даровали большинству запрещенных божеств. В Литве, где сохранилось слишком много почитания некоторых из более ранних божеств, чтобы признать их отождествление с дьяволом, мы все еще находим, что они одержали победу над умом и мастерством ремесленника. Так обстоит дело в излюбленной народной легенде той страны, в которой Перкунас - древний бог-Громовержец, соответствующий Перуну на Руси, - впадает в немилость вместе с дьяволом благодаря прозорливости и мастерству плотника. Старый бог, почтенный Дьявол и молодой Плотник объединились для путешествия. Перкун отгонял зверей громом и молниями, Дьявол добывал пищу, Плотник готовил. Наконец они построили хижину, поселились в ней и засеяли землю овощами. Вскоре в их сад ворвался вор. Перкун и Дьявол один за другим пытались поймать его, но были сильно избиты; тогда как Плотник, играя на скрипке, очаровал вора, который был ведьмой, ведьмой, чьей рукой скрипач умудрился залезть в расколотое дерево (под предлогом того, что давал ей урок музыки), и держал ее там, пока она не отдала свою железную повозку и хлыст, который она использовала против его товарищей. После этого все трое, решив разделиться, поспорили о том, кому достанется хижина, и в конце концов сошлись на том, что она должна принадлежать тому, кто сумеет напугать двух других. Дьявол поднял бурю, которая напугала Перкуна, и Перкун своим громом и молнией напугал Дьявола; но Плотник храбро держался и среди ночи пришел с повозкой ведьмы, и, щелкнув кнутом, Дьявол и Перкун оба обратились в бегство, оставив Плотника во владении хижиной.

Что касается Перкуна и его можно рассматривать как представителя богов, то хижина может быть символом Европы, а Плотничий тип власти, которая покорила все, что осталось от них после того, как их честные или благородные ассоциации были перенесены в христианскую форму. Несколько позже дьявол был вовлечен в подобную судьбу, как мы должны будем рассмотреть в следующей главе.

Самые ужасные суеверия, если проследить их развитие в народе, с особой выразительностью обнаруживают прогрессирующее освобождение человека от фантомов жестокости, представлявших его первобытную беспомощность. Всеобщее суеверие оборотней, например, черпало свои невыразимые ужасы из глубоких и широко распространенных корней. Возникнув, вероятно, в случайных рецидивах каннибализма среди племен или деревень, оказавшихся в обстоятельствах столь же неотложных, как те, которые иногда заставляют потерпевшую крушение команду тянуть жребий, который

должен умереть, чтобы поддержать остальных, он неизбежно стал бы демонизироваться необходимостью окружать каннибализм опасностями хуже, чем голод. Но, по-видимому, индивиды всегда подвержены тому, что из-за остановки развития, которая обычно принимает форму болезни или безумия, они будут возвращены в дикое состояние своей расы. В ходе этой темной истории мы прежде всего отмечаем возрастающую тенденцию показывать средства преобразования трудными. В Саге о Вольсунге человек может стать волком, просто надев "волчью рубашку" (волчью шкуру). Затем говорят, что это делается поясом, сделанным из кожи человека, который был повешен—все казненные люди были священны для Водана (потому что не умирали естественной смертью), для которого также был священен волк. Затем добавляется, что пояс должен быть помечен знаками зодиака и иметь пряжку с семью зубцами. Тогда говорят, что "только седьмой сын" обладает этой дьявольской силой; или другие говорят, что тот, чьи брови сходятся над его носом. Средства обнаружения оборотней и повторного преобразования их в человеческий облик множились по мере того, как уменьшалось число средств трансформации, и такие средства отражали прогресс человеческого мастерства. Оборотня можно было восстановить, пересекая его путь ножом или полированной сталью; мечом, лежащим на земле острием к нему; серебряным шаром. Человеческое мастерство было для него слишком. В Позене матери обнаружили, что тот, у кого есть хлеб во рту, может даже таким способом обнаружить оборотней; а отцы, на этот намек о том, чтобы держать "волка от двери", добавили, что никто не может быть атакован таким монстром, если он находится в кукурузном поле. Славянин направил на него плуг. Таким образом, по одному предписанию и по другому, и каждое из них представляло собой часть победы человека над хаосом, оборотень был изгнан из всех, кроме нескольких "несчастливых" дней в году, и особенно нашел свое последнее убежище в Двенадцатой ночи. Но даже в эту ночь от оборотня можно было спастись простым способом-не говорить о нем. Если нужно было говорить о волке, его называли Паразитом, и доктор Вуттке упоминает приходского священника по имени Вольф в Восточной Пруссии, к которому в Двенадцатую ночь обращались как к мистеру Паразиту! Настоящий волк, уже вышедший из лесов в большинстве мест искусством строителя и архитектора; призрачный волк, изгнанный из страха на большую часть года признанием человеком своего превосходства над этим истребленным зверем; даже пресловутые " уши " исчезнувшего оборотня перестали быть видимыми, когда в тот праздничный вечер его имя не упоминалось.

Последняя казнь человека за то, что он был случайным оборотнем, была, по-моему, в 1589 году под Кельном, там были некоторые свидетельства каннибализма. Но девять лет спустя во Франции, где вера в Луп-гару была сильна, человека, обвиненного таким образом, просто заперли в сумасшедший дом. Свидетельством происшедшей революции является то, что когда последующие правительства обратили внимание на оборотней, то это произошло потому, что некоторые бродяги стали заявлять, что могут превращаться в волков, чтобы вымогать деньги у более слабоумных и невежественных крестьян.Вряд ли можно представить себе более значимую историю: оборотень уходит оттуда, куда вошел. От невежества и слабости, слишком часто тщетно пытающихся "удержать волка от двери", родился этот ненасытный призрак; у нищего и бродяги остатки беспомощности становятся закоренелыми, он блуждает худым и хитрым. Он держится в стороне от любой

культуры, будь то поле или ум. Так же обстоит дело и со всеми демонами в упадке, из которых я могу привести здесь лишь несколько характерных примеров. Так бежит руна -

Когда ячмень есть,

Тогда дьяволы свистят;

Когда ячмень обмолочен,

Тогда дьяволы скулят;

Когда ячмень будет измельчен,

Тогда дьяволы ревут;

Когда мука будет произведена,

Тогда дьяволы погибнут.

Старый шотландский обычай, упомянутый сэром Вальтером Скоттом, оставлять вокруг каждого возделанного поля незасеянную бахрому, называемую пастбищем Гуда, происходит от древнего верования, что, если не оставить какое-нибудь дикое место лесным духам, они повредят зерну и овощам; и, без сомнения, какое-то такое представление заставляет фермеров Тургау все еще прививать омелу на свои фруктовые деревья. Многие, кто может улыбаться таким обычаям, все же сохраняют в своих собственных умах или умах своих слуг или соседей поля, к которым запрещено прикасаться лемехом науки и где сверхъестественные войска все еще прячут свои сморщенные формы. Но этот дикий пояс становится все более узким, и образы внутри него имеют тенденцию смешиваться с шелестом листьев и соломы, и насекомыми, и быть в остальном невидимыми, за исключением того второго взгляда, который получен от Глэма. Как в какой-то теневой пантомиме, божества и демоны преследуют друг друга в бесконечной процессии, падая вниз, как внушающие благоговейный трепет Титаны, исчезая, как гротескные пигмеи-исчезая за лампой в Ничто!

Так появилось большинство описанных нами чудовищ - Животных, Вулканов, Айсбергов, Пустынь, хотя они и могли быть таковыми, - благодаря растущей культуре и господству над природой их стали называть "маленькими людьми"; и, возможно, скорее из жалости, чем из эвфемизма, когда их так часто называли, как в Ирландии (Duine Matha), "добрыми маленькими людьми". Домовые (Домовые) России-это полноразмерные, косматые существа в форме человека. В Литве соответствующие фантомы (Кауки) в среднем достигают лишь фута в высоту. Кроснята, в которую верят славяне на Балтийском побережье, так же малы; и благодаря кобольдам, эльфам, феям, путешествующим на запад, мы находим, что размеры таких фигур уменьшаются, пока не будут даны предупреждения, что зубы никогда не должны ковырять соломинкой, так как эта тонкая трубка является любимым местом жительства эльфа! В Баварии маленький красный шафер с семью пятнами (Coccinella septempunctata) способен удерживать Тора с его молниями, а в других регионах является формой богини Любви!Наше английское

название крошечного жука "Леди-жук" происходит от последнего понятия, и г-н Карл Блинд высказал мнение, что наша детская руна -

Леди-баг, леди-баг, улетай домой,

Твой дом в огне, твои дети будут бродить -

это последнее эхо эддических пророчеств об уничтожении вселенной огненным демоном Локи! Такое сведение древних богов, демонов и ужасов к крошечным размерам было бы, конечно, лишь косвенным результатом общей причины, изложенной выше. Они были изгнаны из большого мира и стремились в малый: они выживали в хижине и были приспособлены к нервам детской. Так один может жить Титон: после возраста, для которого он рожден, он сжимается до кузнечика; и теперь, только внимательно прислушиваясь, можно различить в щебетании множества бессмертных, одним из которых является Титон, громы и рев божеств и демонов, которые когда-то заставляли дрожать землю.

Глава II. Обобщение демонов.

Завещание демонов своим завоевателям—Неописуемые описания—Преувеличения традиции—Саурианская теория Драконов—Дракон, не примитивный в мифологии—Монстры Египетской, иранской, Ведической и еврейской мифологии—Дракон Тернера—Делла Белла—Условный Дракон.

После всех этих отважных побед человека над первым хаосом, органическим и неорганическим, влияние которого на его фантазии было указано; после того, как огонь убил его тысячи, а железо - десятки тысяч его демонов, и грубый ремесленник стал Немезидой с его рулем и колесом, преследующим сонмы тьмы обратно в Ночь и Невидимость, все еще стоял мрачный факт многоформированной боли и зла в мире, все еще бросая вызов восходящим целям человечества. Более того, противостоя им, он ни в коем случае не так ментально отличается от того человека, каким он был до того, как победил многих врагов в деталях и уложил их призраки, как он был морально. Человек приобрел больше мужества и больше дерзости; и в интеллектуальном отношении был сделан шаг, хотя бы один: он узнал, что его пороки связаны друг с другом. Голод имеет много голов и форм. Его зияющее горло можно увидеть в сверкающем небе, которое длится до тех пор, пока оно не станет медным, в потопе, землетрясении, в когтях и клыках; и тогда все вместе они лишь соотносят голодный выводок с Огнем и Свирепостью; летний солнечный луч может быть ядовит, как змея, и конец им всем-Смерть. Некоторая тенденция к этим более общим представлениям о противоположном принципе и силе в мире, по-видимому, проявляется в той фазе развития, на которой возникают неописуемые формы. Это было завещание побежденных демонов.

Конечно, невозможно измерить различные силы, которые объединились, чтобы произвести сложные символические формы физического зла. Традиция не всегда является хорошим рисовальщиком, и при изображении для далекого поколения в Германии большой змеи, убитой в Индии, может быть неточным количество ее голов или другие

детали. Герои до Фальстафа были склонны переоценивать своих врагов в Бакраме. Чем менее измерима вещь фактом, тем более необъятна в воображении: оборотни особой величины обитали в тех местах, где веками не было настоящих волков.; огромные змеи играют большую роль в летописях Ирландии, где не было найдено даже самых маленьких. Но после того, как все природные влияния были рассмотрены, едва ли можно смотреть на сфинкса, химеру или на обычного дракона, не замечая, что он находится в присутствии более высокого создания, чем демонический медведь или гигантский негодяй. Основное различие между этими двумя классами состоит в том, что один является естественным, а другой-сверхъестественным. Конечно, для науки оборотень столь же сверхъестественен, как и грифон, но, будучи оригинальным выражением человеческого воображения, первый едва ли мог быть более чудесным чудовищем, чем сиамские близнецы для современных разумных людей. Демонические формы, как правило, естественны, хотя и карикатурны или преувеличены. И это стремление к сверхъестественной концепции в этой ранней форме отнюдь не является простым суеверием; скорее это поэтическое и художественное, - своего рода грубое усилие над allgemeinheit, над реализацией типов зла - принципа когтя, принципа клыка во вселенной, физиономий яда и боли, отделенных от форм, к которым они случайны.

Некоторые из частных форм, которые мы рассматривали, действительно, ни в коем случае не относятся к прозаическому типу. Такие концепции, как Раху, Цербер и некоторые другие, являются переходными между естественными и мистическими концепциями, в то время как сфинкс, хотя и является полным сочетанием идеальных форм, не является полностью демоническим. В этой части III. сюда входят те формы, сочетание которых не встречается в объективной природе, но которые все же являются пародиями на природу и подлинной фауной человеческого ума.

Возможно, можно считать несколько произвольным, что я описываю все эти промежуточные формы между демоном и дьяволом термином Дракон; но я полагаю, что нет другой сказочной формы, которая включала бы в себя так много индивидуальных типов перехода или эволюцию которой можно было бы так удовлетворительно проследить от точки, где она связана с демоном, до той, где она завещает свои характеры дьяволу. Хотя, однако, этот термин употребляется как лучшее, что само собой напрашивается, он не может быть принят как ограничивающий наше исследование или исключающий другие абстрактные формы, которые идеально соответствуют дракону - обобщенному выражению активного, сильного и разумного врага человечества, существа, организованного антагонизмом и способного управлять любым оружием в природе для античеловеческой цели.

Устойчиво складывается мнение, что условный дракон-это традиционная форма какого-то огромного ящера. Было высказано предположение, что некоторые из этих вымерших форм, возможно, были современниками самых ранних людей, и что традиции конфликтов с ними, передаваемые устно и живописно, привели к сохранению их форм в басне (непосредственно). Реставрация ящеров на их островке в Хрустальном дворце показывает, как много здравого смысла в этой теории. Открытия профессора Марша из Йельского

колледжа доказали, что общая форма дракона поразительно прообразна в природе, а мистер Альфред Тайлор в своей замечательной статье, прочитанной перед Антропологическим обществом, показал, что мы очень склонны быть в безопасности, придерживаясь теории "происхождения объекта" для большинства вещей.

Относительно этой теории можно сказать, что самые ранние описания, как письменные, так и живописные, которые были обнаружены о рептильных чудовищах, вокруг которых росли зародыши наших мифов о драконах, являются крокодилами или змеями, а не драконами какого-либо обычного вида, - за некоторыми сомнительными исключениями. В египетском папирусе есть иероглифическое изображение Сан-ну Хут-ура, ‘плунжера моря"; это морское чудовище, похожее на дельфина, с четырьмя ногами и хвостом, заканчивающимся змеиной головой. С крыльями это может приблизиться к драконьей форме. И снова Амон-Ра убил Наку, и этот змей спас его ноги. - Возможно, эта фраза иронична и означает, что змей ничего не спас; но кроме того, поэма слишком метафорична - сам победоносный бог описывается в ней как "прекрасный бык", - чтобы эта фраза имела значение. На египетских памятниках изображены змеи с человеческими головами и членами, а змей Нахаб-ка изображен на амулетах с двумя совершенными человеческими ногами и ступнями. Крылатые змеи встречаются на египетских памятниках, но почти так же часто с невероятным числом четырех, как и с мыслимыми двумя крыльями птеродактиля. Формы змей, изображенных таким образом с антропоморфными ногами и легкими крыльями, в основном являются обычными видами. В иранской традиции об искушении первых мужчины и женщины, Месхии и Мещианы, "двуногим змеем лжи". И возможно, что из этого мифа о "двуногом" змее выросла загадочная легенда Бытия о том, что змей Эдема был приговорен после этого ползать на брюхе. Отсутствие у змеи ног, однако, с равной вероятностью могло послужить причиной объяснения, данного в мусульманских и раввинских историях о том, что его ноги были отрезаны ангелом-мстителем. Но древность иранского мифа сомнительна; в то время как превосходящая древность индуистской басни о Раху, с которой она, по-видимому, связана, предполагает, что две ноги змея Аримана, как и четыре руки змеехвостого Раху, являются антропоморфным дополнением. В древних планисферах мы находим "кривого змея", упомянутого в Книге Иова, но не дракона.

Два великих чудовища ведической мифологии, Вритра и Ахи, не так отличаются друг от друга в Ведах, как в более поздних баснях. Вритру очень часто называют Вритра Ахи - Ахи, что в Петербургском словаре объясняется как "Небесный Змей, демон Вритра". Ахи буквально означает "змей", что соответствует греческому ἐχι-ς, ἐχι-δνα; и когда что-либо добавляется, оно кажется антропоморфным - головы, руки, глаза-как в случае с египетскими змеями-чудовищами. Ведический демон Урана описывается как имеющий три головы, шесть глаз и девяносто девять рук.

По-видимому, столь же мало оснований приписывать Танину Ветхого Завета значение дракона, хотя обычно его переводят именно так. Оно используется при обстоятельствах, которые показывают, что оно означает кита, змею и различных других животных. Иеремия (xiv. 6) сравнивает их с дикими ослами, нюхающими ветер, а Михей (i. 8)

описывает их " плач’. Огненные змеи, о которых говорят, что они поразили Израиль в пустыне, называются серафимами, но ни в своих естественных, ни в мифологических формах они не предвосхищают нашего условного дракона за пределами огненного характера, который смешивается со змеиным характером. Описания Бегемота и Левиафана также не согласуются с формой дракона.

Змея как животное - это совершенное развитие. Его ноги, которые не были ампутированы, как говорят басни, в наказание за его грех, были извлечены под кожу, как костыли, используемые в более слабый период. Он найден как третичное ископаемое. Поскольку, следовательно, форма дракона ex hypothesi является реминисценцией огромных, ныне ископаемых ящеров, которые предшествовали змею во времени, ранние мифологии вряд ли могли так регулярно описывать больших змей вместо драконов. Если бы реалистическая теория, которую мы обсуждаем, была верна, самые ранние битвы - например, битвы Индры - должны были бы быть с драконами, и враги - змеи со временем умножились бы; но дело обстоит наоборот - (предполагаемые) вымершие формы сравнительно современны в героических легендах.

Рис. 22. Ведьма Верхом (Делла Белла).

Мистер Джон Раскин однажды заметил по поводу картины Тернера о Драконе, охраняющем Гесперид, что эта концепция еще в 1806 году, когда ни один скелет ящера не был в пределах досягаемости художника, представляла собой исключительный пример научного воображения. По совпадению с такими вымершими формами дракон Тернера превосходит чудовище, на котором скачет ведьма на одной из гравюр Делла Белла, опубликованной в 1637 году. В том же году по случаю бракосочетания великого князя Фердинанда II. во Флоренции существовала "маска Инферно", изображения которой были выгравированы Делла Беллой, и это одна из них, так что, возможно, скорее какому-нибудь живописцу, чем выдающемуся подражателю Калло, мы обязаны этой гротескной формой,

которая, по словам покойного мистера Райта, "могла быть заимствована из какого-нибудь отдаленного геологического периода". Если так, то этот факт представляет собой любопытное совпадение с истинной историей Дракона Тернера, ибо после смерти мистера Дж. Раскин опубликовал свое замечание о научном воображении, представленном в нем, старый друг художника заявил, что Тернер сам сказал ему, что он скопировал этого дракона с рождественского спектакля в театре Друри-Лейн. Но Тернер проявил истинный научный инстинкт, вернувшись к ископаемым пластам человеческого воображения и извлекая оттуда условную форму, которая никогда не существовала, кроме как структура кумулятивной традиции.

Глава III. Змея.

Красота Змеи—Эмерсон об идеальных формах—Мысли Мишле о голове гадюки—Уникальные характеры Змеи—Ужас обезьяны перед Змеями—Змея, защищенная суеверием—Человеческая беззащитность перед ее тонкими силами—Картина падения человека Дюбуфа.

На прилагаемой картине, изображающей древний город Тир, соединены две самые прекрасные формы природы - Змея и Яйцо. Г-н Д. Р. Хэй показал бесконечную степень, в которой овальные арки были воспроизведены в керамическом искусстве древности; и то же чувство симметрии, которое делало греческую вазу сочетанием Яиц, преобладает в очаровании, которым тот же самый изящный контур обладает везде, где бы он ни предполагался, - как в изгибах лебедя, полумесяца луны, удлиненной раковины, - на которой вполне может балансировать Афродита, поскольку те же самые контуры находят свое совершенное выражение в плавных линиях, достигающих своего покоя в совершенной форме женщины. Змей - модель "линии изящества и красоты" - имел еще большее очарование для глаз художника и поэта. Это единственная активная форма в природе, которая не может быть нелюбезной, и оценить степень ее использования в украшении невозможно, потому что все волнистые и извивающиеся линии обязательно являются змеевидными формами. Но в дополнение к совершенствам этой формы - которые выполняют все восхождения форм в мистической морфологии Сведенборга, круговой, спиральной, вечной-круговой, вихревой, небесной - Змей несет на себе, так сказать, драгоценные камни подземного мира, которые, кажется, находят свое отражение в галактиках.

Следует заключить, что поклонение Змеям основано главным образом на страхе. Жертвоприношения, приносимые этому животному, единственно достаточны, чтобы доказать это. Но так как несомненно, что Змей появляется в символике и поэзии многими способами, которые имеют мало или вообще не имеют отношения к его ужасам, то мы можем усомниться, не было ли у него карьеры в человеческом воображении до любого из результатов его царства ужаса - поклонения и проклятия. Теория Песталоцци состоит в том, что каждый ребенок рождается художником и через его изобразительный смысл должен быть направлен на первые шаги воспитания. Младенческий мир показал также в своем выборе священных деревьев и животных глубокое понимание красоты. Мифы, в которых Змей представлен как какодемон, относятся скорее к его естественной истории,

чем к его внешнему виду; и даже когда его естественная история стала наблюдаться, существовало—существует и сейчас—такое большое расхождение между его физиологией и его функциями, а также между его внутренними характерами и их отношением к человеку, что мы можем только принять его различные аспекты в мифологии, не пытаясь проследить их относительное первенство во времени.

Рис. 23 Змея и яйцо (Шина).

Прошлое в этом случае может быть лучше всего истолковано настоящим. Как отличаются теперь от мудрых и наблюдательных людей внушения этой исключительной формы в природе!

Давайте прочитаем отрывок об этом у Ральфа Уолдо Эмерсона:

- В старом афоризме природа всегда самоподобна. В растении глаз или зародышевая точка открывается к листу, затем к другому листу, с силой превращая лист в корешок, тычинку, пестик, лепесток, прицветник, чашелистик или семя. Все искусство растения состоит в том, чтобы повторять лист за листом без конца, тем больше или меньше тепла, света, влаги и пищи, определяя форму, которую оно примет. В животном природа создает позвоночник, или позвоночник позвоночных, и помогает себе еще новым позвоночником, с ограниченной способностью изменять его форму, - позвоночник на позвоночнике, до

конца света. Поэтический анатом в наши дни учит, что змея, будучи горизонтальной линией, и человек, будучи прямой линией, составляют прямой угол; и между линиями этого мистического квадранта все живые существа находят свое место; и он принимает волосяного червя, спан-червя или змею как тип или предсказание позвоночника. Очевидно, что на конце позвоночника природа выставляет более мелкие шипы, как руки; на конце рук-новые шипы, как руки; на другом конце она повторяет этот процесс, как ноги и ступни. На вершине колонны она выставляет еще один позвоночник, который удваивается или сворачивается в клубок, как червь, и снова образует череп с конечностями: руки теперь являются верхней челюстью, ноги-нижней челюстью, пальцы рук и ног представлены на этот раз верхними и нижними зубами. Этот новый позвоночник предназначен для высоких целей. Это новый человек на плечах последнего".

Читая это, можно было бы спросить, каким образом его идеализм может быть более глубоко изображен для глаза, чем в Змее, обвившейся вокруг яйца, - семени, из которого должны разветвиться все эти шипы для их протеических вариаций? Какие отголоски древних тем тонко звучат между строк, - от Змея, обреченного ползать на брюхе в пыли, до Змея, вознесенного!

Теперь обратимся к Жюлю Мишле и прочтем, что означал Змей для одного настроения его симпатической натуры.

"Это был один из моих самых печальных часов, когда, ища в природе убежища от мыслей о времени, я впервые столкнулся с головой гадюки. Это произошло в ценном музее анатомических имитаций.

Голова, изумительно имитированная и чрезвычайно увеличенная, напоминала голову тигра и ягуара, обнажая в своей ужасной форме нечто еще более ужасное. Вы сразу же ухватились за тонкие, бесконечные, пугающе провидческие меры предосторожности, которыми так мощно вооружена смертоносная машина. Мало того, что он снабжен многочисленными острыми зубами, мало того, что эти зубы снабжены хитроумным резервуаром яда, который убивает немедленно, но их чрезвычайная тонкость, которая делает их подверженными разрушению, компенсируется преимуществом, которым, возможно, не обладает ни одно другое животное, а именно запасом дополнительных зубов, чтобы обеспечить в случае необходимости место любого случайно сломанного. О, какие припасы для убийства! Какие меры предосторожности, чтобы жертва не сбежала! Какая любовь к этому ужасному существу! Я стоял рядом с ним, шокированный, если можно так выразиться, и с больной душой. Природа, великая мать, рядом с которой я нашел убежище, потрясла меня своим материнством, столь жестоко беспристрастным. Я мрачно пошел прочь, неся на своем сердце тень более темную, чем та, что лежала в этот день, один из самых суровых в зимнее время. Я вышел, как дитя; я вернулся домой, как сирота, чувствуя, что мысль о Провидении угасает во мне".

Многие так уходили и так возвращались; некоторые говорили: "Бога нет"; некоторые говорили (как говорится о живом поэте): "Я верю в Бога, но я против него"; но некоторые

также различали в голове гадюки железную броню Природы, вооруженную ее лучшей наукой, чтобы защитить продвижение формы к человечеству по узким проходам.

Первобытный человек был ребенком, который вышел, когда его мир тоже был ребенком, и когда Змей все еще делал свою часть, чтобы сделать его и его человеком. От него до истребителя драконов был долгий путь; но он не просто съеживался, он наблюдал и наблюдал, и нет ни одной черты, принадлежащей его смертоносным ползучим современникам, которую он не заметил бы и не одухотворял бы в той науке, которая была ему доступна.

Последний из обнаруженных топов в Индии изображает змеепоклонников, собравшихся вокруг своего божества и придерживающих языки большим и указательным пальцами. Ни одна живая форма в природе не могла бы быть так уместно рассмотрена в этом отношении. Змей не только обычно безмолвен, но в своем действии он обладает "тишиной совершенного движения". В нем проявляется максимум силы относительно его размера, а также минимум трения и видимого усилия. Безногий, бескрылый, как звезда, его стремительное скольжение и метание иногда напоминает молнию, чей раздвоенный язык он, казалось, воплощал. Малейшее прикосновение его остроумного зуба разрушительнее, чем челюсть льва. Какая тайна в его долговечности, в его самодостаточности, в его самообновлении! Из темноты он выходит, облаченный в драгоценности, ползучий журнал смерти в своем гневе, в своих неведомых целях, способный обновить свою молодость, и басня для человека нетленная жизнь! Чудесны и его мимикрии. Иногда он заимствует цвета земли, на которой он покоится, деревья, на которых он висит, теперь, кажется, покрыты глазами, и "очковая змея", казалось, искусственно добавила к его зрению. В целом он уникален среди природных форм, и его обширная история в религиозных спекуляциях и мифологии делает честь наблюдениям первобытного человека.

Недавние эксперименты показали, что обезьяны испытывают величайший ужас перед змеями. Такой ужас все больше и больше признается выживанием в европейском человеке. Змея-почти единственное животное, которое может последовать за обезьяной на дерево и там напасть на ее детенышей. Наши древесные антропоидные прародители лучше всего могли бы развиться в каком-нибудь месте, естественно замкнутом и укрепленном, например, в пропастях, по которым четвероногие не могли бы подняться, но до которых обезьяны могли бы добраться, качаясь и прыгая с деревьев. Но не могло быть такого уединения, где Змей не мог бы последовать за ним. Король Бонни сообщил мне, что в его регионе Африки единственная змея, чье поклонение полностью поддерживается, - это Номбо (Прыгун), маленькая змея, белая и блестящая, чей укус смертельен, и которая, забираясь на деревья, прыгает оттуда на свою добычу внизу и может путешествовать далеко, прыгая с ветки на ветку. Первый древесный человек, который добавил немного к естественной защите любой ситуации, мог бы стоять в традиции как бог, сажающий сад; но даже он не был бы в состоянии изобрести какое-либо абсолютное средство защиты от тончайшего из всех зверей. Среди трех вещей, которые Соломон находил слишком удивительными для него, был "путь змея на скале" (Притч. Это сравнительное превосходство Змея над всеми и всякими приспособлениями и приспособлениями,

известными первобытным людям, - чьи пословицы, должно быть, составили большую часть мудрости Соломона, - неизбежно оказало бы свое действие на животные и умственные нервы нашего народа в древние времена, и Змей нашел бы в своей святости условия, благоприятные для выживания и размножения. Именно эта роковая сила суеверия, превращающего фантазии в реальность, до сих пор защищает Змея в различных странах. Из почитаемого как вершитель жизни и смерти он мог бы, таким образом, фактически стать таковым в больших районах страны. В картине Дюбуфа о грехопадении Человека гнев Иеговы представлен молнией, которая расколола дерево, под которым сейчас скорчилась оскорбленная пара; за ним виден сатана в человеческом облике, поднимающий руку в гордом вызове против почерневшего неба. Так появится и Змей. Его жертвы исчислялись многими тысячами там, где молния убивала одного. По трепещущим нервам многих поколений передавалось признание Сына Сираха: "Нет головы выше головы змеи".

Глава IV. Червь.

Африканский Змей-Драма в Америке—Завуалированный Змей—Ковчег Завета—Жезл Аарона—Червь—Эпизод на Dii Involuti—Серапес—Бамбино в Риме—Змея-превращения.

Накануне 1 января 1863 года - исторического Нового года, когда президент Линкольн провозгласил свободу американским рабам, - я присутствовал на Ночном дежурстве негров в одном из городов этой страны. Открывая собрание, проповедник сказал, хотя и словами, красноречивые недостатки которых я не могу воспроизвести: "Братья и сестры, президент Соединенных Штатов обещал, что, если конфедераты не сложат оружие, он завтра же освободит всех их рабов. Они не сложили оружия. Завтра будет день свободы для угнетенных. Но мы все знаем, что злые силы окружают президента. Пока мы сидим здесь, они пытаются заставить его нарушить свое слово. Но мы собрались вместе, чтобы наблюдать и следить, чтобы он не нарушил своего слова. Братья, дурное влияние, которое сегодня окружает Президента, сильнее всяких Медноголовых. Сегодня ночью Старый Змей со всеми своими посланниками находится в великом могуществе. Его гнев велик, потому что он знает, что его час близок. Сегодня вечером он будет в этой церкви. Когда наступит полночь, мы услышим его ярость. Но, братья и сестры, не тревожьтесь. Наши молитвы возобладают. У него будет синяк на голове. У него будет сломана спина. Он отправится в ад, а Новый год Всемогущего Бога сделает Соединенные Штаты истинной страной свободы.

Ощущение, вызванное этими словами у сотен негров, присутствовавших при этом, было глубоким; их часто прерывали крики "Слава!" и слезы радости. Но сцена и волнение, последовавшие за ней, были неописуемы. За несколько минут до полуночи прихожан попросили преклонить колени, что они и сделали, и молитва следовала за молитвой с возрастающим рвением. Вскоре послышалось громкое, продолжительное шипение. Раздались крики:‘Он здесь! он здесь! Затем последовал залп шипения.; они, казалось, исходили из каждой части комнаты, шипя так сильно, как шипят огромные змеи, что самые сильные нервы были потрясены; над ними возвышалась молитва проповедника,

которая превратилась в дикое заклинание, и экстатические восклицания стали настолько всеобщими, что было удивительно, какие голоса остались, чтобы издавать это шипение. Наконец с соседней колокольни в морозном воздухе прозвучали двенадцать ударов полуночи, и тотчас же шипение стихло, а вскоре и вовсе затихло, и Новый год, принесший свободу четырем миллионам рабов, был возвестен ликующим хором всех присутствующих, поющих победный гимн.

Издалека донеслось это шипение и эта победная песня, положившая конец драме драконов Америки. В них было бремя Иезекииля: "Сын человеческий, обрати лицо твое против фараона, царя Египетского, и пророчествуй против него и против всего Египта, говоря: так говорит Господь Иегова: вот Я против тебя, фараон, царь Египетский, великий дракон, лежащий посреди рек ... Я воткну крючок тебе в пасть. В них было бремя Исаии: "В тот день Господь своим язвенным, великим и сильным мечом накажет Левиафана, змея пронзающего, и Левиафана, змея кривого; он убьет дракона, который в море". В нем был крик Зофара: "Его мясо в его кишках перевернулось, это желчь аспидов внутри него. Он проглотил богатства и извергнет их снова; Бог извергнет их из чрева своего". И эти еврейские изречения снова были лишь отдаленным эхом более ранних голосов африканских рабов, все еще изображенных в цепях на разрушенных стенах Египта,— голосов, которые наконец набрались смелости объявить о бесконечной борьбе человека с Угнетением, как о той битве между богом и змеем, которая никогда не имела более благородного события, чем когда в Америке раздался предсмертный свист рабства и победоносное Солнце взошло над Новым Миром свободных и равных людей.

Змей, превозносимый в Америке до степени угнетения, очень отличается от любой змеи, которой африканец на своей родине поклоняется как божеству. Смуглый змеепоклонник в своем переселении брал своего бога с собой в сундуке или корзине-одновременно ковчеге и алтаре—и в этом тайнике он претерпевал превращения. Он возник как протеанская эмблема как добра, так и зла. В мифологическом смысле змея, конечно, держала свой хвост во рту. Ни одна цивилизация не достигла конца своего типичного господства.

Рис. 24 Змей и Ковчег (с греческой монеты).

Относительно сопутствующей элевсинской формы (рис. 24) Кальмет говорит: "Таинственный сундук, сундук или корзина могут быть справедливо причислены к самым замечательным и священным орудиям поклонения, которые составляли часть процессионных церемоний в языческом мире. Она считалась настолько священной, что не

выставлялась на всеобщее обозрение и не открывалась публично, а предназначалась для осмотра посвященными, только полностью посвященными. Для полного объяснения этого символа потребовалась бы диссертация; и действительно, это более или менее рассматривалось теми, кто писал о природе Ковчега свидетельства у евреев. Отклоняя в настоящее время этот вопрос, мы просто обращаем внимание читателя на то, что должно было содержаться в этом мистическом сундуке—змея! Французский бенедиктинец, написавший этот отрывок, хотя его обычная прямота стыдит казуистику нашего времени, счел необходимым скрыть еврейский Ковчег: именно так был первоначально скрыт обитатель Ковчега, и хотя св. Иоанн изгнал его из Чаши, его гений пребывает в Пиксе, перед Носителем которого " вознесены’ очи молящихся опущены.

Автор Послания к Евреям (глава ix), описывая Скинию, говорит: "После второй завесы - скиния, называемая Святейшей из всех, которая имела золотую кадильницу и ковчег завета, обложенный со всех сторон золотом, в которой был золотой сосуд с манной, и жезл Аарона, распустившийся, и скрижали завета". Но этот жезл Аарона, который, распустившись, поглотил все соперничающие притязания на племенное священство, был тем же самым жезлом, который был превращен в змея и поглотил жезлы-змеи колдунов в присутствии фараона. Так мягок и тонок "путь змеи на скале"!

Эта завеса Змея, значащая очень многое, характерна даже для слов, используемых для ее названия. Из них я выбрал одну, чтобы возглавить эту главу, потому что это одна из бесчисленных завес, которые защищали превращение этой рептилии от особой внешней опасности в демонический тип. Это общее описание вещей, которые вьются или вращаются (vermes, прослеживаемое некоторыми до санскритского корня hvar, "изогнутый"), постепенно вошло в употребление для выражения демонических змей. Данте и Мильтон называют сатану червем. Без сомнения, среди двухсот названий Змеи, упоминаемых в одном арабском труде, мы найдем параллели с этим старым вариантом слова "червь". В таких странах, как Германия и Англия, где нет больших змей, народное воображение не могло быть поражено простым утверждением, что Зигфрид или Ламбтон убили змею. Извилистый характер змеи был сохранен, но благодаря той бессознательной ловкости, которая так часто проявляется при создании мифов, он был расширен и включил в себя силу сверхъестественного преображения. Лэмбтонский червь выходит из колодца очень маленьким, но потом сворачивается в девять огромных складок вокруг своего холма. Оседланная ведьмой дочь короля Нортумберленда, которая

в нору заполз червяк

И оттуда вышла прекрасная дама,

только следовал легендарному правилу племени демонических змей.

Почему Змей проскользнул в Ковчег или сундук и спрятался за завесой? Чтобы ответить на этот вопрос, потребуется здесь один эпизод.

В этрусском богословии и церемониале верховная власть принадлежала некоторым божествам, которых никогда не видели. Их называли Dii Involuti, скрытыми богами. Даже

жрецы никогда не смотрели на них. Когда случалось какое-нибудь страшное бедствие, говорили, что эти таинственные божества произносили свое слово на совете богов - слово всегда окончательное и роковое.

Существовали прекрасные теории на этот счет, и этрусков хвалили за высокие трансцендентальные взгляды на невидимую природу Божественного Существа. Но более прозаическая теория, вероятно, верна. Эти боги были закутаны, потому что они не годились для того, чтобы их видели. Грубые резные изображения какого-то дикого племени, они были сначала замечены и обожаемы: для них были построены храмы, и их жречество стало могущественным.; но по мере того, как развивалось искусство и появлялись прекрасные статуи, эти грубые конструкции не могли выдержать контраста, и единственным способом сохранить почтение к ним и к институтам, выросшим вокруг них, было полностью спрятать их с глаз долой. Тогда можно было бы сказать, что они были так божественно прекрасны, что чувства были бы подавлены ими.

Было много скрытых божеств, и хотя их покровы были рационализированы, их легко пробить. Надпись на храме Исиды в Саисе гласила: "Я есть то, что было, есть и будет, и никто еще не поднял покрывала, скрывающего меня". Исида в это время, вероятно, превратилась в негритянскую Мадонну, подобную той, которой все еще поклоняются в Испании как святейшему из изображений и которую называют тем же титулом "Наша Непорочная Госпожа". Ковчег Моисея унес эту завесу в пустыню и скрыл предметы, не привлекательные для взгляда - вероятно, два нацарапанных камня, несколько костей, которые, как говорят, принадлежали Иосифу, горшок с так называемой манной и посох, который, как говорят, когда-то был змеей, а потом расцвел. Созданный грубым племенем, Ковчег был подходящей вещью, чтобы спрятать, и он был спрятан по сей день. Когда завеса в Храме была разорвана - аллегорически при смерти Христа, на самом деле Титом, - ничего подобного не было найдено; и казалось бы, что евреи должны были долго поклоняться завесе с пустотой за ней. Павел обнаружил, что завеса, которая, как говорят, закрывала лицо Моисея, когда он сошел с Синая, была мифом; это означало, что люди не должны видеть конца того, что, тем не менее, было преходящим. "Умы их были ослеплены; ибо до сего дня, когда читается Моисей, завеса эта на сердце их".

Кирхер говорит, что египетские серафимы были изображениями без каких-либо выдающихся конечностей, завернутыми как бы в пеленки, частично из камня, частично из металла, дерева или раковины. Подобные изображения, говорит он, римляне называли "тайными богами". По мере того как возрастал скептицизм, иногда было необходимо, чтобы эти "инволюции" были слегка раскрыты, чтобы не сказать, что там вообще нет бога. Так обстоит дело со знаменитым бамбино из церкви Аракли в Риме. Это изображение, как говорят, было вырезано паломником из дерева на Масличной горе и нарисовано св. Лука, пока пилигрим спал, теперь хранится в своем ковчеге, и посетителям разрешается видеть часть его раскрашенного лица. Когда автор этих строк попросил показать ему всю фигуру или, во всяком случае, голову, священник был поражен этим предложением. Несомненно, он был прав: удивительно только, что и лицо не скрыто, ибо трудно было представить себе более остроумно уродливую вещь, чем плоское, почерневшее и нарумяненное лицо

бамбино. Но, тем не менее, она носит очень хитрую вуаль. Лицо украшено изумительными бриллиантами, но они менее эффективно скрывают его уродство, чем одеяние мифологии вокруг него. Соседние стены увешаны изображениями чудес, которые он совершил и которые привлекли к нему такую веру, что, говорят, в свое время он получил больше медицинских сборов, чем все врачи в Риме вместе взятые. Священники обнаружили, что завеса над умом толще, чем завеса над богом. Народное почитание бамбино было так велико, что в 1849 году республиканцы сочли благоразумным подарить монахам государственную карету Папы для перевозки идола. В конце концов было доказано, что Папа надежно сидит рядом с бамбино, и вскоре он тоже вышел из-за своей вуали.

Затем наступил период, когда Змей заползал за завесу, или крышку ковчега, или в чашу— очень маленький червяк, но все же способный прогрызть посох Соломона. Нельзя допустить, чтобы мудрость поднялась над самим страхом, хотя ее особые источники могут быть тут и там уменьшены или уничтожены. Змея наконец научила человека военному искусству. Человек призвал на помощь свинью, и ибис произвел опустошение среди пресмыкающихся; и часть того ужаса, который является родителем такого рода преданности, прошла. Когда он появился в следующий раз, он был в двойном обличье— как Агатодемон и Какодемон, - но в обоих обличьях как фамильяр какого-то высшего существа. Это был гений Минервы, Эскулапа, святой Евфимии. Мы уже видели его (рис. 13) как гения элеан, Сосополиса, где также мы видим Змея, спешащего в свою пещеру, оставляя мать и ребенка для поклонения в храме Луцины. В христианской символике Серафимы - "пылающие (сараф) змеи" - скрывали свои лица и формы под огромными крыльями, скрещенными спереди, и таким образом смогли стать "выдающимися" и присоединиться к восхвалениям современных общин за избавление от таких же воображаемых огненных червей, как они сами!

Глава V. Апофис.

Натуралистическая теория Апофиса—Змея Времени—Эпос Червя—Аспид Мелита—Победители Времени—Начаш-Бериах—Змей-Шпион—Наступающий на Змей.

Соображения, изложенные в предыдущей главе, позволяют нам с легкостью отбросить многие из рационалистических интерпретаций, которые были выдвинуты для объяснения чудовищных змей священных книг, ссылаясь на воображаемые виды, предположительно вымершие в настоящее время. Летучие змеи, многоголовые змеи, приносящие дождь, ненавидящие женщин и т. д., Могут выжить как фауна библиолатрических фантазий. Такие формы, однако, имеют такое мифологическое значение, что необходимо внимательно следить за этим методом реалистической интерпретации, тем более что есть много реальных характеристик змей, достаточно таинственных, чтобы с ними сговориться. Здесь можно заметить недавний пример такого буквализма.

Мистер У. Р. Купер полагает, что злой змей египетской мифологии имел реальную основу в "большом и неизвестном виде coluber, огромной силы и отвратительной долготы", который "даже с самых ранних веков ассоциировался как представитель духовного, а

иногда и физического зла и назывался Hof, Rehof или Apophis", "разрушитель, враг богов и пожиратель душ человеческих". Карфагенянин и Лукан римлянин, и если теперь он больше не обитает в этих краях, то, вероятно, благодаря прогрессу цивилизации, загнавшей его дальше на юг.

Помимо крайней неправдоподобности того, что африканские исследования не принесли бы никаких слухов о таком чудовище, если бы оно существовало, можно сказать относительно теории г-на Купера: (1) Если бы действительно приведенные ссылки были на рептилию, ныне неизвестную, мы могли бы по мифологической аналогии ожидать, что она почиталась бы выше, чем Аспид или Кобра. Соразмерно страху обычно было и возвышение его объектов. Первобытные народы, как правило, набирались смелости изливать брань на злых монстров, когда—либо из-за их несуществования или редкости—была наименьшая опасность того, что это будет практически отвергнуто как личное оскорбление. (2) Правильные складки Апофиса на саркофаге Сети I и в других местах настолько очевидно мистичны и условны, что, по-видимому, они относятся к форме змеи только так, как гильоша на стене может относиться к морским волнам. Апофис (или Апап) был бы художником-декоратором, если бы сложил себя в таком порядке.

Эти невозможные лабиринтные спирали предполагают Время, как змея с хвостом во рту означает Вечность, - эволюция той же идеи. Таково было толкование, данное внимательным ученым,покойным Уильямом Хиксоном, процессии из девяти человек, изображенных на саркофаге, упомянутом как несущие змею, каждый из которых держал складку, причем все они были достаточно правильными для фриза. ‘Эта сцена, - говорит автор, - по-видимому, относится к Страшному суду, так как Осирис сидит на своем троне и выносит приговор толпе перед ним; и в тех же самых картинах изображены река, отделяющая живых от мертвых, и мост жизни. Смерть змеи, возможно, символизирует конец времен. Эта идея длительности может быть общей, относящейся ко всему времени, или она может относиться к продолжительности индивидуальной жизни; она, естественно, включает в себя зло и муки жизни; но фундаментальная концепция более проста, а также более поэтична, чем даже эти следствия, и она означает вечное опустошение и разложение. Стоит только посидеть перед часами, чтобы увидеть Апофиса: там спираль за спиралью вьется вечно движущееся чудовище, чей зуб безжалостен, пожирая мало-помалу силу и величие человека и превращая в прах его величайшие достижения - даже его вселенную. Время - это бессмертный Червь.

Бог сделал меня червем, я делаю тебя - дымом.

Хотя и спаси свою безымянную сущность от моего удара,

И все же я грызу не меньше

Любовь в сердце, звезды в багровом пространстве,

Бог ревнует, - делая вакантным таким образом ваше место,

И украсть ваших свидетелей.

Со времен звездного пламени человек был бы неправ, если бы учил

Что могильный червь не может достичь такой славы;

Ничто реальное не спасет меня.

В синеве, как под мраморной плитой, лежу я.,

Я сразу же кусаю звезду в небе,

Яблоко на дереве.

Грызть твою звезду мне не труднее

Чем висящий виноград на виноградных лозах Сицилии;

Я обрезаю лучи, которые падают;

Вечность не уступает великолепию храбрых.

Лети, муравей, все существа умирают, и ничто не может спасти

Все созвездия.

Звездный корабль высоко в эфирном море,

Должно расколоться и разбиться в конце концов: эта вещь будет:

Бросок Сатурна с широким кольцом

К разорению: Сириус, тронутый мной, распад,

Как маленькая лодка от Итаки далеко

Это ведет к Калимносу.

Естественная история Апофиса, насколько она у него есть, вероятно, представлена в следующем отрывке, процитированном м-ром Купером из Уилкинсона: "Элиан рассказывает много странных историй об аспиде и уважении, оказанном ему египтянами; но мы можем предположить, что в его шестнадцать видов аспидов были включены и другие змеи. Он также говорит о драконе, который был священным в египетском Мелите, и о другой разновидности змеи, называемой Парис или Паруас, посвященной Эскулапу. У змея Мелитского были жрецы и служители, стол и чаша. Его держали в башне, и жрецы кормили его лепешками из муки и меда, которые они клали туда в чашу. Сделав это, они удалились. На следующий день, вернувшись в квартиру, еда была обнаружена съеденной, и то же самое количество было снова положено в чашу, так как никому не дозволялось видеть священную рептилию".

Именно в этом сокрытии от внешнего взора Змей был способен принять такие чудовищные размеры для воображаемого глаза; и действительно, не исключено, что этот змей Мелитский, вступив в конфликт с культом Осириана, был низведен и демонизирован

в то злое чудовище (Апофис), которого Гор убил, чтобы отомстить за гибель Осириса (ибо он часто отождествлялся с Тифоном).

Хотя Гор проклял и убил этого ужасного демона-змея, он вновь появляется во всей египетской мифологии с неизменной силой, и все злые силы были порождением его самого или Тифона, которые иногда описывались как братья, а иногда как одни и те же существа. Из "Ритуала мертвых" мы узнаем, что это была высокая привилегия и задача героических мертвых быть восстановленными и идти вперед, чтобы встретить и подчинить агентов Апофиса, которые послали, чтобы сразиться с ними крокодилов Себа, Хема и Шуи, и других крокодилов с севера, юга, востока и запада.; герой, победив их, обретает их мощь, а затем одерживает верх над ходячей гадюкой Ру; и так далее с другими демонами, называемыми "предвестниками Апофиса", пока не встречается и не убивает сам их князь, и все божества-хранители героя заботятся о том, чтобы воткнуть нож в каждую складку чудовища. Это - Победители Времени, бессмертные.

В Апофисе мы находим Змея достаточно развитым до принципа зла. Он - "обвинитель солнца"; двенадцать врат в Ад преодолеваются его представителями, через которые Солнце должно пройти - двенадцать часов ночи. Он одновременно и "Начаш бериах", и "Начаш акталон" - "Змей перекладины" и "Извилистый змей", с которыми мы встречаемся в Ис. 1: "В тот день Господь своим язвенным, великим и сильным мечом накажет левиафана, змея пронзающего, и левиафана, змея кривого". Маргинальный перевод в английской версии - "пересекающий, как прут", а не пронзающий, и в Вульгате есть serpens vectis. Это относится к моральной функции змея, как преграждающего путь или охраняющего дверь. Несомненно, это и есть "кривая змея" Иова xxvi. 13, ибо астрологический смысл ее не умаляет земного значения. Воображение могло лишь проецировать в небеса то, чему научилось на земле. Бочарт, отождествляя "Нахаш-бериах" с "летающим змеем", совершенно прав: Серафим, или крылатый Змей, который преградил путь к древу жизни в Эдеме и в некоторых преданиях был коварным стражем у ворот сада и который укусил Израиль в пустыне, был тем же самым протеанским Апофисом. Для таких задач и для того, чтобы парить в небесной планисфере, Змей должен иметь крылья; и таким образом он уже далеко на пути к тому, чтобы стать летающим Драконом. Но в одной форме, как предатель человека, он должен потерять свои крылья и ползать по земле вечно. Змей, таким образом, не столько агатодемон и какодемон в одной форме, сколько принцип разрушительности, который иногда используется божеством для наказания своих врагов, как Гор использует огненную Кхети, но иногда требует, чтобы его самого наказали.

Были сомнения, будет ли продолжаться известное происхождение ὄφις, змея, от ὄψ, глаза. Некоторые связывают греческое слово с ἔχις, но Курций утверждает, что старое происхождение от ὄψ правильно. Даже если бы это не было этимологией, популярность этого слова в равной степени предполагала бы тот факт, что эта рептилия в древности должна была убивать своим взглядом; и она также обычно считалась одаренной сверхъестественным зрением. По аналогии с тем процессом, который развил мстительные Фурии из детективной зари - Эриниес из Саранью, Сатана из Люцифера - этот тонкий

Шпион мог бы стать также карательной и, наконец, злой силой. Фурий изображали со змеями в руках, и каждая из них в идеале могла нести в себе ужасы Апофиса: Время тоже сыщик, и виновные слышали, как оно говорит: "Твой грех тебя раскроет".

Благодаря многочисленным ассоциациям такого рода Змей стал в ранний период агентом испытания. Любой, кто безнаказанно обращался с ним, считался заодно с ним или специально огражденным божеством, чьи "руки образовали кривую змею". Возможно, Моисей и Аарон предстали перед фараоном в образе заклинателей змей и повлияли на его воображение; или, если эта история-миф, ее существование все еще показывает, что действия змей тогда рассматривались бы как верительные грамоты божественной подлинности. Поэтому, когда Павел потерпел кораблекрушение на Мальте, где, как говорят, на его руку вцепилась гадюка, варвары, сначала предположив, что он убийца, "который хотя и спасся от моря, но Мщение не терпит жизни", заключили, что он бог, когда нашли его невредимым. Бесчисленные предания предшествовали словам, приписываемым Христу (Лк. 19): ‘Вот, Я даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу врага, и ничто никоим образом не причинит вам вреда". Поучительно сравнить эту фразу, приписываемую Христу, с представлением варваров о приключении Павла, каким бы оно ни было. Знакомство Павла со Змеем кажется им доказательством того, что он бог. Такова и идея, представленная в Ис. 8: "Сосущий ребенок будет играть на отверстии жереха". Но идея наступать на змей знаменует собой период, более близкий к тому, когда младенец Геракл душил змей. И все же, хотя эти два понятия - наступление на змея и убийство змеи-приближаются друг к другу, они очень различны по своему источнику и значению, как морально, так и исторически. Слово, употребленное в Евангелии от Луки, πατεῖν, передает мысль о том, чтобы идти по чему-то в величии, а не во враждебности; оно должно быть истолковано следующим предложением (х. 20), ‘Несмотря на это, не радуйтесь, что духи подвластны вам (τα πνεύματα ὑποτάσσεται)". Истребитель змей или истребитель драконов не имеет семитского происхождения. Ужасное превосходство Иеговы держало все силы разрушения прикованными к его руке; и спросить человека, может ли он вытащить Левиафана крюком, было лишь еще одной формой напоминания ему о его собственной неполноценности перед создателем и господином Левиафана. Насколько верны семитские идеи, проходящие через Библию и особенно представленные в легенде о Павле на Мальте, по отношению к варварской природе, иллюстрирует случай, описанный в "Мифах Нового света" мистера Бринтона. Благочестивый основатель Моравского братства граф Цинцендорф посещал миссионерскую станцию среди шауни в долине Вайоминга, в Америке. Недавние ссоры с белыми так разозлили краснокожих, что они решили сделать его своей жертвой. После того как он удалился в свою хижину, несколько воинов осторожно заглянули внутрь. Граф Цинцендорф сидел у огня, погруженный в чтение Священного Писания; и пока краснокожие смотрели, они увидели то, чего не видел он, - огромную гремучую змею, которая скользила по его ногам, собираясь в клубок перед уютным теплом огня. Они тотчас же оставили свою убийственную цель и бесшумно удалились, уверенные, что это действительно божественный человек.

Глава VI. Змей в Индии.

Канкато на—Ведические Змеи, которым не поклоняются—Ананта и Сеша—Исцеляющий Змей—Хранитель сокровищ—Теория мисс Бакленд—Примитивный рационализм—Плутократия Подземного мира—Дождь и молния—Вритра—История слова " Ахи'—Гадюка—Зохак—Тевтонский Лаокоон.

То, что поклонение Змее в Индии было развито эвфемизмом, достаточно показано в знаменитом ведическом гимне под названием Канкато на, читаемом как противоядие от всякого яда, перевод которого приводится ниже:—

1. Какое-то существо с малым ядом, какое-то существо с большим ядом или какая-то ядовитая водная рептилия; существа двух видов, оба разрушительные для жизни, или ядовитые, невидимые существа, помазали меня своим ядом.

2. Противоядие, приходящее к укушенному, уничтожает невидимых ядовитых существ; уходя, оно уничтожает их; лишенное вещества, оно уничтожает их своим запахом; будучи размолото, оно измельчает их.

3. Травинки сары, кусары, дарбы, сайрии, мунджи, вираны, все пристанища невидимых ядовитых существ, вместе помазали меня своим ядом.

4. Коровы улеглись в своих стойлах; дикие звери отступили в свои логова; чувства людей успокоились, когда невидимые ядовитые существа помазали меня своим ядом.

5. Или они могут быть обнаружены во тьме, как воры в вечерних сумерках; ибо хотя они невидимы, но все они видны им; поэтому люди должны быть бдительны.

6. Небеса, змеи, - ваш отец; Земля - ваша мать; Сома - ваш брат; Адити - ваша сестра; невидимые, всевидящие, пребывайте в своих норах; наслаждайтесь своим благоволением.

7. Те, кто двигаются плечами, те, кто двигаются телом, те, кто жалят острыми клыками, те, кто смертельно ядовиты; что вы здесь делаете, вы невидимые, уходите вместе далеко от нас.

8. Всевидящее Солнце восходит на Востоке, разрушитель невидимого, прогоняющий всех невидимых ядовитых тварей и всех злых духов.

9. Солнце взошло высоко, уничтожая все многочисленные яды; Адитья, всевидящий, разрушитель невидимого, восходит для блага живых существ.

10. Я помещаю яд в солнечную сферу, подобно кожаной бутылке в доме торговца духами; воистину, это восхитительное Солнце никогда не умирает; и по его милости мы не умрем от яда; ибо, хотя и издалека, но привлеченный своими путниками, он настигнет яд; наука противоядий обратила тебя, Яд, в амброзию.

11. Эта ничтожная птичка проглотила твой яд; она не умрет; и мы не умрем; ибо хотя и издалека, но все же, привлеченные его бегунами, Солнце настигнет яд; наука противоядий превратила тебя, Яд, в амброзию.

12. Пусть трижды семь искр Агни поглотят влияние яда; они, воистину, не погибнут; и мы не умрем; ибо, хотя и далеко, Солнце, привлеченное своими ходами, настигнет яд; наука противоядий обратила тебя, Яд, в амброзию.

13. Я перечисляю имена девяноста девяти рек, разрушителей яда: хотя издалека Солнце, влекомое своими путями, настигнет яд; наука противоядий обратит тебя, Яд, в амброзию.

14. Пусть трижды семь павов, семь сестер рек, унесут, о Тело, твой яд, как девы с кувшинами уносят воду.

15. Пусть ничтожный мунгус унесет твой яд, Яд; если нет, я раздавлю мерзкое создание камнем; так пусть яд покинет мое тело и уйдет в дальние края.

16. Спеша вперед по повелению Агастьи, так сказал мунгус: Яд скорпиона безвреден; Скорпион, яд твой безвреден".

Хотя в шестом стихе этого гимна говорится, что змеи рождены от Неба и Земли, контекст не дает оснований полагать, что им воздается какое-либо почтение; они связаны со злыми Ракшасами, Солнце и Агни представлены как их ненавистники и разрушители. Семь сестринских рек (потоки священного Ганга) дают противоядие от их яда, и некоторые животные, куропатка и мунгус, как говорят, хотя и незначительны, но превосходят их. Наука противоядий, о которой идет речь, - это та, которой Индра научил Дадхьянча, потерявшего голову из-за того, что он сообщил ее асвинам. Примечательно, однако, что в ведический период нет ничего, что представляло бы змею как лекарственную, если только окольным путем мы не соединим выражение в Ригведе, что гнев марутов, или богов бури, "как гнев змей", с тем фактом, что их вождь, Рудра, прославляется как дарующий "целебные травы", и они сами просили ‘лекарства". Это было бы слишком далеко растягивать смысл гимнов. Вполне возможно, однако, что в более поздние времена, когда поклонение змеям было полностью развито в Индии, то, что сказано в шестом стихе гимна, могло быть приведено в подтверждение этого суеверия.

Таким образом, очевидно, что в то время, когда была написана Канкато на, на змея смотрели с простым отвращением. И мы можем также помнить, что даже сейчас, когда индийская кобра почитается как Брахман высшей касты, существует воспоминание о его прежней дурной репутации, сохранившееся в распространенном индуистском веровании, что определенный след на его голове был оставлен там пяткой Вишну, Владыки Жизни, который наступил на нее, когда в одном из своих аватаров он впервые ступил на землю. Хотя в более поздней мифологии мы находим Вишну, в промежутках между его аватарами или воплощениями, покоящимся на змее (Шеше), первоначально это могло означать только его господство над ней, хотя Шеша также называется Ананта, Бесконечный. Идея Бесконечного, однако, поздняя, и символизация ее Сешей согласуется сначала с более низким значением. В индуистских народных сказках змея предстает в

своем простом образе. Такова басня, в которой встречается так много вариантов, самый известный на Западе-это басня о Вифгелерте, которая является тринадцатой частью 4-й Хитопадеши. Брахман, оставив свое дитя в покое, совершая обряд в честь своих предков, по возвращении находит домашнего мунгуса (накулу), измазанного кровью. Предположим, что мунгус съел своего ребенка, он убивает его, а затем обнаруживает, что бедное животное убило змею, которая подкралась к младенцу. В Канкато на слово, интерпретируемое Саяной как мунгус (Viverra Mungo, или ichneumon), не то же самое (nakula), но оно, очевидно, означает какое-то животное, достаточно незначительное, чтобы бросить презрение на Змею.

Универсальность Змеи как эмблемы целительского искусства—найденная как таковая у египтян, греков, германцев, ацтеков и уроженцев Бразилии—предполагает, что ее долголетие и способность сбрасывать старую кожу, по-видимому, обновляя ее молодость, могли быть основой этой репутации. Несомненно также, что это были люди с научными наклонностями и внимательными наблюдениями, которые первыми узнали о восприимчивости змеи к музыке и о том, как можно извлечь ее яд или даже ее клыки, и которые таким образом приобрели репутацию причастников ее предполагаемой силы. Благодаря такому примитивному рационализму Змея могла бы заключить важный союз и подняться, чтобы сделать аспидную корону Изиды как богини здоровья (Термутис), обвиться вокруг посоха Эскулапа, стать эмблемой Гиппократа и, в конечном счете, выжить, чтобы стать знаком европейской пиявки, обвиваясь, наконец, красной полосой вокруг шеста цирюльника. Первобытный зоолог и заклинатель змей не только, по всей вероятности, был бы человеком, искушенным в тайнах природы, но и учился бы, насколько это возможно, удовлетворять народную потребность в паллиативах и противоядиях от укусов змей.; все, кто избежал смерти после таких ран, увеличили бы его репутацию как практикующего; и даже если бы его смягчение было неизбежно немногочисленным, его знание привычек Змеи и ее разновидностей могло бы стать источником ценных предосторожностей.

Такие вероятные факты, как эти, должны, конечно, быть отнесены к периоду, намного предшествующему поэтическому змеиному символизму Египта и сложной змеиной мифологии Греции и Скандинавии. То, как простые идеи, однажды завоевав популярность, могут быть подхвачены теологами, поэтами, метафизиками и шарлатанами и преобразованы в разнообразные формы, не требует доказательств в эпоху, когда мы являемся свидетелями рационалистических интерпретаций, посредством которых крест, таинства и другие простые символы наделяются всевозможными философскими значениями. Змей, принятый в качестве указательного столба египетских и ассирийских врачей-и, возможно, что—то в этом роде было установлено Моисеем в пустыне,—естественно, станет символом жизни, и после этого он будет выполнять свой долг в любом качестве.

Гениальный антрополог г-н К. Стэниленд Уэйк (Staniland Wake) полагает, что Змей в Индии был также символом сверхъестественного и оккультного знания. Возможно, это было так в ограниченной степени и в постведические времена, но мне кажется, что акцент

индуистской мифологии змей явно выражается в почитании его как хранителя сокровищ. Я могу упомянуть здесь также теорию, предложенную мисс А. Бакленд в статье, представленной в Антропологический институт в Лондоне 10 марта 1874 года, на тему "Змея в связи с примитивной металлургией". В этой ученой монографии автор утверждает, что можно проследить связь между ранним поклонением змею и знанием металлов, и действительно, что Змея была знаком туранских металлургов точно так же, как я предположил, что в Египте и Ассирии она была знаком врачей. Она полагает, что Змей, должно быть, сыграл какую-то роль в первоначальном открытии человеком металлов и драгоценных камней, в знак признания которого это животное сначала было принято за тотем, а затем стало эмблемой. Она утверждает, что традиционные и орнаментальные свидетельства показывают, что туранские расы были первыми рабочими в металлах и что они мигрировали на запад, вероятно, из Индии в Египет и Халдею, а оттуда в Европу и даже в Америку, неся свое искусство и его знак.; и что они бежали от арийцев, которые обладали еще большим искусством плавки, и что арийские мифы об убийстве змей описывают свержение туранских змеепоклонников.

Я не думаю, что мисс Бакленд привела доводы в пользу того, что кочевые туранцы были первыми металлургами, хотя не исключено, что скифское племя в Южной Индии прославило "золото Офира", которое, как показал Макс Мюллер, было, вероятно, индийским регионом.Но то, что эти древние ювелиры могли иметь Змею в качестве своего знака или эмблемы, весьма вероятно, и для объяснения этого, кажется, мало оснований прибегать к гипотезе о помощи, оказанной Змеей человеку в его открытии металлов. Конечно, украшенное драгоценными камнями украшение змеи само по себе было бы очевидным намеком на нее как на эмблему драгоценных камней. Там, где у рептилии по каким-то причинам, связанным со змеей - жабой, - не было подобных ярких пятен, могло возникнуть родственное суеверие, что драгоценный камень спрятан в ее голове. И, наконец, когда эти рептилии были соединены с драгоценными камнями, глаз любого из них легко получал дополнительные лучи от множества глаз-лучи суеверия.

Мы могли бы также приписать первобытным людям достаточную логическую силу, чтобы понять, почему они пришли к выводу, что животное, столь чудесно и тщательно снабженное смертоносностью, как Змея, должно иметь задачи соответствующей важности. Лекарство, исцеляющее человека (следовательно, возможно, богов), сокровища, наиболее ценимые людьми (следовательно, антропоморфными божествами), плод бессмертия (который боги, возможно, пожелают монополизировать),—все это может казаться высшей ценностью, для охраны которой может быть создано высшее совершенство змеиного клыка. Так может быть и на небесах, и в мире, и в преисподней. Радугу в Персии называли "Небесной змеей", и древнее представление о том, что в конце ее находится мешок с золотом, известно многим английским и американским детям.

Какова бы ни была природа первоначального предположения, есть определенные причины, по которым, когда Змей был пойман, чтобы быть частью комбинаций, представляющих Принцип Зла, его характер как хранителя сокровищ должен был стать

очень важным. Богатство-это характеристика богов Гадеса, или невидимого мира под поверхностью земли.

В обширной сингальской демонологии мы находим высший класс демонов (dewatawas), описанных как обитающие в золотых дворцах, сверкающие драгоценными камнями, сами с кожей золотистого оттенка, носящие кобры в качестве украшений, их король, Вессамони, сидящий на троне из драгоценных камней и владеющий золотым мечом. Плутон происходит от слова, означающего богатство (πλοῦτος), как и его латинское имя Dis (погружение). Ибо таковы владыки всего, что находится под дерном или на поверхности моря. Поэтому важно заметить, что они владеют всеми семенами в земле до тех пор, пока они остаются семенами. Как только они начинают цвести, плодоносить, они принадлежат не богам Аида, а человеку: идея, которая возникла из мифа о Персефоне и, кажется, сохранилась в школе крайних вегетарианцев, которые отказываются есть овощи, не созревшие на солнце.

Эти соображения могут помочь нам лучше понять более ранние характеры Ахи, Душителя, и Вритры, Скрывающего. Как хранители таких скрытых сокровищ, как металлы и наркотики, Змея могла быть баронетом и призываться, чтобы даровать благосклонность; но с теми особыми змеями, которые, пряча облачных коров, удерживали дождь или душили реки засухой, все для того, чтобы держать житницы подземного мира толстыми, а житницы верхнего мира худыми, нужно было бороться. Против них человек призывал небесных божеств, напоминая им, что их собственные алтари должны быть лишены жертвоприношений, если они не победят этих вороватых Связующих и Укрывателей.

Змей с его драгоценными украшениями, с его самообновляющейся силой и несравненными способностями скрываться, прятаться, смертельно поражать, постепенно ассоциировался с волнами рек и морских волн на земле, с Млечным путем, с "покровителями" неба-ночью и облаками-прежде всего с меткой, кривой, вилкозубой молнией. Возможно, это была молния, которая была Амритой, выбитой из лазурного моря в мифе о "Махабхарате", когда боги и демоны повернули гору с огромной змеей для шнура (стр. 59), что означает нисхождение огня или его открытие; но появились и другие прекрасные и плодоносные вещи—богиня вина, корова изобилия, дерево небес. У жителей Бирмы до сих пор сохранился обычай дергать за веревку, чтобы вызвать дождь. Партия дождя и партия засухи борются друг с другом, причем партия дождя одерживает победу, за которой, по распространенному мнению, обычно следует дождь. Я часто видел змей, повешенных после того, как их убили, чтобы вызвать дождь, в штате Виргиния. Ибо там также дождь означает богатство. Там также верят, что, как бы сильно ни была раздавлена змея, она не умрет полностью, пока не загремит. Это отдаленные отголоски ведических изречений. "Друг Вишну, - говорит Индра, - шагай широко; небо даст место удару молнии; убьем Вритру и освободим воды". - Когда, Громовержец, ты своей силой убил Вритру, который остановил потоки, тогда выросли твои дорогие кони.

Вритра, хотя и происходит от того же корня, что и Варуна (небо), означает сначала покрыватель небесного облака или тьмы; поэтому в конце концов он становится

сокрытым, вором, который крадет и скрывает щедрости небес - безоблачное облако, удушающую ночь; и в конце концов Вритра сливается с самым страшным призраком арийского ума - змеем Ахи.

Греческое слово, обозначающее Гадюку, ἔχις, является модификацией Ахи. Возможно, нет более замечательного примера бессознательного идеализма человеческой природы, чем история имени великого Дросселя, как это было прослежено профессором Максом Мюллером. Змея также называлась ахи на санскрите, в Греции эхис или ехидна, на латыни ангис. Корень-ах на санскрите, или амх, что означает давить друг на друга, душить, душить. Это любопытный корень amh, и он все еще живет в нескольких современных словах, в латыни он появляется как ango, anxi, anctum, чтобы задушить; в ангине, ангина; в ангоре - удушье. Но ангор имел в виду не только ангину или сдавление шеи: он имел моральное значение и означал тоску или тревогу. Два прилагательных angustus, узкий, и anxius, беспокойный, оба произошли от одного и того же корня. В греческом языке корень сохранил свое естественное и материальное значение; в eggys-рядом, и echis - змея, дроссель. Но в санскрите оно было выбрано с великой истиной как собственное имя греха. Зло, без сомнения, предстало перед человеческим умом в различных аспектах, и его имена многочисленны; но ни одно из них не является столь выразительным, как производное от нашего корня amh, чтобы задушить. "Амхас" на санскрите означает "грех", но только потому, что изначально оно означало "удушение" —сознание греха подобно хватке убийцы на горле жертвы. Все, кто видел и созерцал статую Лаокоона и его сыновей со змеей, обвившейся вокруг них с головы до ног, могут понять, что чувствовали и видели те древние, когда называли син амхас, или душитель. Этот амхас-то же самое, что греческий агос, грех. В готском языке тот же корень произвел agis в смысле страха, и из того же источника мы имеем благоговение в ужасном, то есть страшном, и ug в уродливом. Английское страдание происходит от французского angoise, искаженного латинского angustitae, пролива.В эту удивительную историю слова, биография которого, как сказал Макс Мюллер в своих Лекциях Хибберта о Деве, могла бы заполнить целый том, могут быть включены также наш людоед, а также немецкое unke, что означает "лягушка" или "жаба", но первоначально "змея" —особенно маленькая домашняя змея, которая играет большую роль в тевтонском фольклоре и должна была приносить удачу.

Этот эвфемистический вариант является, однако, единственным исключением, которое я могу найти для зловещих ветвей, в которые корень а вырос по всему миру; одним из его страшных плодов является сопутствующая фигура, скопированная с одного из декоративных боссов собора Уэллса.

Рис. 25. Тоска.

Демон Гадюки был универсален. Геродот рассказывает, что из чудовища, наполовину женщины, наполовину змеи, произошли скифы, и эта басня часто вспоминается в истории тюрков. ‘Зохак’ Фирдуси-это иранская форма Ахи. Это имя - арабизированная форма "Ажи Дахака" Авесты, "губительного змея", побежденного Траэтаоно (Трайтаной Вед), и это иранское имя снова (Дашака) - Ахи. Это имя вновь появляется в Срединных Астиагах.6 Зохак изображен с двумя змеями, растущими из его плеч, что, по предположению покойного профессора Уилсона, могло быть вызвано фразой в Канкато на (ye ansyá ye angyáh), которую он переводит как "Те, кто двигаются своими плечами, те, кто двигаются своими телами", что, однако, может означать "те, кто рождается на плечах, кусаются ими" и "может дать тем, кто ищет аналогии между иранскими и индийскими легендами, параллель в истории Зохака". любимый в Персии, там, где он используется для указания на мораль, как в наставлении ученого Саиба принцу, его ученику. Саиб рассказал мальчику историю о царе Зохаке, к которому пришел волшебник и, дыша на него, заставил двух змей выйти из области его груди, и сказал ему, что они принесут ему великую славу и удовольствие, если он будет кормить этих змей самыми бедными из своих подданных. Так Зохак и сделал; и он имел большое удовольствие и богатство, пока его подданные не восстали и не заперли царя в пещере, где он сам стал добычей двух змей. Молодой принц, с которым была связана эта легенда, пришел в ужас и попросил Саиба рассказать ему что-нибудь более приятное. Затем учитель рассказал, что молодой султан доверился искусному придворному, который наполнил его ум ложными представлениями о величии и счастье и привнес в его сердце Гордость и Сладострастие. Этим двум страстям молодой султан пожертвовал интересами своего королевства, пока

подданные не изгнали его; но Гордость и Сладострастие остались в нем, и, не сумев удовлетворить их в изгнании, он умер от ярости и отчаяния. -Эта история мне нравится больше, чем другая, - сказал принц-ученик. ‘И все же,’ сказал Саиб, ‘это одно и то же.

Любопытно, что эта древняя персидская басня сохранилась в колдовском фольклоре Америки и в конце концов послужила Натаниэлю Готорну темой одного из его прекрасных аллегорических романов, а именно о человеке со змеей в груди, которая всегда угрожала задушить его, если он не накормит ее. Оно пришло к американскому баснописцу, так сказать, через множество мифических оболочек. Одна из самых красивых историй, которую он носил, - это история, которую до сих пор рассказывают матери своим детям в некоторых районах Германии. Рассказывают, что мальчик и девочка пошли в поле собирать клубнику. Собравшись, они встретили пожилую женщину, которая попросила немного фруктов. Девочка высыпала содержимое своей корзинки на колени старухи, но мальчик схватил свою и сказал, что хочет взять ягоды для себя. Когда они прошли мимо, старуха подозвала их и вручила каждому по маленькой коробочке. Девушка открыла свою и обнаружила в ней двух белых гусениц, которые быстро превратились в бабочек, а потом превратились в ангелов с золотыми крыльями и унесли ее в Рай. Мальчик открыл свою коробочку, и из нее вылезли два крохотных черных червячка; они быстро превратились в огромных змей, которые, обвившись вокруг конечностей мальчика, утащили его в темный лес, где этот тевтонский Лаокоон все еще остается, чтобы показать в своей беспомощности могучую силу маленьких недостатков, чтобы вырасти в дурные привычки и связать всего человека.

Глава VII. Василиск.

Камень Змея—Глаз Василиска—Василиск митрат—Дом-змеи в России и Германии—Король-змеи—Геральдический дракон—Генрих III.—Мелюзина—Червь Лэдли—Победоносные драконы—Пендрагон—Мерлин и Вортигерн—Лекарственные драконы.

Однажды один драгун предстал перед Фридрихом Великим и предложил королю маленький камешек, который, по его словам, был вырезан из головы королевской змеи и, несомненно, сохранит трон. Фридрих, вероятно, больше доверял драгунам, чем драконам, но он сохранил небольшое любопытство, мало зная, возможно, что оно будет столь же плодовито легендами, как петушиное яйцо, к которому оно обычно прослеживается, в василисках (чье имя, возможно, породило петушиные басни) или василисках. Теперь в немецком фольклоре утвердилось мнение, что своим величием Фридрих был обязан знакомому, который находился рядом с ним в виде василиска. Но есть несколько частей света, где подобные легенды не могли бы возникнуть и обвиться вокруг какой-либо известной репутации. Индийская газета "Лоуренс Газетт", упомянув, что бывший король Удха коллекционирует змей, добавляет: "Возможно, он хочет завладеть драгоценным камнем, который, как говорят, содержится в некоторых змеях, или тем видом змей, с помощью которого, как говорят, человек может летать по воздуху". Деннис, в чьей работе по китайскому фольклору это цитируется, находит то же самое понятие в Китае. В одном рассказе иностранец неоднократно пытается купить лавку мясника, но мясник

отказывается продать ее, подозревая, что в этом предмете должна быть какая—то скрытая ценность; по этой причине он ставит лавку рядом, и когда иностранец возвращается через год, узнает от него, что в лавке сидела змея, поддерживаемая в живых пропитанной кровью, которая держала во рту драгоценный камень - совершенно бесполезный после того, как змея была мертва. Проклиная свою глупость из-за того, что верстак вышел из употребления, мясник вскрыл его и нашел змею мертвой, держащей во рту что-то похожее на глаз сушеной рыбы.

Здесь мы имеем два пункта, которые могут быть только случайными, но, с другой стороны, возможно, имеют значение. Высшее знание о змее, приписываемое "иностранцу", может указывать на то, что подобные истории в Китае традиционно чужды, завезены буддистами; и сравнение мертвого камня с глазом может немного добавить к вероятности того, что этот магический камень, будь то в голове жабы или змеи, является глазом рептилии, видимым гламуром человеческих глаз. Глаз василиска является одновременно его богатством, его очарованием и его парализующим талисманом, хотя все эти верования имеют свои различные источники и свои различные представления в мифологии. То, что его рассматривали как драгоценный камень, было, как я думаю, связано с украшенной драгоценными камнями кожей большинства змей, которая постепенно делала их символами богатства; то, что он считался способным очаровывать, можно отнести к общим принципам иллюзии, уже рассмотренным; но его парализующая сила, его дурной глаз, связывает его с понятием, найденным как в Египте, так и в Индии, что змей убивает своим глазом. Среди санскритских слов, обозначающих змею, есть "дриг-виша" и "дришти-виша" - буквально ‘имеющий яд в глазу".

В то время как все змеи были владыками и хранителями богатства, некоторые из них были хохлатыми или имели маленькие рога, что передавало идею коронованной и императорской змеи, βασιλίσκος. Натуралисты признали это происхождение названия, дав то же самое (Basiliscus mitratus) роду Iguanidae, замечательному перепончатым гребнем не только на затылке, но и вдоль спины, который эта ящерица может поднимать и опускать по своему желанию. Но фольклор, наука невежд, установил ту же связь, утверждая, что василиск вылупляется из яйца черного петуха,—так крестьянин объяснял слово "василиск". Де Планси прослеживает одну часть верования к болезни, которая заставляет петуха производить небольшое яйцевидное вещество; но сходство между его гребнем и гребнями змеи и лягушки было вероятной связью между ними; в то время как древнее возвышение петуха как птицы рассвета относило происхождение василиска к очень исключительному члену семьи - черному петуху на седьмом году жизни. Однако полезная птица, по-видимому, пострадала даже так незначительно, главным образом из-за фонетического заблуждения. Слово "василиск’ - это трансформированный "крокодил". Мы имеем его в старофранцузском "cocatrix", которое опять же происходит от испанского "cocotriz", что означает "крокодил", - κροκοδειλος; которую Геродот, между прочим, использует для обозначения вида ящерицы и святость которой простирается от Нила до Дуная, где фольклор заявляет, что скелет ящерицы представляет собой образ страстей Христовых, и ей никогда не должно быть причинено вреда. Таким образом, "василиск" не имеет ничего общего с "петухом" или "коком", хотя, возможно, совпадение звука

омрачило древнюю славу "Птицы Рассвета". Действительно, черных петухов так часто убивали из-за этого, что они долгое время были редкостью, и поэтому василиски имели шанс вымереть. Однако сказочных существ было достаточно, чтобы увековечить воображаемые силы василиска, некоторые из которых будут рассмотрены ниже. Мы можем посвятить оставшуюся часть этой главы рассмотрению одного из вариантов драконьей мифологии, который должен быть устранен с нашего пути при постижении Дракона. Это агатодемонический или геральдический Дракон, унаследовавший эвфемистические символы хранителя сокровищ и коронованного змея.

В славянской легенде царь-змей играет большую роль, и бесчисленные истории рассказывают о славе какого-то крестьянского ребенка, который, ухитрившись вытащить крошечный драгоценный камень из своей короны, в то время как рептильный монарх купался, обнаружил драгоценный камень ежедневно окруженным новыми сокровищами. Это тот же самый змей, который, собирая мифы о молниях и кометах, пролетает через многие немецкие легенды, как красный Селезень, Кольбук, Альп или Альберфлекке, роняя золото, когда оно красное, кукурузу, если синее, и давая огромные услуги и силы тем, кто может магически овладеть им. Безобидные змеи Германии были повсеместно наделены агатодемоническими функциями, хотя они до сих пор носят имя, связывающее их с Ахи, а именно, unken. Об этих домашних змеях Гримм и Симрок дают много сведений. Говорят, что в полях и домах они подходят к одиноким детям и пьют с ними молоко из блюда. На голове у них золотые короны, которые они кладут перед тем, как выпить, и иногда забывают, когда ложатся спать. Они присматривают за детьми в колыбели и указывают своим любимцам, где спрятаны сокровища. Их убийство приносит несчастье. Если родители застают змею с ребенком врасплох и убивают ее, ребенок чахнет. Однажды змея заползла в рот беременной женщины, и когда ребенок родился, змея была найдена тесно обвитой вокруг ее шеи, и ее можно было раскрутить только с помощью молочной ванны; но она никогда не покидала ребенка, ела и спала с ним и никогда не причиняла ему вреда. Если такие змеи покидали дом или ферму, процветание уходило вместе с ними. В некоторых регионах говорят, что самец и самка змеи появляются всякий раз, когда хозяин или хозяйка дома вот-вот умрут, и легенды о Неоконченных иногда возвращаются к первоначальному страху, из которого они выросли. В самом деле, их месть повсюду страшна, в то время как их благодарность, особенно за молоко, столь же непреходяща, как можно было бы ожидать от ссоры их предка с Индрой из-за украденных коров. В "Gesta Romanorum" рассказывается, что во время дойки к доярке регулярно подходила большая змея, которой она давала молоко. Когда служанка покинула свое место, ее преемница нашла на скамеечке для дойки золотую корону, на которой было написано: "В благодарность’. Корона была послана молочнице, которая ушла, но с тех пор змея больше никогда не появлялась.

В Англии змеи подчинялись обетам святого христианина. Говорят, что рыцарь Бран на острове Уайт подобрал яйцо василиска, преследуемый змеями, от которых он спасся, поклявшись построить на этом острове церковь Святого Лаврентия, - яйцо впоследствии принесло ему бесконечное богатство и неизменный успех в бою. С многочисленными баснями о царском драконе, казалось бы, сливаются предания об астрологических,

небесных и молниеносных змеях. Но они совпадали бы с развитием земных червей и их героических убийц. Демонический дракон своим ужасным глазом мог издалека заметить приближение своего предопределенного разрушителя. Она может попытаться поглотить его в младенчестве. Как комету можно было бы считать предзнаменованием рождения на земле какого-нибудь могущественного принца, так и сообщение о том, что видели дракона, было бы комплиментом королевской семье по случаю рождения принца. И от этого поста дракона, как глашатая величия, до водружения этого чудовища на знамена не будет большого шага. Из этих знамен вырастут саги о встреченных и убитых драконах. Таким образом, устройства могут размножаться. Какой-то процесс такого рода мог бы объяснить вполне хорошую репутацию дракона в Китае и Японии, где он является эмблемой всего национального величия. Это также, по-видимому, лежит в основе гордых титулов пифийского Аполлона и Беллерофонта, полученных от монстров, которых они, как говорят, убили. Город Червей получил свое название от змеи, а не от ее убийцы.Пендрагон в прошлом - и даже наш драгун в настоящем - это имена, в которых ужасы чудовища превращаются в славу героя. Дракон, говорит мистер Хардвик был знаменем западных саксов и англичан до норманнского завоевания. Он был одним из сторонников королевского герба, который носили все тюдоровские монархи, за исключением королевы Марии, заменившей орла. Несколько королей и принцев Плантагенетов начертали фигуру дракона на своих знаменах и щитах. Питер Лангтофф говорит, что в битве при Льюисе, сражавшейся в 1264 году, ‘Король выставил вперед своего шильда, своего дракона полного аскетизма". Другой авторитет говорит, что упомянутый король (Генрих III) приказал сделать "дракона, похожего на знамя, из некоего красного шелка, расшитого золотом; его язык, подобный пылающему огню, должен всегда казаться подвижным; его глаза должны быть сделаны из сапфира или какого-либо другого камня, подходящего для этой цели".

Таким образом, будет видно, что в драконье учение было введено влияние, которое не имеет никакого отношения к самому демону. Это объясняет те варианты легенды о Мелузине—знаменитой женщине-змее,—которые наделяют ее романтикой. Мелюзина, чей нескромный муж бросал на нее взгляды в запретные часы, когда она была в своем змеином обличье, долго была славой замка де Лузиньян, где ее крики возвещали о приближающейся смерти ее потомков. В лесу Фонтенбло до сих пор живет крестьянская семья, которая утверждает, что происходит от Мелюзины; и, возможно, какой-нибудь пример такого рода, как семя, упал в память автора "Элси Веннер", чтобы вновь появиться в одном из лучших романов нашего поколения. Соответствующее чувство, связанное с драконом, встречается в известной британской легенде о Черве Лэйдли. Король Нортумберленда привез домой новую королеву, которая тоже была колдуньей, и, завидуя красоте своей падчерицы, превратил бедную принцессу в червя, опустошившего весь Спиндлтон-Хью. На протяжении семи миль все зеленое было отравлено его ядом, и семь коров должны были ежедневно давать молоко. Тем временем король и его сын оплакивали исчезновение принцессы. Молодой принц снарядил корабль, чтобы отправиться и убить дракона. Злая королева безуспешно пытается помешать экспедиции. Принц спрыгивает со своего корабля в мелкое море и идет вброд к скале, вокруг которой свернулся червь. Но когда он приблизился, чудовище сказало ему:

О, оставь свой меч и согни свой лук,

И подари мне три поцелуя;

Если я не выиграю до захода солнца,

Победителем я никогда не стану.

Он бросил меч и согнул лук,

Он трижды поцеловал ее;

Она заползла в нору червяком,

Но из него вышла ладья.

В конце концов принцу удалось превратить злую королеву в жабу, которая в память о ней, как известно каждому нортумбрийскому мальчику, до сих пор плюется огнем; но примечательно, что колдунья не была превращена в дракона, как, вероятно, рассказывала бы история, если бы драконья форма уже не была отделена от своего первоначального характера и многими благородными ассоциациями была придана почетному, хотя и страшному облику для таких дев, как эта принцесса и Мелюзина.

В том же направлении указывают легенды, в которых драконы изображаются иногда победителями над своими героическими противниками. Джеффри Монмутский так рассказывает о короле Морвиде Нортумбрийском, который столкнулся с драконом, пришедшим из Ирландского моря, и в последний раз его видели исчезающим в пасти чудовища, "как маленькая рыбка". Более известный пример - Беовульф, чья англосаксонская сага суммируется профессором Морли следующим образом: Он хорошо держал его в течение пятидесяти зим, пока темной ночью дракон, который в каменном кургане наблюдал за кладом золота и кубков, не одержал победу. Это был клад, нагроможденный грехом, его владыки давно умерли; последний граф перед смертью спрятал его в земляной пещере, и триста зим великий скатер держал пещеру, пока какой-то человек, случайно найдя богатую чашу, не принес ее своему господину. Потом, пока червь спал, обыскали логово, а когда дракон проснулся, снова и снова случались кражи. Он не нашел человека, но опустошил всю землю огнем.; по ночам этот дьявольский воздушный летун заставлял огонь становиться ненавистным людям. Потом это было сказано Беовульфу.... Он отыскал логово дракона и сражался с ним в ужасной схватке. Одну рану ядовитый червь нанес в плоть Беовульфа. После чего Беовульф умер.

Не менее знаменательна легенда о том, что, когда король Артур отправился в Саутгемптон в поход против Рима, около полуночи он увидел во сне " медведя, летящего в воздухе, от шума которого содрогались все берега; а также ужасного дракона, летящего с запада, который озарял страну блеском своих глаз. Когда эти двое встретились, у них был ужасный бой, но дракон своим огненным дыханием сжег медведя, который напал на него, и бросил его опаленным на землю". Это видение было воспринято как предзнаменование победы Артура. Отец Артура уже каким-то образом освятил этот символ, получив имя Утер Пендрагон (голова дракона). После смерти его брата Аврелия, как было сказано,

"появилась звезда удивительной величины и яркости", бросающая луч, на конце которого был огненный шар в форме дракона, из пасти которого выходили два луча, один из которых, казалось, простирался к Ирландскому морю и заканчивался семью меньшими лучами". Мерлин истолковал это явление так, что Утер станет королем и завоюет различные области; а после первой победы Утер приказал изготовить двух золотых драконов, одного из которых подарил Винчестерскому собору, а другого оставил себе, чтобы сопровождать его в войнах.

В легенде о Мерлине и Вортигерне мы находим, что Дракон настолько развился в чисто воинский символ, что его моральный облик должен определяться цветом. Как в двух армиях змей, виденных Зороастром, в персидских легендах, которые сражались в воздухе, победа белого над черным предвещала победу Ормузда над Ариманом, тирания Вортигерна представлена красным драконом, в то время как Аврелий и Утер-две головы белого дракона. Мерлин, которого собирались похоронить заживо, в соответствии с заявлением астролога Вортигерну, что только так его постоянно падающая стена будет стоять твердо, показал, что повторяющаяся катастрофа была вызвана борьбой этих двух драконов под землей. Когда чудовища были раскопаны, они сражались ужасно, пока не появился белый

Хент красный изо всех сил,

И на землю он его бросил,

И, с огнем его взрыва,

В общем Брент рыжий,

Что никогда от него не было найдено ни клочка;

Но он лежал в пыли на земле.

Белый дракон исчез, и его больше не видели; но тиран Вортигерн исполнил судьбу красного дракона, будучи сожжен в своем замке близ Солсбери. Однако эти два дракона встретились снова, как красные и белые розы.

Можно привести много событий, соответствующих этим. Одна из них действительно имеет поразительное сходство с нашими английскими легендами. Масперо около 664-654 годов до н. э., эфиопская ‘Стела сновидения " рассказывает:‘Его Величество видел сон ночью, две змеи, одна справа от него, другая слева, (и) когда Его Величество проснулся ... он сказал: "Объясни мне все это сейчас же", - и вот! они объяснили ему это, сказав: "Ты получишь Южные земли и захватишь Северные, и два венца будут возложены на твою голову, ибо тебе дана земля во всей ее ширине и ширине". Эти две змеи, вероятно, были подсказаны уреями египетской диадемы.

Помимо славы, отраженной на монстре от его победителя, была бы причина, по которой алхимик и волшебник должны поощрять этот аспект дракона. Чем опаснее Горгона, кровью которой пользовался Эскулап, тем дороже такое лекарство; а чтобы лекарство было полезным, чудовище не должно быть полностью разрушительным. Так обстоит дело

с ныне разрушительными ныне охранительными силами природы, и то, как они могут смешиваться с теориями и служить интересам претендентов, хорошо показано в немецком труде по алхимии (1625), цитируемом г-ном Хардвиком. - В лесу живет дракон, который не нуждается в яде; когда он видит солнце или огонь, он плюется ядом, который страшно разлетается. Ни одно живое животное не может быть излечено от него; даже василиск не равен ему. Тот, кто может правильно убить эту змею, преодолел все опасности. Его цвета увеличиваются в смерти; лекарство производится из его яда, который он полностью потребляет и ест свой собственный ядовитый хвост. Это должно быть совершено им, чтобы произвести самый благородный бальзам. Такая великая добродетель, как мы покажем здесь, что все ученые будут радоваться".

Легко понять, что эти предания и басни объединились бы, чтобы "оградить короля", приписывая ему знакомство с чудовищем, столь грозным для простых людей, и даже наделяя его его атрибутами. Имя дракона, δράκῶν, образованное от санскритского слова, обозначающего змею (drig-visha), стало означать "то, что видит". В то время как это породило множество легенд о сверхъестественных способностях видения, приобретенных путем дегустации или купания в крови дракона, как в поэме Зигфрида; или из вод, которые он охранял, как "Глаз колодца", в который дракон Гая опускал свой хвост, чтобы оправиться от ран; санскритский смысл отравления глаз сохранился в легендах об оккультных и опасных способностях, которыми обладали цари,-одним из последних был сильный сглаз, широко приписываемый в Италии покойному Пию IX. Но эти истории бесконечны; приведенные легенды покажут смысл всех тех, которые, будучи необъясненными, могут помешать нашему ясному пониманию самого дракона, дальнейший анализ которого докажет, что он совершенно плох, - концентрированных ужасов природы.

Глава VIII. Глаз Дракона.

Глаз Зла—Драконы Тернера—Облако-фантомы—Рай и Змея—Прометей и Юпитер—Искусство и Природа—Формы Дракона: Англосаксонская, итальянская, Египетская, Греческая, Немецкая—Современный условный Дракон.

Этимология слов Дракон и Офис, приведенных в предыдущей главе, в идеале одинакова, и те и другие относятся к силам змеи, которыми она не обладает в природе, - к сверхъестественному видению и взгляду, который убивает. Таким образом, истинная природа змеи оказывается скрытой; теперь мы имеем дело с созданием другого мира.

Существуют различные условные типы Дракона, но во всех них неизменна одна черта—идеализированный змей. Его присутствие-демонический или сверхъестественный знак. Героический убийца драконов не должен был сражаться с простой плотью и кровью, в какой бы могущественной форме он ни был. Борьба, которая увековечивает его, ведется со всеми страданиями и ужасами земли и неба, сконцентрированными и объединенными в одну страшную форму.

Как ни невозможна и призрачна была эта форма в природе, ее мистический смысл в человеческом сознании был ужасно реален. Именно этот Глаз античеловеческой природы

наполнял человека ужасом и вызывал в воображении типичный призрак. Именно эта Боль, целенаправленная и целенаправленная, агония дальновидного видения, тончайшего мастерства, бесшумно ползущего, крылатого, приспособленного встречать каждый свой прием более умным приемом, постепенно внушала человечеству веру в общий принцип антагонизма к человеческому счастью.

Только в сочетании любая форма дракона является чудесной. Каждая составляющая его черта и фактор есть в природе, но здесь они скручены в одно пандемоническое выражение и ужас. Но ни одна из этих форм не теряет своих отношений с природой: это молнии и бури, лихорадка и малярия, огонь, яд и клыки, слизь и джунгли, все свирепости земли, воздуха и небес, собирающиеся в свою роковую художественную силу и подстерегающие человека на каждом шагу его продвижения. В картине Тернера, изображающей Аполлона, убивающего Питона, есть удивительное предположение о естественных представлениях, из которых развился дракон. Страшные складки чудовища, волнистые от холмика и скалы, на которых он лежит, местами почти сливаются с зарослями кустарника и неровным хаосом, среди которого он раскинулся. Жесткие, дикие, жестокие аспекты неживой природы кажутся то тут, то там раздраженно раздувающимися до ужасной жизни, пока еще лишь наполовину отличимой от каменной сердечной матрицы; скала начинает извиваться и дрожать, джунгли выпускают когти.; но прежде всего появляются чудовищные ГЛАЗА, в которых силы боли, трудностей, препятствий наконец обрели цель и направление. Бог смотрит на них еще более острыми глазами; его стрела, оперенная глазными лучами, достигла своей цели, прямо между глаз чудовища; но в его лице не больше гнева, чем могло бы омрачить спокойную силу садовника, расчищающего камень и заросли, составляющие составные части Пифона.

Если мы обратимся теперь к соседней картине в Национальной галерее того же художника "Гесперианские сады и их стража", мы увидим Дракона на его высокой скале, очерчивающего и оживляющего не только край скалы, но и небо, с которым он встречается. Его дыхание превращается в облако. У небес тоже есть свои ужасы, которые принимают очи и кольца. На линии горизонта висели картины примитивной картинной галереи. Воображение рисовало их кистью, погруженной то в черноту бури, то в пламя молнии или заката, но формы рождались из опыта, из земной борьбы, поражения и победы.

Когда я пишу эти слова, я откладываю перо, чтобы посмотреть через маленькое озеро среди одиноких холмов Уэльса на закат, который заливает небо славой. По почти зеленоватому небу ветер несет фантастические облака, которые иногда принимают форму колесниц, в которых сидят облачные фигуры, а теперь большие птицы с пестрым оперением, спешащие как бы к какому-то месту сбора воздушных богов. Под длинной полосой темно-бордового цвета раскинулось море желтого света, по ту сторону которого раскинулся сад с пушистыми деревьями, тронутыми золотыми плодами. Среди них играет фонтан меняющихся цветов. Слева стояла, быстрая, как горный хребет, масса темно-синих облаков с неровными вершинами; вдруг из-за этой свинцовой массы вспыхивает розовое слабое сияние, и рядом появляются, извилистые, с длинной изрезанной вершиной,

могучие складки огненной змеи. Нет, его голова видна, его зияющие лацертины челюсти, его окрашенный гребень. Это бессонный Ладон на своем высоком барьере сторожит и охраняет гесперианский сад.

Юнона поместила его туда, но он - сын Ге, земли. Небесные краски облекают, преображают и в некотором смысле создают его; но он никогда не родился бы мифологически, если бы в этом мире жала не витали рядом со всякой сладостью, опасность окружала красоту, и, как сказал Платон, "Хорошее приходит с трудом". Грация и блеск змея с его роковым клыком предшествовали ему, и все опасности , которые скрываются под вещами прекрасными и очаровательными. До сих пор в нем нет ничего по существу морального или безнравственного. Этот дракон-форма, созданная примитивной метеорологией и метафизикой вместе. Человек спросил, что это такое, и вот ответ: он еще не спросил, почему это так, должно ли это быть так и не может ли быть иначе. Вызов еще не был брошен, эпоха боевых действий еще не наступила. Облаченный в доспехи страж и союзник богов, столь же безнравственных, как и он сам, еще не преобразился под влиянием религиозного чувства и не был изгнан с небес более благородных божеств, как дракон, низвергнутый, уродливый и униженный навсегда.

По мере развития мысли такие союзники компрометируют своих хозяев; работа творца отражает характер творца; и после многих робких веков мы видим, что охраняемые драконами божества падают вместе со своими жестокими защитниками. Не лишено значения и то, что в санскритском словаре самое древнее из всех слов, обозначающих бога, Асура, имеет в качестве своего первичного значения "демон" или "дьявол": боги и драконы объединились, чтобы вспенивать океан для своего собственного богатства, и в конце концов они были просмолены одной кистью. Я уже описывал в начале этой работы деградацию божеств, и здесь едва ли нужно напоминать читателю о тех силах, которые действовали в результате этого. Влияние этой силы на небесного или охраняющего рай Змея суммируется в одном четверостишии Омара Хайяма:

О Ты, кого сотворил человек из низшей земли,

И эен в Раю изобрел Змею;

За весь грех, которым лицо человека

Почернело, мужское прощение дают - и берут!

Сердце человечества предвосхитило его логику на многие века, и задолго до того, как дерзкий гений персидского поэта написал эту бессмертную эпитафию божественным союзникам Змея, герои дали бой всему братству. Нет, на их месте возникла новая раса богов, чье теоретическое всемогущество было с радостью предано в интересах их праведности; и теперь на небесах шла война; дракон и его союзники были низвергнуты, и человек был теперь свободен сражаться с ними как с врагами богов, так и с самим собой. Горе отныне всяким богам, заподозренным в том, что они встали на сторону дракона в смертельной борьбе этого человека со свирепостью природы и отраженными от нее его собственными ужасами! Легенда о Прометее была их бессознательным "предупреждением

об уходе", хотя она ждала своего великого интерпретатора много веков. Только Гете видел, как бледнеют и слабеют фейерверки Юпитера перед мысленными молниями художника, выпущенными далеко за пределы ограничений, сковывающих его в природе. Боги во многих землях еще опускаются перед возвышенным приговором Прометея:

Завеси небеса твои, Юпитер, облаками и туманом,

И, как мальчик, который косит чертополох,

Развяжи свою селезенку на дубах и горных вершинах;

Но не можешь ли ты лишить меня моей земли,

Ни о моей хижине, которую ты не строил,

Ни о моем очаге, чье маленькое веселое пламя

Ты завидуешь мне!

Я ничего не знаю во вселенной

Более ничтожные, более жалкие, чем вы, о боги!

Кто кормит ваше величество скудными припасами

О приношениях, выжатых от страха, и бормотавших молитвы,

А нужды должны голодать, не были ли это младенцы и нищие

Глупцы, одурманенные надеждой!

Когда я был еще ребенком и не знал, откуда

Мое существо пришло, ни куда обратиться его силам,

Я поднял к солнцу свой обезумевший глаз,

Как будто наверху, внутри своего великолепного шара,

Там обитало ухо, чтобы выслушать мою жалобу.,

Такое же сердце, как у меня, чтобы жалеть угнетенных.

Кто дал мне помощь

Против титанов в их тиранической мощи?

Кто спас меня от смерти - от рабства?

Ты! - ты, душа моя, горящая священным огнем,

Ты один достиг всего этого!

И все же ты сделал это в своей юной простоте.,

Светиться от ложной благодарности к нему

Что дремлет в праздности там наверху!

Я благоговею перед тобой?

Почему? Бывал ли ты когда-нибудь

Облегчили печали тяжело нагруженных?

Ты всегда протягиваешь руку, чтобы успокоить слезы.

О растерянных духом?

Не так ли

Всемогущее Время, и вечно-во время Судьбы -

Мои лорды и твои - это сформировало и вылепило меня

В ЧЕЛОВЕКА, которым я являюсь?

Похоже это был твой сон

Что я должен ненавидеть жизнь - лететь в пустоши и дебри,

Для этого почки визионерской мысли

Разве не все созрели в прекрасные цветы?

Вот я сижу и леплю

Мужчины по моему образу и подобию -

Раса, которая может быть похожа на меня,

Страдать, плакать, радоваться и радоваться;

И, как и я, не обращая внимания на тебя!

Миф о Прометее раскрывает саму плотину всех драконов - простой террор природы, парализовавший энергию человека. Первый бой человека должен был состояться с его собственным трепещущим сердцем. Аполлон отгоняет аргивян к их кораблям с изображением головы Горгоны на щите Юпитера - это картина Гомера о страхах, которые нервировали героев:

Сам Феб спешащую битву вел;

Пелена облаков окутывала его сияющую голову:

Высоко держа перед собой огромный щит Юпитера

Зловеще сияло и затеняло все поле:

Вулкан Юпитеру бессмертный дар предан,

Рассеять воинство и устрашить человечество....

Глубокий ужас охватывает каждую греческую грудь.,

Их сила смиряется, и их страх признается.

Так летит стадо волов, разбросанное широко,

Нет свейна, чтобы охранять их, и нет дня, чтобы направлять.,

Когда два упавших льва с горы приходят,

И разнесли бойню по тенистому мраку....

Греки оглядываются с диким отчаянием,

Смущенные и утомленные все свои военнопленные молитвою.

Поколение, чьи отцы помнили времена, когда люди, получившие образование в университетах, считали Франклина с его громоотводом "вызывающим небеса", может легко понять легенду о Вулкане-типе неукротимой силы огня-посланном, чтобы связать Прометея, повелителя огня.Сколько страха перед силами природы, олицетворенными суеверием, обрушили на первые творческие умы и руки эпитеты, которые слышал Франклин и которые до сих пор падают на головы некоторых ученых исследователей! Буря, молния, скала, океан, стервятник—все это сливается в конце концов с разумной жестокостью Юпитера; и вот - Дракон! Ужасы природы, которые ставят трусов на колени, поднимают героев на их высоту. Тогда это пламя гения, сравнимое с безумными молниями. Будь то ревнивый бог природы Иегова, запрещающий скульптуру, требующий алтаря из необработанного камня и отказывающийся от плодов сада Каина, или Зевс, ревнующий к пламени мастера, они брошены в Оппозицию художником; и когда эти двое встретятся в следующий раз, он из громовержца со всей своей толпой будет Драконом, а Прометей-богом, посылающим в его сердце свою стрелу света.

Рис. 26. Лебедь-Дракон (фр.)

Формы драконов, знакомые нам по средневековой и современной иконографии, имеют сравнительно небольшое значение как иллюстрация социальных или духовных условий, из которых они выросли и из которых они стали эмблемами. Они давным-давно перестали быть описательными, и в грубые периоды или места очень немногих царапин иногда было достаточно, чтобы указать на дракона; такие простые предложения в конце концов предоставляли большую свободу последующим проектировщикам в различных оригинальных типах.

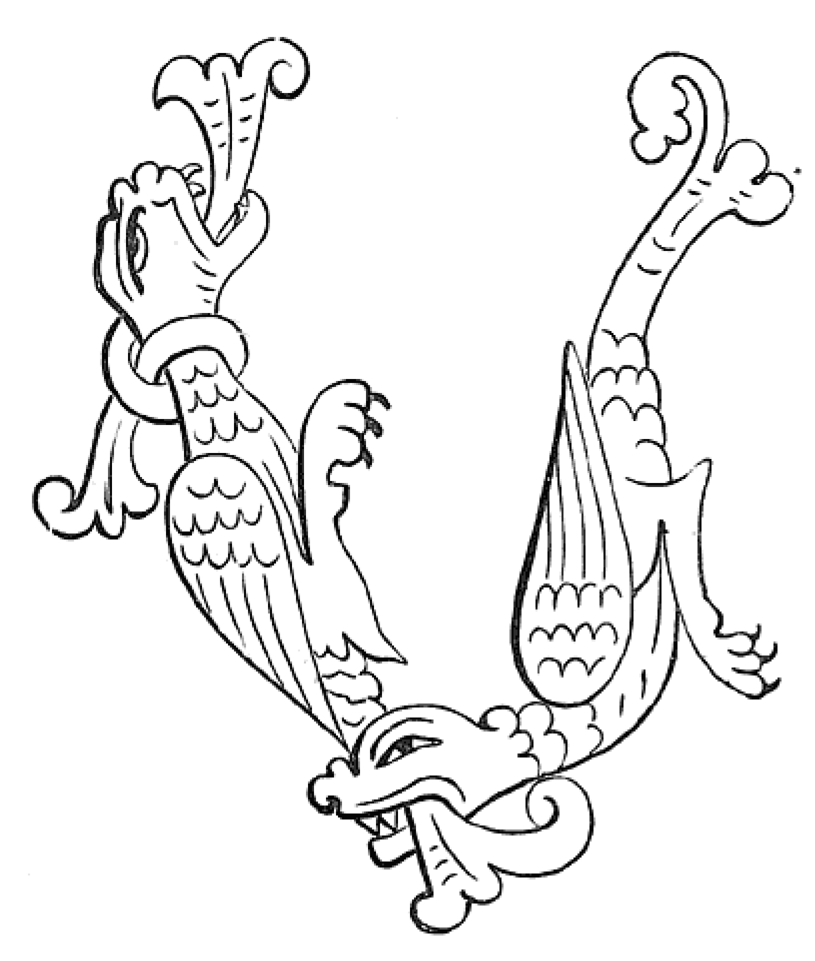

Рис. 27 Англосаксонские драконы (Cædmon M. S., X век).

Рис. 28 С фрески в Ареццо.

Что касается внешней формы, то различные формы более примитивных драконов были в значительной степени обусловлены мифологическими течениями, среди которых они оказались, хотя их первоначальная основа в природе в целом может быть прослежена. На крайнем Севере, где легенды о лебединых девах, голубиных девах и вампирах были преобладающими в Средние века, мы находим дракона в форме птицы очень распространенным. Иногда характерные черты змея ярко выражены, как у этого древнего французского Лебедя-Дракона (рис. 26); но, опять же, и особенно в регионах, где змеи редки и сравнительно безобидны, змеиный хвост часто условно отодвигается, как в этом начальном V из Цедмонской рукописи десятого века (рис. 27), являющемся прекрасным примером орнаментального англосаксонского дракона. Каракатица, по-видимому, предложила животную форму Гидры, которая, в свою очередь, помогла сформировать Дракона Апокалипсиса. Однако Гидра в изобразительном изображении, по-видимому, находилась под влиянием ассирийских идей; ибо, хотя у чудовища было девять голов, граверы часто дают ему семь (число Хатхор, или Судеб), как на рис. 6. Конфликты Геракла с Гидрой повторяли конфликты Бела с Тиамат ("Глубиной") и, несомненно, имели свой аналог в конфликте Михаила с Драконом, лучшим изображением которого, возможно, является большая фреска Спинелло (XIV век) в Ареццо, группа из которой представлена на рис. 28. Ангел - разрушитель. Египетский дракон, основой которого является крокодил, в ранний период вошел в христианскую символику и постепенно стер большинство языческих чудовищ. Крокодил и аллигатор, помимо того, что они были

подвержены многим ужасным вариациям в изображении, были особенно приемлемы для христианской пропаганды из-за святости, которую им придавали африканские племена, - святости, которая сохраняется и по сей день во многих частях этой страны, где убийство одной из этих рептилий, как полагают, приводит к опасным наводнениям. В семитских традициях Левиафан также обычно отождествлялся с демоническим крокодилом, и подвиг его уничтожения был рассчитан на то, чтобы произвести впечатление на воображение всех разновидностей людей в южных странах, за которые так долго боролось христианство. Эта форма внесла некоторые из своих символов в лацертинских драконов, которые так часто рисовались в Средние века, с каким эффектом можно судить по сопровождающему рисунку Альберта Дюрера (рис. 29). В этом отвратительном существе, стремящемся помешать освобождению "духов в темнице", мы можем заметить лукавый и жестокий глаз: сверхъестественное видение таких чудовищ было еще сильно в традициях шестнадцатого века. Глядя на эту ящерицу-стража у входа в ад, мы можем понять, что именно благодаря какому-то принципу психологического отбора царство рептилий постепенно завоевало господство в этих изображениях отталкивающего. Если мы сравним с рис. 29 хорошо известную форму Химеры (рис. 30), то большинство из нас почувствует облегчение; ибо хотя рептильная форма присутствует в последнем, она является лишь придатком - почти украшением - льва. Нельзя испытывать никакого отвращения к этому одухотворенному Трисоматосу, и можно распознать в нем иной анимус, чем тот, который изображал христианского дракона. Одно должно было свидетельствовать о смелости героя, осмелившегося напасть на него; другое, кроме того, должно было возбуждать ненависть и ужас перед нападавшим чудовищем. Поэтому мы можем обнаружить очень четкую грань, проведенную между такими формами, как Химера и Гидра, или наш условный Дракон. Волосатые жители Ликии, люди или животные, которых победил Беллерофонт,не должны были быть таким абстрактным выражением злого начала в природе, как Дракон, и хотя они обобщены, включенные элементы также ограничены. Но Дракон, с его когтями, крыльями, чешуей, колючим и извивающимся хвостом, его огненным дыханием, раздвоенным языком и частыми рогами, включает в себя органическое, неорганическое, земное и атмосферное и является сочетанием вредных приспособлений в природе.

Почти все формы драконов, каковы бы ни были их первоначальные типы и их регион, представлены в условном монстре европейской сцены, который соответствует популярной концепции. Этот Дракон-шедевр народного воображения, и потребовалось много поколений, чтобы придать ему художественную форму. Каждое Рождество он появляется в какой-нибудь лондонской пантомиме с видом, похожим на тот, который он носил в течение многих веков. Его тело частично зеленое, с воспоминаниями о море и слизи, а частично коричневое или темное, с затянувшейся тенью грозовых туч. Молнии все еще пылают в его красных глазах и вспыхивают из огнедышащего рта. Молния Юпитера, копье Водана - в зазубренном конце его хвоста. Его огромные крылья—как у летучей мыши, шипастые - суммируют всю мифическую жизнь вымерших Гарпий и Вампиров. Хребет крокодила на его шее, хвост змеи, и все зубчатые хребты скал и острые шипы джунглей ощетинились вокруг него, в то время как лед ледников и медный блеск солнечных ударов находятся в его чешуе. Он идеален для всего, что есть в природе

трудного, мешающего, опасного, отвратительного, ужасного: каждая его деталь была замечена и побеждена человеком, здесь или там, но в отборе и сочетании они снова поднимаются как принципы и сговариваются образовать одно великое обобщение форм Боли - сумму худшего в каждом существе.

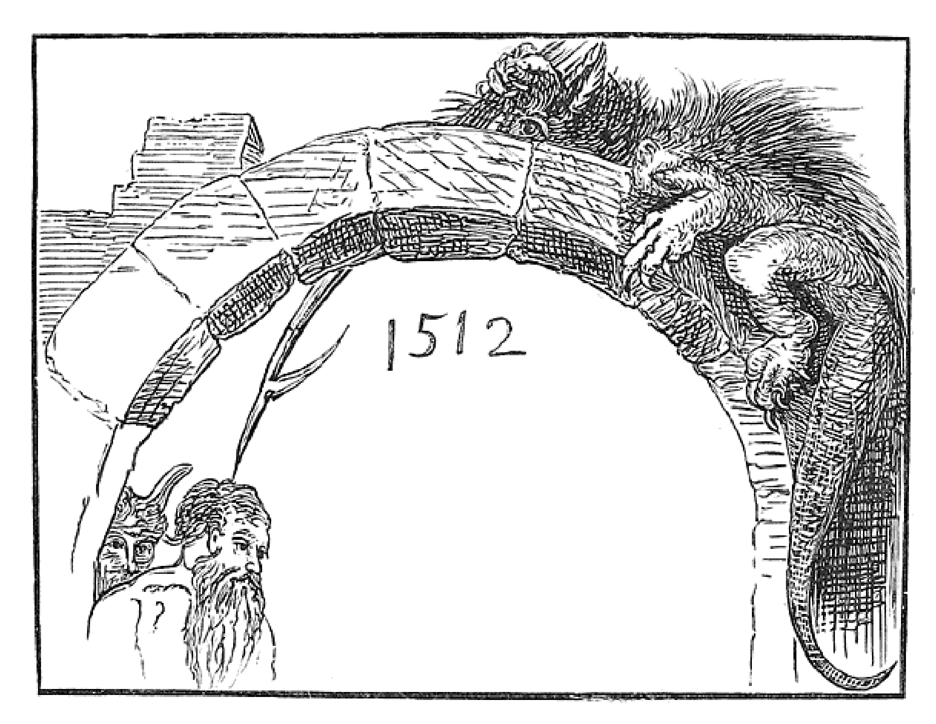

Рис. 29. Из ‘Страсти’Альберта Дюрера.

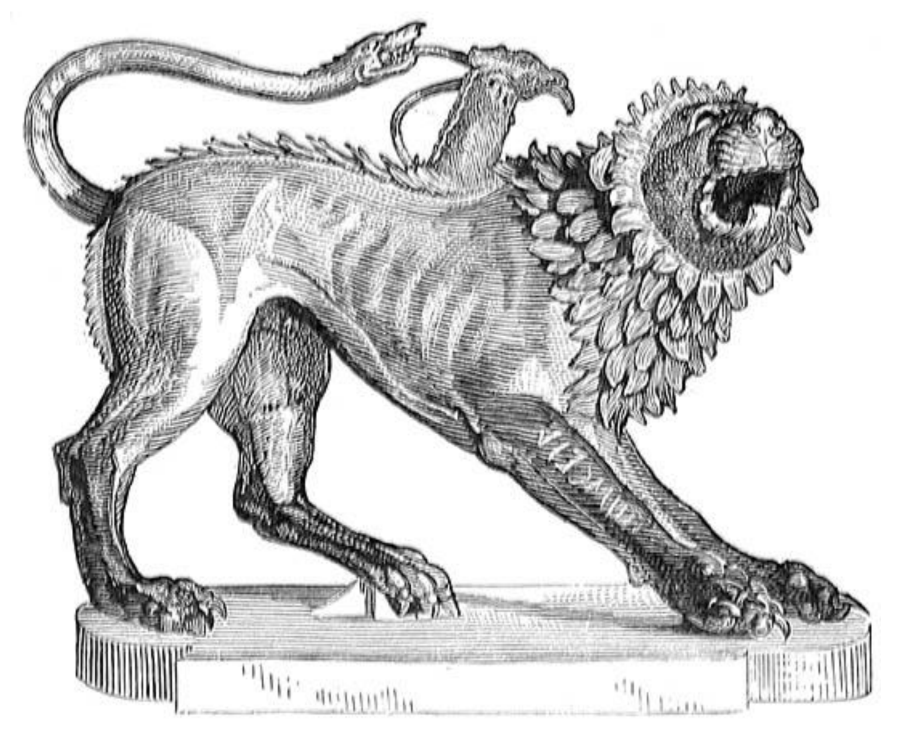

Рис. 30. Химера.

Глава IX. Бой.

Мир до Мюнхгаузена—Колониальный Дракон—Путешествие Ио—Медуза—Британские Драконы—Общинный Дракон—Дикие Спасители—Помощник Мимака—Жестокий Дракон—Защищенная Женщина—Святой Микадо.

Царство Неизвестного теперь, благодаря исследованию нашей планеты и науке, было довольно сильно прижато к Непознаваемому. Однако в ранние периоды неисследованные земли и моря существовали только в человеческом воображении, и люди, по-видимому, включали их в законы аналогии так же медленно, как их потомки включали планеты. Чудовищные формы, с которыми суеверие теперь населяет области пространства, которые не могут быть посещены, могли бы тогда безопасно обитать в тех частях мира, где их существование или несуществование не может быть проверено. Наука еще не показала простоты и единства, лежащих в основе поверхностных разновидностей природы; и хотя Рудольф Распе появлялся много раз и рассказывал о приключениях своего барона Мюнхгаузена на многих языках, только сто лет назад ему удалось поднять их на смех. Потребовалась еще почти сотня, чтобы раскрыть юмор мюнхгаузенизмов, относящихся к невидимым и будущим мирам.

Дракон, который теперь преследует воображение нескольких вынужденных путешественников за гробом, возник в предположениях о невидимых берегах столь же мифических царств, чьи пылающие зоны и замерзшие моря еще не были отделены от этой планеты, чтобы сделать Ад другой. В нашем разделе по демонологии мы подробно рассмотрели многие из этих воображаемых форм, ограничившись в целом более реалистичными воплощениями особых препятствий. Как раз над этой формацией находится слой, в котором отдельные черты прежней демонической фауны соединяются в формы, указывающие на новую творческую силу, которая, как мы видели, вновь создает природу по своему образу и подобию.

Начав таким образом с физического плана, с точки зрения перехода к социальной, политической и метафизической аренам, где человек последовательно встречался со своими Драконами, мы можем сначала рассмотреть сочетание ужасов и опасностей, реальных и воображаемых, с которыми сталкивался ранний колонист. Я рискну назвать его Колониальным Драконом.

Эта форма может быть представлена любой из тех форм, против которых Прометей Эсхила предостерегает Ио на ее пути в царство, которое должно быть названо Ионией. "Когда ты пересечешь поток, который ограничивает континенты к розовым царствам утра, где садится солнце, ... ты достигнешь Горгонских равнин ревущего моря Кистены, где обитают Форкиды, ... и рядом находятся их три крылатые сестры, Змееволосые Горгоны, презираемые смертными, на которых никто из рода человеческого не может смотреть и жить.... Будь настороже против грифонов, острозубых гончих Юпитера, которые никогда не лают, и против кавалерийского войска одноглазых аримаспийцев, обитающих на золотом источнике, потоке Плутона. Ты достигнешь далекой земли, темного племени, близ источника солнца, где течет река Эфиоп".

Тот, кто видел "Медузу во Флоренции" Леонардо да Винчи - одну из лучших интерпретаций мифологического сюжета, когда-либо написанного, - может понять, что для первооткрывателя и колониста было очарованием тех стран, о которых ходили слухи, где природа была прекрасна, но окружена ужасами. Дана только голова Горгоны с ее устрашающим переплетением змеиных локонов; ее лицо, даже в своей боли, обладает красотой, которая может скрыть роковую силу; из ее рта выдыхается пар, который в своих очертаниях вызвал к жизни вампиров, тритонов, жаб и отвратительных невзрачных существ. Вот малярия необузданных берегов, паразиты вредной природы. Источник их должен быть уничтожен прежде, чем человек сможет основать свой город; это огненное ядовитое дыхание Колониального Дракона.

Рис. 31. Беллерофонт и Химера (коринфская).

Большинство мифов о драконах в Великобритании, по-видимому, были заимствованы колониальными монстрами. Пожалуй, самой известной из них во всей Европе была Химера, пришедшая на запад на монетах; Беллерофонт стал национальным героем в Коринфе, почти вытеснив самого бога войны, и его изображение распространилось со многими переселениями. Наша общепринятая фигура Святого Георгия по-прежнему Беллерофонт, хотя Дракон был заменен Химерой, - изменение, которое христианская

традиция и национальное уважение к льву сделали необходимым (рис. 31). В соответствии с этим изменением внешнего представления мифы о чудовищах Великобритании постепенно стали использоваться в качестве моральных и религиозных уроков. Лэмбтонский червь иллюстрирует обязанность посещать мессу и святость субботы; демонические змеи Ирландии и Корнуолла доказывают силу святого экзорцизма; и этот процесс морализации распространился в случае Кабана, чья голова украшает рождественский стол в Королевском колледже Оксфорда, на иллюстрацию ценности аристотелевской философии. Чудовище было убито вместе с томом Аристотеля, и мифологическое сходство легенды чудом сохранилось в том, что оно было воткнуто в горло кабана.

Но эти изменения очень прозрачны, так как британские легенды являются в основном вариантами одного или двух оригинальных мифов, которые, по-видимому, выросли из геральдических устройств, импортированных древними семьями. Они, вероятно, приобрели реалистическое выражение благодаря доблести и энергии вождей и были преувеличены их потомками, возможно, также связанными с какой-то пользой для общины, чтобы укрепить семейное владение ее поместьями. Для выполнения такого рода обязанностей Колониальный Дракон обычно привозился семейным романистом или поэтом. Умножение этих басен действительно достаточно любопытно. Похоже, что существовали какие-то первобытные аграрные настроения, с которыми приходилось сталкиваться при помощи апелляций к исключительному праву. Семья, которая могла проследить свой титул на поместье до предка, спасшего всю округу, была осторожна, чтобы сохранить некоторый мемориал подвига. Из-за интересов, затронутых в старые времена, мы должны быть осторожны в получении рационализированных интерпретаций таких мифов, которые стали традиционными в некоторых местах. Варварские подвиги рыцарей не утратили в балладах менестрелей никакого удивительного великолепия, но приобрели много; и большинство из них пришло с юга и востока. Дракон, которого убил Гай из Уорика, все еще сохранил следы Химеры; у него были "лапы, как у льва". Сэр Уильям Дагдейл считал, что это романтическая версия реального боя, в котором Гай сражался с датским вождем 926 года. Точно так же Дракон Уэнтли превратился в мошенника-адвоката.

Наиболее характерной для этого класса легенд является легенда о Сокберне. Вскоре после норманнского завоевания семья Коньерсов получила это поместье по епископскому гранту, согласно преданию, потому что сэр Джон Коньерс, рыцарь, убил огромного Червя, который пожрал много людей. Фальшион, с помощью которого был совершен этот подвиг, до сих пор сохранился, и я думаю, что до сих пор существует обычай, когда новый епископ посещает эту епархию, чтобы лорд Сокберн вручил этот меч. Хозяин поместья встречает епископа на середине реки Тис и говорит: "Милорд епископ, я вручаю вам фальшион, с помощью которого Чемпион Коньерс убил Червя, Дракона или огненного летучего Змея, погубившего мужчину, женщину и ребенка, в память о котором король, правивший тогда, дал ему поместье Сокберн, чтобы он владел им в течение этого срока,—чтобы при первом въезде каждого епископа в страну этот фальшион был вручен". Епископ возвращает меч и желает господу долгих лет пребывания на престоле, который

он занимает с 1396 года. Семейная традиция гласит, что Драконом был шотландец по имени Комин, которого Коньерс заставил преклонить колени перед епископским троном. Семейство Коньерс из Сокберна, по-видимому, было, наконец, настигнуто Драконом, что было для них слишком: последний рыцарь был взят из работного дома едва вовремя, чтобы не умереть там.

В "Мемуарах Сомервилей" мы читаем, что один из членов этой семьи приобрел приход, убив "водяное чудовище в форме червя".

Лэрд уод из Ларистона

Убил Червя из Глена Червя,

И бледный весь Линтон пэрочайн.

Он был "длиной в 3 шотландских ярда и несколько больше, чем нога обычного человека, с хеде, более пропорциональной его длине, чем его величию; его форма и колор (как) для наших обычных гадюк муира".

Это был очень умеренный дракон по сравнению с другими, убив которого многие рыцари получили свои шпоры: вот, например, которого сэр Дигор убил в четырнадцатом веке

Дракон великий и гримм,

Полный файра, а также венымма:

С широким горлом и клыками грета,

Уппон этот рыцарь быстро ган он бет;

И как Львенок тогда был его праздник,

Его тайл был длинным и полным неудовлетворенным;

Между его хеде и его тайле

Был xxii. fote withouten fayle;

Его тело было как тонна вина,

Он сиял полным ярким светом солнца;

Глаза у него были блестящие, как стекляшки.,

Его чешуя была тверда, как любой брасс.

Знакомая история о том, как Святой Патрик изгнал змей из Ирландии, и корнуэльская версия этой истории, в которой экзорцистом является святой Петрок, представляют некоторые черты, которые связывают ее с битвой колониста с его драконом, хотя она более интересна в других аспектах. Колониальный дракон включает в себя болезни, диких зверей, дикарей и все виды препятствий, которые окружают новую страну. Но когда эти трудности преодолены, молодому поселению все еще приходится бороться со своими

врагами - воинственными захватчиками извне и честолюбивыми членами внутри. Затем мы видим, что Дракон принимает облик врага общества, а его предполагаемый убийца является представителем коммуны, - возможно, в конце концов, чтобы передать своего более реального пожирателя. Большинство британских мифов о драконах вышли за пределы той стадии, на которой они представляют лишь борьбу иммигрантов с дикой природой, и включают в себя следующую стадию, на которой они представляют формирование сообщества. Рост патриотизма в конце концов измеряется его тенью. Колониальное превращается в Общинного Дракона. Многие мифы о драконах являются адаптацией древней символики к общинам хозяев: таковы монстры, описываемые как опустошающие деревни и районы, пока с ними не сталкиваются антагонисты, одушевленные общественным духом. Такие антагонисты отличаются от героев, идущих спасать деву в беде: их главный представитель в мифологии - Геракл, большая часть трудов которого раскрывает человека самоотверженного, исправляющего общественные обиды и поднимающего уровень человечества, а также цивилизации.

Эпоха рыцарства имеет свою легенду в Кентаврах и Хироне. Бегемоты-кентавры-дикари верхом: Хирон-истинный рыцарь, противостоящий чудовищам в своем собственном обличье, спасающий от них Пелея и оказывающий гостеприимство аргонавтам. Всадник был драконом для пешего, пока тот не стал кавалером; затем демонический характер перешел к стратегу, у которого не было лошади. Любопытно, что среди мормонов существует орден убийц, называющий себя данитами, или Ангелами-разрушителями, по тексту Быт. 17: "Дан будет змеем на дороге, гадюкой на пути, которая укусит коня за пяту, так что всадник его упадет назад". Риттер, однако, в том, что касалось его Дракона, был как один крылатый, и каждая лошадь была Пегасом, когда она несла его, чтобы решить день между гадюкой и ее жертвой. Примечательно, что мормоны должны были нести с Востока жестокое суеверие, чтобы найти даже среди краснокожих, исчезающих перед западным маршем саксонской силы, более нежные басни.

Среди мимаков, аборигенов Новой Шотландии, существует легенда о молодом герое по имени Кикваджу, который в поисках жены подружился с добрым мудрецом по имени Глускап, который предостерегает его от могущественного мага, переодетого бобром, и двух сестер-демонов, которые подстерегут его в обличье больших ласк. Юношу призывают бить в определенный барабан, когда его каноэ проходит мимо них, и он спасается, как Орфей, проходя мимо Цербера, и Улисс, проплывая мимо Сирен. Ласки, слыша музыку, стремятся обвенчаться со звездами, но оказываются в неописуемом гнезде на вершине высокой белой сосны.

Шевалье сталкивается также с Жестоким Драконом, жертвой которого является Женщина. С незапамятных времен пленница человека, неспособная устоять против грубой силы, она находится во власти всех, кто нечувствителен к утонченным и пассивным силам. Скованная скалами Андромеда, преследуемый Лито или любая другая прекрасная девушка, которую спасает убийца Драконов, возможно, начиналась мифологически как символ Зари, чьим глотателем является Ночное Облако; но в конце концов она символизирует более яркий рассвет - рассвет вежливости и великодушия среди людей.

Примечательно, что далеко в Японии мы находим миф о Драконе, который, по-видимому, с редкой красотой представляет социальную эволюцию, которую мы рассматривали. Их великий мифологический Змей Ямати-но-орочи, то есть змея с восемью головами и хвостами, простирающаяся над восемью долинами, несомненно, представляла бы собой реку, ежегодно выходящую из берегов. Это чудовище напоминает рассказы Менция о трудностях с реками, которые китайцам пришлось преодолеть, прежде чем они смогли сделать Срединные государства пригодными для жизни. Но этот Колониальный Дракон, в дальнейшем развитии страны, вновь появляется как Жестокий Дракон. В замечательной легенде говорится, что в то время, как весь остальной мир пользовался каменными орудиями, Сосано-о-но-Микото (князь Сосано) получил кусок железа, который был выкован в меч. Этот девичий меч мира был облечен плотью, чтобы спасти деву из пасти чудовища. Принц спустился с небес на берег реки Хино Кава, и местность вокруг казалась необитаемой; но вскоре он увидел рубленую палку, плывущую вниз по течению, и решил, что там, наверху, обитают существа; так он шел, пока не добрался до места, где увидел старика и его жену (Асинадути и Тенадути) с их прекрасной дочерью Химэ из Инады. Все трое горько плакали, и принцу сообщили, что Химэ-последняя из их дочерей, семерых из которых сожрал ужасный змей. У этой змеи было восемь голов, и условие, при котором она перестала опустошать округу, состояло в том, чтобы одна из этих восьми дев ежегодно приводилась сюда, чтобы удовлетворить свою ненасытность. Последний теперь был принесен, чтобы завершить ужасный договор. Японцы стараются отличить эту змею от дракона, а вместе с ними и агатодемона. У него не было ног, и его головы разветвлялись на столько же шей от одного тела, это тело было таким большим, что оно простиралось над восемью долинами. Он был покрыт деревьями и мхом, а его брюхо было красным, как кровь. Князь сомневался, что даже с мечом он сможет встретить такое чудовище, поэтому он прибегнул к хитрости; он получил восемь огромных чаш, наполнил их восемью различными видами вина и, построив изгородь с таким же количеством отверстий, поставил чашу в каждую. Результат можно себе представить: восемь голов, проходя над чашами, остановились, сделали большой глоток и вскоре были в состоянии звериного опьянения. В таком состоянии головы были отрублены от шеи, и девушка спаслась, чтобы выйти замуж за первого принца Микадо.

Глава X. Убийца драконов.

Полубоги—Алкестис—Геракл—Дьявол Гилгитов—Воплощенный избавитель Гилгитов—Дардистанская Мадонна—Религия атеизма—Воскрешение Драконов—Святой Георгий и его Дракон—Эмерсон и Раскин на Георге—Святые союзники Дракона.

Теология объявила Воплощение тайной, но нет ничего проще. Полубог - это обращение человека к богам. Возможно также, как говорит Эмерсон, что "когда полубоги уходят, боги приходят", но в равной степени верно и то, что их приход сигнализирует об уходе божеств, которых человек долгое время тщетно призывал. Великий гераклианский миф представляет нам идеал богоподобной силы, соединенной с человеческим сочувствием. Ра (Солнце), проходя двенадцать врат (Часов) Гадеса (Ночи), очеловечивается в Геракле и

его Двенадцати Трудах. Он сын Зевса от человеческой матери - Алкмены, и его труды на благо человечества, а также его чудесное зачатие повлияли на христианство. Божественный Человек, нападающий на чудовищ божественного творения, представляет собой человеческое признание того факта, что моральный порядок в природе соизмерим с контролем над человечеством. Одним из выражений этого восприятия является Алкест Еврипида, значение которого в отношении смерти мы рассмотрели.

‘Алкестис", - писал я в другом произведении, - одна из немногих древнегреческих мелодрам. Большинство драм, оставленных нам греческими поэтами, обращаются к религиозным темам, и обычно это трагедии. Очевидно, что для них популярная религия вокруг них сама была трагедией. Их герои и героини - такие как Прометей и Макария— обычно становились жертвами зависти или каприза богов.; и хотя поэты показывают в своих драмах непреодолимую силу богов, они делают это без почтения к этой силе и обычно показывают человеческие жертвы более почетными, чем боги. Но " Алкест’ Еврипида-это не трагедия; она заканчивается счастливо и спасением одной из этих жертв богов. Это стоит как первое извещение, поданное богам, что человеческое сердце устало от их своевольных действий, и они могут готовиться покинуть троны вселенной, если не смогут проявить больше человечности.... Зная, что ни он, ни какое-либо другое божество не может законно противостоять указу другого божества, Аполлон вынужден надеяться на помощь человека. Человеческая справедливость может спасти, когда божественная справедливость приносит жертвы. Он пророчествует до Смерти, что, хотя он может захватить Алкесту, придет человек, который победит его и освободит эту женщину из адского царства… Затем на сцену выходит Геракл. Он убивал льва и дракона, а теперь решил победить Смерть и освободить Алкесту. Это он и делает".

В этой дохристианской, но все же христианской Пьесе Страстей роль, которую играет сердце женщины, столь же героична, как и та, которая представляет честь мужчины. Поэтому в последовавшей за этим религии была предпринята попытка поставить рядом с воплощенным победителем адских сил пронзенное сердце Марии. Но среди всех легенд этого характера трудно было найти одну более впечатляющую, чем та, которую д-р Лейтнер нашел в Дардистане, и которая, несмотря на свою длину, будет достойна внимательного прочтения. Эту легенду о происхождении племени и правительства Гилгитов рассказал один туземец.

- Давным-давно в Гилгите жила раса, происхождение которой неизвестно. Возникли ли они из почвы или иммигрировали из отдаленного региона, сомнительно; так много верят, что они были гаюпи, то есть спонтанными, аборигенами, неизвестными. Над ними правил монарх, который был потомком злых духов, ятшей, наводивших ужас на весь мир. Его звали Ширибадатт, и он жил в замке, перед которым была площадка для проведения мужской игры в поло. Вкусы его были капризны, и в каждом его поступке угадывалось его дьявольское происхождение. Туземцы терпели его правление с покорностью, ибо что они могли сделать против монарха, в чье распоряжение были отданы даже магические средства? Однако страна сделалась плодородной, и вокруг столицы расцвели привлекательные цветы. Небеса, или, вернее, добродетельный Перис, в конце концов

устали от его тирании, ибо он увенчал свои беззакония потворством склонности к каннибализму. Этот вкус развился случайно. Однажды кухарка принесла ему бараний бульон, подобного которому он никогда не пробовал. После долгих расспросов о природе пищи, на которой была выращена овца, ее в конце концов вывели на старую женщину, ее первую хозяйку. Она заявила, что ее ребенок и овца родились в один и тот же день, и, потеряв первого, она утешила себя тем, что кормила грудью второго. Это было откровением для тирана. Он открыл секрет вкусовых качеств бульона и был полон решимости иметь его бесконечный запас. Поэтому он распорядился, чтобы его кухня регулярно снабжалась детьми нежного возраста, чье мясо, превращенное в бульон, напоминало бы ему об изысканном блюде, которое он когда-то так любил. Этот жестокий приказ был выполнен. Народ страны был встревожен таким положением вещей и попытался немного улучшить его, пожертвовав, в первую очередь, всеми сиротами и детьми соседних племен. Тиран, однако, был ненасытен, и вскоре его жестокость почувствовали многие семьи в Гилгите, которые были вынуждены отдать своих детей на убой.

Наконец пришло облегчение. На вершине горы Ко, на восхождение на которую уходит целый день и которая возвышается над деревней Дойур, ниже Гилгита, на другом берегу реки, появились три фигуры. Они были похожи на мужчин, но гораздо сильнее и красивее. В руках у них были луки и стрелы, и, обратив взор в сторону Дойура, они увидели бесчисленные стада овец и крупного рогатого скота, пасущихся в прерии между этой деревней и подножием горы. Трое незнакомцев были братьями, и никто из них не родился в одно и то же время. Они намеревались сделать Азру Шемшера, младшего, раджой Гилгита, и, чтобы достичь своей цели, они придумали следующий план. На уже замеченной прерии, которая называется Дидинге, резвый теленок прыгал к своей матери и от нее. Он был гордостью своего владельца, и его блестящий красный цвет был виден издалека. - Посмотрим, кто лучший стрелок! - воскликнул старший и, сказав это, пустил стрелу в сторону теленка, но промахнулся. Второй брат тоже попытался ударить его, но тоже неудачно. Наконец Азру Шемшер, который очень интересовался этим видом спорта, выпустил свою стрелу, которая пронзила бедное животное из стороны в сторону и убила его. Братья, спускаясь вниз, поздравили Азру с его спортивным мастерством и, подойдя к тому месту, где лежал теленок, перерезали ему горло и вынули из его тела лакомые кусочки, а именно почки и печень.

Затем они зажарили эти деликатесы и пригласили Азру отведать их первым. Он почтительно отказался, ссылаясь на свою молодость, но они убедили его сделать это, "чтобы, - сказали они, - вознаградить тебя за такой превосходный выстрел". Едва мясо коснулось губ Азру, как братья встали и, растворившись в воздухе, крикнули: "Брат! ты прикоснулся к нечистой пище, которую Перис никогда не должен есть, и мы воспользовались твоим незнанием этого закона, потому что хотим сделать тебя человеком, который будет править Гильгитом.; Азру, глубоко опечаленный разлукой, воскликнул: "Зачем оставаться в Дойуре, если не для того, чтобы молоть зерно?’ - Тогда, - сказали братья, - иди к Гилгиту. - Зачем, - последовал ответ, - иди к Гилгиту, если не для работы в саду? ‘Нет, нет, - был последний и утешительный ответ, - ты непременно

станешь королем этой страны и избавишь ее от безжалостного угнетателя! Больше не было слышно об уходящих феях, и Азру остался один, пытаясь найти утешение в великой миссии, которая была возложена на него. Какой-то деревенский житель встретил его и, пораженный его видом, предложил ему приют в своем доме. На следующее утро он поднялся на крышу дома своего хозяина и, позвав его подняться, указал на гору Ко, на которой, по его словам, он ясно различил дикого козла. Недоверчивый селянин начал опасаться, что у него приютился маньяк, если не худший характер, но Азру пустил стрелу и в сопровождении селянина (который собрал несколько друзей для защиты, так как боялся, что его молодой гость может быть сообщником разбойников и завести его в ловушку) направился в сторону горы. Там, конечно, на том самом месте, которое было указано, хотя и на расстоянии многих миль, лежал дикий козел, и стрела Азру пронзила его тело. Изумленные крестьяне тотчас же приветствовали его как своего вождя, но он потребовал от них клятвы хранить тайну, ибо пришел освободить их от тирана и будет хранить свое инкогнито до тех пор, пока не созреют его планы уничтожения чудовища.

Затем он простился с гостеприимным народом Дойура и отправился в Гильгит. Добравшись до этого места, которое находится всего в четырех милях от Дойура, он развлекался тем, что бродил по садам, прилегающим к королевской резиденции. Там он встретил одну из спутниц дочери Ширибадатта, которая принесла воду для принцессы. Эта дама была необыкновенно красива и обладала милым нравом. Спутница поспешила назад и велела молодой леди взглянуть с крепостной стены замка на удивительно красивого молодого человека, с которым она только что познакомилась. Принцесса расположилась в таком месте, откуда могла наблюдать за каждым, кто приближался к крепости. Затем вернулась ее служанка и уговорила Азру пойти с ней на площадку для игры в поло перед замком; принцесса была поражена его красотой и сразу же влюбилась в него. Затем она послала сказать молодому принцу, чтобы он пришел к ней. Когда его впустили к ней, он долго отрицал, что является чем-то большим, чем простым рабочим. Наконец он признался, что он дитя феи, и обрадованная принцесса протянула ему свое сердце и руку. Здесь можно упомянуть, что у тирана Ширибадатта был замечательный конь, который мог пересечь милю при каждом прыжке, и что его всадник привык прыгать как в крепость, так и из нее, через ее стены. Прыжки этого знаменитого зверя были так правильны, что он неизменно останавливался на расстоянии мили от форта и на том же самом месте. В тот самый день, когда принцесса впустила юного Азру в крепость, король Ширибадатт отправился на охоту, которую он отчаянно любил и которой иногда посвящал неделю или две.

- Теперь мы должны вернуться к Азру, которого оставили беседовать с принцессой. Азру молчал, когда леди призналась ему в любви. Побуждаемый признаться в своих чувствах, он сказал, что не женится на ней, пока она не свяжет себя с ним самой строгой клятвой; она так и сделала, и они стали в глазах Бога как бы мужем и женой. Затем он объявил, что пришел уничтожить ее отца, и попросил ее убить его самой. Она отказалась; но так как она поклялась помогать ему всеми возможными способами, он в конце концов заставил ее пообещать, что она спросит отца, где его душа. ‘Откажись от еды, - сказал Азру, - на три или четыре дня, и твой отец, который преданно любит тебя, спросит о причине твоего

странного поведения; затем скажи: "Отец, ты часто держишься вдали от меня по нескольку дней кряду, и я беспокоюсь, как бы с тобой что-нибудь не случилось; убеди меня, дай мне знать, где твоя душа, и дай мне почувствовать, что твоя жизнь в безопасности". Принцесса обещала это сделать и, когда отец вернулся, несколько дней отказывалась от еды. Встревоженный Ширибадатт навел справки, на которые она ответила уже названной просьбой. Тиран несколько мгновений пребывал в немом изумлении и, наконец, отказался выполнить ее нелепое требование. Влюбленная дама продолжала морить себя голодом, пока наконец ее отец, опасаясь за жизнь дочери, не сказал ей, чтобы она не беспокоилась о нем, так как его душа была из снега, в снегах, и что он может погибнуть только в огне. Принцесса сообщила об этом своему возлюбленному. Азру вернулся в Дойур и окрестные деревни и собрал своих верных крестьян. Он попросил их взять ветки ели, связать их вместе и зажечь; затем пройти в теле с факелами к замку по кругу, держась вплотную друг к другу, и окружить его со всех сторон. Затем он пошел и выкопал очень глубокую яму, такую же глубокую, как колодец, в том месте, где обычно садилась лошадь Ширибадатта, и покрыл ее зелеными ветвями. На следующий день он получил известие, что факелы готовы. Он тотчас же приказал селянам постепенно приближаться к форту так, как он уже указывал.

Царь Ширибадатт сидел тогда в своем замке; рядом с ним была его вероломная дочь, которая так скоро должна была потерять своего родителя. Вдруг он воскликнул: "Я чувствую себя очень близко; выйди, дорогая, и посмотри, что случилось". Девушка вышла и увидела приближающиеся издали факелы; но, вообразив, что это связано с планами ее мужа, она вернулась и сказала, что это пустяки. Факелы приближались все ближе и ближе, и тиран стал чрезвычайно беспокойным. ‘Воздух, воздух, - закричал он, - мне очень плохо.; видишь ли, дочь моя, в чем дело? Почтительная дама ушла и вернулась с тем же ответом, что и прежде. Наконец факельщики окружили крепость, и Сирибадатт, предчувствуя надвигающуюся опасность, выбежал из комнаты со словами: "Он чувствовал, что умирает". Затем он побежал в конюшню, сел на своего любимого коня и одним ударом хлыста заставил его перепрыгнуть через стену замка. Верное своей привычке благородное животное остановилось на том же месте, но, увы! только для того, чтобы оказаться в предательской яме. Прежде чем король успел освободиться, жители деревни подбежали с факелами. ‘Брось их на него,’ крикнул Азру. Единодушно все пылающие дрова были брошены на Сирибадатта, который несчастно погиб".

Азру был тогда с величайшим энтузиазмом провозглашен царем, отпраздновал свою свадьбу с прекрасной предательницей и в качестве единственной дани потребовал от каждого туземца ежегодно приносить в жертву одну овцу вместо человеческого ребенка.

Когда Азру благополучно взошел на трон, он приказал сровнять место тирана с землей. Охотные крестьяне, изготовляя железные лопаты, стекались, чтобы выполнить благодарную задачу, и пели, разрушая его замок:

- Моя натура из твердого металла, - сказали Шири и Бадатт. - Почему тяжело? Я, Кото, сын крестьянина Дем Сингха, один вынослив; этой железной лопатой я сровняю с землей твой царственный дом. Вот теперь, хотя ты и принадлежишь к проклятой расе, к Шатшо

Малике, я, сын Дем Сингха, сделан из твердого металла; ибо этой железной лопатой я сровняю с землей сам твой дворец; берегись! берегись!'

Рассказ о Празднике факелов, учрежденном в память об этой традиции, уже приводился в другой связи.Легенда, праздник и только что процитированная песня составляют благородный человеческий эпос. Этот поразительный вызов ледяному сердцу бога со стороны мужественного крестьянина, этот храбрый крик давно съежившегося негодяя, который наконец держит в своей лопате железное оружие против жестокости природы,- вот возвышенный паан убийцы драконов. Берегитесь, снежные боги! Мужское сердце там, и женское сердце; их мужество, плюс лопата, может сровнять с землей ваши дворцы; их любовь растопит вас, их искусства и науки убьют вас: так гибельны могут быть факелы!

Все великие религии родились в этом великом атеизме. Как поклонение Гераклу означало падение Зевса, так и поклонение Христу означало свержение и Юпитера и Иеговы. Каждая раса поклоняется эпохе, когда их отцы устыдились своих богов и отождествили их с драконами - высшими жестокостями природы, - приветствуя человека, который первым поднялся с колен и бросил им вызов. Но в конце концов Жрецам Дракона удается добиться компромисса и, навесив на него ярлык убийцы, возродить его и возвести на престол. Ибо, как мы вскоре увидим, Дракон никогда по-настоящему не умирает.

Христианство не преминуло воспользоваться престижем истребителя драконов, который предшествовал ему в Европе и Африке. Она не могла позволить себе предлагать для народного почитания святых менее героических, чем языческие воины и полубоги. Древние мифы о драконах, особенно те, которые прославили Геракла, были приспособлены для облечения святых форм: Святой Михаил, Святой Андрей, Святая Маргарита и многие другие изображались покоряющими или наступающими на Драконов. Христос был изображен сокрушающим змея Греха, пронзающим Смерть дракона или даже выходящим из его бессильных челюстей, как Ясон из Дракона. Но в этом соревновании за лавры мертвых Драконов-убийц и яростной враждебности к уже убитым драконам настоящий Дракон был оставлен возрождаться и процветать в безопасности, и в конце концов даже унаследовал мантию и ладонь своего бывшего победителя.

Ошибка канонизации в случае святого Георгия сама по себе незначительна и просто любопытна; но она почти мистична в своем совпадении с великой ошибкой, которая привела к тому, что крест Христа санкционировал распятие людей, наиболее похожих на него в течение тысячи лет.

Мистер Джон Раскин резко бросил вызов проницательному прикосновению Ральфа Уолдо Эмерсона к изображению, украшающему гербы Англии и России. 'Георг Каппадокийский, - говорит Эмерсон, - родившийся в Эпифании в Киликии, был низким паразитом, который получил выгодный контракт на снабжение армии беконом. Мошенник и доносчик, он разбогател и был вынужден бежать от правосудия. Он скопил свои деньги, принял арианство, собрал библиотеку и был выдвинут фракцией на епископский престол Александрии. Когда в 361 году пришел Юлиан, Джорджа потащили в тюрьму. Толпа ворвалась в тюрьму, и Джорджа линчевали, как он того и заслуживал. И этот драгоценный

плут стал в свое время святым Георгием Английским, покровителем рыцарства, символом победы и вежливости, гордостью лучшей крови современного мира. Далее Эмерсон замечает, что "природа сбивает нас с толку, когда мы расхаживаем".

Конечно, основателю Ассоциации Святого Георгия довольно трудно сказать, что его покровитель вовсе не был убийцей Драконов, а союзником Дракона. Мистер Раскин, возможно, прав, утверждая, что каковы бы ни были факты, те, кто сделал Джорджа покровителем Англии, все же имели в виду свое почтение герою или, во всяком случае, не мошеннику; но он неудовлетворителен в своем аргументе, что наш Святой Георгий был еще одним, кто умер за свою веру за семьдесят лет до подрядчика Бэкона. Даже если Раскин Св. Георгий, о котором говорят, что он пострадал при Диоклетиане, может быть показан исторически, его мученичество было очень обычным по сравнению с мученичеством епископа, разорванного на куски " языческой’ толпой. Далекие христианские народы никогда не прислушались бы к языческой версии этой истории, даже если бы она дошла до них. Епископ, принявший такую мученическую смерть, был бы тем самым человеком, который дал бы их армиям лозунг. Мученик изображался как истребитель драконов только в том случае, если к имени посвященного добавлялся титул или знак ордена на груди; геральдический прием превратился в вариант распространенной легенды, предполагающей происхождение мифического Георгия. ‘Волхв Афанасий, последовательно противник христианства, обращенный и мученик, является его главным противником; и город Александрия появляется как императрица Александрия, жена Диоклетиана, и сама обращенная и мученица". Эта фраза из "Словаря греческой и римской биографии" Смита говорит больше, чем авторитет профессора Раскина XVII века. Дракон - это тот самый Афанасий, чье вероучение посылает свои анафемы в церквях, посвященных Ариану, канонизированному за то, что он убил его!

Хотя следует признать, что те, кто сделал Георга Каппадокийского идеальным героем Англии, действительно намеревались воздать должное мученику и герою, следует также признать, что его нимб был явно нарисован из Драконьего огня. Это был человек, который взялся за меч и погиб от него; так много было известно и объявлено в его канонизации. Он был почитаем как "Победитель" среди греков, следовательно, сегодня покровитель России; как защитник крестоносцев, следовательно, теперь покровитель Англии; таким образом, он является святым войны, которую ведут сильные против слабых, в интересах церкви и священства против человеческой свободы; поэтому Георгий принял сторону Дракона против Христа, восстановив священническую власть, которую он атаковал, и предав своих храбрых братьев во всей истории, чтобы они были пригвождены к христианству как крест.

Пусть Джордж останется! Будь то название модных храмов или гравировка на золотых монетах, вымышленный убийца Драконов останется правильным святым в нужном месте до тех пор, пока настоящий убийца Драконов будет вынужден называть каждую ненавистную ему силу и освящать каждую ложь, в уста которой он метнул свое копье.

Глава XI. Дыхание Дракона.

Медуза—Феномен возвращения—Выводок Ехидны и их выживание—Бегемот и Левиафан—Пасть Ада—Лэмбтонский Червь—Рагнар—Лэмбтонский Рок—Ортодоксия Червя—Змей, Суеверия и Наука.

Асура уже упоминалось как самое древнее арийское имя божества. Смысл его в том, чтобы Дышать. Было также замечено, что с течением времени это слово стало обозначать как доброго, так и злого духа. Что означало это злое дыхание в природе, рассказывается в картине Леонардо да Винчи "Умирающая Медуза", упомянутой на стр. Возможно, художник имел в виду лишь то, что Горгона-олицетворение зловонных испарений природы и их органического родства.; если так, то он рисовал лучше, чем знал, и предположил ту роковую жизненность злой силы, которая вознесла ее на трон, как принцип, сосуществующий с добром.

Явления повторения в вещах зла сделали для человека тайну беззакония. Тьма может рассеяться, но она возвращается; буря может рассеяться, но она снова собирается; наводнения, болезненные времена года, собачьи дни, каиновы ветры-они уходят и возвращаются; рак вырезан и снова растет; тиран может быть убит, тирания выживает. Змея, соскальзывающая с одной кожи на другую, неуклонно сворачивается в символ бесконечности. По другому выражению, это ядовитое дыхание Дракона. Именно это дыхание нельзя убить; особые его воплощения, любой его временный выводок могут быть уничтожены, но принцип в природе, который их производит, не может быть уничтожен.

В драконьих баснях есть этот подтекст к их храброму напряжению. В Ригведе (ст. 32) говорится, что когда Индра убил Ахи, "появился другой, более могущественный". Исаия (xiv, 29) восклицает: "Не радуйся, вся Палестина, потому что сломлен жезл поражающего тебя, ибо из корня змея выйдет василиск, и плод его будет огненный летающий змей". Геракл борется с гигантским разбойником Антеем, только чтобы найти силу демона, восстановленную контактом с землей. Он убивает одну голову Гидры только для того, чтобы увидеть, как на ее месте вырастают две; и даже когда ему удается сжечь их, центральная голова оказывается бессмертной, и он может только спрятать ее под камнем. Это-самовоспроизводящийся принцип зла. Огромный выводок Ехидны в мифологии выражает выводок зла в природе. Ехидна, дочь Ге и Тартара, Земли и Ада - фонетическое возрождение Ахи - наполовину змея, наполовину женщина, с черными глазами, страшная и кровожадная. Она становится матерью огнедышащего Тифона, погребенного под землей молнией Юпитера, когда он стремился взобраться на Олимп; Дракона, охранявшего Гесперианский сад; о Сфинксе, который озадачивал и пожирал; о трехглавом Цербере; об орле, который охотился на скованного камнями Прометея; о немейском льве, которого убил Геракл; о Химере; и о Сцилле, чудовище, которое Гомер описывает сидящим между двумя большими скалами, подстерегающими мореплавателей на пути из Италии в Сицилию,-обладающем двенадцатью футами, шестью длинными шеями и пастями, каждая с тремя рядами стремительных зубов.

У Дракона, которого убил Кадм, тоже были ужасные зубы, и мы помним, что, когда эти зубы были посеяны, они взошли как вооруженные люди. Подобно им, древние мифы о Драконах также были посеяны, распространены в умственных и моральных полях, очищены и вспаханы новой теологией, и они возникли как догмы, более жесткие и жестокие, чем свирепые силы природы, которые породили их предков-чудовищ.

То, к чему неизбежно приводит суеверный метод интерпретации природы, вынужденный олицетворять как ее болезненные, так и приятные явления, находит подтверждение в двух великих линиях традиции - арийской и семитской, - которые сошлись в христианской мифологии.

Еврейское олицетворение Иеговы, возникшее в грубый период, было облечено многими дикими и безнравственными традициями; но когда его поклонники достигли более высокой моральной культуры, национальное чувство стало слишком глубоко связано с суверенным величием их божества, чтобы его предполагаемые действия подвергались критике, или его абсолютное превосходство и всемогущество подвергались сомнению, даже чтобы спасти его моральный характер. Таким образом, раввины, по-видимому, были не в своем уме, чтобы объяснить существование двух великих монстров, которые попали в их священные записи - из ранней мифологии - Бегемота и Левиафана. Не желая признавать, что Иегова создал врагов своему царству, или что существа, которые стали врагами ему, были вне его власти контролировать, они разработали теорию, что Бегемот и Левиафан были созданы и сохранены специальным приказом Иеговы, чтобы исполнить его указы в Мессианский Судный день. Вероятно, в более ранний период они переписывались с грифоном, или хватателем, и змеем, который кусал, стражами у врат рая; но потребность в таких стражах, кусачих и шпионах всемогущего всевидящего Шаддая была признана, и чудовища должны были быть рационализированы в соответствии с его характером как карательного правителя. Поэтому Бегемот и Левиафан изображаются как откормленные нечестивыми, которые умирают, чтобы быть пищей праведников в неустроенные времена, которые следуют за откровением Мессии! Бегемот-это "скот Иеговы на тысяче холмов" (Пс. i. 10). В Пьесе рабби Элиэзура он описывается как ежедневно питающийся на тысяче гор, на которых трава растет каждую ночь; и Иордан снабжает его питьем, как сказано в книге Иова (xl. 23): "он надеется, что сможет втянуть Иордан в свои уста". В Талмуде эти чудовища делятся на две пары, но говорят, что они были бесплодны, чтобы их потомство не разрушило землю. Они хранятся в пустыне Дендайн, мифической обители потомков Каина, к востоку от Эдема, с единственной упомянутой целью.

Но теперь мы можем отметить неуклонное продвижение этих чудовищ к границам их мифологической среды обитания. Наступило время, когда Бегемот и Левиафан были едва ли более презентабельными, чем другие персонифицированные ужасы. Они тоже должны "принять покрывало" - период в истории мифического, соответствующий вымиранию в истории действительного, чудовищ. Следующий отрывок из Книги Еноха, по мнению профессора Драммонда, является более поздней вставкой, вероятно, из Книги Ноя, и уже в середине первого века: "В тот день два чудовища будут разделены; чудовище женского

пола, по имени Левиафан, обитает в бездне морской, над источниками вод; но мужчина называется Бегемот, который занимает своей грудью пустынную пустыню, называемую Дендайн, на востоке от сада, где обитают избранные и праведные, где был взят мой дед (Енох), будучи седьмым от Адама, первым человеком, которого сотворил Господь духов. И я попросил того другого ангела показать мне силу этих чудовищ, как они были разделены в один день, и один был помещен в глубину моря, а другой-на твердую землю пустыни. И он сказал мне: "Сын человеческий, ты желаешь знать то, что было скрыто". И другой ангел, который пошел со мной и показал мне то, что скрыто, сказал:.. ‘Эти два чудовища приготовлены сообразно величию Божьему, чтобы быть накормленными, дабы карательный суд Божий не был напрасным".

Таким образом, мы можем видеть, что были предшественники чувства Фомы Аквинского - "Beati in regno cœlesti videbunt pœnas damnatorum, ut beatitudo illis magis complaceat", или, возможно, можно было бы скорее сказать, логики Фомы Аквинского; ибо, хотя он видел, что для душ, пребывающих в блаженстве, необходимо быть счастливыми при виде проклятых или же лишенных блаженства, говорят, что он едва ли мог быть счастлив от мысли о необратимой гибели самого сатаны. Казалось бы, только последователи женевца, предвкушавшие для Сервета ад его бога, сумели приспособить свои сердца к такой логике и прославиться бесконечными муками своих собратьев.

Красноречивый нью-йоркский священник Октавиус Б. Фротингем, которому было предложено изложить свои взгляды на "вопрос" о вечном проклятии, начал с замечания, что он чувствует себя в некотором роде спортсменом, внезапно призванным охотиться на игуанодона. На самом деле он был призван иметь дело с Бегемотом и Левиафаном. Левиафан передал от Ионы к Средневековью идею "чрева ада", и челюсти Бегемота расширились в "пасти ада" Чудотворных пьес; и их полезность, описанная в Книге Еноха, возможно, породила учение о душах, вкушающих небесные радости от страданий других. Догма Ада с точностью следовала за ходом своего прототипа. Оно пришло как раз в тот период, когда, как и в случае с исследованием Еноха, исследователь обнаруживает, что оно приняло завесу. Богословы качают головами, называют это ужасным вопросом, пишут о свободе воли и грехе, но лишь немногие, из самых глупых, исповедуют веру в старомодный Ад, где червь не умирает и огонь не угасает.

Давайте теперь рассмотрим исход Арийского Дракона, который проделал долгий путь, чтобы встретиться с Бегемотом на западе. И вполне вероятно, что мы не смогли бы, при долгих поисках, найти пример, столь содержательный для нашего настоящего исследования, как наша маленькая даремская народная сказка о Ламбтонском черве.

Говорят, что этот Червь был убит сэром Лэмбтоном, крестоносцем и предком графов Дарема. Этот молодой Лэмбтон был необузданным парнем; он любил ловить рыбу в реке Уир, протекающей неподалеку от Даремского замка, и особенно любил ловить рыбу там по воскресеньям утром. Он был богохульником, и по воскресеньям, когда все люди шли к мессе, они часто были потрясены, услышав громкие ругательства, которые Лэмбтон произносил всякий раз, когда не вставал. Однажды воскресным утром что-то ухватило его за крючок, сильно потянуло, и он убедился, что форель хорошая; каково же было его

разочарование, когда вместо него он обнаружил на конце лески крошечного черного червяка. С яростными проклятиями он сорвал его и бросил в колодец неподалеку. Однако вскоре после этого молодой человек присоединился к крестоносцам и отправился в Святую Землю, где отличился тем, что убил много сарацин.

Но пока он был там, дела в Даремском замке шли плохо. Какой-то крестьянин, проходя мимо колодца, в который юноша бросил крошечного черного червяка, заглянул в него и увидел существо, заставившее его содрогнуться, - дьявольскую большую змею с девятью свирепыми глазами. Прошло совсем немного времени, прежде чем это существо стало слишком большим, чтобы его мог вместить колодец, и оно выбралось наружу и поползло дальше, прокладывая пустынную тропу, завтракая в деревне, пока не добралось до небольшого холма. Вокруг этого холма она обвивалась девятью спиралями, каждая из которых была достаточно весомой, чтобы образовать отдельную террасу. Можно еще увидеть этот холм с его девятью террасами, и крестьяне, живущие поблизости, убедятся в этом. Заняв свою штаб-квартиру на этом холме, девятиглазое чудовище имело обыкновение каждый день совершать вылазки и утолять свой голод, пожирая самую толстую семью, какую только мог найти, пока наконец люди не обратились к оракулу - одни говорили, что это ведьма, другие - жрец, - и им сказали, что чудовище будет удовлетворено, если ему каждый день давать молоко девяти коров. Итак, было собрано девять коров, и нашлась отважная молочница, чтобы доить коров и нести их дракону. Если не хватало хоть одной жабры молока, чудовище жестоко мстило ближайшей деревне. Таково было неприятное положение, в котором оказался молодой Лэмбтон, вернувшись домой из крестовых походов. Теперь он стал другим человеком. Он больше не был склонен к рыбалке и сквернословию. Он остро чувствовал, что, вызвав демона из реки, навлек беду на своих соседей, и решил вступить с Червем в единоборство. Но он узнал, что с ним уже сражались несколько рыцарей, и он убил их, в то время как ни одна рана, полученная сама по себе, не принесла никакой пользы, так как, если его разрезать надвое, куски снова срастутся. Затем рыцарь советовался с оракулом, ведьмой или жрецом, и ему говорили, что он может одержать победу в бою при определенных условиях. Он должен снабдить себя специальной броней, по всей поверхности которой должны быть большие бритвенные лезвия. Он должен умудриться заманить червя на середину реки Уир, в чьих водах должен состояться бой. И, наконец, он должен поклясться принести в жертву первое живое существо, которое встретится ему после победы. Выполнив эти условия, рыцарь вошел в поток. Дракон, не получив, как обычно, молока в то утро, сполз со своего холма в поисках того, кого он мог бы сожрать, и, увидев рыцаря в реке, бросился на него. Он быстро обернулся вокруг доспеха, но его большие бритвы разрезали его на множество частей; и эти части не могли снова собраться вместе, потому что течение реки быстро смыло их.

Теперь посмотрите, как этот дракон был сложен мифологически. Он-грозовая туча. Он начинает меньше человеческой руки и раздувается до огромных размеров; эта характеристика воющей бури была представлена в воющем волке Фенрисе из скандинавской мифологии, который сначала был маленьким домашним животным, чем-то вроде комнатной собачки для богов, но когда он вырос, разорвал цепи, которые

привязывали его к горам, и был только скован в конце концов нитью тоньше паутины, которая на самом деле была солнечным лучом, побеждающим зиму. Затем, когда этот червь был разрезан надвое, части снова соединились. Эта особенность повторяемости особенно характерна для Гидр. В египетской "Сказке о Сетнау" Птах-нефер-ка видел, как речная змея дважды принимала свой облик после того, как он убил ее своим мечом,-в третий раз ему удалось поместить песок между двумя частями; и то, чему научил древний писец возвращающийся поток, осталось охарактеризовать дракона, встреченного Гаем Уорикским, который оправлялся от каждой раны, окуная свой хвост в колодец, который он охранял. У Лернейской гидры было девять голов, у Ламбтонского Червя-девять глаз и девять складок, и она пила девять коров молока. Его любовь к коровьему молоку напрямую связывает его с драконом Вритрой, которого Индра убил, потому что он украл коров Индры (то есть добрые облака, чье молоко-нежный дождь и не причиняет вреда), и запер их в пещере, чтобы сам наслаждаться их молоком. Это самая древняя драконья басня, и в Ригведе говорится, что под ударом молнии Индры чудовище распалось на куски и было смыто потоком воды. Наконец, будучи уничтоженным, наконец, бритвенными лезвиями, дракон связан с тем, убитым Рагнаром, в чьих доспехах солнечные стрелы Аполлона превратились в сосульки. В ‘Предсмертной песне Рагнара Лодбраха’, сохранившейся у Олауса Вормиуса, говорится, что король Элла Нортумберлендский, захватив этот ужас Севера (8-й век), приказал бросить его в яму со змеями. Его фамилия Лодбрах, или Бриджи для Волос, была дана из-за его метода убийства Червя, который опустошил Готланд, король которого обещал свою дочь человеку, который должен был убить того же самого. Рагнар облачился в мохнатые шкуры и плеснул воды на волосы, которые, замерзая, заключили его в ледяную броню. Червь, не способный прокусить его, был пронзен Рагнаром. Другая версия гласит, что Рагнар убил двух змей, которых король Готланда поставил охранять свою дочь, но которые выросли до таких размеров, что наводили ужас на всю страну. Можно заметить, что история Лэмбтона христианизирует легенду о Рагнаре, показывая, что это должно быть сделано во искупление греха, который в другом случае был сделан из любви. Корнуэльская легенда о св. Петрокс также понял намек Рагнара и объявил о спасении христиан из змеиной ямы, в которой погиб языческий герой. Сосульки вновь появляются на истребителе дракона Уэнтли, изображенные длинными шипами, торчащими из его доспехов.

Рыцарь Лэмбтон, помня о своей клятве принести в жертву первое живое существо, которое встретится ему после битвы, распорядился, чтобы собаку поместили там, где она привлечет его внимание. Но оказалось, что к нему примчался его собственный отец. Поскольку он не мог убить своего отца, он снова обратился к оракулу, чтобы узнать, каково будет наказание за невыполнение его обета. Он заключался в том, что ни один представитель семьи не должен умирать в своей постели в течение девяти поколений. В этих краях до сих пор бытует мнение, что с тех пор ни один граф Дарем не умер в своей постели. Девять поколений Лэмбтонов-крестоносцев давно прошли, но несколько крестьян в округе завершили свой рассказ словами: "Странно, но ни один граф Дарем не умер в своей постели!’ В замке я разговаривал со слугой из поместья, разглядывая старые статуи рыцаря, червяка и молочницы, которые все там хранились, и он сказал мне, что слышал, будто покойный граф, когда приближалась смерть, попросил сесть – настоял - и

умер в кресле. Если в этом есть хоть капля правды, то это говорит о том, что сама семья испытывает какое-то нездоровое чувство по поводу легенды, которую так долго рассказывали им с гордостью. Старый колодец, из которого вылез червячок-чудовище, теперь сильно зарос, но мне сказали, что он долгое время был колодцем желаний, и булавки, брошенные крестьянами, все еще можно увидеть на его дне.

Булавки-последние подношения у Колодца Червя; "желания" - его последние молитвы; но куда теперь деваются монеты и молитвы? Умилостивить власть и смягчить гибель, опираясь на те же принципы, что и в легенде Лэмбтона. Община, опустошенная из-за того, что один человек грешен, изображает гибель мира за грех Адама. Требование человеческой жертвы более ясно выражено в истории Сокберна, где Коньерс принес своего единственного сына в жертву Святому Духу в приходской церкви, прежде чем сразиться с Драконом, что является условием успеха, предписанным "Оракулом" или "Сивиллой". Это притязание адских сил, представленных Червем - многоглазым, всевидящим-не может быть отвергнуто; сыновняя любовь Лэмбтона может противостоять ему только для того, чтобы оно прошло как наследственная гибель его семьи, представляющая собой вменяемый грех. ‘Ибо Я, Господь Бог твой, Бог ревнитель, и налагаю грехи отцов на детей до третьего и четвертого рода".

В природе существуют процессы такого рода, наследственные пороки, передающиеся болезни и позоры, а также страдания многих из-за проступков одного. Но за обожествлением и поклонением им следует страшная Немезида. -Как я могу быть счастлива на небесах, - сказала одна добросердечная дама своему духовному советнику, - когда я должна видеть других в аду? - Вы увидите, что все это к лучшему. - Если мне суждено стать таким бессердечным, я предпочту отправиться в ад. Этот подлинный разговор сообщает о гибели всех божеств, чье продолжение находится в драконах. Ад подразумевает Дракона как своего представителя и правителя. Теология может побуждать жалких и трусливых людей подвергать свои человеческие сердца процессу очищения, необходимому для верности таким силам, но в конце концов она делает атеизм единственным спасением храбрых, чистых и любящих натур. Дыхание драконов затуманило древние небеса и погубило старых богов; но звездные идеалы они преследуют напрасно. Бегемот долгое время снабжал филе многих жрецов, но в конце концов он стал слишком жестким даже для их зубов, и они кормят его с каждым годом все менее тщательно. Нет, его время от времени встречают профессиональные кормильцы, и даже в Вестминстерском аббатстве он нашел своего Гая Уорика.

Да и этот презренный чемпион не мог устрашить даунта

Коричневая корова больше слона;

Но он, чтобы доказать свою храбрость,,

Отрежьте от ее огромного бока филейную часть.

Черви - будь то семитский Левиафан или арийский Дракон - почти окаменели в своей древней форме. Жертва дочери Иеффы одному и молодого Коньерса другому нашла

смягчение в случае спасения человека от сатаны путем сошествия Христа в Ад и замены девяти тяжелых смертей требуемым отцеубийством в случае Лэмбтона; и самое прямое "выживание" из них можно найти в любом деревенском парне, пытающемся вылечить свои бородавки, предоставив им сорняк для прилипания. Их конец в Искусстве был в таких формах, как это изголодавшееся существо Калло (рис. 32), чей худой очкастый всадник, склонившийся к святому Антонию, означает также гибель всех сил, сколь бы возвышенными они ни были, чье величие требует tali auxilio et istis defensoribus. Дракон проходит мимо и оставляет за собой рев смеха, к которому теперь мог присоединиться даже Святой Антоний. Но Левиафан и Ламбтонский Червь объединили и слили свою жизнь в Догме; это Догма столь же безжалостная и ненасытная, как и ее прототип, и требует, чтобы ее кормили всем молоком человеческой доброты, иначе она сразу же начнет грызть основы самого христианского мира. Христианство покоится на прошлой работе Червя в Раю и его нынешней работе в Аду. Не имеет никакого реального значения, выражается ли вера человека во вселенную, опутанную змеиными кольцами, в смиренном поклонении индуса ядовитому властелину или в проклятии христианина: в основе своей это поклонение змею в каждом случае. Вишну покоится на своем небесном Змее; бог Догмы поддерживает свое правление при помощи адского Змия. Страх созерцал его появление в Дареме, чтобы оправдать мессу и субботу; но тот же страх все еще видит его в огненном мире, карающим нарушителей субботы и богохульников против своего Создателя и вождя. Этот страх построил каждый собор в христианском мире, и они должны рухнуть вместе с призраком, вызванным для их создания.

Рис. 32. Из Искушения святого Антония (Калло).

Змей сам по себе является совершенным прообразом всего зла в природе. Она непримирима с царствованием совершенно доброго и всемогущего человека над вселенной. Никакая казуистика не может объяснить его сосуществование с антропоморфной Любовью и Мудростью, как все признают, когда параллельная казуистика пытается защитить любого другого бога, кроме своего собственного, от деяний, которые, по человеческому мнению, являются злом. Так же легко защищать ревность и жестокость Юпитера на том основании, что его пути не такие, как наши пути, как защищать подобные нравы в Иегове. Чудовище, посланное одним, чтобы пожрать Прометея, этически атвин со змеей, созданной другим, чтобы укусить пяту человека.

Человек спасается от суеверной эволюции ядовитого Змея в Дракона, признавая его реальную эволюцию, видимую глазами Науки. Только наука может рассказать истинную историю Змеи и оправдать ее место в природе. Она запрещает человеку его суеверный метод создания бога по своему образу и подобию и его эгоистический метод оценки природы в соответствии с его личными симпатиями и антипатиями, его удобством или неудобством. Наученный Наукой, человек может со свободой, которую не может ощутить варвар, уничтожить Змея.; со свободой, которую христианин не может знать, он может видеть в этой рептилии совершенство той экономии в природе, которая всегда защищала наступающие формы жизни. Он судит о добре и зле каждой формы в соответствии с ее приспособлением к собственным целям. Таким образом, только Наука владеет копьем Итуриэля, и под его прикосновением каждый Дракон мгновенно сжимается до своей маленькой формы в природе, чтобы иметь дело с тем, что он есть.

Глава XII. Судьба.

"Любовь и судьба'Доре—Мойра и Мойра—'Судьбы' Эсхила—Божественный абсолютизм сдался—Юпитер и Тифон—Замена доли Демона—Народный фатализм—Теологический фатализм—Судьба и Необходимость—Обожествление Воли—Метафизика прошлого и настоящего.

Гюстав Доре написал картину "Любовь и судьба", в которой страшная ведьма изображена возвышающейся над нежным Эросом, и в то время как последний протягивает нить, насколько может, морщинистые руки Судьбы являются границами его власти, и роковые ножницы смыкаются на радости, которую он растянул до ее неизбежного предела. Для древнего ума эти две формы составляли два великих царства вселенной, их силы встречались в плоде с червем в его сердцевине, в семенах смерти, прорастающих среди игры жизни, во всех ограничениях человека. Они проецируются в мифах об Элизиуме и Гадесе, Эдеме и Змее, Рае и Аде и их многообразных вариантах.

Пожалуй, нет ни одной линии мифологического развития, которая более ясно и выразительно иллюстрировала бы силы, под влиянием которых росла идея злого начала, чем те изменения, которые претерпела персонификация Судьбы в Греции и Риме. Мойра, или Судьба у Гомера, является лишь вторичной причиной, если что, и просто выполняет указы своего отца, Зевса. Зевс - это настоящая Судьба. Тем не менее, несмотря на то, что это гомеровская теория или теология, есть намеки (см. xxvii. часть 4) что подлинный

трепет людей уже перешел от Зевса к Эринниям. Это предвещает смену правительства. У Гесиода мы находим вместо одной три Мойры. Они уже не отпрыски Зевса, а как бы его Кабинет. Они не действуют независимо от него, но когда, следуя их справедливым советам, Зевс издает указы, Мойры управляют ими. Далее мы находим Мойры Гесиода, разработанные другими писателями в окончательные Летописцы; они записывают указы Зевса на некоторых неразрушимых табличках, после чего они неотвратимы и неизбежны. У Эсхила мы находим, что Мойры развились в независимые и высшие силы, стоящие выше самого Зевса. Прикованный Прометей смотрит не на Зевса, а на Судьбу для своего окончательного освобождения.

Хор. Кто же тогда является проводником Необходимости?

Прометей. Три-формы Судьбы и незабываемые Фурии.

Чо. Значит, Зевс менее могуществен, чем они?

Выпускной. По крайней мере, он уверен, что не сможет избежать собственной гибели.

Чо. И что может быть гибелью Зевса, как не вечное правление?

Выпускной. Этого вы можете не узнать; не настаивайте.

Несомненно, какую-то торжественную тайну ты скрываешь.

Выпускной. Обратимся к другой теме: для этого раскрытия еще не созрело время: оно должно быть окутано глубокой тайной, ибо благодаря хранению этой тайны придет моя свобода от низменных цепей и страданий.

Эти великие вехи представляют собой последовательные революции в олимпийском правительстве. Абсолютизм стал обременительным: как безответственный монарх, Зевс стал ответственным за беды мира, и его жрецы были удовлетворены тем, что все большая часть этой ответственности была возложена на его советников, пока, наконец, вся она не была передана. С этого времени лик Зевса, или Юпитера, сияет незамутненным ответственностью за человеческие несчастья и земные беды.; и, с другой стороны, некогда прекрасные Судьбы пропорционально чернеют и превращаются в безобразных ведьм, в старых и хромых старух из народных верований Греции и Рима, каждая черта уродства которых изуродовала бы лицо Зевса, если бы он не был им подчинен.

Мойра означает "доля" и первоначально, возможно, означала просто силу, которая отмеряла каждому его долю жизни, а также страданий и удовольствий, вплетенных в нее до достижения этого срока. Но по мере того, как Судьбы обретали более определенную индивидуальность, они стали рассматриваться как имеющие и свою "долю". Они явились олицетворением всех темных и грозных сил в их неизбежности. Никакая божественная сила не могла их отбросить или хотя бы временно подчинить. Судьба отмерила свою долю и безжалостной Горгоне, и прекраснейшему богу. Но там, где разрушительная сила была проявлена дружественным человеку образом, Судьбы отодвигаются на задний план, и подвиг приписывается какому-то богу. Таков в "Прометее" Эсхила дух чудесного отрывка о Тифоне, переданного с трагической глубиной Теодором Бакли: "Я тоже испытал

сострадание,—говорит скованный скалами Прометей,-когда увидел рожденного на земле обитателя киликийских пещер, потрясающее чудо, стоглавого стремительного Тифона, побежденного силой.; который противостоял всем богам, шипя резней из своих голодных челюстей, и из его глаз сверкал отвратительный блеск, как будто он волей-неволей свергнет владычество Юпитера. Но бессонная стрела Юпитера обрушилась на него, нисходящая молния выдохнула пламя, которое напугало его до глубины души, ибо, пораженный до глубины души, он превратился в пепел и был поражен громом в своей доблести. И вот теперь, несчастный и парализованный, он лежит у узкого фрита, придавленный корнями Этны. И, восседая на самых высоких вершинах, Вулкан кует расплавленные массы, из которых вырвутся потоки, пожирая полными челюстями ровные поля плодородной Сицилии; с яростью, подобной этой, Тифон вскипит в горячей артиллерии никогда не пресыщенной огнедышащей бури; хотя он и был обращен в пепел молнией Юпитера".

В этом отрывке мы видим Юпитера, облеченного славой победы над великим демоном; но мы также узнаем демона, все еще находящегося под защитой Судьбы. Судьба должна нести этот груз. Так было сказано в Апокалипсисе, что сатана должен быть освобожден после того, как он был связан в Яме тысячу лет; и так Мухаммед объявил, что Гог и Магог должны вырваться с ужасом и разрушением из горной тюрьмы, в которую их бросил Аллах. Разрушительный Принцип имел свою " долю’, так же как созидательный и охранительный Принципы, и не мог быть навсегда лишен ее. Постепенно судьбы различных областей и имен отождествлялись с божествами, чьи интересы, сады или сокровища они охраняли; и когда некоторые из этих божеств были унижены, их слуги были еще более унижены, в то время как в других случаях божества могли поддерживать справедливую славу баснями о том, что их предали и их добрые намерения были расстроены такими подчиненными. Таким образом, мы находим определенное представление о технической и официальной власти, облеченной такими фигурами, как Сатана, Ариман, Иблис и Дракон, как будто высшие боги не могли отречься или полностью обратить вспять плохие дела, совершенные этими уполномоченными.

Но большая, хотя и ограниченная степень контроля, на которую обязательно претендовали величайшие и лучшие боги, должна была быть представлена теологически. Поэтому была разработана система коммутации. Демон или Дракон, хотя и злоупотреблял своей силой, не мог насильственно отнять ее, но мог быть вынужден принять какую-нибудь жертву вместо того, чтобы получить именно ту цель, которую искал его ненасытный. Эти замены встречаются в каждой теологической системе, и применение их к отдельным людям составляет смысл существования всякого священства. По мере продвижения к цивилизации заменители уменьшаются в цене, и в конце концов они становятся просто номинальными и церемониальными - чучело человека вместо человека или вино вместо крови. Поначалу замена часто состояла в замене лиц более низкого ранга другими, более высокого ранга, как, например, когда рабыни или жены приносились или приносятся в жертву, чтобы обеспечить рай господину или мужу. Таким образом, Смерти позволено взять Алкесту вместо Адметуса. Более высокая степень цивилизации заменяет человеческие жертвы животными. В соответствии с этим существует легенда о том, что

Христос послал демонов из двух человек в стадо свиней, которая, опять же, относится к тому же классу идей, что и последовавшая легенда о самом Иисусе как заместительном приношении; человечество в этом случае является стадом по сравнению с сыном божьим, и передача сатанинской силы от человеческого рода к самому себе, даже на некоторое время, принимается в богословии как эквивалент, по причине божественного достоинства существа, сошедшего в ад. Однако прошло некоторое время, прежде чем теология выработала эту теорию в ее нынешнем виде, поскольку искренние отцы радовались вере в то, что договор о смягчении наказания на ее лице подразумевает, что Христос навсегда останется в аду, а сатана будет перехитрен в этом.

Древние вавилонские чары часто заканчиваются рефреном: "Пусть чары выйдут и дойдут до своего места обитания", Каждый злой дух должен был иметь соответствующее жилище, как в случае с Иудой, в которого вошел сатана и о котором сказано,что он "согрешил, чтобы пойти в свое место". Весьма изобретательны некоторые из древних спекуляций относительно жилищ и родственных мест обитания демонов. В некоторых регионах цвет болезни на коже должен указывать на вкусы вызывающего ее демона; и заклинания экзорцизма заканчиваются тем, что он получает нечто такого же оттенка. Демон желтухи обычно приписывается желтым попугаям, а воспаление-красным или алым сорнякам. Их цвета уважают. Человечество мало учитывается в восточных формулах такого рода, и, как правило, в молитвах против чумы или голода население часто выбирает племя, к которому его беда должна быть обращена. ‘Пусть Нин-сигал,’ говорит вавилонский экзорцизм, - обратит свое лицо к другому месту; пусть ядовитый дух выйдет и схватит другое; пусть женщина-херувим и женщина-демон поселятся на его теле; да сохранит царь небесный, да сохранит царь земной!"

То же самое происходит в регионах и во времена, которые мы обычно считаем полуварварскими. Но время от времени общины, мнящие себя цивилизованными и просвещенными, сталкиваются лицом к лицу с народным фатализмом в его языческой форме и шокированы этим, не помня, что это в равной степени догма заместительного удовлетворения или искупления. Одна дама, живущая в окрестностях Траунзее, Австрия, сообщает мне, что недавно в этом озере чуть не утонули двое мужчин, которых в последний момент спасли и с большим трудом вернули к жизни. Но это происшествие, вместо того чтобы вызвать радость у соседей людей, вызвало их неудовольствие; и это не потому, что спасенные были совсем непопулярны, а из-за широко распространенного мнения, что Судьбы требуют двух жизней, что они должны будут вскоре удовлетвориться двумя другими и что, поскольку муки утопающих перешли в бессознательное состояние, было бы лучше отдать избранных жертв их судьбе. В Эльсиноре, в Дании, когда море стонет, говорят, что оно "хочет кого-то", и обычно бывает так, что впоследствии циркулирует какая-нибудь история о человеке, только что утонувшем.

В то время как ранние мифологические формы Судеб уменьшаются и исчезают как любопытные суеверия, они возвращаются в метафизических масках. Они собирают своих сородичей в примитивных науках и космогониях и, обнаружив, что их старый дом очищен от языческих демонов, и, украшенные философскими фразами, они входят как серьезные

теории; но их тонкость и их жало с ними, и последнее состояние дома, который они занимают, хуже первого.

Да, хуже: несмотря на все, что человек когда-либо завоевывал мужеством или моральной свободой, побеждая своих драконов в деталях, он снова сдается призрачным силам, которые они олицетворяли, когда он отдает свой разум вере в силу, которая не он сам создает зло. Ужасный вывод о том, что Зло есть положительное и непреходящее Начало во Вселенной, несет в себе ядовитое дыхание каждого Дракона. Она скрывается во всей теологии, которая представляет вселенную как арену борьбы между добрыми и злыми Принципами, а человеческую жизнь-как войну души против плоти. Она оживляет все благочестивые ужасы, отождествляющие материализм со злом. Она гнездится в уме, который воображает личное божество, противостоящее любой части природы. Она обвивается вокруг каждого сердца, которое поклоняется абсолютной суверенной Воле, какой бы апофеозной она ни была.

Все эти понятия, и прежде всего вера в высшую произвольную Волю, являются современными масками Судьбы, а вера в Судьбу-это единственное, что губительно для человеческой культуры и энергии. Понятие Судьбы (fatum, произносимое слово) несет в себе понятие произвола во вселенной, власти, сознательно применяемой без необходимой ссылки на природу вещей; и оно как раз противоположно той идее Необходимости, которой учит Наука, которая есть другое название верховенства Закона. К счастью, представление о вселенной, находящейся во власти личного указа, самоубийственно в мире, полном скорбей и страданий, которые, согласно такой теории, могут быть прослежены только до какого-то индивидуального каприза или злонамеренности. Как бы долго жалкий страх ни заставлял замолчать уста страдающих, в их сердцах бунт. Всякий удар, нанесенный прямо или попустительски одной лишь Волей, какой бы всемогущей она ни была, всякая агония, сознательно отделенная от всеобщей органической необходимости, чтобы ее можно было назвать "провиденциальной", не может вызвать в человеке более благородного чувства, чем негодование. Чувство просителя в суде, который знает, что неблагоприятное суждение, которое губит его, не имеет корня в фактах или законе, а исходит из предубеждения или прихоти судьи, может быть теперь совершенно иным, чем чувство матери, которая видит своего сына, пораженного смертью, и слышит у его могилы, что он был поглощен гневом бога, который мог бы поддаться ее молитве, но отказался от нее. Протест сердца может быть на какое-то время подавлен затянувшейся спиралью ужаса, но он есть, и христианские богословы будут так же стремиться защитить от него свое божество, какой бы ценой это ни было для его суверенитета, как и их предшественники, которые изобрели Кабинет женщин, чтобы освободить Юпитера от ответственности.

Метафизика, которая, по-видимому, развилась в искусство делать вещи истинными на словах, когда их ложность на самом деле обнаружена, действительно уже приступила к только что предсказанной задаче. Выдающиеся богословы пишут о материи и духе, свободе и естественном законе так торжественно, как будто все эти рассуждения были новыми и никогда не приводили к неизбежным результатам. Они могут только

вкладывать в христианскую или современную фразеологию выводы, к которым снова и снова приходили в истории человеческой спекуляции. Различные школы буддийской и ведантистской философии всеми мыслимыми путями пришли к своему фундаментальному единству веры в Бога, Душу и Материю; в пессимистическую видимую природу, идеальную невидимую природу и человеческую душу, удерживаемую в материи, как лягушка в пасти змеи, но способную с помощью определенных таинственных, главным образом метафизических или словесных, тактик получить освобождение и перейти в соответствующее положение в божестве.

"Как царь, чей сын удалился от него и жил в неведении о своем отце среди Ведд (диких людей), увидев своего сына, воскликнет:" Приди ко мне, мой дорогой сын! " - и сделает его соучастником счастья, которым он сам наслаждается, так и Верховный Бог предстанет перед душой, когда она в беде-душой, запутавшейся в сети пяти Ведд (чувств), и, отделив эту душу от Пашама (Материи), ассимилирует ее себе и благословит ее в свое время. святые ноги.

Слишком поздно для человека интересоваться "всемогущей" Личностью, чья власть таинственным образом ограничена именно в тот момент, когда она необходима, и чье моральное правление-это другое название контроля человека над природой. Тем не менее, этот восточный пессимизм является полиновой теорией Материи, и это спекулятивная протоплазма, из которой развилась во многих формах та персонификация, которая остается для нашего рассмотрения - Дьявол.

Конец тома 1.